

АЛЕКС ШУ

ОЛИГАРХ ИЗ БУДУЩЕГО

КНИГА 2

**УДАЧА ЛЮБИТ
СМЕЛЫХ**

Бизнесмен Александр Логинов погибает и попадает в прошлое. За окном реанимации 86 г, начало «Перестройки». И перед тем, кто знает будущее, открываются заманчивые возможности.

Что делать, если ты в реанимации, находишься в теле матерого уголовника, получившего ножевое ранение? Для начала выйти из больницы. Затем обзавестись верными товарищами. А потом начать делать большие деньги, чтобы полностью подготовиться к кооперативному движению.

Но жизнь вносит свои коррективы. За Александром и его новыми друзьями охотятся бандиты и воры. На них точат зубы правоохранительные органы. Да и с теми, кто порой кажется друзьями и союзниками, не все так просто. А еще он даже не представляет, с чем или с кем ему придется столкнуться в будущем.

Сможет ли попаданец спасти раненного друга, заработать первый миллион, и выкарабкаться из всех проблем и испытаний, которые приготовила ему жизнь?

Алекс Шу

Олигарх из будущего 2

Удача любит смелых

Пролог

Три разговора

Среди цветочного сада в широких плетеных креслах сидели двое, наслаждаясь ласковыми теплыми лучами летнего солнца. Мужчина с посеребрёнными висками и небольшим, уже обозначившимся брюшком, заметно нервничал. Его руки, казалось, жили отдельной жизнью: барабанили пальцами по спинкам, сжимались в кулаки, постукивали по коленям, расстегивали ворот белоснежной рубашки, поправляли складки черных брюк.

В отличие от него, второй мужчина — седой аксакал лет шестидесяти пяти сохранял абсолютную невозмутимость. Он был одет по-домашнему, в простую белую футболку, тонкие брюки такого же цвета и легкие летние тапочки. От фигуры старика веяло спокойствием и уверенностью.

Перед ними на круглом столе стояли два пузатых бокала на тоненьких ножках, наполненных кроваво-красным вином, откупоренная бутылка, тарелочки с нарезанными апельсинами и спелыми гроздьями белого винограда. На крупных плодах прозрачными жемчужинками сверкали в солнечном свете капельки воды, играя всеми цветами радуги.

— Папа, зачем ты разрешаешь общаться Ашоту с этим уголовником и сам постоянно принимаешь его в нашем доме? — раздраженно поинтересовался младший мужчина. — К чему все эти авантюры с перепродажей шмоток? Это плохо закончится. У нас есть своё налаженное дело, мы хорошо зарабатываем, неужели необходимо лезть в эту фарцу? Там быстро можем найти себе неприятностей. А этот урка... Я ему не доверяю. Заступился за Ашота в тюрьме, спасибо. Надо было денег ему дать и вежливо попрощаться. Не нужен он нам. Я недавно узнал, что они в «Арагви» с грузинами подрались. Слава богу, никто заявлять не стал. Грузины за разбитую посуду заплатили, я потом ещё сотку администратору дал, чтобы всё забыл. А представь, если бы менты явились? Нам бы пришлось снова Ашота отмазывать. Или его бы покалечили? Драку спровоцировал этот уголовник. За девку какую-то заступился.

— Ерванд, тон умерь, — в голосе старика явственно прозвучали стальные нотки. — Не забывай, с отцом разговариваешь.

— Прости, — смешался мужчина в рубашке, — но я действительно за сына волнуюсь.

— Я понимаю, — величественно кивнул аксакал. — Но и ты пойми. Ашот уже не мальчик. Он мужчина и сам вправе выбирать друзей. Что касается драки. Внук мне сам всё рассказал. Эти грузины плохо себя вели. Вот и получили. Что же теперь, я своего внука буду под стеклянным колпаком держать? Повторюсь, он мужчина, и должен уметь постоять за себя. И, кстати, деньги Михаилу я предлагал. Тысячу рублей, ещё на первой встрече. Как благодарность, что помог нашему мальчику в СИЗО. А он отказался.

— Отказался? — поразился Ерванд. — Эти урки за десятку убить готовы. А тут тысячу не взял. Быть такого не может!

— Представь себе, может, — усмехнулся Левон. — Целую речь закатил, сказал, что деньги ему очень нужны, но не возьмёт, потому что считает Ашота другом. Бумажки — тлен, а настоящая дружба — на всю жизнь. Её никакими деньгами не измерить, поэтому Левонджан заберите ваши бумажки.

— И тебя это не насторожило? — вскинулся мужчина в белой рубашке. — Он же отпетый уголовник, весь в блатных наколках. И тут такие речи ведет, как будто не зек, а

Д'Артаньян какой-то. Тьфу.

— Он был искренен, — спокойно ответил патриарх. — Мне уже немало лет, и я за свою долгую жизнь научился разбираться в людях. В тот момент Михаил не врал.

— Допустим, — кивнул Ерванд. — Но ты понимаешь, что все эти авантюры до добра не доведут? У них просто нет опыта и связей, чтобы так работать долгое время.

— Понимаю, — кивнул старейшина. — Поэтому и подстраховываю их, помогаю, чем могу. И вообще, скажу тебе, Ерванд, этот Михаил очень непростой парень. Он мне сказал, что скоро людям разрешат коммерческой деятельностью заниматься, кооперативы свои открывать.

— Да знаю я эти кооперативы, — отмахнулся Ерванд. — Мы же с тобой такую же квартиру Ашоту покупали, кооперативную. Люди или организации объединяются, создают ЖСК, получают деньги в Стройбанке, вносят свои средства на строительство, договариваются с подрядчиками и получают жилплощадь после сдачи дома. В одни руки, строго одну квартиру. Какая же это коммерция? Одно название, да.

— Ты не понял, — невозмутимо пояснил старик. — Я не о квартирах, а о том, что любой человек скоро сможет создать своё предприятие, торговать, шить или делать что-то, а потом продавать. Совершенно законно. И это мне Миша сказал. Говорит, лежал в больнице, когда его подрезали, с отставником гэбэшным, ну тот ему это и сказал. Я проверил, через свои источники в республике и Москве. Точно, готовится, что-то такое. Люди уже работают над законами о кооперации. В верхах принципиальное решение уже принято. Социализму недолго осталось. Будут у нас легальные частные предприятия, а потом и первые официальные миллионеры. Можешь себе представить, насколько ценна эта информация? А ты говоришь, «запрети общаться Ашоту с этим уголовником», да он одними этими сведениями уже большое дело для нас сделал.

— Подожди, так что, мы можем официально работать и расширяться? — оживился Ерванд. — И никакой ОБХСС-ШМСС не прицепится? Это же здорово.

— Да, так должно стать через пару лет, — довольно подтвердил старейшина. — Приготовления к принятию и запуску законов о кооперации идут полным ходом. Я тебе ещё одну интересную вещь скажу. Помнишь, мы с тобой обсуждали сделку по золоту? Там нам неплохой куш светит за посредничество. Я тебя еще попросил всех наших с охотничьим оружием собрать. До поры молчал, но сейчас скажу. Золото продавать Миша с друзьями будут. И у Ашота там доля имеется.

— Откуда они его взяли? Папа, ты что, не понимаешь? За такое количество рыжья нам могут голову открутить, — Ерванд даже подпрыгнул от возмущения на кресле.

— Сядь и успокойся, — холодно одернул сына Левон. — Всё относительно нормально. Обстановку пробивали, шухера никакого нет. Были бы люди серьезные, точно волна бы пошла. А её нет. Твой отец ещё в здравом уме. Поэтому первым делом с Мишей по этому поводу поговорил. Он мне кое-какие моменты прояснил. Я ему верю. Всё должно нормально пройти. А если нет, мы знаем за что рискуем. Чтобы ты не психовал, поясню, проблем быть не должно. Золото продаем надежным людям, я их знаю давно. Оно уедет на Кавказ, частично будет переплавлено, частично продано коллекционерам. Страхуемся во время сделки только потому, что у кого-то башня может упасть. Деньги от сделки ожидаются огромные. Но, как там у русских говорится? Кто не рискует, тот не пьет шампанское.

— Подожди, — нахмурился сын. — А тебе не кажется, отец, что этого бандита к Ашоту в тюрьме банально подвели? Как-то это подозрительно всё. Выскочил как чёрт из табакерки,

рассказывает такие интересные вещи, сделки крупные через нас проводит.

— Не кажется, — покачал головой патриарх. — Ты же знаешь, я умею разбираться в людях. Есть некоторые непонятные моменты, но пока я Михаилу верю. Но это не значит, что расслаблюсь. Буду продолжать за ним внимательно наблюдать и периодически проверять. Не волнуйся, всё под контролем.

— Ой, смотри, папа, — вздохнул Ерванд. — Может твой Миша хороший человек. Но чужой. Я ему не доверяю. Может всех нас под монастырь подвести. Сам понимаешь, ему о нас знать лишнего не надо.

— Ты меня учить вздумал? — усмехнулся Левон. — Я всех коммунистических вождей пережил, начиная со Сталина. Всякое было, но тюрьмы избежал. Именно потому, что разбирался в людях, никогда не ждал, когда за мной придут, а всегда действовал. Даже внуки всего не знают, чем занимался, через что прошел. Сейчас сижу перед тобой, наслаждаюсь солнцем на веранде в окружении цветущего сада. Хорошо пожил, оставил на земле большое потомство, посадил дерево, построил дом. Мои родные устроены, прилично зарабатывают и всем обеспечены. А ты поучать меня вздумал. Не много на себя взял, сынок?

— Прости, папа, — виновато опустил глаза Ерванд. — Просто переживаю за Ашота. Они всё-таки рискованное дело занимаются. Всякое может быть.

— Понимаю, — кивнул патриарх. — Но учти, Ашот уже совсем взрослым стал, настоящий мужчина.

Старик тепло улыбнулся, вспомнив внука, и продолжил:

— Нельзя парня постоянно прятать за маминой юбкой и за спинами родственников. Он тогда сам как женщина станет — слабым и беспомощным, не подготовленным к трудностям. При любом серьезном испытании сломается как спичка. Но это не значит, что я не позаботился о внуке. Ты только из республики приехал, поэтому не в курсе. Я с Ашотом в Одессу нашего Гурама отправил, на всякий случай. И инструкции ему дал, как действовать в любой ситуации. Так что, не беспокойся, сын, повторяю, всё под контролем. А с Мишей наш Ашот может многого достичь. У этого парня стальная хватка и отличная деловая сметка. Они уже солидные деньги зарабатывают. А будут ещё больше. Если так и дальше всё пойдет, твой сын и мой внук в будущем станут одним из богатейших людей страны. Я не шучу.

— Дай бог, отец, — Ерванд подхватил двумя пальцами ножку бокала, пригубил вино и отсалютовал отцу фужером. — Дай бог.

* * *

Просторная комната отличалась спартанской обстановкой. В углу сиротливо стоял небольшой шкаф с сияющими пустотой книжными полками. На потертом паркете раскинулся старенький тряпичный коврик. Середину помещения захватил круглый стол. На массивной столешнице гордо возвышалась бутылка «Пшеничной». Рядом примостились самодельная пепельница из консервной банки и тарелка, заполненная нарезанными кружочками солёных огурцов и ломтиками розовой вареной колбасы. Парочка стульев по бокам была небрежно отодвинута в стороны, на третьем сидел хозяин, с интересом рассматривающий стоящего перед ним гостя.

Пауза затягивалась, заставляя посетителя нервничать. Здоровенный бугай явно чувствовал себя не в своей тарелке: переминался с ноги на ногу и виновато отводил взгляд от

болезненно худого мужчины с седой шевелюрой. А тот, в свою очередь, рассматривал визави с примесью легкой брезгливости — как какого-то особенно мерзкого таракана.

— И шо вы имеете мне сказать, Фима? — наконец прервал молчание хозяин.

Синие от наколок пальцы криминального авторитета нетерпеливо постукивали по столешнице, выбивая барабанную дробь.

— Они ушли. Положили наших и свалили, — обреченно выдохнул амбал в спортивном костюме «адидас».

— Фима, ты, мне тут бледный вид и розовые щечки не изображай, — угрожающе прошипел седой. — Я думал, ты — путевый бродяга. Старый стал, ошибся. Ты таки беспонтовый поц.

Здоровяк втянул голову в плечи и молчал, опустив голову.

— Не делай мне нервы. Ты же не целка на первом свидании. Колись, какие косяки упорол? Почему на въезде их не хлопнули? Тебе же Боксер на блюдечке всё принес, весь расклад дал. Мог же барыг с баблом тепленькими взять. Как можно было так лохануться, шоб твоя мама всю жизнь на одну пенсию жила?

— Так они на других тачках приехали, Кащей, — промямлил амбал. — Пацанов на всех дорогах расставил. Местных предупредил, чтобы приглядывали. Баблом зарядил чуток, чтобы резвее бегали. Пообещал лавухи прилично замакать, если срисуют. Номер «шестерки» дал. А эти фраера на «ниве» и «рафике» приперлись. И чуть другим составом. Кто же знал?

— Кто же знал, что ты у мамы таким шлемазлом вырастешь, — передразнил здоровяка седой. — А на обратном пути что произошло? Ты же рубашку на своей волосатой груди рвал, что нашел отморозков, и они сделают всё как надо. Этим оторванным, даже не запахло было погоны мусорские натянуть, чтобы барыг пощипать. И опять облажался.

— Барыги со стволами оказались, — пробубнил Фима. — И вторую машину, пропедалили, лоханулись. Они же везде на «рафике» ездили, шмотки загружали. А «ниву» мы не срисовали. Там бойцы со стволами были, «бобик» протаранили и шмалять начали. Двоих наших положили. Один башку раскроил, пока машина кубарем летела, ещё парочку задело, хорошо, смогли своим ходом свалить. И вообще, не такие уж они и простые. Заправляет там расписной, из сидявых. И корефан его тоже в мастях. Так что может быть и не барыги это вовсе. А братва тертая.

— Не гони беса, — поморщился седой. — Какая, нахрен, братва? Никто из бродяг и воров заниматься этой темой не будет. Снять лавэ с барыг — да, это без базара. Правильная тема. А самим шмотками торговать — зашквар голимый. Если бы пацаны ходили под уважаемыми людьми, общество бы заранее предупредило, попросило бы помочь, встречи с нашими организовать. Да и на общак бы чуток заслали, братву подогрели, как полагается. Дикие это, Фима. И никакие не блатные, даже не серьезные люди с баблом и связями, а мелкие гешефтмахеры.

— Сомневаюсь, Кощей, — выдохнул амбал. — Не такие это простые люди, как тебе кажется. На двух машинах, при стволах. И нас грамотно сделали.

— Знаешь, Фима, чем бордель отличается от бардака? — неожиданно спросил Кащей.

— Нет, — Ефим смутился и замолчал, ожидая продолжения.

— Бордель, Фима, это приличное заведение, где симпатичные и не очень девочки готовы подарить мужчинам немножечко удовольствия в обмен на пару красненьких или зелененьких купюр, — наставительно заявил седой, немного помолчал, налился краской, и

рвякнул так, что собеседник испуганно отшатнулся:

— А бардак, это то, чем ты занимаешься. Постоянно срёшь в штаны, а потом едешь мне по ушам без тормозов, на тему, почему от тебя так противно воняет.

Кащей помолчал и продолжил, уже тоном ниже:

— Твоя мама, тетя Соня, святая женщина, сто двадцать килограмм физической мощи и доброты. Ах, какой вкусной рыбой она торговала на Привозе. Стерлядь, бычки, ставрида. Я всегда пускал слюни, проходя мимо её прилавка. И однажды решил помочь тете Соне избавиться от товара и пораньше уйти домой. Попробовал тихо, чтобы не отвлекать мадам от азартной торговли, взять рыбешку килограмма на три и уйти, как гусары, не прощаясь. Как она вlepила мне левой. Летел метра четыре, через прилавки, пугая дедушек, беременных женщин и октябрят. Потом меня несколько минут водой отливали. Твоя маман так испугалась, что сама расплакалась. Я чуть не захлебнулся в этом соленом озере. Думала, убила мальчонку. Потом, растрогалась, вручила мне эту злосчастную рыбу, не к ночи она будь упомянута. Взяла на руки и прямо так с рыбой, прижимая к своей могучей груди шестого размера, отнесла до хаты и вручила отчиму. Он так обалдел, что чуть папиросой не подавился. А я утром глянул на свою синюю рожу и два выбитых зуба, и возблагодарил бога и твою замечательную маман, что она не пустила в ход правую.

К чему говорю? Я тебя, Фимка, знаю давно, с самого детства. Но кабы бы не твою маман, регулярно подкармливавшая голодного пацана вкусной рыбкой в послевоенные годы, отправил бы тебя на экскурсию в одну сторону до Валиховского переулка [\[1\]](#). Клянусь твоими отрезанными яйцами.

Ефим побледнел, инстинктивно отшагнул назад, и прикрыл рукой причинное место.

— Не дергайся, — взгляд седого немного потеплел. — Будешь меня слушать ушами, сохранишь свои бейцалы в целости и сохранности. Ну а, если ещё раз оформишься, не взыщи. Даже тетя Соня и мои ностальгические воспоминания о босяцком детстве тебя не спасут. Будешь жрать яичницу из своих причиндал и петь в синагоге фальцетом. Если конечно выживешь. Усёк?

— Усёк, — выдавил Ефим, вытирая подрагивающей ладонью вспотевший лоб.

— Слушай сюда, пока я добрый. Первое. Эти барыги рано или поздно снова объявятся. Их жаба задушит такой гешефт упустить. А страх постепенно проходит, когда перед глазами маячит солидный куш. Не жлобись, подкинь башмалы немного Боксеру из своих, пусть опять маякнёт, когда они возникнут на горизонте. Постарайся о них всё узнать, что можно и что нельзя тоже. Второе. Следующую акцию готовь тщательно, не торопись брать на гоп-стоп. Можешь даже разок отпустить из Одессы. Если будет возможность, отследить их до конца пути. А потом пробей, где гасятся, чем дышат. Судя по номерам «жульки» пацаны из Москвы. Есть у меня там пара авторитетных корефанов из старых бродяг. Я, в свою очередь, их подключу, попрошу пробить этих дерзких, как пуля резких. А ты братву собирай, оружие и машины готовь, операцию продумывай. Держи меня в курсе постоянно. В следующий раз они не должны уйти, все пути отхода надо перекрыть. Но аккуратно, чтобы менты не засуетились, нам лишнее внимание красноперых ни к чему. Есть у меня чуйка, что жирный кусок можем отхватить. Не знаю почему, но есть. А она меня ещё ни разу не подводила.

Кащей многозначительно помолчал, сверля Фиму выцветшими голубыми глазами. Его немигающий взгляд был пронзителен и так холоден, что здоровяка снова бросило в пот.

— Облажаешься, последствия сам понимаешь. Заранее примеряй деревянный макинтош. Я лучше Карабаса с его братвой подтяну к нашим раскладам. Они точно не

накосячат. Придется, конечно, серьезно делиться, но хоть в результате уверен буду.

— Не облажаюсь, Кощей, отвечаю, — горячо заверил Фима. — Все будет как в лучших домах Парижа. Клиенты буду разогреты и готовы исполнить все твои желания, даже извращенные. Как Сонька-коса при виде зеленой «сотки».

— Дай бог, — задумчиво протянул авторитет. — Ладно. Канай, уже по своим делам. А я думаю думать буду.

* * *

— Присаживайся, капитан, — начальник отдела по организации работы участковых инспекторов взмахнул ладонью, указывая место, и когда милиционер с виноватым лицом робко примостился на краешек стула, продолжил, повышая тон.

— Ты понимаешь, почему я тебя лично к себе вызвал?

— Догадываюсь, — вздохнул подчиненный.

— Что там у тебя, Нечитайло, на участке происходит? Совсем нюх потерял, капитан? Чем ты там занимаешься? Онанизмом? Не можешь и не хочешь работать? Так заявление напиши, так мол и так, не желаю служить в рядах советской милиции. Я тебе помогу, придам ускорение. Как пуля вылетишь из органов с волчьим билетом и без выходного пособия. Тебя после этого даже грузчиком в сельский магазин не возьмут.

— Товарищ майор, — попробовал вставить слово участковый, но начальник безжалостно оборвал подчиненного:

— Молчать! Говорить и задавать вопросы здесь буду я. А ты — на них отвечать, когда разрешу. Всё понятно?

— Так точно, товарищ майор, — побледневший участковый встал и вытянулся в струнку.

— Сядь и поясни мне, — тоном пониже продолжил начальник отдела. — Какого рожна на твоём участке, между Берендеевкой и Ленино происходит перестрелка, два трупа, горелая машина, один, как заявил эксперт, в милицейской форме, судя по обгорелой пряжке и звёздочкам, а мы узнаем об этом только спустя три дня? Почему никто из местных в милицию не обратился и тебе не доложил? Ты хоть представление о работе с людьми имеешь, участковый? Или хреном груши околачиваешь?

— Имею, — буркнул покрасневший капитан, отводя глаза. — Вы же прекрасно знаете, что только две недели на участке работаю. Сами меня назначали. Я только в обстановку начал вникать, с местными знакомиться, контакты налаживать. А по поводу этого происшествия, места там глухие. До ближайшего поселка — Берендеевки, километров семь, примерно. Сегодня на этом участке дороги мало кто ездит, с тех пор как там три с половиной калеки осталось. Только чтобы путь на Киев срезать. И то, далеко не все водители об этом знают. Да ещё «УАЗ» упал в низину. С дороги он не виден. Надо подойти к склону и глянуть вниз, чтобы его рассмотреть. О местном контингенте я вообще не говорю. Милицию совсем не уважают. Судимых, хулиганов и дебоширов с приводами хватает. А после того, как мой предшественник, капитан Макаров в порыве служебного рвения конфисковал самогонные аппараты и пойло у бабок, в Берендеевке и Ленино вообще со мной общаться не хотят. Косятся злобно, как партизаны на полицаев. Такое впечатление, что отвернешься, нож в спину всадят.

— Так в этом твоя работа и состоит, чтобы общаться захотели, — усмехнулся начальник. — Мне, что тебе азы рассказывать? Сам всё знаешь. Классический метод кнута и пряника. Кстати, насчёт машин. Их там несколько было. Видел, эксперты на месте работали?

Капитан кивнул.

— Там, судя по протекторам, ещё автомобили могли находиться. Сейчас сказать трудно, какие. Эксперты могут с уверенностью говорить только об одном — «жигули». Нашли опечаток, предположительно подходящий по времени. Остальные следы сильно запутаны и заезжены, их могли оставить машины, которые проехали позднее. Во всяком случае, некоторые опечатки шин были совсем свежие. Теперь послушай меня, Ваня, речь идёт о твоей дальнейшей карьере и спокойной службе. Сам понимаешь, двойное убийство, перевернутая машина, труп в горелой милицейской форме — преступление громкое. Вчера Корнейчук шефу звонил.

— Владимир Михайлович? — побледнел участковый.

— Именно. Лично, — подчеркнул майор. — Начальник УВД Киевского облсовета. А ведь он ещё, если ты забыл, заместитель министра внутренних дел республики. Уровень представляешь?

Подчинённый подавлено кивнул.

— Даже до него эта информация дошла. Дрючил нашего шефа. Без мыла и вазелина. А он, в свою очередь, имел меня. Вдумчиво, во всех позах, без смазки. Завтра прокурор пообещал приехать. Думаю, тоже захотел приобщиться. Опять Валентиновича будут сношать. А он оперов и меня.

И если ты не напряжешься и не принесешь мне хоть какую-то информацию в клювике для отчетности, иметь тебя буду очень жестко со всеми извращениями. Так, что небо в овчинку покажется. Понял?

— Понял, — вздохнул капитан. — Но там вроде уже опера из Главка вместе с нашими вовсю работают. Мне все равно с ними сотрудничать по этому делу.

— Опера, это отдельная история, — перебил начальник. — Работают, и нормально. А ты выполняй свои служебные обязанности. Сотрудничай с ними, никто ничего не говорит. Но и сам паши день и ночь, чтобы дать результат.

Майор на секунду замолчал, собираясь с мыслями, и продолжил:

— И если ты до сих пор не усвоил азы работы участкового, то я тебе подскажу, где копать. Сейчас лето, сезон сбора ягод. Весь народ с корзинками по окрестностям шастает. Так что, свидетели перестрелки вполне могли быть. Хоть носом землю рой, хоть руками нору как крот копай, но этот момент как следует проработай. Дальше. С машины сняли колеса, и не исключено, подобрали какие-то вещи, а потом её банально спалили, чтобы следов не оставлять. Берешь ноги в руки и вперед по своим отсидевшим поднадзорным, местным хулиганам и алкашам. Тащи их в участок, осматривай сараи или другие места, где они могут колеса хранить, сажай их на пятнадцать суток, но найди воров. Пусть всё от «а» до «я» расскажут. Какие вещи взяли, что видели и знают, как и когда колеса снимали. А потом поглядим, что дальше делать. Село, оно, Ваня, такое: Тамара на одном конце пару раз охнула, а на другом уже знают во всех подробностях, как Сема её в сарае пользовал. Так что, если постараться, интересную информацию по этому делу сто процентов найдёшь. И ещё. На дороге были найдены следы крови, видел?

— Так точно, товарищ майор.

— И возле деревьев на обочине тоже. Так вот, если были раненые, не исключено, что далеко уйти они не могли. Их может кто-то увидел или помощь оказал, либо приютил на время, пока товарищи не забрали, если ранение серьезное было. Поработай по этому вопросу, опроси людей в ближайших деревнях. Я дам команду и твои коллеги на соседних участках подключатся. Возможно, что-то накопаем.

— Сделаю, Алексей Данилович.

— Вот и хорошо. Иди, работай. И без результата не возвращайся. Делай, что хочешь, но информацию мне достань.

— Будет исполнено, товарищ майор.

Начальник отдела помолчал и проникновенно добавил:

— Мне важно, чтобы ты дал результат. А то у меня уже шеф спрашивал, что это у тебя за участковые инспектора такие? Обстановкой на участках не владеют, ничего узнать не могут. Я, конечно, сказал, что ты только приступил к работе. Но все равно, выволочку получил. Так, что постарайся, Иван, поработай как следует.

— Сделаю всё что смогу, товарищ майор.

— Смотри у меня. Головой за результат отвечаешь.

Глава 1

Гурам метнулся к «Ниве». По дороге добавил ногой в голову, зашевелившемуся налетчику в милицейской форме. Тело отлетело в сторону и опять замерло неподвижно в глубоком ауте. Ашот подхватил его за ноги, оттащил на обочину и пинком спустил со склона.

Я сорвал с себя футболку и приложил её к расплывающемуся кровавому пятну на груди товарища. Саша скрипнул зубами. Белая ткань начала краснеть.

— Держись, дружище, всё будет хорошо.

— П... постараюсь, — с трудом ответил товарищ.

— Парни, тащим его в рафик, там и перевяжем. Олег, бери под мышки, Ашот — за ноги, я посередине держу тряпку. Давайте, шевелитесь. — скомандовал я.

Мы подняли раненного. На землю капнула кровь. Моя ладонь наткнулась на мокрое липкое пятно.

— У него и на спине кровь, под лопаткой, — заметил я.

— Сквозное ранение, — пробормотал Олег. — Понесли.

Стонущего сквозь зубы Сашу перенесли на сиденья. Прибежавший с аптечкой Гурам отпихнул Ашота и залез в рафик.

Вдвоем с Олегом они занялись раненым. Сначала повернули его на бок, затем наложили тампоны на раны. Я поддерживал белого от боли Сашу, а парни аккуратно забинтовали ему грудь и спину и уложили.

— Надо до Киева дотянуть, — Гурам озабоченно глянул на белое от боли лицо Саши. — Там я смогу связаться с нашими. Найдут врача и место, где отлежаться.

— В город заезжать опасно, — возразил Олег. — А вдруг гаишники остановят? Все вместе спалимся. То, что товар потеряем, ещё полбеды. Нас точно задержат до выяснения обстоятельств. А потом гарантированно посадят. Импортные шмотки в наличии, раненный с огнестрельным, у Гурама ствол. Спекуляцию и пару тяжелых статей повесят. Поедем на Колыму лес валить.

— Действуем так, — прервал я рассуждения десантника. — Сашу нельзя везти долго. Можем банально не дотянуть. Надо постараться найти поблизости местного, желательно врача или медсестру. Башляем ему, просим, чтобы оказал первую помощь, оставляем Сашу на несколько часов. Делаем небольшую рокировку. После того, как выгрузим Сашу, я остаюсь с ним. Гурам едет в Киев. Решает вопрос с врачом, чтобы всё было на высшем уровне. Только ствол надо спрятать подальше, чтобы не светить им. Ашот с Олегом едут дальше. Остановитесь переночевать, отзвонитесь родственникам Ашота. Мы с Гурамом с ними свяжемся, будем знать, где вас искать. Догоняем вас и все вместе едем в Москву. Пока все. Вперед.

— Опасно, — возразил Олег. — Можешь спалиться.

— Могу, — согласился я. — А что делать? До города он не дотянет, да и ехать туда тоже не вариант. А я его не брошу. Придется рисковать.

— Нэт, — у Гурама от волнения прорезался акцент. — Я нэ могу. Должен рядом с Ашотом быть. Так Лэвон Ервандович сказал.

— Можешь, — вмешался Ашот. — Миша здесь главный, и он всё правильно сказал. Так и поступим. Дед поймёт, я ему объясню. Не вздумай спорить. Каждая секунда дорога, надо

Сашку спасать. И в любой момент сюда могут менты нагрянуть. Начнёшь возникать, всех подставишь. Только скандала здесь и сейчас нам не хватало, да. Если Саня умрёт, и у нас из-за твоего упрямства проблемы возникнут, я лично позабочусь, чтобы ты из Москвы обратно в своё село поехал.

— Хорошо, — прошипел Гурам, ожигая меня злым взглядом. — Поехали, тогда.

Олег перелез на место водителя. Гурам с Ашотом побежали к «Ниве». Через десяток секунд машина тронулась. Я сидел рядом с развалившимся на сиденье Саней, поддерживая его. Белые бинты пропитались кровью, лоб парня блестел от пота.

— Миха, помни, ты обещал, — хрипел товарищ, — позаботиться о моих, если я умру.

— Не выдумывай! — оборвал его я. — Сам о своих позаботишься. Всё будет нормально, мы ещё на твоей свадьбе погуляем. Только держись, не сдавайся.

— Не... сдаюсь, — прошептал Саша и прикрыл глаза. Ему было очень плохо.

— Вот и отлично, — бодрым тоном сказал я. Поднял глаза на дорогу. Увидел, как фонари фар осветили спину бредущего по обочине потрепанного мужичка лет сорока.

— Олег, останови.

Десантник сбросил скорость и медленно выжал педаль «тормоза». Машина плавно остановилась, недалеко от мужичка. «Нива» тормознула сзади. Абориген с любопытством рассматривал нас. Удивительно, но он нисколько не испугался. Я поудобнее устроил Саню на креслах, рывком распахнул дверь, и выпрыгнул наружу, подняв тучу серой пыли.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровался, подходя к мужичку. Колоритный тип. Засаленная серая рубаша, на голове помятая шляпа такого же цвета, потертые, в нитках выцветшие темные брюки. О, а вот это интересно. На тыльной стороне правой ладони выбито восходящее солнце и надпись «СЕВЕР». Сто процентов, бывший зэк, и где-то в Сибири чалился.

— Здорово, коли не шутишь, — с достоинством ответил местный.

— Братан, я свой. Тоже пару ходок на зоне отмотал. Короче, ситуация такая, корешу помощь нужна. Стрёмно его везти дальше, может до больницы не дотянуть. Здесь где-то поблизости врач или на крайний случай медсестра есть? Я замаксаю, без базара. Нужно, чтобы его осмотрели, перевязали там, лекарства дали.

— Что, плохо дело? — сочувственно спросил мужичок, доставая пачку «Примы». Десантник рядом вытащил из нагрудного кармана «Мальборо», открыл пачку, щелчком выбил сигарету, и протянул аборигену. Тот спокойно кивнул, мол, благодарствую, и двумя пальцами аккуратно вытащил её из пачки.

— Очень, — с нажимом ответил я. — В любой момент может кони двинуть. А я спасти корефана хочу. Если он загнётся, как я в глаза его матери и сестры смотреть буду?

Мужичок прищурился. В его глазах мелькнуло понимание. Он кивнул в сторону поворота, за которым в отдалении виднелись белые стены домов.

— Вон, туда поворачивай. Крайний дом с коричневой крышей. Увидишь, он в стороне от других стоит. Там Влада с бабкой живёт. Она медсестрой в районной клинике работает и на врача вроде учится. Девка хорошая, добрая. Думаю, в помощи не откажет. Только, вы смотрите, Владку не обижайте. Ей и так несладко приходится. Одна живет, и ещё и за бабкой ухаживает.

— Не обидим, отец, отвечаю, — вздохнул я, нащупал в кармане деньги и повернулся к Олегу. — Отдай ему пачку. Ты же все равно её только для понта носишь.

— Без вопросов, — кивнул десантник и вручил мужичку «Мальборо». — Держи.

— А это от меня за подсказку, — в мозолистую загрубевшую руку с черными обломанными ногтями легла розовая десятка. — Благодарю, выручил. Если получится друга вытащить, буду должен.

— Забудь, — отмахнулся мужик. — Друг — это святое. Сам в молодости такой был, за корешей в огонь и в воду.

— Спасибо, отец, — вздохнул я, махнул рукой Олегу. — Поехали, дорога каждая секунда.

Десантник рванул с места так, что только грязь взлетела из-под кроссовок. Когда я залез в машину, он уже сидел за рулем. Машина двинулась, переваливаясь по ухабам деревенской дороги. Сзади взревел мотор «нивы».

Вечерняя деревня встретила нас безмолвием, покосившимися заборами и темными силуэтами домов с чернеющими провалами окон. Только когда мы проехали на середину улицы, где-то истошно залаяла собака. А потом ещё одна. Но никто из селян на улице не показался. Только в одном окне зажегся свет и спустя пару минут погас.

Дом медсестры действительно оказался в отдалении от других. За исключением подъезда к калитке, его со всех сторон закрывали раскинувшиеся ветки кустов и деревьев. Мы увидели дом только когда отъехали от скопища деревенских хат на добрый десяток метров. Дорога стала ещё холмистой, Саня скрежетал зубами, и постанывал каждый раз, когда машину подкидывало на небольших ухабах.

Наконец мы притормозили рядом со входом в дом. Я открыл дверцу и выпрыгнул из машины. Сделал пару шагов, остановился у калитки. Постучал, затем ещё раз. В окне напротив загорелся свет. Мы терпеливо ждали, когда появится хозяйка. Через две минуты протяжно скрипнула, отворяясь, дверь.

— Господи, кого в такое время принесло? — раздался звонкий девичий голос. На пороге появилась хрупкая фигурка в светлом летнем платье. Она подняла руку, и в моё лицо ударил слепящий золотистый луч фонаря.

— Влада, здравствуйте, — я инстинктивно прикрылся рукой. — Извините, ради бога, что беспокоим в такое время. Нам нужна ваша помощь. Речь идёт о жизни моего друга. И не светите, пожалуйста, фонариком в лицо.

Луч переместился на машины.

— Помощь? — девушка подошла поближе, — что произошло?

— Товарищ лежит в машине. У него прострелена грудь. Ему очень плохо. Боюсь, мы его не довезем. Вы же медсестра, клятву Гиппократы давали. Помогите ему, очень вас прошу.

Скрипнула калитка. Влада вышла прямо под свет фар «рафика», и я невольно залюбовался девушкой. Её фигурка, подсвеченная золотистым светом фар, могла заставить восторженно замереть любого мужика.

Распущенные темно-русые волосы пышной волной ниспадали на хрупкие плечи. Огромные зеленые глаза загадочно светились. Маленький аккуратный носик, точёный подбородок. Несколько милых веснушек, как будто ласковое летнее солнце щедро плеснуло золотистыми крапинками на свою любимицу, придавали девушке ещё больше очарования. Большая грудь — не меньше «троечки», стройное гибкое тело. Под подолом платья угадывались изящные ножки. Ткань открывала тонкие лодыжки и маленькие ступни, обутые в шлепанцы. Девушка просто излучала женственность и естественную красоту. Она напоминала сказочную принцессу, каким-то чудом перенесенную из дворца в село под Киевом.

«Ничего себе, какие бриллианты в глухих деревнях попадаются. Как там Некрасов говорил? Есть женщины в русских селеньях», — ошеломленно подумал я.

— Чего уставился? — сердито бросила Влада. — Давай, показывай, своего простреленного.

— Да, конечно, — спохватился я. — Вон там, посмотрите.

Я открыл дверь и жестом пригласил девушку войти.

Она заглянула в салон и увидела Саню. Лоб товарища блестел от пота, глаза были прикрыты, черты лица заострились и приобрели мертвенную бледность.

Девушка решительно залезла в рафик, потрогала парню лоб, осмотрела бинты.

— Хорошо забинтовали, молодцы, — похвалила она и повернулась ко мне. — Его надо в больницу срочно везти.

— Боюсь, не довезем, — спокойно ответил я.

— Что с ним произошло? — девушка осторожно потрогала лоб. — Горячий.

— Напали на нас. И друга подстрелили, — честно сказал я.

— Вы понимаете, что я обязана информировать об этом милицию? — вздохнула она.

— Не нужно, — я достал из кармана сложенную надвое пачку десятков и попытался вручить ей. — Возьмите, пожалуйста. Пусть он у вас побудет недолго. Мои друзья сейчас отправятся в Киев за доктором. А потом привезут врача прямо сюда, и мы его отсюда заберем. А вы пока окажите больному помощь.

— Уберите деньги! — вспыхнула девушка. Маленькая ладошка решительно оттолкнула руку с десятками.

— Почему вы не хотите довезти его до больницы?

— Две причины, — хладнокровно начал объяснять я. — Во-первых, сейчас он может не доехать до неё и умереть по дороге. А вы — медсестра и не можете оставить раненного без помощи. Вторая, его могут добить прямо там. На нас напали не просто так.

— Вы бандиты? — перебила меня девушка.

— Нет, мы благородные пираты, — не удержался и съязвил я. — Конечно, нет. Ездили по своим делам в Одессу. Никого не грабили и не убивали, ничего не украли. И вообще, к бандитам мы никакого отношения не имеем. Мы законопослушные граждане, относительно, конечно.

— Я вижу, — девчонка смерила меня насмешливым взглядом, многозначительно задержавшись на татуированных пальцах. — В тюрьме уже отсидел? У нас половина деревни с такими ходят.

— Влада, это не имеет никакого значения. Вы медсестра, и можете оказать моему другу необходимую помощь. Он и я несколько часов побудем у вас, а мои друзья съездят за доктором и постараются его перевезти как можно скорее.

— Вы совсем ополоумели? — вспыхнула русоволосая — думаете, я пушу незнакомых мужиков, похожих на уголовников к себе домой?

— Девушка, милая, — я умоляюще сложил ладони домиком. — Очень вас прошу, помогите моему другу, и приютите нас ненадолго. Он мне жизнь спас, и получил пулю, которую должен поймать я. У Сани сестренка молоденькая и мать. Отца нет. Он — один мужчина в семье. Если Саша умрёт, им плохо будет. Я вам любые деньги заплачу. Хоть тысячу рублей, без проблем. Соглашайтесь. Это ненадолго. Мои друзья прямо сейчас поедут в Киев, и найдут там врача с транспортом. Выручайте.

Влада пристально глянула на меня, затем не стонущего Саню и прикусила губу.

— Хорошо, — вздохнула она. — Только ненадолго. Чтобы завтра вы все свои дела решили и больного забрали. А я потом все равно пойду в милицию. Отвечать за ваши дела не хочу.

— Как скажете, — не стал спорить я. Только подумал:

«Это мы ещё посмотрим, куда ты пойдешь. Мне сейчас, главное, Сашку спасти, а тебе лишнее бабло точно не помешает».

— И не вздумай совать свои деньги. Без них прекрасно обойдусь, — буркнула девчонка.

«Куда ты денешься», — внутренне ухмыльнулся я.

Девушка открыла ворота. «Рафик» медленно подкатил ко входу.

Мы, с Олегом и Аштом подхватили Саню под руки и втащили в дом. Девчонка шла впереди и показывала дорогу. Она забежала в комнату, схватила в шкафу покрывало и расстелила на кровати.

— Сюда кладите.

Мы послушно положили раненного на кровать.

— Можете быть свободными, — бросила она. — И чтобы утром или днем забрали своего друга. У меня нет времени сутками с ним нянчиться.

— Слушай, чего ты тут торчать будешь? Мы же обо всём договорились, — обратился ко мне Гурам. — За Сашей девушка присмотрит. Езжай с парнями, мне так спокойней будет, я врача привезу, а потом вас догоню.

Я оглянулся. Саня лежал на кровати. Он всё прекрасно слышал, стиснул зубы и молчал, глядя на меня. Друг был готов к любому моему ответу, но я чувствовал, он не хочет оставаться один у незнакомых людей.

— Нет, я с ним побуду, — отказался я. — И пока своими глазами не увижу, что врач приехал и с Саней всё будет нормально, никуда не уеду.

В глазах товарища засветилась благодарность. Он облегченно откинулся на подушку и выдохнул. Я ободряюще коснулся его плеча и вышел за ребятами во двор. Ашот и Олег уже сидели в «рафике». Машина взревела мотором и выехала со двора. Гурам вышел за ней и направился к своему автомобилю. «Нива» двинулась с места и покатила за маячащим в отдалении микроавтобусом.

— Чего встал? — меня тронули за плечо сзади.

— Иди, руки мой. А я пока за вами приберусь немного. Потом мне поможешь. Рану осмотрим и обрабатываем.

— Хорошо, — кивнул я.

Когда мы зашли в зал, где лежал Саня, из другой комнаты раздался надтреснутый старушечий голос:

— Владислава, что произошло? Кто пришел? Я слышала мужские голоса и шум машины.

— Спи, бабуля, — мягко ответила девушка. — Всё нормально. Это ко мне приезжали, больного привезли ненадолго. Нужно оказать ему помощь. С ним ещё друг. Пока побудут у нас.

— Знаем мы таких друзей, — проворчали из комнаты. — Эй парень, ты там ничего лишнего себе не позволяй, понял? А то не посмотрю, что старая и почти не хожу, возьму клюку и огрею тебя по хребтине, если приставать к Владке будешь.

— Не волнуйтесь, — я невольно улыбнулся, представив эту картину. — Приставать не буду. Не до этого мне сейчас.

— Ну смотри, — прокряхтели из спальни. — А ты, Владка, если что, гони его прочь.

— Так и сделаю, — заверила девушка. — Спи, ба. Мы сами тут разберемся.

— Хорошо, внучка, — голос бабули подобрел — Золотая, ты, моя. Никому отказать в помощи не можешь. Храни тебя бог.

— Спасибо, ба. Отдыхай.

Девушка подхватила меня за локоть, подвела к умывальнику в тамбуре, сунула кусок мыла в руки. Пока я мылил ладони, вернулась с белоснежным полотенцем.

— Тут подожди, я сейчас, — шепнула она и нырнула в полумрак коридора. Через минуту снова появилась, держа в руках два железных лотка с перекисью водорода, хирургическими ножницами, бинтами, марлей, скальпелем, пинцетом и другими железками.

— Ты чего, его прямо сейчас оперировать собралась? — оторопел я.

— Нет. Рану посмотрим, почистим, снова перебинтуем, если что, — спокойно ответила медсестра.

— А ты сумеешь?

— Я вообще-то в хирургическом отделении работаю, — проинформировала Владислава. — А ещё на доктора учусь. Так что, не переживай, всё нормально будет. Гляну состояние раны, если нужно подчищу её и снова забинтую с твоей помощью.

— Как скажешь, — вздохнул я. — Только прошу, будь аккуратна. Если не уверена, лучше не надо.

— Уверена, — безапелляционно заявила девушка. — Не бойся, ничего с твоим другом не случится. Во всяком случае, мой осмотр ему точно не навредит.

Следующие сорок минут прошли для меня как в тумане. Мы двигали Саню, переворачивали его на бок. Девушка быстро срезала бинты, размочила сначала окровавленный тампон на груди, сняла его, вытерла выступившую кровь марлей, бросила окровавленный комок в лоток, поковырялась в ране измученного Сани, пинцетом и хирургическими ножницами, аккуратно протерла рану куском марли, смоченным в перекиси. Товарищ выдержал это стоически, стиснув зубы, только иногда глухо постанывая. Девушка снова наложила тампон и заклеила его пластырем.

Затем перешла к осмотру выходного отверстия на спине. Когда она закончила, обливавшийся потом Саня вырубился, а один лоток был полностью заполнен покрасневшими кусками марли и ваты.

Владислава унесла лотки, выбросила окровавленные бинты в мусорный ящик у входной двери, вернулась и присела на стул рядом со мной.

— Сквозное ранение. Пуля прошла по мягким тканям. Кости не задеты. Ваш друг в рубашке родился. Хотя, если бы вы его сразу не перебинтовали, мог умереть от кровопотери. Состояние тяжелое, но стабильное, на первый взгляд. Я раневой канал глянула, рану почистила. Сейчас вроде всё нормально. Хотя, сказать что-то с уверенностью трудно, слишком мало времени прошло. Пусть его ещё раз опытный хирург осмотрит.

— Спасибо, — вздохнул я. — Ты даже не представляешь, как ты много для меня сделала. Буду должен.

— А то, — улыбнулась Влада. — Будешь, конечно. Конфетами угостишь, и считай, долг закрыт.

— Договорились, — ухмыльнулся я. — Обязательно угощу.

— Эй, Владка! Я думав, ты порядна дивчына, а ты курва. Мени все розповили. До тебе хахали у ночи прыйиджали, тилькы пойихалы. А чого ж, ты, млять, целку из себя строила? — заорали под окном.

— Вот чёрт, Васька приперся, — скривилась девушка. — И как всегда пьяный, чтоб ему пусто было.

— Твой парень? — невинно поинтересовался я.

— Не подкальвай, — Владислава сердито сверкнула зелеными глазами. — Какой там парень. Тракторист, а в свободное от работы время алкоголик. С чего-то решил, что я его невеста, хотя никаких поводов ему не давала.

— Владка, курва, открывай, бо я двери знесу, — снова заорали под окном.

— Внучка, это опять Васька напился и хулиганит? — проскрипела бабка из своей комнаты.

— Спи, бабуль, я его сейчас успокою.

— Уснёшь здесь, как же, когда такие страсти творятся, — проворчали из комнаты.

— Так, — повернулась девчонка ко мне. — Сиди на месте и не высывайся, я его сейчас угомоню.

— Хорошо, — кивнул я. — Не буду.

— Владка, курва, якого биса, ты приезжим даешь, а своим хлопцам, ни? — продолжали орать под окном.

— Внучка, в милицию звони, он же не успокоится, — прокряхтела старушка из своей комнаты.

— Ба, я же сказала, всё будет нормально, я его угомоню.

«Дурдом какой-то», — обреченно подумал я.

Девушка резко встала и выбежала в прихожую, я вышел за ней.

— А ты куда встал? Сиди на месте! — злобно сверкнула зелеными глазами Владислава, рывком открыла дверь и выбежала на улицу. Я умудрился заглянуть за её спину, у калитки маячил темный силуэт парня. Затем дверь с шумом захлопнулась, отсекая меня от улицы.

«Крупный вроде, ростом с Олега, где-то метр девяносто», — машинально отметил я.

— Вася, ты пьян, домой иди. Протрезвеешь, поговорим, — попробовала угомонить парня девушка.

— Ни, — промычало пьяное создание. — Я никуда не пиду.

Стук, шорох, какая-то суета.

— Что ты делаешь, скотина!? — закричал звонкий девичий голос. — Пусти меня немедленно!

— Ни.

Раздался звонкий звук пощечины.

— А, ты так? Тоди не ображайся. Все одно ты будешь моею! Прямо зараз! — заорал парень.

— Пусти, идиот! — в девичьем голосе уже явно слышались слезы.

— Ой, что дееся, — еле слышно простонала бабка из комнаты и завозилась. — Васька, сволочь такая, отпусти Владу. Сейчас выйду и крюкой тебя паразита огрею.

«Точно дурдом», — мысленно вздохнул я. — «Надо выручать девчонку».

Быстро надел кроссовки. Клацнул замком, отодвинув закрывшую дверь щеколду, оттолкнул дверь и вышел на крыльцо.

Метрах в пяти от меня здоровый парень прижимал извивающуюся и яростно отбивающуюся девчонку к себе одной рукой, вторая задрала подол и лихорадочно шарила под ним, пытаясь залезть под трусики.

— Придурок, быстро отпустил её и свалил отсюда, — процедил я.

Крепыш ошеломленно замер. Воспользовавшись наступившей паузой, девушка резко вырвалась из ослабевших объятий и отскочила в сторону.

Вася повернулся ко мне.

— Ты кто такой? — взревел он.

Я ощутил волну перегара, невольно поморщился и брезгливо помахал рукой, разгоняя спиртные пары.

— Иди проспись, ухажер. У тебя есть пять секунд, чтобы свалить отсюда. Не уйдешь, пеняй на себя. Начинаю отсчёт. Раз, два, три..

— Я тебе зараз урою, — пообещал Вася, и неторопливо двинулся на меня. А парень,

действительно здоровый. Широкие плечи, футболка обтягивает выпуклую грудь, под короткими рукавами играют внушительные бицепсы, огромные предплечья. Только небольшое брюшко портит атлетическую фигуру.

— Четыре, пять, — хладнокровно продолжил я, внимательно наблюдая за приближавшимся врагом. — Остался? Не обижайся тогда!

Василий протянул ко мне лопатообразную ладонь. Хотел сгрести футболку на груди. Я отстранился назад, избегая захвата, и всадил ему прямой правой в солнечное сплетение. Пузо у тракториста оказалось крепким. Такое впечатление, как будто ударил в барабан, набитый чем-то тугим. Под воздействием удара он отступил и поморщился. Я шагнул вперед, скручивая корпус и резко на скачке прыгнул вперед, продолжая атаку. Левый боковой с глухим стуком врезался в челюсть Васи. Голова тракториста мотнулась как резиновая. Он мягко завалился на бок, лицом вперед.

В последний момент парень успел выставить руку, но не удержал равновесие и ткнулся рожей в рыхлую черную землю, расшвыряв телом кучку дров возле чурбана.

«Готов», — констатировал я. После таких пропущенных не встают. Но колхозник меня поразил. Через пару секунд, он, помогая себе руками, привстал, ошеломленно мотнул головой и выдал:

— Тоби кинець, курва.

Глаза Васи налились злобой, огромная ладонь нащупала лежащее рядом полено. Я резко рванулся вперед. Кроссовкой влепил по запястью, заставив тракториста возмущенно взвыть. Полено улетело вглубь двора, глухо стукнувшись об штабель дров. Второй ногой от души, как в пенальти, пробил снизу вверх по подбородку. Удар получился мощным. Парня подбросило в воздух и откинуло назад. Он грохнулся затылком об землю и замер, раскинув в стороны руки. Нокаут.

— Ногой — это лишнее, — заметила девушка. — А если бы ты его убил?

— Не лишнее, — возразил я. — У меня нет желания и сил возиться с таким бычарой. И ничего с ним не будет. Очухается, домой поползёт, проспится.

Девушка присела, взяла безвольное запястье тракториста.

— Пульс есть. Имеется отклонение от нормы, но в принципе, ничего особо страшного.

— Я же говорил. На нем пахать можно. Здоровенный лоб.

Девчонка взялась за руку Васи.

— Помоги, нужно перевернуть его на бок.

— Чтобы язык не запал и не задохнулся? — сообразил я — Сейчас.

Совместными усилиями перевернули поверженного бойца.

— Я за нашатырем, а ты пока за ним присмотри. Только бить больше не надо. Ему и так досталось.

— Не буду, — пожал плечами я. — Мне это удовольствия не приносит.

— Надеюсь, — вздохнула Влада. Девушка аккуратно обогнула тракториста и зашла в дом. Через минуту она снова вышла уже с бутылочкой нашатыря. Открутила пробку, присела возле поверженного тела, приподняла голову ладонью и сунула под нос бутылочку.

Ноздри бойца затрепетали. Он дернулся и распахнул мутные глаза:

— А, чего?

— Чувствуешь себя нормально? — поинтересовалась девчонка.

— Ни, хреново, — выдал Василий, взявшись за голову.

— Вставай, — девушка многозначительно глянула на меня, и я подхватил тракториста

под руку, помогая ему подняться. Совместными усилиями помогли шатающемуся Васе принять вертикальное положение.

— Що сталося? — пробормотал парень, держась рукой за голову.

— А ты что, ничего не помнишь? — усмехнулась Влада.

— Смутно, — признался тракторист.

— Пришел сюда, начал буянить, бабушку разбудил, скандал устроил, и меня лапаты начал. Вот тебя и угомонили.

— Вибач, Владка я не хотив, — сокрушенно признался парень. — Выпив богато, зовсім дураком став.

— Домой иди, ухажер, — отмахнулась девушка. — Протрезвеешь, поговорим.

— А це хто? — кивнул тракторист на меня.

«Вот Отелло деревенский», — раздраженно подумал я. — «Сейчас опять приревнует, и придется по второму кругу ему морду чистить».

— Брат мой, троюродный, — быстро сказала девушка, — проезжал, заехал проведать.

— А чому я про нього в перший раз чую? — парень кинул подозрительный взгляд в мою сторону.

— Слушай, Вася, — разозлилась Влада. — Ты мне кто такой, муж, жених, чтобы я перед тобой отчитывалась? Нет, и никогда им не будешь. Топай отсюда в темпе, пока я не разозлилась и тебе ещё поленом по хребту не добавила.

— Гаразд, — парень окинул меня тяжелым взглядом и резко вырвал руку. — Потим поговоримо.

Он прошагал к забору, открыл калитку, и чуть пошатываясь, побрел к видневшимся в отдалении крышам домов.

— Фухх, — с облегчением выдохнула девушка. — Как же он меня задолбал, жених недоделанный.

— Бывает, — философски заметил я. — В милицию хоть не побежит жаловаться?

— Васька-то? — усмехнулась Влада. — Никогда. На него уже два протокола составляли за мелкую хулиганку и дебош. Милицию не переваривает. А с тех пор, как прошлый участковый у Кондратьевны и Федоровны самогонные аппараты конфисковал и банки с пойлом, вдвойне ненавидит. Наших районных милиционеров он иначе, как «гнидами красноперыми» не называет. И вообще, у нас в поселке к ним плохо относятся. Прежний участковый много чего натворить успел. А после того, как с пьянством бороться начали и аппараты конфисковывать, вся деревня его ненавидит. А к новому пока что присматриваются. Общаться по душам никто не спешит.

— Понятно, — задумчиво проговорил я. Похоже, удачно заехал. В украинский аналог сицилийской деревни с своей алкогольной «омертой». Иллюзий я, конечно, не питал. Если милиции будет нужно, всё раскопают. Но при таком отношении местного населения к органам правопорядка на это уйдёт время. Мне сейчас главное, чтобы никто впереди паровоза, товарищам милиционерам докладывать не побежал. А завтра приедет доктор, перевезем Саню, и ищи ветра в поле. Конечно, не исключено, что потом выйдут на след, но товарища, спасшего меня от пули, я бросить одного в незнакомом доме не мог. И уехать, не убедившись, что с ним всё в порядке, тоже.

— Пойдем в дом, — девушка дотронулась до моей руки. — Чего на улице стоять?

— Пошли, — согласился я.

— Чаю будешь? — спросила Влада, когда мы зашли в тамбур.

— С большим удовольствием.

— Тогда снимай кроссовки и проходи в комнату, а я к бабушке загляну и чайник поставлю.

— Хорошо.

Через несколько минут мы уже сидели за столом. Исходящий паром чайник был торжественно водружен на гипсовую подставку. Рядом с ним примостилась тарелка с сушками и пряниками. А дальше стоял пузатенький чайничек с заваркой.

— Ты чай-то пей. Это индийский, настоящий. Мне в больнице один пациент банку подарил, — напомнила девушка. — Пряники и сушки бери. Они ещё не успели зачерстветь. Вчера только в нашем магазине купила.

— Ага, спасибо, — кивнул я. Подхватил сушку, взял чашку за ручку, отхлебнул напиток. Помедлил, ощущая как по телу волной расходится приятное тепло Хрустнул сухой, рассыпавшейся во рту мелкими крошками сушкой и ухмыльнулся:

— Как будто дома на кухне сижу. Горячий чай, сушки, рядом красивая девушка. Что ещё надо человеку для счастья?

— Не знаю, — улыбнулась Влада. — Слушай, я даже имени твоего не знаю. Как тебя зовут?

— Михаил, — представился я. — Как Лермонтова, Кутузова и Ломоносова.

— Ну да, — усмехнулась девушка. — Гомер, Мильтон и Паниковский.

— Владислава, — я сделал надменное лицо. — Не нужно пошлых намёков. Моё имя возникло в Древней Иудее. Переводится, как «Богopodobный» или «Равный богу».

— Ты его случайно не с Мойшей перепутал? — откровенно развеселилась девчонка. — А то, что-то образ Господа в твоём исполнении очень странный получается. Больше на урку похожий. У нас таких богopodobных в наколках половина деревни ходит.

— Я, как сам Моисей, от насмешек устал,
Как Яхью, меня гнет неудач растоптал.
Ты терзаешь меня, Иисусу подобно,
Свои боли на нить я наматывать стал!

— шутливо продекламировал я.

— Интересный ты парень, Миша, — медленно произнесла Влада, как-то по-особенному рассматривая меня. — На вид, бандюга и уголовник, а «Рубайи» наизусть знаешь. Кто бы мог подумать? Если бы мне такое рассказали, не поверила.

— Ты читала Омара Хайяма? — удивился я.

— Конечно, не держи меня за дуру, — фыркнула девушка. — Очень люблю поэзию с детства. У меня, между прочим, мама учителем литературы была.

Девчонка погрустнела, вспомнив о чём-то своем. Я благоразумно не стал развивать тему, и с чувством произнес:

— Я знаю мир: в нём вор сидит на воре.

Мудрец всегда проигрывает в споре, с глупцом.

— Бесчестный — честного стыдит, — подхватила Влада. — А капля счастья тонет в море горя.

Уголки губ медсестры дрогнули, расходясь в улыбке, а лицо посветлело:

— Здорово.

— А эти стихи помнишь? — я прикрыл глаза:

— Судьба проказница, шалунья
Определила так сама:
Всем глупым счастье от безумья,
А умным — горе от ума.

— с торжеством добавила девушка. — Грибоедова стыдно не знать. Его в школе проходят.

— Знаю, — кивнул я, — у нас хорошая учительница литературы была. Любовь к классикам на всю жизнь привила. Только вот уверен, три четверти твоих ровесниц даже не вспомнят эти строки. Будут стоять, хлопать глазами и морщить лобик с умным видом.

— Ты преувеличиваешь, — возразила Влада.

— Ничуть, — спокойно ответил я. — Основная человеческая масса всегда была такой. Большинство людей не интересуются шедеврами изобразительного искусства, поэзии, не развивается и не ставит себе амбициозные цели. Они просто плывут по течению, решая сиюминутные бытовые проблемы. И в результате проживают обычную, серую и скучную жизнь, отказывая себе в развитии и в возможности её изменить.

— Зато у тебя жизнь интересная, — насмешливо фыркнула медсестра. — Судя по наколкам, как в «Джентльменах Удачи», «украл, выпил, в тюрьму».

— Было что-то подобное, — признал я, отхлебнув чая. — В прошлом. А сейчас я решил измениться. И отойти от подобного движа.

— Ну да, так я тебе и поверила. — ухмыльнулась Влада. — Был бандитом и вдруг стал примерным парнем. И что тебя заставило это сделать?

— Ножевое ранение, — честно ответил я. — Чуть богу душу не отдал. Считаю, за гранью побывал. На волоске всё висело. И когда вернулся обратно, решил завязать с прошлым.

— Извини, — девушка смутилась и отвела взгляд, минуту помолчала, тряхнула роскошной русой гривой и добавила:

— Но я тебе все равно не верю. Насмотрелась на таких. Ты и твои друзья не похожи на законопослушных граждан. На бандитов больше. И ранение твоего друга, как бы о многом намекает.

— А чего же ты в свой дом бандита пустила? — язвительно поинтересовался я.

— Потому, что не могла раненного выставить, — призналась Владислава. — Не хотела грех на душу брать. Да и если бы вы задумали что-то недоброе, то с самого начала бы не стеснялись.

— Это верно, — я согласно кивнул. — Но даже в мыслях ни о чем подобном не помышляли. Если бы отказала, уехали, ругались бы, понятно, из-за товарища, и всё.

— Хотя с другой стороны, — задумчиво протянула медсестра. — Ведешь ты себя нормально. Не хамишь и не пристаешь...

— А надо? — прищурился я. — Хамить, конечно, не буду, но попристаю с удовольствием, чтобы поддержать образ. Только намекни.

— Не вздумай, — сердито сверкнула глазами Влада. — Руки поотбиваю.

— Как скажешь, — я с деланным безразличием пожал плечами. — Мне, главное, друга

вытащить. Как в песне о летчиках в старом фильме. Первым делом самолеты. Ну а девушек можно и на потом оставить.

— Понятно, — лукаво протянула Влада. — Какой-то ты слишком положительный. Не бандит, а передовик производства, вылитая кандидатура на Доску Почета.

— Нет, — я мотнул головой. — Полностью положительных людей не существует. Как и абсолютно отрицательных. В каждом человеке есть что-то хорошее и что-то плохое. Человеческое стадо, к сожалению, в большинстве своем, деградирует. Его больше интересует темные стороны человеческой натуры, чем что-то светлое и доброе.

— Неправда, — с жаром возразила Владислава.

— А ты идеалистка, — я с интересом глянул на покрасневшую медсестру. — Хочешь наглядный пример приведу?

— Хочу.

— Вот смотри. Наш человек берет газету. Новости о трудовых свершениях, объектах БАМ, открытии библиотек, рассказы о состыковке спутников в космосе, он автоматически пролистывает. Это ему не интересно. Зато, помести статью о кровавом маньяке, так её с удовольствием прочитают в первую очередь. А потом будут смаковать каждую деталь, обсуждать её на кухнях, в кругу друзей и знакомых. Так?

— Есть такое, — неохотно признала Влада.

— Вот, — я торжествующе поднял палец. — Людям неинтересно читать о чем-то хорошем. Зато как магнитом притягивает разное дерьмо. Самый простой пример. Вот собираются у вас бабки на скамейках. Сидят вместе. Что они обсуждают?

— Не знаю, — медсестра отвела взгляд.

— А я знаю. Всякое дерьмо. Кто кому с кем изменил, кто где насрал. Кто белье украл, кто напился, а потом лежал в луже и блевал. Вот скажи, я не прав? А все потому, что все хорошее, им не интересно. Потому что скучно. Такого повода для бурного обсуждения не даст. Вот поэтому, самые большие деньги в этом мире зарабатываются на удовлетворении низменных инстинктов и порочных страстей. И иной раз, харизматичный наглый подонок в глазах большинства выглядит привлекательнее и интереснее, чем порядочный и ответственный человек. Поэтому, в большинстве случаев, на выборах в капиталистических странах побеждают именно такие, которые умеют громко орать, заглушая противников, врать, зная, что обещанное никогда не исполнят, изображать показное дружелюбие, и государственных мужей. А в большом бизнесе, за редким исключением, те, кто готов пойти на всё, чтобы получить заказы и утопить конкурентов.

Так было, так есть, так будет. Но здесь есть один нюанс. Можно быть циником, можно грешить, но никогда не переступать ту грань, которая отделяет человека от животного. Я для себя решил, что её не перейду. Если бы я бросил Саню умирать, или не остался с ним в твоём доме, я бы стал таким животным. А я не хочу внутри чувствовать себя полным говном. Мне нужно ощущать, что, несмотря на всё свое несовершенство, я всё-таки человек.

— Понятно, — Влада как-то странно глянула на меня и поднялась. — Поздно уже, давай спать. Я тебе в маленькой комнате на диване постелю, а сама здесь с твоим другом останусь, мало ли что.

Маленькая комната производила впечатление нежилой. Нет, она была убрана, полы подметены, оконное стекло сверкало чистотой, везде царил образцовый порядок, но не было той индивидуальности, которую придает любому жилью человек. Нигде ни одного лишнего предмета, небольших мелочей, вроде журналов, газет, портфеля или других личных вещей. Такое впечатление, словно попал в безликий номер советской гостиницы, убранный старательным персоналом, после отъезда последнего жильца. Чистый, с выглаженным бельем, но казенщиной и стандартностью, проскальзывающей в каждом сантиметре пространства.

Только одна маленькая деталь оживляла комнату. На стене висела фотография: молодой парень в рубашке с расстегнутым воротом, широко искренне улыбался, с добрым прищуром смотря в камеру. Правой рукой он обнимал за плечи доверчиво прижавшуюся к груди молоденькую девушку в простом ситцевом платье. Девушка тоже несмело улыбалась фотографу, закусив губками зеленую травинку. Черты её милого личика удивительно напоминали Владу.

Пока я с интересом рассматривал снимок, в комнату с комплектом свежего постельного белья зашла Влада. Бросила на меня быстрый взгляд, скосила глаза на фотографию и вздохнула.

— Родители? — спросил я.

— Да. Папа и мама. Тут они совсем молоденькие. Папа недавно с армии пришёл, а мама только школу закончила. Это папина комната была. Здесь он рос. А мама на лето к родственникам приезжала. Вот они и познакомились. Потом родители в Киев переехали, сначала в общежитии жили, затем я родилась, квартиру дали. Два года назад в аварии погибли. Бабушку приезжали проведать. Обратной ночью уезжали, столкнулись с самосвалом. Вот и... — Влада замолчала.

— Понятно, — я сочувственно помолчал, и, выждав несколько секунд, спросил: — Так ты, получается, в Киеве росла?

— В Киеве.

— А чего же сюда переехала?

— Бабушка заболела, — пояснила Влада. — После аварии так переволновалась, что слегла. Пришлось сюда ехать за ней ухаживать. Когда бабуля немного отошла, начала ходить, но с большим трудом. Переезжать в город она не захотела, сказала: «Ты можешь ехать, а я здесь родилась, здесь и помру». Я не могла её бросить. Вот и осталась здесь.

— Понятно, а с квартирой, что? Государство забрало?

— Нет. Я её знакомой паре сдаю. Кое-какие денежки получаю, лекарства бабушке покупаю и ещё трачу на разные нужды.

— Ясно.

Девушка быстро поменяла наволочку на подушке, постелила простыню, заправила одеяло в пододеяльник и выпрямилась.

— Всё, можешь, отдыхать. А я пошла. Мне завтра в больницу не надо, только что сутки отдежурила. За другом твоим пригляжу, не волнуйся. Если что, завтра отосплюсь, когда вы его заберете. Надеюсь, он тут не задержится?

— Нет, — заверил я. — Гурам будет из штанов выпрыгивать, но вопрос постарается

быстро решить. Его к нам приставили, чтобы за молодым присматривал, а тот уехал. Теперь будет всех подгонять, чтобы мы быстрее следом помчались.

— Дай бог, — вздохнула девушка. — Я не могу его в таком состоянии у себя держать.

— Понимаю. Спасибо тебе огромное, что помогла, оказала первую помощь.

— Не за что. Спокойной ночи.

— Спокойной.

Медсестра вышла из комнаты, а я быстро скинул футболку и брюки, повесил их на спинку стула и упал на постель. Накрахмаленная простыня похрустывала под телом, постельное белье приятно пахло свежестью, и я, утомленный событиями вечера, быстро уснул, вольготно развалившись на широком диване...

— Миша, вставай, твой друг приехал, — меня безжалостно трясли за плечо.

— А, чего? — сонно пробормотал я.

— Друг твой здесь, говорю. Доктор уже пациента осматривает. И Грузовик во дворе стоит, — в звонком девичьем голосе появились сердитые нотки.

— Гурам приехал? — сон моментально слетел.

— Ну да. Об этом я тебе и толкую. Уже минут пять как. Раненого осматривают.

— А что за грузовик?

— ГАЗ какой-то. Крытый. Вроде в нём собираются твоего товарища перевозить. Там ещё парочка южных парней сидит. Но ведут себя вежливо. Из машины не выходят. Я сначала доктора и твоего товарища к раненому запустила. Потом им ворота открыла.

— Отлично, — я оттолкнулся локтем, принимая вертикальное положение. Вскочил с дивана, сверкая семейными трусами, подхватил висевшие на стуле брюки.

Влада деликатно отвернулась.

— Заходи в гостиную, там доктор и твой товарищ. Я им скажу, что ты проснулся.

Девушка вышла из комнаты. Я надел брюки, одним движением, натянул на тело футболку, ополоснул лицо в рукомойнике тамбура и пошел к больному.

В гостиной я столкнулся с Гурамом, стоящим у входа.

— Привет, — пожал ему руку. — Вижу, доктора нашёл.

— Привет, — могучая лапа борца стиснула мою ладонь. — А ты что, сомневался? Нельзя так плохо думать о людях, брат. Раз сказал, найду и привезу, значит сделаю.

Я глянул через его плечо. Пожилой мужчина лет сорока пяти, закончил забинтовывать рану, стянул резиновые перчатки, бросил их в металлический лоток на придвинутом к кровати журнальном столике, где уже лежал пустой шприц, пара окровавленных тампонов, хирургические ножницы, пинцет. Рядом стояла бутылочка с перекисью водорода, ещё парочка склянок и таблетки. На полу у ног врача — раскрытый чемоданчик.

— Как врача зовут? — тихо спросил я.

— Владимир Петрович.

— Владимир Петрович, всё в порядке?

— Более-менее. Состояние стабильное, средней тяжести. — сухо ответил врач, глянув на меня из-под роговых очков. — Рана чистая, прекрасно обработана, никакой инфекции не замечено. Очень хорошо, что выходное и входное отверстия были сразу закрыты. Молодцы, что наложили тампоны и перебинтовали. Это сразу избавило вашего Сашу от многих проблем. Ну и Владочка умница, — доктор одобрительно глянул на девушку. — Всё сделала как надо. Пневмоторакса удалось избежать, дыхательная недостаточность пациенту не грозит. Пуля ещё прошла под таким углом, что легкие не пострадали. Ещё бы сантиметр и

ситуация была бы гораздо хуже. Судя по раневому каналу, пациент находился в движении и резко развернулся вбок. Подытожу: ранение серьезное, но ничего критического я не вижу. Если никаких тяжелых патологий, которые могут повлиять на общее состояние нет, должен выздороветь, при соответствующем уходе.

— Спасибо, доктор, — кивнул я, подхватил под локоть Гурама. — Пойдём, выйдем.

— Хорошо, — пожал плечами борец и послушно двинулся за мной.

Во дворе дома стоял тентованный ГАЗ-53. Два южных парня торопливо разгружали из машины пластиковые ящики с черешней.

— Мы что, на этом рыдване Саню повезем? — поразился я.

— Да, — кивнул Гурам. — Не кипятись, все продумано до мелочей. Скажи спасибо Левону Суреновичу. Это он подал идею. Саню на носилках мы поместим в конец кузова. Доктор будет находиться рядом с ним. Затем заставим их ящиками с черешней, полными и пустыми. Везем к дальним родственникам Левона Суреновича. Они тоже в частном доме под Киевом живут. Видишь, там два парня ящики разгружают? Это Адам и Вардан они из той семьи, которая будет Саню у себя дома лечить.

— Подожди, — прервал борца я. — Ты хочешь их вовнутрь кузова посадить и за ящиками с черешней спрятать? Правильно? Я ничего не перепутал?

— Да, правильно. Так и сделаем.

— Вы что, совсем обалдели? — я невольно повысил тон. — Хочешь Сашку добить?! Если машина резко затормозит, на них же всё попадает. Ему же сразу кирдык придёт. Ты хоть это понимаешь?

— Зачем так говоришь, э? — возмутился Гурам. — Не делай из нас ослов, да. Я же сказал, всё продумано. Там уже сетка прикреплена. Когда они зайдут, мы её просто натянем между ними и ящиками. И ничего, никуда не упадёт. Левон Суренович умный, он об этом сразу же сказал.

— Фухх, извини, погорячился, — успокоился я и хлопнул борца по плечу. — За друга просто переживаю.

— Там ещё кушетка. И ещё кое-что, сам увидишь, — самодовольно улыбнулся парень. — Я всю ночь мотался. С нашими созванивался, с Левоном Суреновичем, к родственникам ездил, потом за доктором. Машину вместе с Адамом и Варданом к поездке готовил.

— Спасибо, Гурам, буду должен.

— Какой-такой долг, перестань! — возмутился борец — Я же все понимаю. Друга надо спасать.

— А доктора, кстати, где нашли?

— Левон Суренович помог, — признался Гурам. — У него разные знакомства есть, да. Попросил меня перезвонить через полчаса. Затем продиктовал адрес и телефонный номер доктора. Сказал, что он за бабки братву разную лечит. Тех, кто в больничку ложиться не хочет и с ментами общаться не желает.

— Так док её и на нас может навести. И ментам стукнуть. Такие кадры обычно плотно на крючке сидят. И у братвы, и у органов.

— Не наведет, — уверенно ответил борец. — Ему за нас по просьбе Левона Суреновича серьезные люди позвонили, попросили помочь.

— Будем надеяться.

В отличие от Гурама, у меня такой уверенности не было. Слишком много народу

приходится привлекать. Чем больше людей знают о раненом, тем выше вероятность предательства.

— Всё хорошо будет, — самоуверенно заявил парень. — Вот увидишь.

— Дай бог, — вздохнул я. — Ладно, какой план? Везем Саню к вашим родственникам, и оставляем там. Правильно?

— Да. Они уже комнату для него приготовили. За Саней будут женщины следить и врач этот постоянно приезжать.

— Хорошо. Сколько потратил?

— Ничего не потратил, — отмахнулся Гурам. — Только бензин. На это мне деньги выделили. Доктору ещё пятьсот рублей нужно дать. Сейчас двести и потом, когда лечение закончит, триста. Меньше не получится.

— Надо — дам, — отмахнулся я. — Без вопросов. Главное, чтобы лечил на совесть. А денег ещё заработаем. Везти Саню далеко?

— Не особенно. Километров тридцать и ещё, примерно, десять по окружной.

Наш разговор прервал вышедший на крыльцо доктор с саквояжем.

— Молодые люди, нам пора ехать. Грузите раненого.

— Одну минуту, — попросил я. — Гурам, твои ребята смогут его аккуратно перенести в машину?

— Конечно. Я за ними присмотрю, а что?

— Грузите Саню, а мне нужно отойти на секунду, — попросил я.

— Хорошо, как скажешь, — кивнул борец.

— Вы ещё кое-что забыли, — доктор многозначительно глянул на Гурама.

— Не забыли, помним, — возразил парень, и повернулся ко мне. — Миша, дай ему двести рублей.

Я достал пачку денег, отсчитал две сотни и протянул доктору:

— Возьмите.

Холодная ладонь врача цапнула коричневые купюры. Доктор небрежно сунул деньги в карман халата.

— Мы вам ещё триста должны отдать по окончании лечения? — уточнил я.

— Да, — с достоинством кивнул доктор.

— Получите пятьсот. Но при одном условии. Выхаживать Сашу вы должны как своего любимого сына. Сидите рядом с ним сутками, приезжайте каждый день или пару раз в неделю, меня это не интересует. Мне важен результат. Мой друг должен быть жив и полностью здоров.

— Он должен вылечиться. Но при наличии патологий, возможны осложнения. Я всё-таки не бог, как вы не понимаете... — начал объяснять врач.

— Нет у него никаких тяжелых болезней. Был здоров как бык, пока пулю не получил, — перебил я.

— Хорошо, я понял, — сухо кивнул врач. — Сделаю всё, что могу.

— Вот и отлично, — улыбнулся я. — Гурам, зови парней, пусть Саню в машину заносят. А я отойду на минутку.

Я вошел в дом. Из комнаты бабки слышались тихие голоса, кряхтящий старушечий и звонкий девушки. О чем они говорили, слушать не стал. Мазнул взглядом по столу в тамбуре. стаканчик с карандашами и ручками, блокнотик рядом я заметил ещё вчера, когда мы заносили Саню в дом.

Подхватил ручку, оторвал листок, черкнул на нём пару раз, проверяя, наличие чернил. Удовлетворенно хмыкнул, увидев синие линии, и зашел в маленькую комнату. Присел у дивана, положил лист на тумбочку, старательно вывел ручкой.

«Это бабушке на лекарства! Не вздумай отказываться». Полез в карман, достал деньги, отсчитал пять сотен, бросил их на листок и вышел.

Закрыв дверь. Два парня медленно выносили носилки с Саней.

— Ребята, не торопитесь. Осторожнее его несите. Лучше притормозите, чтобы об углы не стукнуться, — командовал Иван Петрович, стоя в начале тамбура. На выходе Гурам придерживал распахнутую дверь. Из бабушкиной комнаты появилась Влада и застыла на пороге, наблюдая за выносом раненого.

Я пошёл за парнями. При транспортировке Сани в машину, пришлось подключиться нам с Гурамом, подавая носилки, запрыгнувшим в грузовик Адаму и Вардану.

Сашу переместили на широкую скамью-кушетку, расположенную в углу. Там же стояли два стула. Рядом с ними аккуратно сложенная небольшая куча палок. Я даже не стал их рассматривать подробнее. Валяются, ну и пусть себе лежат. Забрался в машину, и подошёл к другу. Следом в кузов залезли врач и Гурам, а парни, наоборот, выпрыгнули наружу.

Борец показал мне прикрепленную к стойке каркаса сетку.

— Смотри.

Он встал на стул, снял один конец сетки с гвоздя, спрыгнул, подхватил стул и переместился на противоположный угол. И там закрепил его на такой же стойке. Получилась отдельная зона, огражденная от остального кузова мелкоячеистой сетью.

— Теперь ты понимаешь, что я говорил? Ни один ящик сюда не упадёт, да, — с гордостью произнес Гурам.

— Отлично придумали, ты молодец, — улыбнулся уголками губ я.

— Это не я придумал, — вздохнул Гурам. — Подсказали.

— А сеть нагрузки выдержит? Не порвется?

— Нет. Она крепкая, толстая, к тому же тройная. Да и пластмассовые ящики с черешней небольшие. Выдержит, конечно. Тем более, ребята будут осторожно ехать, медленно. Конечно, если машина перевернётся, начнёт подниматься в гору, или резко затормозит, другое дело. Здесь сетка может и не помочь, сорвется с гвоздей. А вот защитить от случайных падений верхних ящиков она вполне может. При езде 50–60 километров в час по ровной дороге, проблем быть не должно. Но и здесь мы подстраховались. У борта будут два ряда полных ящиков. За ними — пустые, чтобы уменьшить нагрузку.

— Грамотно продумали, — похвалил я и повернулся к Саше:

— Как ты?

— Нормально, — слабо улыбнулся товарищ. — Немного лучше, чем вчера, тогда думал, всё кирдык.

— Я ему новокаин вколол, — сообщил Иван Петрович. — Александр сказал, что с сердцем проблем у него не было, заболеваний печени тоже, и на момент ранения он был полностью здоров. Сейчас болевые ощущения у него приглушены на некоторое время.

— Спасибо, док, — выдохнул друг и обессилено откинулся на подушку кушетки.

— Сейчас мы тебя отвезем в другое место. Там за тебя доктор серьезно возьмётся. Через пару недель будешь как новенький, — пообещал я, — правда, Иван Петрович?

— Так и будет. Чуть раньше, чуть позже, неважно. Главное, что мы тебя, Александр, на ноги поставим, — дипломатично ответил врач.

— Ладно, пойду с хозяйкой быстренько попрощаюсь и поедем, — сказал я.

— Ты уедешь сейчас с Гурамом? — еле слышно спросил Саша.

— Только после того, как отвезем тебя, перенесем в комнату, и я своими глазами увижу, что всё в порядке и тебя можно со спокойной душой оставить лечиться.

— Спасибо, Миха, я не забуду, — выдохнул раненый.

Он смотрел с такой искренней благодарностью, что мне стало неудобно.

— Перестань, — буркнул я. — Ты же сам знаешь, что меня от пули спас. Это я тебе спасибо говорить должен.

Я быстро выпрыгнул из машины, чтобы прервать неловкий момент. Гурам подошел к борту, и что-то прокричал на армянском. Парни шустро стали таскать в машину выставленные на улицу ящики. Доктор остался с больным.

Влада наблюдала за происходящим с крыльца. Похоже, в отцовскую комнату она ещё не заходила и мою записку с деньгами не видела.

Я подошел к девушке.

— Спасибо тебе огромное. Выручила.

— Не за что, — серьезно ответила девушка.

Помолчали. Я заглянул в колдовские зеленые глаза и выдохнул:

— Буду должен.

— Не нужно этого, — резко отреагировала она. — Забудь. Нет никакого долга, не выдумывай. Просто живи дальше.

— И ещё, Миша, — добавила девушка, после минутного молчания. — Ты вроде парень неплохой, симпатичный, стихотворения красиво читаешь. Но я тебя прошу, если вздумаешь когда-то навестить меня, лучше не надо. У нас разные дороги в жизни. Я не хочу иметь ничего общего с такими как ты. Только не обижайся, пожалуйста.

— Да чего уж тут обижаться, — криво ухмыльнулся я, слова Влады меня сильно уязвили. — Всё понятно. Ты считаешь меня бандитом, а себя порядочной девушкой. Но есть один вопрос. Гипотетический. Если вдруг я, изменюсь, и стану соответствовать твоим представлениям о хорошем парне, проведать тебя можно?

— Тогда да, — Влада подняла на меня глаза, — можно.

— Тогда это тебе от меня, — я быстро наклонился и поцеловал девушку в щеку. — На прощанье. А может быть и нет. Кто знает?

Девчонка, ни слова не говоря, резко развернулась и умчалась в дом. Мне показалось, что я увидел в зеленых глазах капельки влаги. Наверно, всё-таки ошибся...

Поездка прошла как в тумане. Мы с Гурамом ехали на «Ниве» спереди, МАЗ-53 за нами. Гурам мне что-то возбужденно рассказывал, о чём-то спрашивал, я автоматически отвечал, мыслями находясь в доме, где провел ночь. Чем-то меня эта девчонка зацепила. Задела струны души даже у такого прожженного циника как я. Вспоминал Владу, её стройную фигурку, подсвеченную фарами, мечтательную улыбку, печальное милое личико, задорные веселые искорки в колдовских зеленых глазищах, звонкий мелодичный голосок, белую изящную ладошку с длинными пальчиками, автоматически поправляющую упавшую на лоб русую челку.

Я плавал в мире грез и воспоминаний, и не сразу обратил внимание, что мы заехали в какой-то поселок и остановились.

Окончательно меня привел в чувство негодующий вопль Гурама:

— Приехали, млять, — борцуха с силой ударил ладонями по рулю и длинно выругался

на армянском.

— Что такое? — недоуменно спросил я.

— Сам посмотри! — Гурам злобно ткнул рукой вперед. — Мы на месте.

В десятке метров от нас, у красивых резных ворот большого частного дома, виднеющегося за забором, стоял желтый «четыреста шестьдесят девятый» УАЗ с синей полосой и белой надписью «милиция».

Мой мозг лихорадочно просчитывал варианты. Если бы нас здесь ждали менты, «УАЗ» бы никто прямо у дома не оставил. Глупо это. Непрофессионально. Почти как плакат «Осторожно, засада» на заборе. Скорее всего, опера бы поставили машины где-то в отдалении, а сами организовали наблюдение за домом. Но это тоже не лучший вариант. Может подняться стрельба, пострадают люди. Если бы о нас знали и готовились взять, подстерегли и взяли бы на более-менее безлюдной трассе. И ещё один важный момент. В машине никого не было.

— Не психуй, видишь, автомобиль пустой, — успокоил я, что-то возмущенно бормочущего по-армянски Гурама. — Это не по нашу душу приехали. Скорее всего, просто случайность, неприятное совпадение. Может кто-то из ментов живёт здесь или к знакомым заскочили. Сейчас сдаём назад, сворачиваем на параллельную улицу, так чтобы нас не было видно, подождем, понаблюдаем, а когда менты отсюда уедут, разберемся, что к чему.

— Парней предупрежу, они сзади встали, заодно спрошу их, может, что-то знают, — пробурчал борец, открыл дверь и ловко, одним кошачьим движением, перетек на улицу.

Через пару минут повеселевший Гурам запрыгнул на сиденье.

— Парни сказали, не нервничать. Это машина местного участкового. Наши его прикормили. Они сюда лет пять назад переселились. Начали раскручиваться, местным это не понравилось. Были сложности, пара стычек, грозились дом спалить. В итоге договорились с участковым, чтобы навел порядок. Он пообщался с деревенскими и все разрулил. Теперь ему раз в месяц бутылку дают и немного денег, а он помогает, чем может. Но отъехать всё-таки нужно, чтобы перед его глазами не маячить лишний раз. Сейчас ребята тронутся, мы следуем за ними. Мент, максимум, минут через пять уедет. Он никогда долго не задерживается. Машины на опушке поставим, а потом кто-то из парней зайдёт в дом, разведает обстановку.

— Хорошо, — кивнул я. — Они местные, им виднее.

Через пару минут свернули на опушку, спрятавшись от работника милиции за двумя рядами домов. Грузовик остановился спереди, из машины выпрыгнул Адам, резво зашагал и скрылся за углом небольшого домика.

Спустя пять минут он примчался и сразу же побежал к нам.

Гурам открыл окно.

— Участковый уехал. Можем возвращаться и заносить вашего друга в дом, — выпалил парень.

— Понял, — кивнул борцуха и повернул ключ зажигания. Машина довольно заурчала мотором, а Адам побежал к грузовику. Мы двинулись обратно, теперь первым ехал МАЗ, а «нива» Гурама держалась сзади на расстоянии трех-четырёх метров.

Во дворе стояла пожилая женщина и двое мужиков возле открытых ворот. Один — сорокалетний бородатый крепыш, второй — седой, старше лет на пятнадцать, но с прямой спиной и пронизательным взглядом. Из приоткрытой двери дома выглядывала девочка лет семи с блестящими от любопытства глазами.

— Сейчас заедем туда следом за «МАЗом», двор большой — места всем хватит, — сказал борец, поворачивая за грузовиком.

— Соседи не будут языками болтать? — обеспокоенно спросил я.

— Нет, — отмахнулся Гурам. — Справа и слева родня живет. Когда сюда переезжали, два дома у местных купили, один построили. Никто лишнего болтать не будет. Давид здесь всех в кулаке держит. Да и грузовики сюда иногда заезжают. Абрикосы, гранаты, инжир и другие продукты из Армении привозят, чтобы на рынке продавать. У Давида здесь всё схвачено.

— Это хорошо, — довольно кивнул я. — Дай бог, чтобы всё нормально прошло.

Мы заехали во двор. «МАЗ» остановился у входа в дом, мы — недалеко от ворот. За нашей спиной седой и крепыш закрыли створки и задвинули засов, отсекая машины от любопытных глаз. Деревянный забор в высоту был около двух метров, шпакетины были плотно пригнаны друг к другу. Рассмотреть, что делается во дворе, постороннему было невозможно. Не дом, а крепость с высокой стеной. Только рва вокруг не хватает для завершения картины.

Из машины выпрыгнули Адам и Вардан и начали разгружать машину. Ящики с черешней они аккуратно складывали возле забора, пустые отбрасывали в сторону. К ним присоединились я с Гурамом, и старик с крепышом. С разгрузкой покончили быстро, минут за десять. Парни переложили Александра на носилки. Аккуратно опустили их на край кузова, передав нам с Гурамом.

— Осторожно, ребята, смотрите, не стукните, — просил врач, суетившийся рядом. — Любое резкое движение, может открыться кровотечение и состояние ухудшится.

— Я покажу куда нести, — вступил в разговор крепыш. — Идите за мной.

Он распахнул дверь, которую сразу же попридержал седой и зашел в дом. Мы двинулись следом. Саня был в сознании и периодически глухо постанывал. Я глянул на залитое потом осунувшееся лицо, измученные глаза с красными полопавшими сосудиками капилляров и мысленно вздохнул. Похоже, товарищу было очень плохо. Он держался в сознании из последних сил.

Двигаясь за крепышом, мы зашли в небольшую светлую комнату. К стене примостилась огромная железная кровать.

— Туда его кладите, — показал на неё сопровождающий.

Саню медленно, стараясь не тревожить рану, переложили на скрипнувшее пружинами ложе. Видно, что к приезду парня подготовились. Постельное белье сияло ослепительной белизной, еле уловимо пахло хлоркой и шуршало под телом друга. Подушка была взбита и подложена под голову больного. Над Саней сразу же хлопотал доктор. А я неторопливо осмотрелся.

Комнатка оказалась колоритной. На полу и на стене красные ковры, кресла у журнального столика прикрыты яркими разноцветными накидками. Напротив кровати, антикварная резная тумбочка с причудливыми узорчатыми ножками. На ней — угольно-черный квадрат телевизора «Панасоник».

— Здесь старшая дочка жила, — пояснил крепыш, увидев, что я с любопытством разглядываю комнату. — Замуж вышла, переехала, а комната осталась.

— Здесь уютно, — похвалил я. — Можно с комфортом жить. Кстати, как вас зовут? Меня — Михаил. Можно просто Миша.

— Давид, — представился крепыш, пожимая протянутую руку. — Я слышал о тебе. Дядя Левон рассказывал.

— Выйдем, пообщаемся? — предложил я. — Не будем здесь доктору мешать.

— Пойдём, — кивнул мужчина.

Вышли из комнаты, прошли по коридору. Давид открыл входную дверь и вежливо посторонился, пропуская меня на улицу. Мы стали в стороне от машин и ребят, закидывающих пустые ящики в кузов МАЗа.

Я достал деньги, отсчитал десять соток и протянул их мужчине.

— Здесь тысяча. Пятьсот надо отдать доктору, пятьсот — вам, за помощь и уход.

Крепыш взял деньги, помял купюры в руке. Отсчитал три купюры и отдал их обратно.

— Нам деньги не нужны, — спокойно ответил он. — Дядя Левон попросил помочь. Он меня младенцем на руках нянчил. Много добра моей семье сделал. Пришла пора возвращать долги. Чужого бы ни за десять тысяч, ни за сто не взяли. Левону отказать не можем. Твоему другу будет обеспечен самый лучший уход, можешь не волноваться. Двести рублей я взял. Может, придется потратиться на лекарства или ещё что-то. Остаток ему верну.

— Спасибо огромное, Давид-джан, — я с уважением посмотрел на бородача. — Пусть будет так.

— Не благодари, — отмахнулся крепыш. — Спасибо Левону скажешь.

— Хорошо, — кивнул я. — Кто за Саней будет присматривать?

— Женщины. Моя мать, жена и дочь. Не волнуйся. Ухаживать за твоим другом будут на совесть. Кормить как самого дорогого человека, делать всё, что доктор скажет. Все будет хорошо. Он ещё сам от нас уезжать не захочет, — усмехнулся бородач.

— А можно поболтать с вашей мамой? — вежливо осведомился я. — Буквально минут две, не больше.

— Хочешь лично познакомиться, чтобы увидеть, кому доверяешь друга? — прищурился крепыш. — Это можно. Пойдем.

Он развернулся, и зашел в дом. Я последовал за ним.

— Снимай обувь и надевай серые тапочки, вон они стоят, — Давид указал на небольшую полочку с обувью.

Я послушно переобулся. Хозяин тоже скинул сандалии и надел черные тапки на резиновой подошве, и двинулся по длинному коридору. Мне пришлось идти за ним.

— А как вашу маму зовут? — спросил я.

— Аринэ, — бросил Давид, не оборачиваясь.

На кухне пахло безумно вкусно. Ароматы жареного мяса и свежей выпечки будоражили воображение и заставляли непроизвольно сглатывать выделившуюся слюну.

Седая женщина лет шестидесяти деловито кромсала зелень кухонным тесаком, выбивая барабанную дробь на деревянной доске. Когда мы вошли, она перестала резать и подняла глаза:

— Здравствуйте, Аринэ-текин, — поздоровался я.

— Добрый день, — вежливо ответила женщина и повернулась к Давиду. — Сынок, что вы хотели? Хаш будет готов через полчаса.

— Мам, Михаил переживает за друга. Я ему сказал, что ты вместе с Мариам и Лали будешь за ним присматривать, вот он и захотел познакомиться.

Женщина перевела взгляд на меня. Её лицо осветилось мягкой улыбкой, морщины разгладились, а в глазах засиял лукавый огонёк.

— Ну и как впечатление? Доверите нам своего друга, молодой человек? — спросила она.

— Доверю, конечно, куда же я денусь, — развел руками я.

— Не волнуйтесь, ему тут будет хорошо. Мы позаботимся, чтобы он быстрее

выздоровливал и ни в чём не нуждался, — заверила она. — Левон в своё время нам сильно помог. Мы будем рады, хоть частично отдать ему долг.

«Искренне говорит», — решил я, наблюдая за женщиной. — «Фальши не чувствуется».

— Спасибо, Аринэ-текин. Верю, — улыбнулся я.

— Вот и хорошо, — кивнула она. — Подождите полчаса. Обед уже готов.

— Я бы с удовольствием задержался и попробовал ваши великолепные блюда. Уже по запаху чувствую, они божественны. Но, к сожалению, не могу, нам нужно уезжать. Сейчас прощаюсь с товарищем и поеду.

— Не выдумывайте, молодой человек. Вы не можете отказаться. Поедите и потом можете отправляться куда угодно, — женщина строго посмотрела на меня.

— Действительно, Миша, куда ты спешишь? — вступил в разговор Давид. — Гость в дом — радость в дом. Мама старалась, готовила, а ты сбежать хочешь. Нехорошо.

— Я бы с радостью, — виновато признался я, — но у нас каждая минута на счету. Левон Суренович приставил Гурама приглядывать за внуком. Он уехал вперед, и нам нужно его как можно скорее догнать.

Давид многозначительно переглянулся с матерью и вздохнул:

— Раз такие дела, не будем вас задерживать. Иди, прощайся с товарищем.

* * *

Гурам напряженно вглядывался в лобовое стекло, лавируя в потоке машин, а я вольготно раскинулся на заднем сиденье и мысленно подводил итоги нашей поездки, анализировал произошедшее и прикидывал, как действовать дальше.

«Итак, самый важный вопрос — нападение. Оно не было случайным. Работали матерые уголовники, обладающие средствами и немалыми возможностями. В операции были задействованы две машины, „пятерка“ и „УАЗ“. Причем последний был полностью перекрашен в милицейский автомобиль. Вели грамотно, на „пятерке“. Место засады выбрано идеально — в глухом и безлюдном участке дороги. План тоже был продуман грамотно. Первым делом из машины вывели водителя — Олега. После этого, быстро уехать мы бы не смогли. Если бы я не опознал знакомую по тюрьме рожу и не обратил внимания на отсутствие жетона, кранты бы нам были. Вполне могли бы прямо возле машины положить. Товар мы купили на тридцать тысяч, реально его продать даже быстро можно было за сорок даже через левых барыг. А ещё у меня десять штук на кармане. Вполне нормальные деньги по сегодняшним временам, за которые нас можно пустить в расход. Это не считая машину и бабло в карманах товарищей. Как минимум, они с собой тоже по несколько сотен на всякий пожарный прихватили.

Что мы имеем в итоге? За нас взялись серьезные люди с определенными возможностями. Оружие, машины, разработка операции всё говорит об этом. Пожалуй, некоторое время с поездками в Одессу следует повременить, пока не разберемся в ситуации.

И второе, кто-то из новоявленных „партнеров“ или их окружения, стучит бандитам. Натаха, навряд ли, она только начала получать приличные дивиденды от сотрудничества. В том что, это Вадим или Тимофеевич тоже есть сомнения. Бизнес у них идёт, мы отличные клиенты, берем много, платим хорошо. Постоянно продавая нам вещи, можно заработать намного больше, чем за одnorазовый слив отморозкам. Да и если бы они подобным

постоянно занимались, это давно бы стало известно, и весь бизнес пошел бы ко дну. С ними бы просто перестали сотрудничать. Все крупные покупатели если бы не разбежались, то насторожились и на время затаились, точно. Не говоря уже о том, что могли предъявить, и пришлось бы держать ответ.

Значит, это не они. А вот кто-то из шестерок на подхвате в их окружении вполне возможно. Хозяин платит не столько, сколько хочется, а тут можно сорвать куш и получить приличную сумму за наводку. Прикинем, кто был в курсе наших поездок. В первом и втором случае с нами общались телохранители Вадима. Они, кстати, могли знать, что мы обязательно приедем за новой партией после первой сделки и подключить бандитов. А у тех было время на тщательную подготовку „встречи“. Здесь всё сходится.

Почему тогда нас не взяли с деньгами на подъезде к Одессе? Это гораздо выгоднее, чем потом возиться с продажей шмоток. Потому, что мы поменяли автомобили. Поехали не на „шестерке“ Ашота, а „рафике“ и „ниве“. И тогда это всё отлично объясняет. На наши машины просто не обратили внимания. Может быть такое? Конечно, да.

Некоторое время нужно подождать. Продать имеющуюся партию через сеть магазинов в Армении, может быть поискать другие каналы приобретения шмота, но в Одессу пока не ездить. Это первое. Второе, нападение или попытки „опустить нас на деньги“, могут повториться. Сейчас мы работаем не в правовом поле. Значит, являемся идеальным объектом для криминала. В милицию не побежим и заявлений не напишем. Поэтому нас ещё неоднократно, будут „пробовать на излом“. Эту проблему тоже надо решать. Озаботиться созданием силовой поддержки. Криминальные авторитеты, „блатные“, сразу отпадают. „Теневики“ для них дойная корова. Воры всегда будут преследовать свои цели. И закончится все это хреново. В лучшем случае полным раскулачиванием, в духе печально известной сцены „Золотого Теленка“, когда Остапа Ибрагимовича лишили „нечестно заработанного“ на румынской границе.

Ребят, которые составят костяк моей будущей службы безопасности, надо искать и привлекать к работе уже сейчас. Не откровенных бандитов и уркаганов, а военных и афганцев. Возможно, отставного опера, прошедшего огонь и воду. На крайний случай, спортсменов, занимающихся единоборствами. Можно решить их жизненные проблемы, обеспечить достойный уровень жизни, чтобы они были по-человечески благодарны. Создать команду преданных исполнителей, способных решать даже самые острые проблемы. А что делать? С волками жить — по-волчьи выть. Невозможно зарабатывать деньги в условиях перестроечного СССР, будущего кооперативного движения и расцвета рэкета без силовой поддержки. Бизнес должен уметь себя защищать. Решено, именно этим займусь в ближайшее время. А когда найду людей, отправлю их в Одессу, разведать обстановку и заодно прощупать этого „Боксера“ на прочность.

Второй тревожный момент — дедушка Левон. Как-то в цвете всех произошедших событий у меня возникает устойчивый диссонанс. Не вяжется образ скромного рыночного торговца овощами и фруктами с его реальными возможностями. Где-то меня накалывают. Дедушка одним мановением руки организывает миллионные сделки, привлекает серьезных авторитетов, как гарантов, на коротке общается с руководством республики и московскими партийными чиновниками. Что-то здесь нечисто. Понятно, что в Армянской и Грузинской ССР, все могут друг друга знать, но все равно подозрительно. И никоим образом не объясняет его связи среди партийных боссов и высоких чиновников. Ведь уверенно подтвердить информацию о готовящихся реформах могли только на достаточно высоком

уровне. Ещё этот Гурам, по команде доброго дедушки Левона, отправившийся с нами в Одессу со стечкиным за поясом. И добрый доктор, моментально найденный и возникший из ниоткуда, по звонку „серьезных друзей“ Левона. Это, не говоря о живущих рядом родственниках. Люди, видно, они хорошие. Но настораживает то, что при первой просьбе, дали убежище и согласились ухаживать за „расписным“ уголовником с пулевым ранением, не задавая ни одного вопроса. Есть о чём подумать. Слишком много напрягающих странностей и несоответствий, связанных с дедушкой Левонем.

Что Ашот со мною искренен — уверен. Чувствую это. Было бы по-другому, давно бы прокололся. Выдал бы себя, хоть словом, хоть жестом, хоть гримасой или выражением глаз. Скорее всего, сам о „темной стороне“ своего дедушки не знает, или знает недостаточно, и никакого подвоха не чувствует.

Ещё одно настораживающее обстоятельство, связанное с армянским патриархом: я попадаю все в большую зависимость от него. За месяцы общения он стал моей „палочкой-выручалочкой“ с легкостью решающей самые сложные проблемы. Машинами обеспечит, людей, готовых скупить золото и драгоценности на миллионы, найдёт, вооруженного охранника для сопровождения даст. Это, конечно, замечательно. Но в перспективе, наоборот, погано.

Во-первых, привыкаю обращаться к Левону и ожидать, что он всё решит. Это плохо. Прежде всего, для бизнеса. Потому что, расслабляет, дарит ложное чувство безопасности и уверенности. Коммерсант всегда должен быть эмоционально и психологически „заряжен“ и насторожен: рассчитывать только на свои силы и быть готовым к любому развитию ситуации.

Во-вторых, я становлюсь всё больше „должен“ Левону, активно решающему мои проблемы. Естественно, он мне ничего не предъявлял и пока не собирается. Но когда что-то попросит, будет психологически трудно отказать. Это тоже очень плохо.

Пожалуй, на некоторое время, стоит от него дистанцироваться. Причём так, чтобы дедушка ничего не почувствовал и не дай бог, не обиделся.

Провести сделку с золотом, раз уже всё договорено, а потом периодически приезжать, мило общаться, а свои вопросы решать самому, без помощи доброго дедушки. Да, так и поступлю. Обращаться к нему буду, только в самом крайнем случае, если вопрос жизни и смерти, и по-другому его решить не получается. И внимательно наблюдаю, слушаю, отслеживаю каждую реакцию аксакала. Возможно, что-то удастся прояснить».

С этой успокаивающей мыслью я не заметил, как уснул, убаюканный размеренным плавным ходом машины.

Возвращались домой спокойно, пару раз останавливались перекусить в придорожных кафе и в первом же заведении Гурам вручил пятерку официантке, и попросил телефон на пару минут. Он связался с родней Ашота, и узнал, что его подопечный вместе с Олегом уже благополучно добрался до Москвы, загнав «рафик» со шмотками во двор дедушкиного дома.

Левон попросил передать, чтобы я по приезду домой, отдохнул пару дней, и обязательно заехал к нему поговорить. Похоже, меня ожидал «разбор полётов». И не только меня. Немного погрустневший Гурам, наводил на мысли, что ему тоже достанется на орехи. Впрочем, долго расстраиваться он умел, и уже через тридцать минут слушал радио, и оживленно болтал со мной. Мы обсудили женщин, жизнь в Москве, поговорили о спорте и рыбалке. Если не обращать внимания на поломанные уши борца, мощную шею и крепкий торс, не зная, о «стечкине» за поясом, можно было составить впечатление о Гураме, как о компанейском рабочем парне, простом как пятикопеечный медяк...

Когда солнце скрылось за горизонтом, а дневной свет сменился вечерним сумраком, не спавший ночь Гурам начал клевать носом. За руль пересел я, а борец задремал на сиденье рядом. Прав у меня не было, и ночью, когда мы подъехали к Калуге, двигаться дальше не решился. Остановил машину на окружной дороге, рядом с заправкой, и часа на четыре тоже отрубился.

Мы проснулись ранним утром почти одновременно. Черная мгла ночи уже сменилась хмурым серым рассветом. Ярко-алый диск солнца начал восход, окрашивая посветлевший небосвод бледно-розовым сиянием. Сперва я, потом Гурам ополоснулись, сходили в туалет на заправке. Затем прыгнули в машину и помчались дальше. В одиннадцать часов утра мы уже въезжали в Москву. А ещё через сорок минут «нива» остановилась возле моего подъезда.

— Всё, приехали, — пробурчал борец.

— Бывай, Гурам, — я протянул парню руку. — Спасибо, что с Саней всё организовал. Бог даст, встретимся ещё. Всего доброго.

— Пока, — борцуха крепко пожал мне руку. — И тебе всего доброго.

Родной подъезд привычно встретил меня облупившимися стенами с матерными надписями. Но было кое-что новое — нестерпимая вонь. Её источник обнаружился сразу — большая коричневая куча, наваленная в углу, и наполовину кокетливо прикрытая испачканной бумажкой. Её фундаментальные пирамидальные формы и кокетливые завитушки наводили на мысль об артистической натуре создателя, рожавшего это чудо в муках из глубин своего организма. Или подводили к простому выводу, что некоторые люди на 80 % состоят не из воды, а из дерьма. И не только получаемого в процессе переработки пищи.

«Млять», — скривился я. — «Чую ароматы родного дома. Сразу анекдот на ум приходит. Тот самый, о разговоре двух червяков. Пап, а почему мы живем не в апельсине, яблоке или персике, а в говне? Эх, сынок. Есть такое слово — Родина. Нет, отсюда нужно как можно скорее съезжать. Надо Ашоту сказать, пусть на хорошего маклера выход найдёт. Вопросов возникнуть не должно. Я официально работаю, мать — тоже. Предъявить нам ничего не смогут. Рассмотрим все варианты: обмен с доплатой, аренда, покупка кооператива. Всё что угодно, только в хорошем доме, подальше от подобных гадюшников».

Перспектива ждать лифт, вдыхая тошнотворные миазмы, не прельщала. Я рванул вверх

по лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки. На одном дыхании преодолел несколько пролетов, остановившись перед своей дверью из коричневого дермантина. Он ещё больше порвался, и в некоторых местах гордо торчали пучки ваты.

Два поворота ключа и дверь, послушно открылась. Коммуналка, как и в первый раз, встретила меня перетянутыми веревками в коридоре и очередными трусами, майками, штанами, развешанными на них. Причем, я чуть не впелся лицом в огромные женские панталоны, как паруса, колыхающиеся перед входом. Судя по размерам, Танькины.

Дверь в комнату напротив, открылась. На меня глянули внимательные как у Штирлица глаза Петровны.

Из коридора величаво выплыла Таня. Игриво шевельнув бедром, толкнула меня, притиснув к стенке пудовыми сисями. Ладошка дамочки нежно проехала по бугорку на ширинке.

— Зайдешь? — толстушка плотоядно облизнула пухлые губки.

— Танюх, я ночь не спал, только приехал, — вяло отбивался я. Но организм меня подло сдал. Бугорок на ширинке моментально увеличился.

Пухлышка победно улыбнулась.

— Ты уверен? — промурлыкала она, увеличив частоту и интенсивность поглаживаний. — У меня там шампанского чуток осталось. И свежие пироги с мясом. Только час назад испекла.

Вторая ручка мадамы залезла под футболку, и аккуратно покалывала меня ноготками, исследуя грудь.

— Знаешь чем соблазнить, — выдохнул я, чувствуя, как громадные сиси елозят по моей груди. Мой дружок уже занял позицию «на старт» указывая точно вверх.

— Путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Особенно если он пустой. Всегда обожал твои пирожки, — я многозначительно скользнул взглядом по двум белоснежным полушариям, выглядывающим из-под выреза халатика.

— Я знала, что ты не откажешься, — победно улыбнулась Таня, продолжая тереться об меня всем телом, — Пойдем.

Она развернулась и заметила любопытные глаза Петровны, загадочно мерцающие из щели приоткрытой двери.

— А ты чего смотришь? Третьей хочешь быть? — рявкнула пухлышка, отстранилась от меня, подбоченилась и воинственно уперла руки в боки.

Дверь с грохотом захлопнулась.

— Зачем на бабушку наехала? — мягко попенял я.

— Та достала уже, — фыркнула Таня. — Представляешь, вчера Петровна, меня и мужа начала жизни учить. Что, мол, пора уже детишек заводить. Дошла до того, что начала советовать нам, в каких позах сексом заниматься, чтобы гарантированно забеременеть. Она, это, видите ли, в какой-то медицинской книжке прочитала. Пришлось на неё наорать, чтобы успокоилась. Сейчас подглядывает, а потом когда никого не будет, лекцию прочитает о моей греховной жизни и необходимости покаяться. Совсем умом тронулась старуха.

— Не боишься, что твоему расскажет?

— Не-а, — легкомысленно отмахнулась молодуха, — На это она не способна. Понимает последствия. Ну так что, ты идёшь?

Её рука расстегнула змейку на брюки и залезла в трусы.

— Ого, какой он у тебя, как железо, — улыбнулась она, — Пошли быстрее, я вся горю.

После горячего и бурного секса с Танькой, я пошел отсыпаться. По дороге, уже совсем на «автомате», позвонил Олегу, а потом Ашоту. С первым договорился пересечься на тренировке в зале. Второй пообещал подъехать и встретить нас после её окончания.

Затем завалился на кровать и уснул как убитый. Проснулся через три часа. Матушка ещё не пришла с работы, оставил ей записку, мол, приехал, всё в порядке, вечером буду. Минут пятнадцать поплескался в душе, собрал спортивную форму, взял недавно приобретенные боксерские перчатки, и пошёл на тренировку.

В зале, всё было как обычно. Василий Петрович держал на лапах худенького высокого брюнета лет двадцати. Его помощник Вова боксировал с плотным, коренастым парнем на ринге, увидел меня, приветственно махнул перчаткой. Олег тоже уже пришёл. И в снарядной зоне, лупил сериями по здоровенному боксерскому мешку, еле заметно качающемуся от ударов.

К нему я подошёл сразу же, как только переоделся. Товарищ улыбнулся и протянул перчатку. Я стукнул по ней кулаком.

Олег оглянулся по сторонам, убедился, что до нас никому нет дела, и тихо спросил:

— Как там Саня?

— Нормально. Доктора нашли, к родственникам Ашота перевезли, денег на лекарства и уход дал. Жить будет. Врач говорит, выкарабкается, — ответил я.

Фуххх, — облегченно выдохнул Олег. — Просто гора с плеч свалилась.

— А вы как доехали?

— Без происшествий. Нас двое, решили нигде не останавливаться, ехать к родным Ашота. Сменяли друг друга. Один спит, другой машиной управляет. Утром уже были на месте. Загнали рафик в гараж, потом он меня на своей «шестерке» до дома подбросил.

— Чего стали? — голос тренера заставил нас замолчать. — Вы на тренировку пришли или посплетничать? Олег продолжай работать с мешком. Миша разминайся и ко мне. Побьешь по лапам.

— Хорошо, Василий Петрович, — кивнул я. Минут десять у меня ушло на разминку. Попрыгал, помахал руками, поприседал, размял суставы и связки. Намотал бинты на руки, натянул огромные коричневые боксерские перчатки, больше похожие на подушки.

— Давай, Миша, как всегда начнём с джеба, — предложил тренер, выставляя левую руку.

Бух. Моя перчатка с глухим стуком влепила в самый центр подставленной лапы.

— Неплохо, — кивнул наставник и двинулся вбок, обходя меня слева. — Бей сразу же, как выставляю лапу. На автомате. Старайся не думать и примериваться, а лупить сразу на инстинктах.

Тренер постоянно двигался, уходил влево, назад, шагал вправо, резко шел на меня, постоянно менял дистанцию, выставлял лапу на разной высоте, не позволяя мне застаиваться. Через пару минут по лбу потекли первые капли пота.

— Пойдёт, — кивнул Петрович. — А теперь двоекку. И не забывай о защите.

Я от души пробил левой-правой, ощущая, как дергаются лапы под моими ударами, и сразу же получил ответный тычок в бороду.

— Я же сказал, не забывай о защите, — наполнил тренер. — Зевнул удар, плохо.

Василий Петрович погонял меня ещё пару раундов, заставляя пробивать разные комбинации. Потом отпустил и занялся Олегом.

Я отошел к рингу, вытирая пот со лба.

— Миха, постоим раунд-другой? — спросил подошедший Вова.

— Давай, — пожал плечами я. — Только за капой схожу. Я её в сумке оставил. Не думал, что сегодня боксировать буду.

Вова выдал мне настоящий мастер-класс. Его левая рука постоянно финтила, прощупывая мою оборону, корпус качался как маятник. Владимир обозначал джебы, пробивал в корпус, угрожал боковым и доставал прямым. Резко на подскоке выбрасывал молниеносные серии, заставляя меня закрываться перчатками, и виртуозно уходил от встречных атак под разными углами. Плотно попасть в него не получалось. Помощник тренера обладал быстрыми ногами и отличной техникой. Он ловко подныривал под боковые, подставлял под удары перчатки, уклонялся от прямых движением плеч. И сам бил, бил, бил меня в ответ — доставал на скачке, ловил сайд-степами, смещаясь в стороны, менял угол атаки циркулем.

Когда раунд закончился и тренер, глянув на секундомер, прокричал «брэк», пот катился из меня ручьями, лицо было красным, и неприятно саднило. Чувствую, что несколько ссадин на нём точно образовалось. И в голове шумело. Хорошо, ещё, что Вова настоял, чтобы я надел шлем, лежащий у края ринга. Иначе пару рассечений мог бы заработать, столкнувшись с ним головой у канатов.

— Ещё раунд? — предложил помощник тренера.

— Не, сегодня я пас. Немного форму растерял. Надо в тонус войти, — отказался я. — Да и ты намного выше уровнем. Это чувствуется.

— Так тебе с такими как я и надо боксировать, — серьезно ответил Владимир. — Тогда будешь расти как боец.

— Знаю. Я не отказываюсь. Давай через пару тренировок повторим. Постоим раунда три. Но на сегодня хватит.

— Да без проблем, — пожал плечами Володя. — Как скажешь.

Меня сменил Олег. Бой они с Вовой устроили потрясающий. Помощник тренера был намного быстрее и техничнее, а десантник напористей и тяжелее. Он намного больше пропускал, но пару раз хорошо зажал Владимира в углу, взрываясь сериями боковых и апперкотов.

Я посматривал на бой, молотя мешок, затем провел три раунда с тенью и решил, что на сегодня довольно. За мной в раздевалку пошел Олег. Там уже были люди, и мы ни о чем важном не говорили, перебросились парой общих фраз, обсуждая спарринги с Володей.

На улице нас ждала «шестерка» Ашота. Я сел на переднее сиденье, рядом с водителем, Олег развалился на заднем.

— Что с Сашей, живой, да? — сразу же спросил Ашот.

И этот туда же. А ведь не так давно при знакомстве, чуть не передрались друг с другом.

— Живой. Все с ним в порядке. Лечат. А что тебе дед или Гурам ничего не рассказали?

Нет, — мотнул головой приятель. — Дед молчит. Гурама ещё не видел.

— Понятно. В общем, Саню перевезли к твоим дальним родственникам или друзьям, я точно не знаю. Сейчас он в доме под Киевом находится, врач за ним присматривает. Деньги на лекарства и уход я оставил. Через недельку не раньше, попрошу Левона Суреновича, чтобы с ними связался. Вроде большой опасности нет. Всё должно быть хорошо.

— Слава богу, — облегчённо вздохнул армянин. — Пусть лечится. Потом его заберем, да.

— У нас тут кое-какие вопросы и предложения возникли по дальнейшим планам. Когда в Москву ехали о многом поговорили. Теперь хотим всё с тобой обсудить, — признался Олег.

— Давайте обсудим, я не против. Тоже хотел с вами о разном пообщаться. Поехали в какое-нибудь кафе поблизости. Куда предлагаете?

— Поехали в «Арагви», да, — оживился Ашот. — Закажем отдельный кабинет, чтобы никто не мешал.

— Не нужно, — покачал головой я. — Место очень известное, престижное. Там разная публика собирается, бандиты, валютчики, известные артисты, цеховики. Не исключено, что кабинеты слушает КГБ. Просто для сбора компромата. Не уверен в этом, но лучше так не рисковать.

— Хорошо, тогда куда поедем? — деловито спросил армянин.

— А давайте в кафе «Снежинка», — предложил Олег. — Оно недалеко находится. Есть веранда. Там можно и поговорить. Закажем мороженое, коктейли, закуски, салатки какие-нибудь и пообщаемся в спокойной обстановке.

— Принимается, — кивнул я. — Поехали.

— Я не знаю, где оно находится, — беспокоился Ашот.

— Сейчас едешь прямо, — ответил десантник. — Потом поворачиваешь направо, выезжаешь на дорогу, а дальше я покажу...

Кафе «Снежинка» оказалось вполне приличным заведением. Мы сразу поднялись на второй этаж. В углу оживленно щебетала парочка влюбленных, лакомясь «наполеоном» и запивая его чаем. В середине сидели супруги средних лет с сыном-школьником, уничтожая ложками горку из разноцветных шариков мороженого, политых шоколадным кремом с измельчёнными орешками. Больше никого не было.

Мы сели на большой веранде, окруженной цветами. Небольшой ветерок дарил свежесть и прохладу, панорама вечернего города, сияла желтыми огнями окон и фонарей.

Олег надиктовал заказ, подошедшей молоденькой официантке. Через пять минут на нашем столе появились салатки, мясная нарезка. От спиртного мы отказались, обойдясь парочкой бутылок «Тархуна». Ашот был за рулём, а мы не хотели напиваться после тренировки.

Официантка, сверкая приветливой улыбкой, быстро расставила все содержимое подноса, и удалилась, цокая каблучками по деревянному полу.

Олег проводил заинтересованным взглядом округлый задик девушки, под облегающей черной юбкой, повернулся к нам, набулькал «Тархуна» в бокалы и поднял свой.

— Будем!

Мы чокнулись и пригубили напиток.

— Ну что, ребята я вас внимательно слушаю. Задавайте свои вопросы, — предложил я.

— Миша, мы тут с Ашотом говорили, обсуждали нападение, — начал десантник. — И у нас сразу возникло несколько вопросов. Первый. Ты говоришь, что скоро запустится кооперативное движение. Так?

— Так, — настороженно подтвердил я. — И?

— Так может нам пока никуда не лезть? Деньги у нас есть и не малые. Продадим золото, ещё один-два миллиона капнут. Подождём, когда законы примут, и начнём уже

легально работать. Тогда и официальную охрану найдем, чтобы грузы охраняла. Как тебе такой вариант?

— Не подходит, — нахмурился я.

— Почему?

— Потому, что к кооперативному движению надо подходить полностью подготовленными. Во-первых, иметь уже полностью сложившуюся структуру организацию и схемы работы. И тогда мы всех будем опережать на много шагов. У нас уже есть рабочие варианты продаж. А ещё понадобятся люди, которые привозят товар, машины, реализаторы, служба охраны. То есть к моменту открытия кооперативов надо построить полностью готовый к запуску бизнес. Конкуренты только раскачиваться начнут, а у нас уже разветвленная структура, всё налажено. Понятно, что я утрирую, многие фарцовщики тоже имеют схемы, знают, что, куда и кому продавать и быстро соображают. Но в отличие от нас у них не будет серьезной, разветвленной организации. А к моменту запуска первых коммерческих предприятий, она у нас должна быть создана и обкатана на различных схемах.

Второе. Нам нужно очень много денег. И эти два или сколько миллионов — капля в море для моих целей. Их нам не хватит. Главный закон бизнеса — деньги должны делать деньги. А нам нельзя останавливаться ни на минуту. Иначе, обойдут на повороте, договорятся с нашими клиентами, приберут к рукам только начинающие у нас работать схемы. Короче, для моих целей нам нужна куча бабок, отлаженная структура и доверенные люди, которые работают на нас и решают разноплановые задачи.

— А зачем нам столько денег? — поинтересовался Ашот.

— Потому что, ребята, — я обвел глазами друзей, сделал эффектную паузу, чтобы приковать их внимание. — У меня есть грандиозный план. Я хочу построить огромную бизнес-империю, выйти на крупный международный уровень, сразу, как только это станет возможным. И в первую очередь заработать сотни миллионов, а то и десятки миллиардов в стране, где сосредоточены самые лакомые активы и финансовая мировая система — Соединенных Штатах Америки.

— И как ты себе это представляешь? — в голосе Ашота проскользнули еле заметные насмешливые нотки. — Я, например, на рынке работал, до того, как с тобой начал дела делать, да. И знаю, всё до самых мелочей. Кому сколько давать, откуда фрукты гонять, как цены рассчитывать и продавать и даже как товар на прилавке раскладывать. Я тебе верю. Как ты говорил, так всё и получается, да. Но мы об Америке ничего не знаем. Как мы там заработаем, даже имея большие деньги?

— Очень правильный вопрос, — улыбнулся я и сделал эффектную паузу, приковывая внимание. Такой поворот разговора предвидел и как отвечать, продумал.

— Помните, я рассказывал, как с бывшим комитетчиком в больничке лежал?

— Помню, — подтвердил Ашот.

Олег кивнул, продолжая слушать.

— Так вот этот мужик был связан со специальным отделом конторы, который занимался подробным анализом экономики США. Они получали ежедневные сводки о процессах, происходящих в экономике Америки, информацию, какие конторы становились монополистами на рынке или самыми прибыльными в своем сегменте деятельности. А потом давали аналитические справки по грядущим кризисам, развитию отраслей экономики, скачкам потребительского спроса, перспективным товарным позициям. Делалось это по многим причинам, их мы рассматривать не будем, чтобы не тратить время на то, что нам не нужно. Так вот, этот мужик в больничке много читал. Штудировал экономическую теорию, даже книги на английском об устройстве бизнеса. Я проявил к этому интерес, и начал задавать ему вопросы. В больничке было скучно, мы часто общались и подружились. Когда гуляли и перекуривали на территории, он мне очень много познавательного рассказал, не только о планируемых переменах, но и об устройстве американской экономики и особенностях бизнеса.

— А как это, такой матерый дядька так легко разговорился и начал с тобой делиться сокровенным? — прищурился Олег. — Странно это как-то.

— А вот так, — развел я руками. — За что купил, за то и продаю. На мой взгляд, всё естественно. Во-первых, никаких военных тайн он не выдал. Ну сказал, по секрету, парню, с которым подружился, что в государстве назревают большие изменения. И что из этого? Я на него донос писать не побегу. Во-вторых, он уже отставник и не на службе, а это расслабляет. В-третьих, я думаю, возраст сказывается, старики любят общаться с молодежью, рассказывать всякое-разное, а тут ещё увидел, что у меня глаза горят, воодушевился и его вообще понесло. В этом, повторюсь, никакой тайны не было, а о книгах на английском всегда можно сказать, что изучает для лучшего понимания мотивов кровожадных капиталистов, ищет сведения из зарубежных источников, поскольку пишет свою книгу, чтобы заклеймить презрением «бесчеловечный мир чистогана».

Именно это товарищ отставник доктору во время утреннего осмотра и заявил, когда тот заинтересовался английскими книгами. Сказал, что их ему принесли старые друзья из КГБ, чтобы он лучше изучил предмет. Так красиво гнал, что я аж заслушался. И учтите, уже не 37 год. Всё в духе времени. А совсем скоро всё будет ещё интереснее. Много новых слов узнаете «перестройка, демократия, гласность, ускорение», потом правда «перестрелка» и «перекличка» начнётся, среди тех, кто выжил, но то такое. Впрочем, я немного отвлёкся.

Сами всё увидите, уже не так много осталось, через пару лет всё начнётся.

Так вот, продолжая тему. Отставник мне много интересного поведал о том, как работает экономика Америки. Чтобы было понятно, для капитализма характерны кризисы перепроизводства. Грубо говоря, это когда предложения товаров и услуг начинают намного превышать потребительский спрос. А значит, они остаются невостребованными. А деньги, которые вложены в производство, рекламу, инструменты, зарплаты для персонала, аренду торговых и промышленных площадей, перестают «отбиваться», то есть переходят в графу «убытки». В результате крупные игроки на рынке увольняют рабочих и персонал, уменьшают количество торговых точек и производственных площадей, отказываются от части офисов и некоторых товарных категорий. То есть минимизируют убытки. А мелкие компании разоряются. Дальше начинается целая цепочка событий, которая раскручивает кризис, на них тоже останавливаться не будем.

Это правило действует и в США. Но в Америке есть один интересный элемент отличающий их от многих капиталистических стран. Это фондовая биржа. Именно с «черного вторника» 29 октября 1929 года началась Великая Депрессия. И подстегнули её действия спекулянтов на бирже, надувших мыльные пузыри акций множества крупных компаний, которые обрушились вниз подобно гигантской волне — цунами, сносящей целые кварталы городов.

— Миш, а покороче нельзя? — нетерпеливо заерзал на стуле Олег.

— Нельзя, Олежка, терпи, здесь надо подробно рассказывать, иначе вы суть не поймёте. Так вот на этой бирже продаются акции различных компаний, самых крупных в стране, бурно развивающихся и совсем новых. Сразу поясню, предвидя вопросы, акции — это частичка собственности компании, выраженная в ценной бумаге. Грубо говоря, если предприятие оценивается, например, в 10 миллионов долларов, то можно выпустить миллион акций по 10 долларов. И каждый купивший такую ценную бумагу приобретает маленькую частичку собственности компании и может рассчитывать на соответствующую прибыль в процентном отношении.

Теперь об особенностях работы фондового рынка. К примеру, есть две фирмы в Америке, обе продают обувь. У обеих, допустим, по паре миллионов долларов. Первая работает классическими методами, развивает производство, нанимает рабочих, оплачивает рекламную компанию, открывает филиалы. А вторая идёт на фондовую биржу. Проходит все необходимые процедуры, и выставляет свои акции на продажу. Дальше есть несколько способов спровоцировать искусственный спрос на них. Для этого надо знать человеческую психологию, законы фондового рынка, иметь авантюрный характер и уметь искусно использовать несколько эффективных инструментов для создания ажиотажа. Как всё это делается — тема отдельного разговора, к нему перейдем потом, когда выйдем на необходимый уровень и начнем подбираться к Америке. Пока первая фирма только тратит и вкладывается в расширение, вторая на фондовой бирже может заработать ещё два-три миллиона, как минимум. А потом с помощью элементарных действий, выкупить первую и стать монополистом на рынке.

— Каких элементарных действий? — уточнил Ашот. — Пример привести можешь?

— Запросто, — ухмыльнулся я. — Допустим, первая фирма взяла большой банковский кредит, чтобы развивать своё производство и торговую сеть. Это распространенная практика. Она исправно вносит ежемесячный платеж, но сразу погасить кредит не может. И тут вторая компания, заработав на фондовой бирже, входит в сговор с банкирами. Банк

начинает требовать срочно погасить кредит, согласно какому-то пункту, прописанному в договоре. Первая фирма не может этого сделать. Что в результате? Её имущество попадает в залог. И его выкупает вторая фирма. Это первый вариант. Второй, она вносит деньги по соглашению с конкурентом и становится основным владельцем первой компании. И так, и этак, вторая фирма, игравшая на бирже, убирает конкурента, вкладывавшего в реальное производство, и становится монополистом на рынке.

А ещё деньги, полученные на фондовой бирже, можно использовать по-другому. Например, временно снизить цены на свою продукцию ниже себестоимости. Это одна из стратегий конкурентных войн. Первая фирма, вложившая свои средства в развитие производства, разоряется. Просто потому, что у неё нет денежных резервов для таких игр.

А вторая опять-таки становится монополистом на рынке, и скупает имущество конкурента по низкой остаточной стоимости. В результате она полностью возвращает потраченные деньги и зарабатывает миллионы на реальном рынке, ведь конкурента, торгующего той же продукцией уже нет, и все вынуждены покупать у неё. Понятно, что не всё так просто. Я многое утрирую и обобщаю, но механизм работы вам ясен?

— В целом да, — осторожно подтвердил Ашот.

Десантник, после небольшой заминки, неуверенно кивнул.

— Но у меня, у нас, — поправился армянин, глянув на Олега, — возможно, будут ещё вопросы, да. Подумать надо, над тем, что ты рассказал.

— Это только начало, — довольно сообщил я. — Всё это рассказал только для того, чтобы вы поняли, на фондовой бирже можно зарабатывать миллионы и переводить их в реальный сектор экономики. Теперь о другом способе стать миллиардером. Зачем я в начале рассказал об аналитическом отделе из лучших учёных-экономистов, работающих с данными, поступающими из США? Как думаете?

— Чтобы, когда разрешат кооперативное движение, и мы начнём получать большие деньги, наладить с ними контакты и заработать в США на фондовой бирже, используя полученные данные, да? — предположил армянин.

— Абсолютно верно, — подтвердил я. — Как вариант, использовать информацию, о перспективных, стремительно развивающихся компаниях, которые в будущем станут лидерами рынка в своих отраслях и аккуратно скупать их акции. Здесь тоже много нюансов, но их мы будем рассматривать тогда, когда процесс начнётся. И если всё получится так, как я хочу, мы станем даже не долларовыми миллионерами, а мультимиллиардерами. Каждый может купить себе тропический остров, построить там роскошный особняк со всеми удобствами, забавать как арабский шейх гарем из самых красивых девушек мира, в общем оторваться на полную катушку и реализовать самые безумные мечты.

— Это здорово, — глаза у Ашота заблестели от предвкушения. — Знаешь, расскажи мне об этом кто-то другой, я бы долго смеялся, да. Но ты уже доказал, что знаешь, о чём говоришь. Я тебе верю.

— За информацию придется платить? — осторожно уточнил Олег.

— Конечно, придётся, — подтвердил я. — Знаешь, что самое ценное в мире бизнеса? Нет, не деньги, даже не талант и определенные связи. Это конечно, тоже очень важно. Но самое ценное, инсайдерская информация. Именно она может принести миллиарды тем, кто знает, что, когда и насколько.

— А что такое инсайдерская? — наивно поинтересовался десантник. — Я и слов таких то, и не знаю.

«Чёрт, увлекся», — мысленно отметил я. — «Конечно же, откуда ему это знать — в 86 году».

— Я тоже, — поддакнул Ашот.

— Это стопроцентно верные данные, полученные от сотрудников компаний. Членов правительства или других людей в силу должностных обязанностей владеющих секретной информацией, которую широкая общественность не знает, — объяснил я. — Она может причинить ущерб или помочь заработать миллионы. Ну, например, акции какой-то компании, постоянно растут и находятся на пике. Ты ими владеешь, но пока придерживаешься, надеясь, что они ещё вырастут. А генеральный директор компании, являющийся её мозговым центром и главным генератором идей, приносящих прибыль, на другом полушарии, где-то в Австралии, выпрыгнул с яхты поплавать, и был сожран акулами на глазах твоего друга, который сразу же побежал к капитану дал денег и связался с тобой прямо с корабля. О гибели директора никто ещё не знает, а ты начинаешь продавать акции, потому что сразу же выстроил простейшую логическую цепочку последствий и понимаешь, что цена на них в ближайшее время рухнет, а фирма обанкротится. Таким образом, выходишь из ситуации с прибылью, а все остальные с убытками.

Или вот ещё пример: компания «А» недавно выставила акции на фондовую биржу, приобрела огромный участок, на котором исследует месторождения полезных ископаемых. А работающий у них главный инженер, твой любимый племянник. И когда он находит золотую жилу, то первым делом бежит звонить тебе, а руководство уведомляет через пять-шесть часов. За это время ты успеваешь скупить за копейки кучу акций, становишься мультимиллионером, когда они взлетят в цене, и делишься прибылью с племянником. Вот, что такое инсайд, если кратко.

— И у нас будут такие инсайды? — немного недоверчиво уточнил Ашот.

— В какой-то мере да, — подтвердил я. — Информация от лучших учёных и советских аналитиков, обработавших массив экономических данных и выдавших свои рекомендации, что делать и какие акции покупать. Если я договорюсь с отставником, а через него со специалистами, всё должно сработать. И добавлю, мы можем работать не только на фондовой бирже, но и на фьючерсных. Там принцип работы немного другой, но тоже интересный и позволяющий сделать серьезные деньги. Основное различие, что на такой бирже продаются фьючерсы — контракты на поставку товаров в будущем. Это позволяет фиксировать цены на нужную продукцию, то есть использовать хеджирование — страхование возможных рисков с целью компенсации затрат. Приведу наглядный пример. Я уже упоминал о компании «А», занимающейся производством обуви. Основное сырьё для туфель и ботинок — кожа. У компании уже есть долгосрочные контракты, допустим на полгода, на поставку своей продукции в супермаркеты по фиксированной стоимости. Причём, возможность поднять цену, согласно этим договорам, минимальна. А если кожа резко взлетит в стоимости, то компания потерпит убытки и разорится. Чтобы этого не произошло, компания осуществляет хеджирование, то есть закупает фьючерсный контракт на поставку кожи в таком же количестве по фиксированной цене, действующей на настоящий момент. Таким образом, если стоимость материала взлетает, то и цена приобретенного контракта поднимается на столько же значений. И его можно продать по этой стоимости. В результате компания не теряет деньги, поскольку фьючерсный контракт, который она приобрела, также подорожал.

— А что, нельзя просто забрать кожу по этому контракту? — спросил армянин.

— Нельзя. Бывали случаи, когда покупки фьючерсных контрактов заканчивались поставками реальных товаров. Но их единицы. Сами по себе фьючерсы — это базовый финансовый инструмент, способный зафиксировать нужную стоимость требуемого актива и свести риски изменения цены к минимуму.

— Сложно-то как, — почесал затылок десантник. — Так сразу и не разберешься. Но интересно.

— Учись, казак, миллионером станешь, — улыбнулся я. — Погоди ещё, откроются кооперативы, появится литература по бизнесу, я вас ею с ног до головы загрузу, чтобы были финансово грамотными.

— Я учиться буду, да, хорошо учиться, — с жаром ответил Ашот. — Как только книги появятся, сразу много накоплю, хочу стать настоящим бизнесменом, да.

— Какие твои годы, станешь, конечно, — я дружески хлопнул армянина по плечу. — Мы же одна команда. Можешь рассчитывать на мою помощь, подскажу что брать, чтобы ты всяким мусором себе голову не забивал, а только нормальную литературу читал.

— Слушай, ты всё это из бесед со своим отставником запомнил, да? — поинтересовался армянин.

— Не только. Я с ним до сих пор поддерживаю отношения и выпросил несколько переводов английских и американских книг по бизнесу. Под честное слово никому не давать. Поэтому поделиться с вами не могу. Пока. А дальше видно будет.

— Ладно, — продолжил я. — Опять отклонились от темы. Так вот, на фьючерсах тоже можно отлично заработать, если знать, что поднимется в цене. Например, стальной металлопрокат. И аналитики могут нам подсказать целый ряд интересных позиций, ознакомившись с данными на рынке. Вот такие планы ребята. Но чтобы их реализовать, нам нужно сначала хорошо поработать здесь. Обрасти людьми, деньгами, связями, чтобы выйти на американский рынок во всеоружии.

— Дай бог, чтобы всё получилось, да, — задумчиво пробормотал Ашот.

— Получится, — уверенно ответил я. — Главное, чтобы вы всегда помнили: мы — одна команда. Несмотря ни на что, надо поддерживать друг друга и вместе идти к одной цели. Не все выдерживают испытание деньгами. Даже лучшие друзья могут стать врагами. Я очень надеюсь, что у нас такого не будет.

— Не будет, да, — кивнул Ашот. — Ты мне как брат, Миша-джан. С ребятами я тоже подружился.

— А ты, Олег, чего молчишь? — спросил я у десантника.

— А что тут говорить? — откликнулся товарищ. — Мы недавно знакомы, но уже кое-что пережили, под пулями побывали. Правильно ты сказал, пока вместе, всё будет в порядке. Поссоримся, плохо сделаем всем. Ты Саню не бросил и сделал всё, чтобы его вытащить. Я это увидел и оценил. Обещаю, тоже вас не бросить и не предать в трудную минуту. Всё.

— Годится, — кивнул я. — Только учите, никому о том, что я вам сейчас рассказал, ни слова, ни полслова.

— Могила, — пообещал Олег. — Можешь на меня рассчитывать.

— Обижает, да, — воскликнул Ашот. — Даже деду ничего не скажу.

— Левон Суренович в курсе, — успокоил я. — Для меня он свой человек, который нам очень много помогал и, надеюсь, ещё поможет. Можешь даже перекинуться с ним парой слов о сегодняшнем разговоре, я не против. Но подробности ему знать не обязательно. Этот план действий — только наш. Мы — отдельная команда со своими делами. Чем меньше о

них знают другие, даже близкие люди, тем выше наши шансы на успех. Запомните: деньги любят тишину. Поэтому знать, как и на чём мы будем зарабатывать, другим не обязательно, во избежание проблем.

— Хорошо, — кивнул Ашот. — Так и сделаю. Скажу, но в общих чертах, без подробностей.

— Парни, ненадолго прервемся и уделим должное еде, — предложил я. — Не знаю кому как, а мне есть охота.

Ребята замолчали, заработав вилками и ножами, с аппетитом уничтожая мясную нарезку и салатки.

Я к ним присоединился. Неторопливо поковырялся в салатике, закинул в рот ломтик балыка, и воспользовавшись паузой, мысленно подвёл итоги.

Первая задача решена. Легенда озвучена, цели поставлены. Когда мы начнём работать в Америке ненужных вопросов, что мы делаем и зачем не возникнет. За много лет занятий бизнесом я посвятил огромное количество времени самообразованию в финансах, биржевой торговле, изучению новейшей истории мировой экономики и этапов успеха самых прибыльных и известных международных компаний. В голове отложилось большое количество полезных сведений, которые в ближайшие пару лет, при наличии начального капитала, позволят сделать миллиарды. Конечно, история о таинственном отставнике и великих аналитиках имеет свои дыры и несоответствия. В двадцать первом столетии мне никто бы не поверил. Но в восемьдесят шестом году люди более наивные. Ребята уже хорошо заработали с моей помощью, увидели, что слова у меня не расходятся с делом. Они мне доверяют, и несоответствия в рассказе выискивать не будут. И это очень хорошо. Не могу же я рассказать им правду, слишком бредово она будет звучать. И приведет к множеству осложнений, не говоря уже о том, что малейшая утечка информации, и мною заинтересуются спецслужбы. Возможно, не только наши. Поэтому пока пусть будет так — отставник просветил, а таинственные аналитики помогут в будущем заработать миллионы в США.

— А чем мы сейчас будем заниматься? — спросил Олег. — Я так понял, что в Одессу на некоторое время ездить перестаём?

— Правильно понял, — кивнул я. — Пока не разберемся, кто нам гоп-стоп организовал, лезть туда не стоит. План такой. Сначала надо эту партию вещей реализовать в Армении. Ещё на днях должна пройти сделка с золотом. По самым скромным подсчётам, она должна нам принести полтора-два миллиона рублей. После этого, займемся организацией другой деятельности. Нам нужен выход на тех, кто может предложить крупные партии вещей и обуви. Один вариант могу предложить прямо сейчас — кроссовки «Адидас». Синие с тремя полосками. Единственная модель, выпускаемая в СССР.

— У меня такие есть, — оживился Ашот. — Хорошая обувь, качественная, удобная. И смотрится хорошо. Если цена будет рублей 150–170, быстро разметут.

— Конечно, разметут, — ухмыльнулся я. — С тех пор как «Адидас» одел и обул советских спортсменов на московской Олимпиаде, вещи и обувь этой марки стали культовыми и самыми узнаваемыми у жителей нашей страны. Каждый школьник, студент и молодой специалист мечтает об этих кроссовках. В Союзе такая обувь, по соглашению с западногерманским производителем, изготавливается в нескольких местах. Первое — Московский экспериментальный комбинат. Там кроссовки начали выпускать ещё с 1979-го года. Вот на нём сконцентрируемся в первую очередь. Наверняка, там обосновались теневики, которые гонят «левак». Как я представляю, из официально списанных «отходов» производства.

Ещё эти кроссовки выпускают на обувных предприятиях в Ереване, Киеве и Тбилиси. Эти варианты тоже стоит проверить, но во вторую очередь. Слишком большие расстояния. Возникает вероятность, что машину случайно могут осмотреть гайцы и тормознуть товар. Естественно, мы сразу же попадаем в поле зрения милиции, открывается уголовное дело. Плюс сюда накладываются расходы на бензин и траты на перевозку. Поэтому постараемся договориться с москвичами, а грузинами, армянами и украинцами начнём работать лишь в том случае, если цена окажется достаточно «вкусной».

Ещё у меня имеются несколько вариантов, но я не пока не готов их рассматривать. Все они имеют существенные недостатки, например, большой объём товара при гораздо меньшей ожидаемой прибыли. Поэтому, сосредоточимся пока на кроссовках.

— Слушай, можно попробовать выйти на ребят с Шереметьево, — предложил Ашот. — Оттуда идет аппаратура, кассеты, джинсы и другие шмотки разные.

— Мы пока этого делать не будем, — наотрез отказался я.

— Почему?

— Потому, что международный аэропорт под пристальным контролем КГБ и милиции, — пояснил я. — А ещё там есть своя мафия: валютчики, фарцовщики, спекулянты. Даже грузчики периодически потрошат чемоданы зарубежных туристов, на этом и живут. Все друг друга знают, покрывают, связи налажены годами. Все грядки давно поделены. А тут появляемся мы, такие красивые и во всем белом, и тоже хотим получить свой кусок пирога. Нам сразу же организуют серьезные проблемы, чтобы жизнь мёдом не казалась. Менты и комитетчики могут подставить и посадить, остальные покалечить или убить.

— Хорошо, тогда давай свое производство организуем. Будем джинсы шить. У меня есть

варианты, где лейблы в Москве достать. Можно найти швейные машинки в домах быта или на фабриках, подобрать официально списанные на металлолом. Найти большой частный дом, в каком-нибудь глухом месте Подмосковья. Отыщем человека, знающего технологию производства, разберемся с выкройками и будем изготавливать джинсы. Там же их варить. Технология простая. Я её отлично знаю. Отдыхал в однажды ресторане с парнями, этим занимающимися. Вот они и рассказывали.

Можно ещё выкройки с журналов «Бурда» или «Работница» взять, у меня дальние родственники в Армении так и сделали, и различные модные шмотки шить в товарных количествах. С тканями и фурнитурой проблем не будет, я знаю, где их достать.

— Извини, но нет, — вздохнул я. — Этим мы заниматься не будем. По крайней мере, сейчас.

— Зачем так говоришь? — начал кипятиться Ашот. — Хорошее же дело предлагаю, да. Сами делаем, ни от кого не зависим, много денег зарабатываем.

— Есть четыре больших проблемы, которые перекрывают возможную прибыль, — спокойно объяснил я. — Первая. Сейчас организация подобного производства — уголовная статья. Нужно дожидаться разрешения на официальное открытие кооперативов, чтобы подобное дело начать. Мы тоже, конечно, незаконным делом занимаемся. Покупаем шмотки в Одессе, перевозим в Москву, реализуем через знакомых фарцовщиков или сеть армянских магазинов. Спекуляция в чистом виде — уголовно наказуемое преступление. Но у нас все риски сведены к минимуму, настолько, насколько это возможно. Больше всего мы уязвимы только при перевозке товара и передачи его продавцам. Всё. С покупателями не контактируем, у них деньги не берем, то есть по большому счёту светимся по минимуму, только там, где это действительно необходимо. Да могут возникнуть проблемы, но риски гораздо меньше, если бы мы продавали вещи напрямую покупателям. Вторая проблема — возможность попасться ментам или ОБХСС вырастает в геометрической прогрессии. Покупка такого оборудования — это след и контакт с производителями, открытие подпольного цеха в Подмосковье — мощнейшая засветка. Это швейное оборудование, сконцентрированное в одном месте, сотрудничество с местными или привозными швеями, о котором будут знать все ближайшие деревни. И человеческий фактор, нанимая людей на работу, ты должен быть готов к тому, что любой из них, может обидеться, настучать, попытаться шантажировать или просто растрепаться о нашем деле подругам и родственникам. И чем больше работниц, тем больше проблем. Тем более, что это не матерые урки, прошедшие Крым и рым, а обычные бабы, со всеми своими недостатками.

Ещё папаша Мюллер в «Семнадцати мгновениях» говорил: «Знают трое — знает свинья». Как ты думаешь, долго проработает наше предприятие при таком уровне засветки?

— Ты прав, Миша, — с уважением глянул на меня Ашот. — Недолго проживёт, да. Или жители сдадут, или работницы.

— Вот именно, — улыбнулся я. — Третья проблема — мы теряем мобильность. Сейчас в любой момент можем сняться с деньгами и поехать, например, в Сибирь, и организовать дело там. А ты предлагаешь, привязаться к одному месту, сидеть там, складировать материалы и одежду, контролировать работу швей. В настоящий момент, это просто нерационально. И последний, четвертый — производство, это долгие деньги.

— В каком смысле, долгие? — полюбопытствовал Олег.

— В том, что сначала надо вложиться в оборудование, материалы, помещение. Затем наладить производственный процесс. Вложенные деньги отобьются, в лучшем случае, спустя

месяцы. Мы потратим кучу времени, материальных средств, нервов, а результат будет мизерным, на уровне пары быстрых сделок по перепродаже шмоток. С учётом тех рисков, о которых я рассказал, заниматься изготовлением джинсов и других шмоток именно сейчас, огромная глупость. В дальнейшем, когда кооперативное движение легализуется, мы, обязательно откроем собственные производственные предприятия. Я даже знаю несколько вкусных вариантов, способных принести нам солидные деньги. Но пока об этом рано говорить.

— Это ты все из своих книжек узнал, да? — прищурился Ашот.

— И из них тоже, — подтвердил я. — У меня есть цель — стать богатым человеком. И я к ней иду, постоянно учусь, получаю новые знания. Даже с марксистской теорией о происхождении капитала ознакомился, чтобы лучше представлять процессы, происходящие в бизнесе.

— Когда ты всё успеваешь? — вздохнул десантник. — Ездить в Одессу, заниматься делами, тренироваться, ещё и учиться.

Чуть не брякнул в ответ о «тайм-менеджменте», но вовремя спохватился, и прикусил язык. Даже на Западе, сейчас, возможно, таких терминов не знают. В 86 году это будет звучать как ответ представителя высокоразвитой внеземной цивилизации неразумным туземцам с каменными топорами.

Немного помедлив, я усмехнулся:

— Захочешь миллионы заработать, ещё и не так раскорячишься. Ладно, я вот о чём хотел с вами поговорить. Любой бизнес должен уметь себя защищать. Рано или поздно нам все равно понадобится прикрытие. Возможно, когда будем открывать кооперативы, потребуется заручиться поддержкой комитетчиков или ментов. Можно и с уголовниками договориться, но я считаю, лучше дело иметь с «красными», чем с «чёрными». Менты и комитетчики, как минимум, несколько лет особо наглеть побоятся, будут действовать с оглядкой, ведь недавно в Союзе бизнес уголовно преследовался. К тому же, по моей информации, когда откроют кооперативное движение, сверху спустят приказ, «не мешать» кооператорам. С другой стороны «свято место пусто не бывает». Кооператоров активно начнут доить «воры» и их пристяжь с одной стороны, и молодая поросль бандитов, образующаяся из спортсменов, занимающихся силовыми видами и единоборствами: тяжелоатлетов, культуристов, боксеров, борцов и многих других.

— Да откуда ты можешь это знать? — не выдержал Олег.

— Простая логика, — пояснил я. — Поинтересуйся, как все происходило в США, в период первоначального накопления капитала, почитай историю «Дикого Запада». А когда милицию и ОБХСС в приказном порядке обяжут не трогать новоявленных коммерсантов, их место гарантированно займут бандиты. Да, того же «Крестного Отца» Марио Пьюэз достаточно почитать, чтобы это понять. Это потом менты и комитетчики, разобравшись в ситуации, активно начнут влезать в бизнес, охранять коммерсантов от бандитов и доить их. Но пару лет у нас по любому будет.

— Допустим, — согласился десантник. — И что ты предлагаешь?

— Деньги у нас есть. После продажи золота будет ещё больше. Уже сейчас надо заниматься созданием своей службы безопасности — крепких ребят, способных прикрыть нас в трудных ситуациях.

— Организовать свою банду? — улыбнулся Олег.

— Называй, как хочешь, — не поддержал его веселье я. — Повторяю, любой бизнес

должен уметь себя защитить. Когда мы возвращались из Одессы, нас спасла по сути случайность. Я узнал одного из «ряженных» и заметил, что у него нет обязательного жетона. Не будь этого, всех бы положили.

— Здесь много вопросов возникает, — задумчиво протянул десантник. — Кадры, оружие, организационная структура, кто ими будет руководить. Это только то, что сейчас в голову пришло.

— Организационную структуру и техническое оснащение обсудим позже. Сейчас надо сконцентрироваться на подборе кадров. Нужны сильные, смелые и при этом по-своему порядочные ребята. Например, афганцы. Они уже имеют боевую подготовку, побывали на войне и не боятся крови. Я, кстати, планировал, когда начнётся кооперативное движение, активно помогать инвалидам афганской войны, и не только им. Бизнес должен не только зарабатывать, но и отдавать. Но это тема для другого отдельного разговора. Сейчас самая важная задача сформировать костяк нашей службы безопасности — силового крыла будущей структуры. У кого-то из вас есть мысли, где искать?

— Есть, — кивнул Олег. — Предлагаю подключить к нашим вопросам, Вову из зала, ты его отлично знаешь.

— Помощника тренера? — уточнил я.

— Да. Вова в Афгане не был. Но срочную отслужил морпехом в 55 дивизии, был в разведбате. Подготовку получил отличную. Готов за него поручиться. Да ты и сам в принципе знаешь, что парень нормальный. Ему как раз деньги нужны, сестра с ребенком — разведёнка, живет с родителями, обстановка там не очень. Хочет ей кооператив купить.

— Можно поговорить. Ещё мысли есть?

— Есть. И афганец знакомый имеется, тоже хороший парень. Уголовников ненавидит. После приезда, работал у нас на машиностроительном. Зацепился с местной блатотой на танцах, отмудохал двоих, попал под статью. Был взят на поруки трудовым коллективом, потом уволился из завода. Сейчас сторожем работает на той стройке, где я тружусь. Он нормальный парень, но бытовухой тяготится, говорит, что после Афгана понял, мирная жизнь не для него, адреналина не хватает. Вернуться в Афганистан сверхсрочником не может, матери пообещал, что больше туда ни ногой. Твоё предложение будет для него манной небесной. Уверен, ухватится обеими руками.

— Замечательно, — улыбнулся я. — Пока ему ничего не обещаю предварительно, вытяни его куда-нибудь, посидим, пообщаемся, погляжу на твоего афганца. Если понравится, сразу с ним договоримся, не вопрос.

— Сделаю, — пообещал десантник. — Заскочу вечером на работу, когда он придёт, пообщаюсь. Потом тебе позвоню и сообщу, как договорился.

— Вроде все, — подытожил я. — Да, Олег на несколько дней ничего серьезного не планирую. По крайней мере, пока я не поговорю с дедом Ашота. Ты в любой момент можешь понадобиться.

— Сделка по золоту? — догадливо уточнил тяжеловес.

— Она самая, — улыбнулся я.

* * *

Легкий ветерок игриво теребил и приподнимал подол белого платья, обнажая изящные

девичьи ножки в белых модельных туфельках, обтягивал ткань, очерчивая высокую грудь. Девушка гордо шла по аллее парка, задрав носик и прекрасно понимая, какое-впечатление она производит на мужчин. Недалеко сидящие и весело гомонящие юнцы лет восемнадцати замолкли и заморожено следили за стройной девичьей фигуркой, направляющейся ко мне. Даже пенсионеры на лавочке ненадолго оторвались от шахмат, разглядывая красотку с копной сияющих золотистых волос.

— Привет, Ева, — я встал со скамьи, придерживая букет бордовых роз.

Накрашенные ярко-алые пухлые губы чуть разошлись в улыбке, демонстрируя ровные белые зубки. Из-под длинной челки, распушенной ветром, лукаво стрельнули ярко-синие глаза.

— Привет! — откликнулась девушка.

Я сунул в ладошку букет, подхватил девушку за предплечье, и аккуратно подтянул к себе и с удовольствием запечатлел на белоснежной щечке поцелуй, не обращая на завистливые взгляды окружающих мужчин. Один из проходящих мужиков, плешивый пузатик, так засмотрелся от нас, что получил звучный подзатыльник от такой же дородной супруги.

— Зайдем в кафе? — предложил я. — Знаю, тут одно интересное местечко с вкусным мороженым.

— Давай сначала просто погуляем по парку, пройдемся, подышим воздухом, а там будет видно.

— Как скажешь, моя принцесса, — я галантно поклонился девушке. — Ваше желание для меня закон.

— Перестань, — Ева шутливо хлопнула меня по плечу.

Я подставил локоть, и девушка с готовностью подхватила меня под руку. Деревья махали нам ветками, приветливо шелестя листвой. Мы неторопливо шли по зеленой аллее парка, наслаждаясь теплым летним ветерком и солнечным днём.

— Где ты пропадал? — спросила девушка, прижимаясь ко мне мягким теплым бочком.

— Пришлось уехать по делам, — туманно ответил я. — Только недавно вернулся, и сразу позвонил тебе.

— Ты скрытный, — вздохнула Ева. — Вроде бы, все рассказал там на пароходе, но я чувствую, многое не договариваешь.

— Ещё мудрый царь Соломон говорил: «Во многих знаниях, многие печали», давай не будем умножать скорбь, её и так хватает на этой планете, — улыбнулся я. — Ничем плохим я не занимаюсь. На Западе есть отличная поговорка: «Хочешь рассмешить Бога, поведай ему о своих планах». Я сейчас многое делаю для того, чтобы обеспечить своё будущее. Но если расскажу, по закону подлости, ничего не получится. Придёт время, сама всё узнаешь, а пока давай просто насладимся этим прекрасным днём и отдохнём от надоевших повседневных забот.

— Давай, — кивнула девушка. — Но ты всё-таки загадочный. Как граф Монте-Кристо. И вообще не похож на прежнего Мишку. Иной раз мне приходят в голову фантастические мысли. Например, что его похитили инопланетяне, и заменили на тебя.

— Угадала, — ухмыльнулся я, не удержался и поцеловал заалевшую Еву в тонкую шейку, там, где возле ключицы билась маленькая синяя жилка.

— Ты чего? Ну не при всех же, — девушка возмущенно оттолкнула меня.

— Ничего. Просто хотел укусить тебя за шею и выпить твою молодую девичью кровь, — начал дурачиться я. — Ты раскрыла мою тайну. Признаюсь, я граф Михал 12 Дракула,

прибыл сюда из дремучего Средневековья, проспав пару столетий в фамильном склепе своего замка. Чтобы занять место Михаила Елизарова пришлось выпить его кровь. Там было столько много алкоголя, что я чуть не отравился. Пришлось пару дней полежать под капельницами, мучаясь от похмельного синдрома.

— Дурак. Прекрати паясничать, — острый локоток резко воткнулся в бок. — Я серьезно.

— Я тоже. Ну а что ты хотела, чтобы тебе ответили? Что я, почти побывав на том свете, понял, какой херней маюсь, и нашёл в себе силы измениться? Хочешь, притчу по теме расскажу?

— Хочу.

— В одной далекой стране жил великий мудрец. И был у него ученик. Захотел он проверить мудрость своего учителя, поставить его в тупик своим вопросом. Ученик поймал бабочку, и плотно взял её в свои ладони. Решил подойти к наставнику и спросить у него, живая ли бабочка, или мертвая. Если учитель заявит «живая», ученик чуть сожмёт ладони и покажет мертвую бабочку. Если, наоборот, скажет «мертвая», разомкнет руки, и бабочка улетит. В любом случае, опозорит учителя. Парень подошел к наставнику, стоящему в окружении людей и спросил:

— Жива или мертва бабочка в моих ладонях?

Мудрец пристально посмотрел в глаза юноше и ответил:

— Всё в твоих руках...

— Ну и в чем смысл этой притчи? — Ева улыбнулась уголками губ. — У меня имеется ответ, но я хочу сначала выслушать твой.

— Тут несколько смыслов. Первый — всё зависит только от тебя. Хочешь изменить жизнь, меняй её. Я это хорошо понял, оказавшись в реанимации. Второй — иногда не стоит ожидать простых ответов, делить мир на только черное и белое. Реальный мир более сложен и многогранен. И даже, когда ты думаешь, что знаешь истину, то можешь ошибаться. И в нашем случае, не ищи какого-то подвоха, и воспринимай меня таким, какой я есть. Хорошо?

— Хорошо, — улыбнулась девушка и неожиданно прильнув, клюнула губами мою щеку.

— А вот это было неожиданно, но приятно, — усмехнулся я, машинально стирая алый опечаток помады.

Ева покраснела.

Мы уже подошли к пруду. Я украдкой оглянулся. Рядом никого не было, только в отдалении бродила компания молодежи, и с другой стороны виднелись спины супружеской парочки с ребенком лет десяти.

Положил руки на талию, резко притянул к себе слабо сопротивляющуюся девушку, отодвинув в сторону букетик, чтобы не мешал, и жадно впился губами в приоткрытый алый ротик.

* * *

Домой я вернулся поздно, мама уже спала. В комнате меня ждала записка «Макаронны, сосиски и котлеты в холодильнике. Если захочешь поесть, разогрей. Звонил твой друг Ашот, трубку брала Петровна. Просил тебе передать, что в девять утра заедет, чтобы обязательно был на месте, это очень важно».

— Дед, очень хочет тебя видеть, да, — тараторил Ашот, вращая руль. — Мне сказал, Миша должен быть у меня в первой половине дня, найди и предупреди его.

Машина резко развернулась, заставив испуганно взмыть в воздух, вальяжно гуляющих во дворе голубей, и двинулась по асфальтовой полосе к выезду.

— А что такое? — осторожно спросил я. — Не знаешь, почему такая суета?

— Дед не говорит, — усмехнулся парень. — Тебе всё расскажет, да. Но я случайно услышал, как он отцу отдавал приказ собрать всех старших, чтобы подготовиться к будущей встрече гостей. Думаю, на днях покупатели золота приедут, да.

— Отлично, — оживился я. — Это хорошая новость.

— Сейчас с дедом поговоришь, нужно будет Олега предупредить, — деловито заметил Ашот. — Плохо, что нас только трое будет. Может, еще его друга — афганца с собой возьмем, на всякий случай? Олег за него ручается.

— Исключено, — категорично отказался я. — Мало ли за кого наш доблестный десантник рубаху рвёт. Ты представляешь, какое это искушение видеть, как другие получают миллионы? Планка вполне может упасть. Тем более что ему с этих денег ничего не причитается. Максимум, можем сотню-другую подкинуть, за участие. Нет, таких экспериментов мне не нужно. Сначала я посмотрю на парня, поговорю с ним, проверю его в деле, и только потом пойму, стоит ли ему вообще доверять и брать с собой на крупные сделки.

— Как скажешь, брат, — кивнул парень, следя за потоком машин на дороге. — Я тебе в этом вопросе полностью доверяю, да.

— После встречи с твоим дедом, свяжемся с Олегом и договоримся о встрече. Надо решить все технические вопросы. Как транспортировать золото до дома, продумать процесс перевоза денег, действия в различных ситуациях. Насколько я помню, стволы, который мы у братвы забрали, Олег забрал?

— Он, — кивнул Ашот, — Сказал, что спрячет в надёжном месте, да.

— Вот. Их тоже надо приготовить. Сделка крупная, деньги должны получить огромные, удар может последовать с любой стороны, — я прервался, заметив обиженный взгляд парня, и сразу добавил:

— Левону Суреновичу и твоим родным я доверяю. Не о них речь. Кроме твоей родни, будут присутствовать покупатели и люди авторитетного вора, как я понял. Вот от них любой подянки можно ждать. Даже кто-то из окружения может решить сделать свой маленький гешефт, не ставя босса в известность. Поэтому надо быть настороже.

— Правильно, говоришь, брат, — согласился товарищ. — Но я думаю, всё нормально будет, да. Дед всех родственников привлечёт, ты же процент обещал. А это десятка три мужчин с охотничьим оружием и не только. Никто не рискнёт напасть там. Разве что на дороге.

— И этот момент тоже нужно предусмотреть, — согласился я. — Обсужу его с Леоном Суреновичем, а потом с вами прикинем, как максимально себя обезопасить.

За разговором о текущих делах время летело незаметно. Я попросил Ашота помочь найти мне маклера для переезда в более подходящую квартиру. На время или навсегда, все равно, главное выехать из опостылевшей хрущобы, которая у меня уже в печенках сидела.

Парень охотно согласился. У него уже был на примете человек, помогавший родне, покупать кооперативы и обменивать квартиры.

Через час мы уже подъехали к дому дедушки Левона. Особняк патриарха утопал в изумрудной зелени раскинувших ветки клёнов и громадных дубов. Знакомый двор снова встретил меня нежной волной цветочных ароматов и яркими бутонами роз и других растений.

На веранде, как и прошлый раз, сидел дед Ашота. Пожилой худощавый мужчина с аккуратной подстриженной седой бородкой, убранными назад волосами, белоснежной рубашкой навыпуск и такого же цвета тонкими брюками, расположился в плетеном кресле. В крепкой мозолистой руке сверкало огнём ярко-красное вино, искрились золотистые блики солнца на тонком стекле бокала. Второй бокал и бутылка оплетенная лозой, стояли на столике.

Сходство с благородным испанским идадьго, отдыхающим на своей семейной ферме, было поразительным. Для полноты картинке не хватало пары черных рабов с угодливо согнутыми спинами.

Ашот отстал от меня и быстро ушёл по асфальтированной дорожке к черному входу. Дед неторопливо поднялся из кресла, сверкая широкой белоснежной улыбкой.

— Здравствуй, Миша-джан, дорогой.

— Добрый день, Левон Суренович, — ответно улыбнулся я, приближаясь к патриарху.

Старик обнял меня, сразу же отстранился, и указал на кресло рядом:

— Садись, дорогой.

— Спасибо, — я опустился на широкое плетеное сиденье и замер в ожидании:

— Выпей вина, — предложил патриарх, взяв бутылку оплетенную лозой в руку. — Мне друзья прислали из своих личных запасов. У них собственный виноградник. Несколько поколений их семьи делали собственное вино, вкладывали в него всю душу. Оно свежее, как порыв утреннего ветра, сладкое как поцелуй невинной девушки. Вкус этого божественного нектара невозможно передать словами: в нём ощущается теплота летнего солнца, прохлада горного воздуха, сочность спелых ягод. Это не напиток, а произведение искусства, Михаил-джан.

— Вы так красиво сказали, парон, что я не могу вам отказать, — улыбнулся я. — Захотелось поскорее попробовать это произведение искусства.

— Это правильно, — довольно кивнул патриарх. — Хорошим вином, как и жизнью, надо уметь наслаждаться в любом возрасте.

Рубиновый напиток тонким ручейком полился в фужер, отображаясь пляшущими радужными бликами на стене.

Я аккуратно подхватил пальцами тонкую стеклянную ножку, поднес бокал к губам, вдохнул и пригубил колыхнувшуюся бордовую жидкость. Еле уловимый фруктовый аромат с нотками весенней свежести заинтриговал, а спелая сладость винограда в сочетании с пикантной кислинкой, заставила восхищенно прикрыть глаза, смакуя великолепный напиток.

— Я вижу, ты в полной мере оценил вкус, — заметил Левон Суренович, внимательно наблюдая за мной.

— Да, это божественный нектар, небесная амброзия, напиток богов, — выдохнул я, снова пригубил напиток и поставил его на стол.

— Но вы, наверно, меня пригласили не для дегустации?

— Конечно, — посерьезнел патриарх. — Сделка с золотом должна пройти послезавтра утром. Тебе с парнями нужно быть у меня в восемь ноль-ноль.

— Раз надо, буду, — пожал плечами я. — Не переживайте, Левон-джан, не опоздаю.

— Первым приедет Тенгиз. Он является гарантом сделки. Я думал, подъедет кто-то из его ребят, но он прибыл в Москву и решил прибыть лично, заодно и со мной пообщаться. Помни важный момент. Тенгиз — из авторитетных воров. Очень вспыльчив, поэтому тщательно контролируй каждое своё слово и другу своему из десанта скажи, чтобы вел себя скромно. Он любит эксцентрично одеваться и изображать аристократа, но боже тебя упаси, улыбнуться или сделать какой-то жест, что будет истолковано как усмешка. Даже пристальный взгляд Тенгиз может воспринять как вызов. Но и пугаться особенно не стоит. Если будете держаться с ним спокойно и на рожон не лезть, всё будет хорошо. Он чувствует страх, и тех, кто его боится, презирает, не считает за людей. Но при этом держит своё слово, и относительно порядочен. И ещё, чтобы ты представлял уровень этого человека. Ему платит вся Абхазия, те кто спиртным торгуют, шмотки шьют, спекуляцией занимаются, в общепите работают. Ходят упорные слухи, что он родственник Шеварднадзе — в недавнем прошлом первого секретаря КП Грузии, а сейчас министра иностранных дел и члена Политбюро. Во всяком случае, Тенгиз — единственный человек, не из партийных шишек, который выстроил себе огромный трехэтажный особняк на морском побережье в блажном месте, а местным ментам, и комитетчикам дан негласный приказ его не трогать. Было ещё несколько показательных случаев, которые многих убедили, что его прикрывают на самом верху. Рассказывать о них не буду, тебе это ни к чему.

Он мне ещё в молодости был кое-чем обязан. В отличие от славянских воров — «правильных бродяг», разводить тебя на долю в общак и интересоваться, кто вы такие, не будет. Ему главное мне услугу оказать и двадцатку получить. Но обмана и неуважения Тенгиз не потерпит, не тот человек. Помни это, и веди себя с ним соответственно: уважительно, но без страха и подобострастия. Будь спокойным, сам общаться с ним не лезь, но если спросит, обязательно ответь.

— Спасибо, парон, — поблагодарил я. — Я ценю ваши советы, и буду действовать в точном соответствии с рекомендациями.

— Подожди, Миша-джан, я ещё не закончил, — отмахнулся патриарх. — Слушай дальше. Золото покупать будут, как ты уже знаешь, два компаньона. Первый — Георгий. Он из Грузии. Имеет парочку подпольных цехов по разливу вин, тесть — директор известного колхоза, Георгий продает его продукцию на рынках, через сеть своих продавцов, маскирующихся под селян. Есть у его семьи ещё другие прибыльные дела, долго рассказывать. Человек очень состоятельный. Связан с коллекционерами и контрабандистами. Покупает для ценителей различные золотые украшения, имеющие историческую ценность, картины и другие предметы искусства.

Его компаньон, Манвел, мой земляк. Любит корчить из себя простачка. Сам известный стоматолог. Практикует, и в клинике, и на дому. Лечить зубы к нему ездит вся республиканская элита. Он тоже занимается скупкой золота. И не только для протезов. Ищет царские монеты, украшения, предметы быта. Причём не простую штамповку, хотя и её может приобрести, а фамильные ценности, ещё дореволюционные брошки, колъе, кольца, серьги, запонки, если они принадлежали какой-то исторической личности: желательно аристократу либо известному купцу, сумма повышается вдвое или втрое. У него отец известный ювелир, всю жизнь скупал драгоценные металлы и камни, поэтому Манвел

отлично разбирается в них.

Старик неожиданно прервался, помолчал мгновение, а потом спросил:

— Как ты думаешь, Миша-джан, зачем я тебе всё это рассказываю?

— Чтобы я составил представление о людях, с которыми буду общаться на сделке, понимал, чего от них ожидать и случайно не совершил ошибку.

— Правильно, дорогой, — кивнул Левон Суменович. — Цена в 30 рублей за грамм уже определена. Я о ней договорился. Здесь они не соскочат. Но могут быть нюансы. Первый, Георгий, наверняка, предложит, не считать десятые части граммов при каждом взвешивании, и будет смотреть на твою реакцию. согласишься, можно давить дальше. Потом он предложит округлить сумму, в сторону уменьшения или скажет, что у них немного не хватает, и предложит тебе не мелочиться, потому что других таких крупных оптовых покупателей больше не найдешь. И чем больше ты будешь прогибаться и соглашаться на уступки, тем больше тебя будут стараться продать на уступки и обмануть. Если у них так на золоте получится, то и на камнях пройдет.

— Спасибо, что рассказали, Левон-джан. Со мной это дохлый номер, — заверил я. — Ничего у них не получится. Где сядут, там и слезут.

— Это хорошо, — кивнул патриарх. — Кстати, будь готов к тому, что драгоценные камни на советских украшениях окажутся простыми стекляшками и тебе их вернут обратно.

— Почему? — опешил я.

— Перед сделкой я немного интересовался вопросом, — ответил Левон Суменович. — В Союзе почти никогда не вставляют в украшения настоящие драгоценные камни, только синтетические. Бриллианты ещё редко попадают в изделия для элиты, но в основном в штамповочных украшениях их заменяли фианитами. А все разноцветные камни: рубины, топазы, корунды и прочие, почти наверняка, искусственные.

Связано это с тем, что в СССР нет месторождений рубинов, подходящих для ювелирных изделий. Корунды добывают на Кольском полуострове и на Урале, но там и цвет считается нехорошим, и трещины частое явление. Они тоже в своем большинстве не использовались для драгоценностей. Наша страна не готова тратить большие деньги в валюте на приобретение драгоценных камней для ювелирки. При этом изделие с синтетическим камнем всегда можно продать неискушенным советским людям за солидные деньги. Вот и поставлено на поток производство советских золотых украшений с искусственными камнями. Нет, конечно, можно найти колечко с уральским изумрудом или другим подобным камешком, но всё реже и реже. Так что, могут солидную часть твоих камней забраковать. Но тогда, чтобы быть уверенным, что тебя не надули, требуй, чтобы камни выковыряли, и отдали тебе. Ничего им не оставляй и за копейки не продавай.

— Я понял, парон. Так и сделаю.

— И не переживай. Я немного разбираюсь в камнях, не как профессионал, но кое-что знаю. И драгоценность от стекляшки отличить сумею. Если понадобится, скажу своё слово. Всё будет нормально.

— Спасибо, Левон Суменович. Буду вас внимательно слушать и действовать, как скажете.

— Я в этом не сомневаюсь, Миша-джан, — светло улыбнулся Левон Суменович и поднялся со стула. — Пойдём, ещё кое-что покажу.

Старик двинулся к выходу. Я вскочил и последовал за ним.

Патриарх открыл дверь, и вышел наружу. Через десять секунд, он потянул за ручку

калитки соседнего дома. Она оказалась незапертой и открылась с противным протяжным скрипом. Я отметил, что забор соседнего дома такой же высокий, как и у старейшины — метра два с лишним в высоту. Даже если кто-то окажется рядом, разглядеть, что за ним происходит, не сможет.

— Заметил? — усмехнулся патриарх, перехватив мой взгляд. — Мы его специально таким высоким сделали, чтобы чужие любопытные глаза лишнего не видели.

Двор дома оказался просторным. Но в отличие от жилья Левона Суреновича менее ухоженным. Не было роз и других красивых цветов, а высокая зеленая трава в нескольких местах сменялась беспорядочными сучьями кустов.

Сам дом был одноэтажным, поменьше и не таким красивым как особняк старейшины армянской общины.

Пока я с интересом обзирал окружающую местность, входная дверь распахнулась. Из дома выглянула дородная тетка лет 50-ти. Увидела Левона и на её лице расцвела широкая улыбка.

— Барев дзес, Левон-джан, — согнулась она в полупоклоне.

— Здравствуй, Ерануш, — степенно ответил патриарх. — У вас уже все готово?

— Конечно, парон, пройдите сами, посмотрите.

— Через пару минут гляну, — пообещал старейшина и повернулся ко мне:

— Вот сюда заедут машины, и Тенгиза, и покупателей. Мы встретим их во дворе. В комнатах посажу человек пять родственников с оружием. С нами тоже будет пара человек. Ещё человек двадцать — в моём доме и соседнем, он тоже принадлежит родственникам. За подъездными дорогами поставлю наблюдать мальчишек. Ещё три машины будут патрулировать окрестные села и окружающие трассы, смотреть, не наблюдается ли чего подозрительного.

— Это может привлечь внимание местных, — заметил я.

— Не привлечёт, — ухмыльнулся Левон. — Они нашу молодежь знают. Парни на танцы в клуб приезжают, со всеми здешними жителями знакомы, периодически ходят в гости пообщаться с приятелями. Поддерживают хорошие отношения с местными. Это для нас важно. Мы ещё заранее пустили слух, что будем праздновать день рождения дочки хозяина дома, на всякий случай. К нашим гостям и гуляньям давно привыкли. Всё уже продумано, не беспокойся.

— Как скажете, парон.

— Когда привезем сюда золото, с ним останутся Ашот и твой человек, до тех пор, пока сделка не будет завершена. Мои родственники сегодня вечером из этого дома выедут, так что можете заехать заранее, как вам будет удобно. Я, на всякий случай, к внуку, Гурама и Баграма приставлю. Они будут недалеко находиться, и помогут вам перевезти золото. И, не спорь, пожалуйста, дело серьезное, деньги огромные, я не хочу, чтобы с Ашотом что-то случилось.

— Гурама я знаю, — осторожно начал я. — И дядя Баграм меня домой отвозил. Но это слишком большое искушение для обоих. Как вы правильно заметили, деньги огромные. А о Баграме слышал, что он, когда выпьет, не всегда себя контролирует. Во всяком случае, в СИЗО Ашот залетел из-за несдержанности пьяного дядюшки, который сперва с официантом зацепился, потом с ментами.

— Так и было, — сухо подтвердил патриарх. — Баграм уже получил своё, да. После этого случая, он капли спиртного в рот не берёт. И очень раскаивается в произошедшем.

Делать глупости не будет. Баграм — мой племянник, Гурам — крёстный. Первый вырос на моих глазах, второй почитает как родного отца. Как думаешь, я разбираюсь в людях?

— Конечно, — подтвердил я.

— Так вот, им обоим можно доверять. Если понадобится, оба жизни положат, чтобы меня не подвести и семью не опозорить.

— Как скажете, парон, если вы уверены, значит так и поступим, — сдался я.

— Теперь пойдём, посмотрим зал. Вечером, Кади с семьёй выезжают из дома, и он будет в вашем распоряжении, вплоть до проведения сделки. Только перед приездом гостей, туда войдут люди, для прикрытия.

— Хорошо, парон.

Зал оказался просторной комнатой с большим столом и десятком стульев. Напротив добрую половину стенки захватил большой камин, украшенный вычурной лепниной. Середину помещения занял огромный красный ковер с причудливыми узорами. В углу скромно примостился небольшой диванчик с маленьким круглым столиком.

— Вот здесь и будет происходить сделка, — заявил патриарх.

— Кто будет присутствовать? — уточнил я.

— Я — на правах хозяина. Ты и Ашот — как продавцы, Георгий и Манвел, — как покупатели. Больше никто. Остальные будут во дворе и других комнатах ждать завершения сделки. Даже Тенгиз там будет. Так договорено.

— Понятно. Всё правильно, лишние глаза нам не нужны.

— Теперь вы должны привезти золото, и поселиться в этом доме до самой сделки. Остальное я беру на себя. Напомню, самый последний срок, быть здесь послезавтра в 8 утра. Впрочем, можете приехать в любое удобное вам время. Сегодня дом уже будет свободен и готов к приёму гостей.

— Левон Суренович, есть вопрос.

— Говори. Насколько я помню, после сделки я буду должен вам десять процентов от суммы сделки и двадцать тысяч Тенгизу как гаранту, правильно?

— Всё верно.

— Вы говорили, что придётся отдельно рассчитаться с вашими людьми, где-то ещё 20 тысяч им отдать.

— Не нужно, — отказался патриарх. — Расходы оказались меньше, чем я ожидал, и никого дополнительно привлекать за отдельные деньги не пришлось. Десяти процентов будет вполне достаточно.

— Как скажете, — я пожал плечами, но внутренне был доволен. Копейка рубль бережёт, а для моих планов каждая тысяча на счёту.

— Вроде по сделке все обговорили, — задумчиво проговорил старейшина и указал рукой на стул. — Присядь ненадолго Миша, есть у меня к тебе ещё пара вопросов.

Хорошо, парон, — я послушно опустился на стул. — Слушаю вас.

— Так что там произошло у вас на обратном пути в Москву? Можешь подробно рассказать? И изложи, будь добр, свои соображения по нападению...

Обратно в Москву мы с Ашотом отправились через час. За нашей «шестеркой» ехала белая «нива» с Гурамом и Баграмом. Парень что-то весело рассказывал, следя за дорогой, но я его не слушал. Где-то в глубине души возникло и крепко тревожное ощущение, что настоящие серьезные проблемы только начинаются...

Оказавшись в квартире Ашота, мы сразу начали звонить Олегу. Его домашний и рабочий телефоны, как и другие важные контакты, я давно занёс в маленький блокнот, купленный по случаю в киоске. В это время Олег ещё находился на стройке. Нам пришлось минут пятнадцать ждать, пока его позвали к телефону. Десантник освобождался через час, и мы договорились заехать и забрать его на машине, заодно и со сторожем-афганцем пообщаться. К тому времени рабочие уйдут, он приедет дежурить на объект. Олег продиктовал нам адрес стройки, сказал, что будет ждать, и попрощался. Похоже, действительно был сильно занят.

Спустя сорок минут мы уже подъехали к месту. Ашота я оставил в машине. Для разговора с афганцем вполне хватит меня и Олега. Тем более, я не знаю, какие ассоциации вызовет у ветерана смуглый и чернявый Ашот. Пусть лучше посидит в «шестерке», подождёт нас. Охранники на «ниве» стали сзади, так что за его безопасность я был спокоен. Даже в этом безлюдном углу, самая отмороженная гопота не начнёт приставать к южному пареньку, когда недалеко два таких мордоворота сидят.

Занятый этими мыслями я не заметил, как дошёл до ворот. Постучал в железную дверь и был впущен на территорию Олегом. Сторож уже ждал нас в небольшом строительном вагончике — бытовке.

Когда я зашел, сидящий возле окна на табурете парень поднялся.

— Здравствуй, Денис, — я протянул руку.

— Здорово, коли не шутишь, — он неторопливо пожал мою ладонь. Сначала парень не произвел особого впечатления. Худой, жилистый, ростом немного ниже меня. В потертом сером ватнике-робе. Но рукопожатие стальное — ладонь как будто в тиски попала.

Говорит спокойно, с расстановкой. Типичный сельский парень, рано повзрослевший и с детства привыкший к труду. Но это впечатление при ближайшем рассмотрении оказалось обманчивым. Двигался афганец нарочито медленно, но с изящной грацией хищника, плавно и легко. Как будто там внутри находится сжатая стальная пружина, готовая в любую секунду резко распрямиться.

Когда я, в сопровождении Олега, зашёл в строительный вагончик, он на мгновение метнул в меня острый пронзительный взгляд из-под бровей. Через секунду выражение его лица опять стало безмятежным, но я уже сделал вывод: паренек непрост и опасен. Чувствуется в нём стержень и бойцовские навыки.

«Афганец» немного помрачнел, изучая меня взглядом и особенно пристально осматривая наколки на пальцах.

— Не обращай внимания, — попросил я. — Ошибки молодости.

— Хотелось бы верить, — пробурчал Денис. — Урок не перевариваю.

— Я теперь тоже. Говорил же уже, с откровенной уголовщиной завязал.

— А не с откровенной? — недоверчиво усмехнулся «афганец».

— Здесь могут быть варианты, — признался я. — Смотря что считать уголовщиной. Мы зарабатываем деньги не совсем легальными способами, но никого не грабим и не убиваем.

— Благородные Робин Гуды или Остапы Бендеры, знающие 300 способов честного отъема денег? — в глазах парня заплясали веселые чертики.

— Робин Гуд как раз был грабителем, — улыбнулся я. — А мы, подобно Остапу Ибрагимовичу, стараемся чтить уголовный кодекс. Хоть не всегда и получается. Проще

говоря, коммерсанты. Бизнесом занимаемся.

— Спекулянты что ли, или фарцовщики? — парень скривился. — Знаю подобную публику. Она мне нравится. Гнилая насквозь. За деньги мать родную продаст.

— Мы не такие, — спокойно парировал я. — Будем работать вместе, сам увидишь. Пока в нашу команду не вступишь, рассказать многого не могу. Но реальные дела лучше тысячи слов. Если ты нормальный парень, все о нас поймешь.

— Дэн нормальный, — подтвердил Олег. — Надежный. Я предварительно с ним уже поговорил. Сказал, что ты всё расскажешь подробно.

— Расскажу, — я подхватил стул, поставил спинкой вперед, и уселся рядом со столом. — Присаживайся, Денис, поболтаем. Меня, кстати, Михаилом зовут.

— Знаю, — кивнул парень. — Олег говорил.

Он так же неторопливо, опустился на скамейку напротив.

— Олег тебе объяснил, чем мы занимаемся, и что понадобится от тебя?

— Ничего конкретного. Сказал, что вам нужны крепкие, сильные и уверенные в себе парни, — ответил «афганец». — Все подробности должен услышать от тебя.

— Расскажи немного о себе, — попросил я.

— Да что рассказывать? — пожал плечами парень. — Москвич. Вырос в обычной семье. Отец — инженер, мать — учительница. Закончил школу, поступил в МИСИ. Встречался с девушкой, поругался, ушёл в армию. Отправили в Афганистан. Больше года там пробыл. Вернулся обратно. Теперь, вот на стройке сторожем работаю.

— А о работе на машиностроительном заводе чего не рассказываешь и о драке на танцах?

— Зачем? — пожал плечами Денис. — Я там полгода всего проработал. А драка... Так не было никакой драки. С девчонкой потанцевал, вышел, а там меня уже два подвыпивших тела ждали. Один в карман полез. Ну я и не стал ждать, что он оттуда достанет. Дал каждому по разу. Одному ногой в голову добавил. Всё. Они только дернуться на меня успели, больше ничего.

— Силён, — я с уважением поглядел на невысокого паренька. — Брюс Ли? Не узнаю тебя в гриме.

— Мне до него далеко, — усмехнулся «афганец». — Еще в школе начал дзю-до заниматься. Первый разряд получил. А в Афгане был один человек — офицер. Всё свободное время рукопашку надрачивал. Жесткий мужик. Искал партнеров для общих тренировок. Тем, кто будет с ним заниматься, лапы держать, спарринговать, разные ситуации отрабатывать, много поблажек в службе обещал. Наши бойцы забоялись. А мне пофиг, я согласился. Затем к нам ещё один парень присоединился, самбист, тоже из Москвы. Так, год втроём и тренировались. А потом мы с ним продолжили. До сих пор занимаемся. Правда, без Леопардыча.

— Без кого? — у меня от удивления округлились глаза. — Какого на фиг Леопардыча?

— Вообще-то, Леонардовича, отчество у него такое, редкое, — улыбнулся Денис. — Сам был в шоке, когда услышал. Командир рассказывал, что он из поволжских немцев, а там такое имя вполне обычное. Мы его в Афгане между собой Леопардычем звали. Кто-то раз брякнул, а потом пристало. Он действительно на большую кошку похож. Такой же прыгучий и гибкий.

— Понятно, — кивнул я. — А что с Леопардычем вашим стало?

— Ничего, — пожал плечами Денис. — Он два ранения получил: пулевое и осколочное.

Но выкарабкался, даже форму прежнюю немного восстановил, хотя комиссовали по инвалидности. Леопардыч сейчас в Ленинграде на каком-то заводе начальником смены охраны работает. Выбил себе помещение под зал и тренируется в своё удовольствие. Одновременно, пацанам, получившим ранения, старается помочь. Собственную программу реабилитации для них разработал. Деньги им на лекарства собирает, протезы выбивает, квартиры, машины-инвалидки.

— Годное дело, — признал я. — Молодец твой Леопардыч. Человечище.

— А то, — ухмыльнулся афганец. — Он живёт по собственному кодексу чести. Своих пацанов не бросает. В Афгане за бойцов глотку готов был любому порвать. Но и хамства, разгильдяйства не терпел. Мог и командира на три веселых буквы послать, если тот берега терял. Поэтому выше капитана в своих сорок с лишним лет не поднялся.

— А чего же твоего такого боевого Леопардыча терпели? — заинтересовался я. — За такой посыл сразу с волчьим билетом выгонят, в лучшем случае.

— Так таких как он, спецов, в Афгане больше не было, — признался Денис. — Хороший командир, солдат берег. Боевые задачи отлично выполнял. С местными мог общий язык находить. Леопардыча с бойцами можно было на самые трудные участки кидать. Знали, не подведет.

— Понятно. Ладно, что мы о всё о твоём Леопардыче? Давай о тебе поговорим.

— Зачем? — делано удивился парень. — О себе ничего интересного рассказать не могу.

— Скажи, Денис, что ты от жизни хочешь? — ответ афганца я намеренно проигнорировал.

— Что хочу? — парень на пару секунд задумался. — Жить интересно, зарабатывать много, парням, потерявшим здоровье в Афгане помочь, это святое.

— Отлично, — улыбнулся я. — Считаю меня золотой рыбкой, исполняющей желания. Жить будешь интересно, зарабатывать отлично, своим раненым товарищам тоже поможешь. Правда, рисковать придётся.

— Риск, то дело привычное, — Денис сразу же подобрался и остро глянул на меня. — Конкретику давай.

— Конкретика такая, нам люди нужны, сильные, умелые и преданные. Способные защитить и прикрыть в трудной ситуации. Не боящиеся схватиться с бандитами и другими уголовниками. Способные проводить расследования и осуществлять охрану нас и наших грузов.

— Сколько платить будешь? — деловито уточнил Денис. Судя по загоревшимся глазам, парень заглотив наживку.

— Пятьсот в месяц, чистыми, — ответил я. — Это если всё относительно спокойно будет идти, без серьезных эксцессов. Если начинаются жесткие разборки и возникает риск для жизни, сумма удваивается. Плюс премии. Они назначаются за героические поступки, умелые действия, грамотные решения. Размер премии может быть каким угодно, от двух-трех сотен, до тысяч. Его определяю лично я на своё усмотрение.

— Гладко чешешь, — ухмыльнулся Денис. — Прикинут ты хорошо, но это по большому счёту ни о чём не говорит. У тебя хоть деньги такие есть?

— Смотри, — я вытащил из карманов штанов две пачки с сотенными купюрами. — Сейчас у меня в карманах лежит двадцать штук рублями.

Я провел ногтем по пачкам, отгибая края купюр, чтобы парень убедился, что они настоящие.

— Уяснил?

— Уяснил, — подтвердил Денис, сглотнув. Похоже, он только сейчас поверил в серьезность моих намерений.

— Вопросы или сомнения, что мы можем платить тебе такие деньги, есть?

— Теперь нет.

— Будешь работать с нами, станешь частью команды. Мы всегда будем помогать, чем сможем. Но это не значит, что можно творить любой беспредел, а потом взваливать решение проблем на нас. Нет, так не получится. Наоборот, работать и решать вопросы будем максимально тихо, стараясь не привлекать пристального внимания органов. Это понятно?

— Да, — кивнул парень. — Но у меня есть несколько уточнений и вопросов.

— Слушаю.

— Первое. Я никогда не буду трогать простых работяг, стариков, женщин и детей. Если моя работа это предполагает, лучше сразу прекратить разговор и разойтись.

— Ни в коем случае, — отмахнулся я. — Ты правильно всё сформулировал. Скажу больше, мы никогда и не собирались это делать. Наоборот, решили с друзьями в будущем помогать ребятам, воевавшим в Афганистане, ветеранам ВОВ, детдомовцам. Определенный процент из полученных денег, когда наша структура оформится и начнёт регулярно зарабатывать, мы планируем на это потратить. Даже если ты откажешься с нами сотрудничать, мы все равно через небольшое время закупим лекарства для афганцев, организуем им любую посильную помощь, это даже не обсуждается. Но с тобой, как членом нашей команды, распределять деньги будет намного легче, эффективнее и проще.

— Это хорошая новость, — чуть улыбнулся уголками губ Денис. — Второе. В чем конкретно будут состоять мои функции? Придется ли идти на «мокрое»?

— Твои функции: охрана грузов и нас. Разборки с бандитами и уголовниками, которые могут наехать. Расследования разных ситуаций. Сопровождение меня и моих приятелей с крупными суммами денег. Впрочем, это и входит в пункт первый — нашу охрану. Что касается «мокрого». Мы всеми силами будем этого избегать. Но если возникнут ситуации, «мы или они», сам понимаешь...

— Кто, ещё кроме меня будет заниматься охраной и безопасностью?

— У нас есть ещё один парень, тоже друг мой и Олега. Он отличный спортсмен, бывший морской пехотинец, но с ним ещё мы не говорили.

— Вова согласится, — вмешался Олег. — Я его как облупленного знаю.

— То есть, я и ещё один боец, — задумался Денис. — Получается, охраной у вас будет заниматься всего два человека. Правильно?

— Пока да, — развел я руками. — Понимаю, что это мало, но на данный момент больше кандидатур нет.

— У меня есть, — загадочно ответил афганец. — Но сперва я хочу прояснить ещё несколько вопросов. Например, обеспечение и вооружение. Ты же понимаешь, что голыми руками уголовникам противостоять нельзя. Нас просто завалят, несмотря на все навыки в рукопашке. Мысли по этому поводу есть?

— Есть, — признался я. Вопросительно глянул на Олега, он утвердительно кивнул.

— Кое-что у нас имеется. Но мало. А что, ты что-то хочешь предложить?

— Хочу, — кивнул афганец. — У меня прапор знакомый есть. С нами за речкой был, сейчас в Подмосковье служит, при складе с оружием. С ним можно договориться, я знаю, как. Можно пару калашей через него достать, пистолеты, РГДшки и ещё много чего

хорошего. Деньги на это выделите? Для начала тысячу-полторы.

— Выделим, — пообещал я. — Но ты же понимаешь, что, если вас с оружием возьмут, срок будет обеспечен? Мы, конечно, всё сделаем, чтобы вас вытащить и подогреть на зоне. Но риски надо осознавать.

— Понимаю, — парень оставался спокойным. — И даже больше скажу, если бы не Олег, я бы тебе об этом даже не заикался. Я его давно знаю, доверяю, и он за тебя поручился. Что касается «возьмут с оружием». Пистолеты можно легко скинуть или сделать тайники в машинах. Автоматы никто возить с собой не будет. Спрячем их в надежном месте. Пусть лежат. Если другого выхода не будет, достанем.

— Принимается, — вздохнул я. — Я так понял, ты будешь работать с нами?

— Буду, — подтвердил Денис. — Но предупреждаю: если в чём-то обманешь, сразу уйду. Теперь по поводу моего предложения. У меня товарищ есть — Серега-самбист. Я о нём уже упоминал. Он третьим у Леопардыча был. Сявок и урок не переваривает. Парень мировой. Только один нюанс есть.

— Какой? — поинтересовался я.

— Он мент бывший, опер, — признался Денис. — Недавно уволился, сейчас работу ищет.

— Отклоняется, — скривился я. — Только ментов в нашей дружной компании не хватает. Зачем такие сложности? Проще сразу явку с повинной написать, чтобы время сэкономить.

— Подожди, не торопись, Миша, — вмешался десантник. — Знаю я Серегу. Действительно, мировой парень. Да, был ментом. Но нас в жизни не заложит. Не такой он человек. Дэн его на спине раненного километров пять на себе тащил, а после операции постоянно к нему бегал, когда мог. Для Сереги он как брат.

— Он, да, может и брат, — проворчал я. — Но не мы. Нельзя мента к нашим делам подпускать. Плохо может кончиться.

— Миха, ты знаешь, почему Серый уволился из ментовки? — вдруг спросил Олег.

— Нет, конечно. И знать особо не хочу.

— А я тебе расскажу. Сам Серега — коренной москвич. Но так получилось, что мать рано умерла от рака, а отец начал пить с горя и превратился в алкоголика. Сына часто пьяным бил, трезвым, правда, раскаивался, прощения просил, но речь не об этом. Так вот, Сережка, когда папаша его начинал лупить, убегал из квартиры. А потом долго сидел во дворе, ожидал, когда тот уснёт. И почти всегда его забирал к себе сосед — дядя Леша. Он тоже любил выпить, но был тихим, и особо водку не глушил. Кормил и держал у себя, пока папаша не засыпал. Потом отца увезли в дурку из-за белочки. Там он и сгинул. Серегу в детдом хотели отправить, но тетка из Краснодара приехала. С ней он и жил. А дядя Леша ему регулярно конфетки покупал из своей скудной зарплаты. Своих детей у него не было. Сереге в Афган посылки периодически слал. Как второй отец ему был. После Афгана Серега в ментовке опером начал работать. Дядю Лешу никто не трогал, даже в выпрезитель не забирали, пьяного до дома вежливо провожали, знали, Серега за него голову оторвёт. Но однажды Серый выехал по одному делу в длительную командировку. На район приняли двух новых ППСников, а третий, который давно работал, отошёл по своим делам ненадолго. И они приколупались к выпившему дяде Леше. Захотели бабло у пьянчуги забрать. А дядя Леша, привыкший, что его все знают и уважают, возникать начал. Короче, избили его сильно. Уложили в больницу. Третий, когда пришёл и увидел, что его коллеги натворили, за

голову схватился и матом орал на весь двор.

Но было поздно. Дяде Леше эти дятлы, чтобы не отвечать, попытались по дурости оформить сто девяносто первую, часть первую — «Сопrotивление работникам милиции». Серега, когда узнал, взбеленился. Показания у жильцов собрал, нашел свидетелей, которые видели, как ППСники у дяди Леша деньги забирали. Начальство его очень просило, спустить историю на тормозах, эти дятлы готовы были скинуться на лечение и отдать денег в несколько раз больше. Но Серый закусил удила. ППСники пошли под суд. Дело было громкое. Начальника райотдела и его зама тоже хорошо взгрели. И они прямым текстом заявили Сереге: нормально работать ему не дадут. Пусть лучше рапорт на увольнение пишет и сваливает. Он подумал и согласился. Теперь для многих ментов чужой человек — своих вломил. Хотя связи остались, некоторые из оперов его до сих пор уважают. И не заложит он нас никогда, не такой парень, отвечаю на что угодно.

— Ладно, уболтали, — буркнул я. — Поговорим с ним. Но до встречи, ему ни полслова о нас. Он не должен знать, кто мы и чем занимаемся. Только в общих словах, что, мол, есть вариант поработать вместе. Хотя, он может взбеситься, когда меня увидит. Уж больно я специфично выгляжу.

— За это не переживай, — заверил Денис. — Я с ним сам предварительно беседу проведу. Не взбесится. И вообще, он хоть и был ментом с понятиями, но мог подкалымить на стороне. В рамках приличия, конечно, беспределом не занимался. Если ты никакой херни творить не будешь, например, людей простых трогать, всё будет нормально.

— Не собираюсь обычных тружеников обижать, говорил же.

— Значит, и переживать не о чём. Считай, мы с Серегой с вами...

Когда мы вышли из строительного вагончика, уже стемнело. Я достал из кармана пачку соток, вытащил две купюры и протянул их десантнику.

— Передашь Денису, скажешь, это аванс в счёт зарплаты. Я передумал. Мы его возьмем на сделку. Выдашь ему ТТ, или ПМ ряженного мента, на всякий случай. Сам возьмешь второй ствол. В подробности Дениса не посвящай. Скажешь, сделку одну будем оформлять, нужна подстраховка с его стороны. Посмотрим, как он себя проявит.

— Понял. Сделаю, — пообещал Олег.

— Тогда я к Ашоту, а ты вернись, договорись, чтобы был наготове и ждал от нас звонка. Только не долго, нам ещё многое нужно обсудить.

* * *

На следующий день мы смогли сделать много дел. Собрались у Ашота и обговорили множество разных деталей по сделке и намечающим планам. Посетили с Денисом секцию бокса, после тренировки потащили Вовку в кафе для разговора. После недолгих раздумий он согласился присоединиться к нам, уточнив, что грабежами и разбоями заниматься не будет. Только охранять, защищать от уголовников и не делать ничего, что будет им восприниматься как «беспредел». Должность «помощник тренера» предполагала относительно свободный график, а со своим непосредственным начальником — Василием Петровичем Вова всегда сможет договориться. Так что выдернуть его по своим делам, мы сможем в любой момент.

Мы согласились и предложили ему тоже поучаствовать в первой операции. В ночь перед вывозом золота собрались в квартире Ашота. Предварительно отправили

познакомившихся и ставших приятелями Вову и Дениса в «шестерку». Баграм и Гурам тоже уже сидели в своей «Ниве» во дворе.

Втроём переупаковали золото в портфель и две сумки, предусмотрительно подготовленные Ашотом. Десяток царских червонцев и одну николаевскую пятирублевку я решил оставить. Такое золото всегда можно продать, не опасаясь внезапно появившихся хозяев. По Союзу ходит немало подобных монет и узнать, кому они раньше принадлежали, невозможно.

Вынесли сумки и портфель на улицу, уложили их в багажник, прикрыв ящиками с помидорами и мешками с картошкой.

Выехали, в пять утра, когда ночной сумрак начал сереть, уступая место наступающему рассвету. Когда трасса сменилась знакомыми силуэтами деревьев, ведущих в деревню Ашота, десантник выдал ТТ невозмутимому Денису, предусмотрительно натянувшему на себя синий динамовский костюм. Вова увидел ствол, и в его глазах на мгновение мелькнула растерянность. Похоже, только при виде пистолета он по-настоящему осознал, насколько всё серьезно.

Домики армянской общины, с чадящими дымом трубами, возникли неожиданно. Несмотря на раннее утро, нас уже ждали. Во дворах стояли машины, прогуливались несколько крепких мужчин, окинувших нашу «шестерку» и «ниву» подозрительными взглядами, через мгновение сменившимися улыбками узнавания. В припаркованных возле домов нескольких автомобилях тоже сидели люди. В «четыреста двенадцатом москвиче», стоявшем недалеко от ворот, на мгновение мелькнул ствол охотничьего ружья, укладываемый хозяином на заднее сиденье.

«Серьезно дедушка Левон подготовился, чувствуется основательный подход и жизненный опыт», — констатировал я, окидывая взглядом машины и хмурых собранных мужиков.

Двое парней, увидев нас, кинулись открывать ворота соседнего с Левоном дома. Мы заехали и сразу же повернули налево, остановившись у забора. Сзади притормозила «нива».

В дворе шла деловитая суета. Несколько мужчин устанавливали скамейки, женщины расставляли бокалы и вино. На своем излюбленном месте, возле входа в дом в большом кресле с деревянной спинкой с явно сделанными вручную причудливыми узорами сидел Левон Суренович, наблюдая за хлопотами родственников. Старик, как и в прошлые встречи, был одет в белоснежную рубашку навыпуск и такие же легкие брюки. Только на ногах выделялись блестящие кожаные мокасины с позолоченной пряжкой. Не знаю, что за марка, но туфли зарубежные и явно, дорогие. И на запястье, когда он поднял левую руку, приветствуя нас, в наступающем свете дня сверкнул золотом квадратный циферблат часов.

— Рад, видеть вас, ребята, — широко улыбнулся глава армянской общины. — Миша, Ашот и Олег могут занести сумки в комнату.

— Ерануш, — повернулся он, к бесшумно появившейся и ставшей за его спиной хозяйке дома, — вас проводит. Остальные пусть подождут здесь. Шевелитесь ребята, день предстоит непростой, скоро начнут прибывать гости, а нам ещё надо подготовиться к их приезду.

Мы с Ашотом тащили сумки. Олег, как самый здоровый — портфель. Вова и Денис остались во дворе. Когда мы заходили в дом, полненький лысоватый мужичок маленького роста пригласил их присесть на скамейку.

В комнате было всё по-прежнему. Тот же красный ковер на полу, камин на полстенки с лепниной. Только напротив диванчика с другой стороны стола появились два больших мягких кресла. И на столешнице появились старинные аптечные весы с двумя замершими чашечками и кучей гирек вокруг. На металлическом основании изящными завитушками на прикрепленной красной табличке было выведено «RHEWA». Рядом лежала обычная школьная тетрадка в клеточку и ручка.

— А чего, простыми весами не взвесить? — спросил десантник, остановившийся рядом. — Если эти использовать, с нашим количеством рыжья долго возиться придётся.

— Эти самые точные, — пояснил Ашот. — До десятых долей граммов. Обычные весы такой точности не дают. Если бы их использовали, всё сделали быстро, но в деньгах потеряли, да.

— Аптекарские? — уточнил я.

— Не совсем, — ухмыльнулся товарищ. — Эти использовались ювелирами. Подробностей дедушка не рассказал, он не любит распространяться о своих делах больше, чем необходимо, да.

— Ручкой будем вес записывать? — поинтересовался десантник.

— Да, — кивнул армянин. — У покупателей, кстати, будет своя тетрадка. Взвесим несколько партий, сверим записи, они отсчитают деньги. Потом ещё раз. И так, пока не продадим всё. Можно было бы подождать, пока всю партию не перевесим, а потом посчитать, но слишком долго сверяться будем. Если возникнут несоответствия, каждую цифру придётся проверять. Это час займёт, а скорее всего, больше.

— Годится, — одобрил я. — А кто взвешивать будет?

— Дед, — ответил товарищ. — Он с весами очень хорошо работает.

— Левон Суренович сказал, пусть один из вас до приезда гостей постоянно находится с сумками, — добавила Ерануш, стоявшая около входа в комнату. — И никуда не отходил, чтобы потом вопросов не возникло.

— Так и сделаем, — я повернулся к товарищам. — Олег, посидишь пока с вещами? Это ненадолго. Потом тебя Ашот сменит.

— Посижу, конечно, — согласился десантник. — Куда я денусь?

Он плюхнулся на диванчик, разлегся на спинке и раскинул руки в стороны.

— Этот диван словно создан для меня, мягкий и удобный. Можете идти по своим делам. За сумки не беспокойтесь: они под надежной охраной.

— Смотри не усни, охранник, — ухмыльнулся я. — Перепугаешь всех своим храпом.

— Обижаешь, — Олег насупился, но в глазах мелькнула смешинка. — Я службу знаю. Ни одна мышь не проскочит.

— Идём, — Ашот дернул меня за рукав. — Дед ждёт.

Левон Суренович по-прежнему сидел на кресле у входа в дом. А во дворе продолжалась суэта. Женщины также расставляли тарелки с блюдами и фужеры, подметали территорию, а мужчины, установили скамьи, и исчезли. Только маленький пузан, отдающий короткие

команды, остался. Да ещё наши бойцы и Гурам с Баграмом, скромно сидящие на чурбачках, слева от дома.

— Готовы встречать гостей? — патриарх бросил быстрый взгляд на циферблат часов. — Минут через сорок подъедет Тенгиз со своими людьми. Они усядутся за стол. Напоминаю, вести с ними нужно очень вежливо. Ни одного жеста или ухмылки, которые можно истолковать как насмешку. Надеюсь, ты уже сказал это своим друзьям?

— В первую очередь, — подтвердил я.

— Тогда присаживайтесь рядом, — патриарх кивнул на плетеные кресла, появившиеся рядом, пока мы относили сумки в комнату. — Посидим, поговорим о разных мелочах в ожидании гостей. Вина не предлагаю, оно расслабляет и туманит сознание, вам это сейчас не нужно. Если голодные, потерпите немного, в комнате тоже накроют стол, успеете ещё поесть. На голодный желудок работается и думается лучше.

— Согласен, парон, — кивнул я, опустившись в кресло. — Мы немного перекусили перед поездкой сюда. Так что вполне сыты и довольны жизнью...

Первым прибыл Тенгиз. Как и обещал патриарх, через сорок минут. Сначала послышался шум моторов за забором. Потом, быстро зашедшие через калитку, пара крепких мужчин отворила ворота во двор. И на территорию, нет, не заехал, а скорее торжественно заплыл белоснежный 124 «мерседес-бенц». А за ним синяя «шестерка» с сопровождением. Сквозь стекла виднелись квадратные силуэты бойцов.

Я даже немного обалдел.

«Интересно, откуда этот товарищ такую тачку взял, она ведь только пару лет назад выпускаться начала, бешеные деньги стоит».

Открылась задняя дверь «мерседеса». На землю, безжалостно сминая, жалобно хрустнувшие зеленые травинки, царственно опустил ногу в бежевом кожаном мокасине. Через мгновение из машины выбрался обладатель стильной обуви, захлопнув за собой дверь.

Следом за ним вылез, высокий плечистый кавказец до самых скул заросший курчавой бородой в черной рубаше и таких же джинсах. Из шестерки сзади выпрыгнули ещё двое. Лысый крепыш с наголо обритой головой и поломанными ушами в спортивном «адидасовском» костюме и болезненно худой парень в серой рубаше и светлых брюках со стеклянным взглядом профессионального убийцы.

Бородатый неподвижно замер недалеко от иномарки. Махнул рукой охранникам, чтобы оставались на месте.

Главный кавказец, выбравшийся из «мерседеса» первым, впечатлял. Он был одет в белоснежный двубортный костюм. Из-под расстегнутого ворота лазурной гавайской рубашки, на волосатой смуглой груди блестела на солнце толстенная золотая цепь. Вьющиеся и уже тронутые сединой черные волосы смазаны бриолином и зачесаны назад. Я чуть не заржал во весь голос от этой карикатуры на американского гангстера начала 80-ых, годов, но вовремя вспомнил предупреждение патриарха, и сохранил на лице невозмутимое выражение. Краем глаза заметил, что Денис тоже остался спокойным и внешне бесстрастным, а вот у Вовы натурально, челюсть отвисла при виде такого «красавца». Афганец моментально дернул его за запястье, заставив прийти в себя. Молодец, быстро отреагировал.

«Где же этот доморощенный мафиозо научился так одеваться? Точно голливудских боевиков пересмотрел. Уж больно чётко американских гангстеров скопировал. Жаль не помню, когда сняли и выпустили в прокат „Лицо со шрамом“. Очень похоже, что этот красавец свою манеру одеваться оттуда срисовал. Интересно, а как он в такой одежде, на

крутой иномарке по Союзу рассекает? Воровские темы тишину любят, а такой красавец гарантированно привлечёт внимание, не только ментов и комитетчиков, но и каждого встречного-поперечного. Не говоря уже о том, что на сотрудников правоохранительных органов такой модный перец действует как красная тряпка на бешеного быка. Или этот Тенгиз уже оборзел в край, и из-за своих связей с Шеварднадзе всех на хрен посылает налево и направо? Хотя в Абхазии такого может прокатить, а в Москве он долго не зависает. Да и простые менты боятся модника на дорогой машине трогать. Видно, же что человек не простой, мало ли кто за ним стоит», — мысленно отметил я, с интересом наблюдая за гостем.

Несмотря на вычурную одежду, выглядел Тенгиз прекрасно. Покрытое ровным коричневым загаром лицо, черные густые брови вразлет, тонкий аристократичный нос с легкой горбинкой, волевой, выдающийся вперед подбородок. Под костюмом, угадывался крепкий торс, а пронзительный колючий взгляд, которым он окинул нас из-под бровей, заставил бы обычного человека содрогнуться.

Впрочем, через мгновение его глаза остановились на патриархе, и тонкие губы раздвинулись в улыбке, обнажая ровные ряды белоснежных зубов.

— Здравствуй, батано Левон, рад тебя видеть, — воскликнул Тенгиз, раскинув руки стороны.

— И я тебя тоже, мой мальчик, — широко улыбнулся патриарх, неторопливо встал с кресла и распахнул объятия.

Вор подошёл, они сердечно обнялись и расцеловались, как близкие родственники после долгой разлуки. Рядом мгновенно возник уже знакомый толстячок, и угодливо поставил рядом с Тенгизом высокое кресло, точно такое же, как и у патриарха.

«Ты смотри, как будто целый дипломатический протокол соблюдают», — отметил я. — «Каждое действие выверено и продумано. Даже кресло принесли, ровно тогда, когда этот Тенгиз к деду подошёл. Не раньше, и не позже».

Тем временем вор кивнул Ашоту, и повернулся ко мне.

— Твоего внука я знаю. А это кто? — пристальный взгляд абхаза прожигал меня.

— А это друг Ашота и мой, — спокойно ответил Левон Суренович. — Михаил внуку помог в СИЗО, от беспредельщиков спас. За что моя семья и я лично ему очень благодарны.

— А что же ты ко мне не обратился, когда внук в СИЗО загремел? — дружески попенял авторитет. — Могли бы сразу порешать. Маляву кинули, и общество его, как родного бы приняло. А если бы кто-то клешни протянул, сразу отрубили.

— Ты знаешь, чуть не успели, — виновато развел руки Левон. — Неожиданно и быстро всё получилось. Но Миша на месте всё решил. А через три дня Ашота уже выпустили. Изменили меру пресечения в связи с открывшимися обстоятельствами.

— Хорошо, что всё обошлось, — вздохнул Тенгиз. Окинул многозначительным взглядом татуировки на пальцах.

— Я вижу, ты сидявый. По каким статьям чалился?

Правильный ответ всплыл в сознании сам собой.

— Сто сорок шестая, по малолетке. Три года дали. Сто сорок четвертая. Уже во взрослой отсидел. Ну ещё и сто сорок пятую лепили. Кошелек у одного фраера забрал. В СИЗО пришлось отсидеть. Но кореша убедительно поговорили с терпилой, и он изменил показания.

— Хорошие статьи, правильные, — усмехнулся авторитет. — Кого из воров знаешь?

— Пересекался с Дато Ташкентским, Цирулем, Таро, Захаром и ещё со многими. Но я с ними близко не сходил. У них свои терки, у нас — свои. Если увидят, узнают, и могут за меня слово сказать.

— Какое у тебя погоняло? — уже добродушно поинтересовался Тенгиз. Но меня его приветливый вид не обманул. Такому только палец дай, руку по самое плечо откусит.

— Елизар.

— Тенгиз, дорогой, я же тебе сказал, парень — мой друг, — вмешался Левон. Говорил он приветливо, но недовольные нотки ощутимо проскальзывали.

— Зачем эти расспросы? Или ты меня совсем не уважаешь?

— Уважаю, батона Левон, — серьезно ответил Тенгиз. — Просто увидел, что пацан из сидячих, с мастями, вот и задал пару вопросов. Не переживай, твои друзья для меня неприкосновенны. Если конечно, ведут себя достойно, как подобает мужчинам.

— Так бы и сразу сказал, дорогой. — Левон дружески обнял авторитета за плечи. — Пойдем за стол, его уже накрыли. Мои родные хотят тебе уважение высказать, выпить с таким замечательным человеком. Всё-таки ты не балуешь нас частыми приездами. И люди твои пусть присаживаются. Мы будем рады каждому человеку. Твои друзья — мои друзья, да.

— Хорошо, батона Левон, — довольно кивнул Тенгиз. Повернулся к своим бойцам, продолжающим стоять возле машин, и скомандовал:

— За стол садитесь. Помните, что вы в гостях у моего друга. Никакого неуважения к нему и его родным я не потреплю.

— Всё будет хорошо, Тенгиз, — заверил бородатый башибузук. — Не переживай, лично за порядком присмотрю.

Он оскалился в такой кровожадной усмешке, что я бы на месте приехавших с ним «джигитов» сто раз подумал, прежде чем вести себя «неправильно».

Не успели абхазцы рассестись за столом, как за забором послышался шум моторов. Снова распахнулись ворота, и во двор вкатилась черная «волга». Приехали наши «клиенты». Спереди сидели два крепких парня — водитель и охранник, сзади — покупатели. Первый из них, высокий сухопарый грузин с большим горбатым носом, передвинув большую сумку, висящую на плече, сразу полез обниматься с Левоном.

— Здравствуй, дорогой!

Второй намного ниже, трясая тройным подбородком, вытирая платком, вспотевшее лицо и отдуваясь, двигался сзади. В руке толстяк держал большой черный портфель-дипломат. Выглядел дядечка потешно. Внешне он напоминал пельмень и при каждом шаге, его многочисленные складки колыхались, как поплавок на волнах. Толстое лоснящееся от пота лицо с пухлыми щеками напоминало недопечённый каравай с сырыми складками теста. По бокам, в окружении блестящей лысины, беспорядочно топорщились редкие кустики волос, придавая персонажу совершенно комичный вид. Только красного носа не хватало для гармоничного завершения картины. Раздвинутые в улыбке губы, блестели от жира, делая толстяка ещё смешнее.

«Он что, ещё в машине жрал что-то»? — ужаснулся я. — «И так лопается от сала. Килограмм сто сорок — сто пятьдесят весит как минимум. Ходит уже с трудом и продолжает лопать, как в не себя».

Сидящий на скамейке, Вова прыснул, не в силах удержаться от смеха, и тут же скривился, когда пятка кроссовка Дениса больно надавила на носок.

Комичная парочка поздоровалась с Левонем, подошла выразить своё отношение Тенгизу, которого, как оказалось, они прекрасно знали. Авторитет выслушал их с каменным лицом, кивнул, что-то сказал в ответ, и сел за стол, демонстративно развернувшись, к говорящему тост отцу Ашота...

Патриарх попросил Ерануш, находящуюся рядом, провести нас в комнату, и пообещал через несколько минут к нам присоединиться.

Когда мы зашли в гостиную, десантник также безмятежно развалился на диване. Увидел нас, сразу же вскочил и подошёл ко мне.

— Мне уходить или остаться? — одними губами спросил он.

— Как хочешь, — так же тихо ответил я. — Только если останешься не отсвечивай и в торг не влезай. Я знаю, как с ними общаться.

— Тогда пойду, — вздохнул он. — Чего тут без толку сидеть? Я вам с Ашотом полностью доверяю.

— Хорошо. И не переживай. Все записи что, сколько, почём будут в тетради. Ты всегда сможешь глянуть и сравнить с нашими.

Олег кивнул, и вышел из комнаты, обогнув грузина и протиснувшись мимо замершей на пороге женщины.

— Нам что-то принесут поесть, пока мы с золотом разбираться будем? — спросил Манвел у замершей на пороге Ерануш. Голос у толстяка оказался неожиданно тонким и немного гнусавым. Он тащил дипломат, пыхтел, шел медленно, переваливаясь с ноги на ногу, и отстал от нас.

— Ты же две минуты назад бутерброд в машине жрал, — возмущенно пробасил Георгий. — Потерпеть немного не можешь?

— Не могу, — возмущенно поджал губы толстяк, — Ты же знаешь, я всегда хочу есть.

— Там уже стол большой стол накрыт. Вы можете перекусить с дороги, сразу или сделать перерыв, когда захотите есть, — невозмутимо ответила женщина и отошла в сторону.

— Это хорошо, — толстяк увидел еду, и его лицо расплылось в довольной улыбке.

Ерануш не обманула. Большой стол в центре комнаты был обильно заставлен тарелками со всевозможными яствами. Разнообразные салатики, шарики мясные кюфты, бастурма, балык, голландский сыр, сулугуни, брынза, долма, лепешки с зеленью — женгялов-хац, лаваш и другие закуски и блюда.

— Шашлык и горячее подадим, когда вы скажете, чтобы они не остыли, — сказала женщина, толстяку, пожирающему жадным взглядом еду.

— Сначала дело, кушать будем потом, — отмахнулся Георгий. Манвел нахмурился, но спорить не посмел.

Ерануш усадила их на диванчик в углу, оценив опытным взглядом размеры задницы Манвела. Нам достались кресла напротив.

— Ещё, Левон Суренович должен прийти, — напомнил я.

— Он на диване сядет, — ответила женщина. Она тихо удалилась, напомнив, что хозяин скоро подойдет.

Георгий с интересом рассматривал весы. Особенно его заинтересовала табличка с надписью «RHEWA». Уделил он внимание, и чашам, и подвешенному на стальной нити грузику, и гирькам, расставленным рядом.

— Сейчас проверим, как точно они взвешивают, — улыбнулся он, стянул с пальца

золотой перстень с черным камнем. — Здесь должно быть пятнадцать и тридцать девять сотых грамма.

Перстень звякнул о железную чашечку весов, улетевшую вниз. Затем грузин подцепил кончиками пальцев маленькую десятиграммовую гирьку и аккуратно поставил её на противоположную чашку. Добавил совсем миниатюрную — пятиграммовую. Весы качнулись. Стрелка, прикрепленная на прямоугольном циферблате посередине весов, сдвинулась на четыре крошечных деления.

— В принципе, всё верно, — довольно подтвердил грузин. — Но на одну сотую грамма округлила. Слушайте ребята, а может, давайте, не будем эти десятые доли грамма считать? Чтобы никому не обидно было?

«Точно, по сценарию чешет, как Левон Суренович предсказывал», — внутренне ухмыльнулся я, сохраняя серьезное выражение лица.

— Нет. Давайте их всё-таки считать. Если при каждом взвешивании десятые доли граммов не засчитывать, это достаточно солидная сумма получается. А копейка, как у нас говорится, рубль бережет.

— Э, что ты такой мелочный, а? — темпераментно взмахнул руками Георгий. — Мы тебе по тридцать рублей за каждый грамм платить будем, а ты нам в такой малости отказываешь.

— Действительно, молодые люди, сделайте нам небольшую уступку, — подключился к разговору, дружелюбно улыбающийся Манвел. — Зачем нам ссориться и спорить из-за таких пустяков?

— С радостью бы, но, увы, не могу, — вздохнул я. — Видите ли, мы не одни. Есть ещё компаньоны. Одного из них вы, кстати, видели, он пару минут назад вышел отсюда. Вес золота известен. Если он окажется меньше, то будут предъявы. А зачем нам неприятности? Этот момент надо было заранее обговаривать, задолго до сделки. А сейчас уже поздно.

— Ладно, — скривился Георгий. — Пусть будет так.

— Покажите товар, — вкрадчиво попросил Манвел. — А то мы разговариваем и торгуемся, а золота ещё не видели.

— Запросто, — согласился я. Подхватил портфель, щелкнул замками, откинул крышку, вытащил целую жменю украшений и вывалил их на стол, возле весов.

У компаньонов загорелись глаза.

Георгий осторожно протянул ладонь, взял колечко, лежавшее с краю. Повертел в руках, попробовал на зуб и признал:

— Да, это золото. Настоящее.

— Ага, и большинство изделий старинные, — многозначительно подтвердил я.

— А какая разница? — сразу же вскинулся Манвел. — Если нам золото подходит по качеству, платим 30 рублей за грамм, слово было сказано.

— Безусловно, — подтвердил я. — Это просто констатация факта.

Послышались шаги и мы замолчали. В комнату вошел Левон Суренович. Подошел к диванчику, компаньоны отодвинулись в стороны, и дед Ашота сел между ними.

— Замечания и предложения есть? Или можем сразу приступить к взвешиванию? — деловито осведомился он.

— Есть, — ответил я.

— Мы вроде обо всем договорились, — недовольно проворчал Георгий. — Даже пошли вам навстречу. Какие ещё предложения?

— Очень простые, — улыбнулся я. — Камни на изделиях. Цены на них мы не обсуждали, а сейчас этот вопрос надо закрыть. Если они простые стекляшки, и вам не нужны, мы их выковыриваем и оставляем себе. Если хотите их забрать, обговариваем цену. Если они драгоценные, у нас есть эксперт, чтобы их проверить.

— И кто же этот эксперт? — язвительно поинтересовался толстяк.

— Левон Суренович, — кивнул я на улыбающегося патриарха. — Он разбирается в камнях и их приблизительной стоимости. Доверяете ему?

— Левону, мы доверяем, — буркнул помрачневший грузин. — Но я тоже знаю толк в камнях. Не думайте, что мы приобретем втридорога какое-то фуфло, даже если наш хозяин случайно ошибётся.

— И в мыслях не было, — заверил я. — Просто, я смотрел, большинство цацек, ещё дореволюционные. А это значит, что в них, скорее всего, настоящие брильянты, изумруды, топазы, рубины и другие драгоценные камни. Сами понимаете, они стоят денег, а дарить свои бабки мы никому не намерены.

— Не вижу никаких проблем в предложении Михаила, — улыбнулся патриарх. — Григорий и Манвел, ваше слово.

— Пойдёт, — выдавил хмурый как грозовая туча грузин. Печальный толстяк согласно кивнул.

— Всё, больше никто ничего не хочет добавить? — спросил патриарх.

— Нет, — ответил я. — Всё, что мы с Ашотом хотели, сказали.

— Тогда давайте, приступим, — толстяк положил на колени дипломат, щелкнул замками. Открыл портфель, продемонстрировав нам перетянутые резинками толстые пачки сторублевков и полтинников. Достал из бокового карманчика ручку и большой блокнот.

— Мы готовы.

Ашот подхватил лежащую тетрадку и ручку.

— Мы тоже, да...

Через час значительная часть золота перекочевала в сумку Георгия, мы обливались потом в жаркой комнате, взвешивая золото, пересчитывая деньги, занося граммы и суммы в тетрадки. Наш опустевший портфель распух от пачек денег, сумка компаньонов раздулась и потяжелела от золотых изделий. И в этот момент в комнату зашёл хмурый мужчина лет пятидесяти, один из родственников старейшины.

Я оторвался от пересчёта очередной пачки купюр, выложенных на стол, Ашот — от записей в тетрадку. Грузин и отошедший к столу и увлеченно перемалывающий челюстями мясную нарезку толстяк тоже с интересом разглядывали гостя.

— Парон, на минутку отойти можешь? — спросил он, остановившись возле входа.

— Сейчас, — патриарх встал, протиснулся между столом и креслами. Сделал несколько шагов вслед за мужиком, и скрылся за дверью.

Вернулся Левон Суренович через пять минут. Его лицо по-прежнему было приветливым и доброжелательным, но я сразу, как только его увидел, понял — что-то произошло.

— Предлагаю сделать перерыв минут на десять, — предложил он. — А мне с Михаилом нужно поговорить. Ашот останься здесь, присмотри за золотом и деньгами.

— Хорошо, папик, — послушно кивнул парень.

— Что-то не так? — напрягся пронизательный грузин.

— Ничего такого, что может помешать сделке, — успокоил старейшина. — Мне у Михаила надо кое-что уточнить.

Я вышел за Леоном Суреновичем в соседнюю комнату. Патриарх приблизился ко мне вплотную.

— Наши мальчишки, наблюдающие за подъездными дорогами и селами рядом, обнаружили две подозрительные машины, «копейку» и горбатую старую «волгу», — тихо сказал старик. — Позвали мужчин с биноклями. Те присмотрелись — там их человек восемь. По внешнему виду — уголовники, в блатных татуировках. Они сейчас стоят у речки, возле разрушенной старой мельницы, километрах в трех отсюда. Место считается нехорошим, и деревенские там стараются не лазить. Самое интересное, что рядом проходит дорога, по которой вы будете выезжать обратно в Москву. У одного из них видели ствол за поясом. Сам понимаешь, случайность в таких случаях исключена. Они совершенно точно по вашу душу приехали.

Я внутренне окаменел, осознав сказанное. Холод обжигающей волной распространился по груди. Во рту мгновенно пересохло, сердце выстукивало тревожную барабанную дробь, пытаюсь выпрыгнуть из груди.

«Доигрались! Кто?! Какие суки навели? Что теперь делать? Как из этого дерьма выбраться?» — мысли сменяли друг друга в сумбурном калейдоскопе эмоций, вызванных потрясением.

— Что думаешь, Миша? — поинтересовался патриарх после небольшой паузы, внимательно изучая моё лицо.

«Так, всё нормально. Проблема обозначена и её надо решать. Эмоции убрать, они здесь не помогут. Действовать, как говорил Феликс Эдмундович, с холодной головой и горячим паяльником. Правда, паяльник он не упоминал, но стратегия верная».

Я глубоко вздохнул, восстанавливая спокойствие, и ответил:

— Этот вопрос нужно закрывать, Левон Суренович. Раз эти ублюдки приехали сюда, просто так они не отстанут. Сидеть и ждать, пока они нападут — худший вариант. Пока у нас преимущество: мы о них знаем, а они о том что, обнаружены — нет. Бандитов нужно либо валить, либо брать живыми. Лучше второй вариант, потому что ситуацию надо прояснить. Обычные исполнители могут подробностей не знать. Главный сказал, можем хороший куш сорвать, вот и поперлись. А нам кровь из носу надо взять и допросить главаря. Через него, выйти на того, кто прислал эту братву, и кинуть ему предьяву. Это серьёзный косяк и за него придётся ответить.

— Как ты сказал, кровь из носу? — усмехнулся патриарх.

— Не обращайтесь внимания. Это такое специфическое выражение, типа «неприменно, обязательно, любыми путями». В целом вы со мной согласны?

— В целом, да, — кивнул старик. — Ты все правильно сказал. Но предьявить, сейчас и здесь? Последствия могут быть непредсказуемы. Например, может стрельба подняться. Все, кто сюда приехал, вооружены. Не знаю, стоит ли сразу бучу поднимать. Если гостям, хотя они люди не простые, можно сразу предьявить, с Тенгизом тяжелее. Он очень серьёзный человек с большими связями.

— Тут по ситуации надо смотреть, стоит ли это делать прямо сейчас, — добавил я. — С другой стороны, если отпустить и ничего не сказать, а предьявить потом, организатор этого балагана может всё повернуть в свою пользу. Мол, почему сразу не сказали? Что-то мутили?

— Здесь надо подумать, — поджал губы патриарх. — Но сперва вопрос с бандой надо решить.

— Надо, — согласился я. — У меня вопрос есть. Как вы думаете, Левон Суренович, кто играет нечестно, покупатели или Тенгиз? Хочу услышать ваше мнение, и лучше понимать, с кем придётся столкнуться.

— Не знаю, — задумчиво протянул старик. — Всех давно знаю. До этого момента был в каждом уверен. Георгий и Манвел не бандиты, и никогда подобным не занимались. Может куш головы им вскружил? Им нужно отдать много денег за золото. Зачем, если их можно потом обратно забрать? Тут один одно смущает. Они понимают, что такие комбинации со мной проводить плохая идея. Я могу очень серьёзные проблемы организовать. Никто им даже в родных республиках после такого финта руку не подаст, и дело иметь не будет. И это

я ещё не говорю о более крупных неприятностях.

Тенгиз может любую подставу устроить, да. Но «чужим». А мне он обязан, и знаю я его с рождения. Не хочется верить, что он в этом замешан.

— Дело ясное, что дело тёмное, — вздохнул я. — Ничего не понятно. Обязательно нужно главного живьём брать и язык ему развязывать. Сколько у вас народу с оружием? И не желторотых юнцов или тех, кто никогда не сталкивался с бандитами, а которых крови не бояться, а при необходимости готовы действовать жестко и решительно. Желательно с опытом конфликтных ситуаций.

— Человек двенадцать-четырнадцать наберётся, — признался патриарх. — Баграм, Гурам и ещё, примерно, десяток человек, мои двоюродные племянники, их сыновья, двое отставников из военных. Пара человек в Афганистане побывала.

— Вы в них уверены?

— В них, да, — уверенно ответил Левон Суренович. — Это родные люди. Они столько лет на виду. И проверены. Были разные ситуации, люди хорошо себя показали.

— Каким оружием располагаете? У Гурама ствол я видел, знаю, охотничьи ружья есть. Что ещё?

— Все будут вооружены, — заверил патриарх. — Обрезы есть, у Самвела револьвер, ещё с первой Мировой от деда достался. Браунинг есть, маузер, ПППШ с войны. Охотничьи двустволки и даже трехлинейка есть. Всё оружие в надлежащем состоянии. Патронов тоже хватает, особенно охотничьих с крупной картечью. Хоть медведя завалить можно, да.

— Кто здесь останется, если ваши ребята банду обезвреживать поедут?

— Человек двадцать с ножами, топорами и двумя-тремя стволами, — признался старик. — Они пожиже, конечно, чем эти бойцы. Но если что-то начнётся, не убегут. Все родственники, все друг друга знают.

— То есть, если что, вас и Ашота мы без прикрытия не оставим? — уточнил я.

— Не оставите, — ухмыльнулся Левон Суренович.

— Тогда давайте сделаем так. Пусть Ашот заканчивает сделку один. Я ему доверяю, тем более, что вес золота известен и каждое изделие записано. Вы, если что, ему с камнями подскажите, как человек, получающий свой процент. А я беру своих людей и вместе с вашими выдвигаюсь брать эту банду.

— Подожди, Миша-джан, — в глазах патриарха мелькнуло беспокойство. — Без тебя разобраться с ними никак нельзя? Отправь своих бойцов с нашими. Можешь своего третьего, который помогал сумки в комнату затаскивать, с ними послать. А я Гурама старшим сделаю. Он парень опытный, у него всё получится.

— Не годится, Левон Суренович, — вздохнул я. — У меня двое бойцов новых. Они ещё не сработались друг с другом. Гурам — крепкий, боевой, но он не командир по большому счёту. Обстановка в любую минуту может поменяться и правильные решения надо принимать быстро.

— А твой Олег?

— Он парень надежный, но спланировать такую операцию для него дело сложное. Я там по любому нужен. Тем более меня уже все хорошо знают, и ваши люди тоже.

— Думаешь, ты справишься? — прищурился старейшина.

— Должен справиться, — твердо ответил я.

— Хорошо, — вздохнул старик. — Уговорил. Езжай. Сейчас Гурама позову дам ему указания, чтобы людей быстро собрал, скажу, что ты главный, пусть тебе подчиняется. А ты

иди к своим, изложи ситуацию.

— Договорились, — кивнул я — Я с Гурамом всё обсужу, поясню, что делать, но своими людьми пусть сам руководит. Его ваши родичи лучше слушают...

Парни уже сидели за столом. Они были заранее предупреждены, чтобы сильно не налегали на еду. Набитый желудок расслабляет и создает немало проблем в случае ранения в брюшную полость. А ребята здесь не на отдыхе, а на работе, и всегда могут возникнуть обстоятельства, при которых придётся применить боевые навыки.

Когда я подошёл к ним, десантник с Вовой оживленно общались с родственниками Ашота, молодым пареньком и степенным седым мужчиной, попивая морс. Денис вяло ковырял в тарелке кусочек бастурмы.

— Парни, вы мне нужны, — сразу сказал я, — Отойдём на пару минут.

— Хорошо, — ответил десантник. Он небрежно подхватил двумя пальцами салфетку, промокнул губы, встал и вышел из-за стола. Владимир и Денис последовали за ним. Мы отошли за дом, к припаркованным у сарая машинам. Здесь можно было спокойно поговорить, не опасаясь чужих ушей.

— Ребята у нас большие проблемы, — бесстрастно сообщил я.

Олег и Володя напряглись. Афганец внешне остался таким же расслабленным, но взгляд стал внимательным и сосредоточенным.

— Что произошло? — на правах старшего за всех спросил десантник.

— В нескольких километрах от дома, рядом с дорогой, по которой мы проедем обратно, засела банда урок. Пацаны, которых отправили наблюдать за подъездными путями, видели у них ствол. Похоже, это по наши души. Восемь человек на двух машинах.

— Что делать будем? — Олег вопросительно посмотрел на меня.

— Братъ, желательно, живыми. Нужно узнать, кто их на нас навел. Если не получится, придётся валить. Родственники Ашота нам помогут. Человек двенадцать бойцов с оружием с нами поедет.

— Парни, — голос Вовы дрогнул. — Вы представляете, какие у нас проблемы будут? Если даже без потерь с нашей стороны обойдется. Восемь трупов, млять. Сюда же всех окрестных ментов сгонят, всю область на уши поднимут.

— Постараемся, чтобы до этого не дошло, — пообещал я. — Сам не хочу этого дерьма. Но решать проблему нужно здесь и сейчас. Даже если нам каким-то чудом удастся отсюда удрать незаметно, то не факт, что нас оставят в покое. А зачем ждать пока они кого-то опять найдут, и нападут уже в другом месте, когда мы будем не готовы? Так подставляться глупо.

— Я всё сделаю один, — пообещал Денис. — Разберусь с этими ублюдками. Если получится, возьму живыми. Если нет, значит, все стрелы пойдут на меня. Не волнуйся Миха, всё будет нормально. Только просьба одна. Если со мной что-то случится, помоги пацанам с Афгана, как обещал. Купи лекарств, подумай, где достать протезы, подсоби инвалидам. Я тебе телефон Леопардыча оставлю на всякий случай, он все покажет и расскажет. Ну и родокам чего-то подкинь. Олег знает, как с ними связаться.

— Как ты, черт побери, собрался разобраться с урками, да ещё и в одиночку?! — вскипел я. — Рембо пересмотрел?! Так это кино, в жизни так не бывает. Нафаршируют тебя из стволов ещё на подходе.

— Не нафаршируют, — криво усмехнулся афганец. — Кишка тонка. Что касается способа убеждения...

Он засунул руки в карманы спортивных штанов, и вытащил две «эфки». Гранаты лежали

на ладонях, тускло поблескивая в солнечном свете ребристыми зелеными боками.

Я на мгновение потерял дар речи.

— Э... это откуда у тебя? — выдавил, не в силах оторвать взгляд от двух шестисотграммовых железных конусов, способных уничтожить всё живое на десятки метров вокруг.

— Ещё со старых времен, армейских, — ухмыльнулся «афганец», — Прихватил с собой на всякий случай. Чувствовал: могут понадобиться.

«Черт, да он же отморозок полный. С гранатами сюда приехал. На всякий случай, мать его. Ну Олег, млять, удружил», — мысленно выругался я.

— Так, что поддержишь пацанов и родов? — уточнил Денис, спокойно глядя в глаза.

— Поддержу, — выдохнул я. — Обещаю. Но постарайся не доводить до крайностей. Ты мне живым нужен.

— Постараюсь, — кивнул афганец. — Я вообще-то в Вальгаллу не тороплюсь. И здесь дел хватает. Но внутренне готов к смерти. Леопардыч как-то «Бусидо» — кодекс самурая цитировал. Там сказано, помню дословно: «Самурай готов умереть в любой момент во имя сохранения чести». Мы с тобой договорились, пожали руки, я деньги получил и в деле. Теперь моя задача — выполнить свою работу.

«Мля, он точно прибабахнутый», — понял я. — «Но, похоже, в хорошем смысле этого слова. Со своими понятиями о порядочности и чести. Это плюс. Не стал пороть горячку, устраивать самодеятельность, предупредил нас. Ещё один плюстик в карму. А вот отмороженность — минус. Ладно, посмотрим, что из этого получится. Война, как говорится, план покажет».

— Что хочешь сделать, конкретно? — уточнил я.

— Подойти, типа поговорить, выцепить главного, он же нам нужен, верно?

— Верно, — согласился я. — Дальше.

— Взять его, и предложить остальным выбор. Либо взлетаем на воздух все вместе с машинами, либо они бросают стволы, и падают на землю, сцепив руки на затылке. Выбор за ними.

— Если начнут быковать, подорвешься? — прищурился я.

— Не будет другого варианта, да, — помрачнел «афганец». — И к вам никаких претензий. Мало ли, какие разборки здесь были. Кольца у меня на пальцах будут, картина для оперов понятная.

«Точно отморозок», — насупленное лицо Дениса, желваки, ходившие на скулах, сомнений не оставляли, он так и сделает.

— Понял. Но ещё раз прошу, ты всё-таки на тот свет не спеши. Если что, швыряй гранаты и падай, становись так, чтобы рядом хоть какое-то укрытие или овраг был. В самом поганом случае, прикройся одним из них. Понимаю, что это может не помочь, но шансы на выживание повышаются. Мы тебя в любом случае не бросим. Если ранят, будем лечить и выхаживать всеми возможными способами.

— Договорились, — лицо афганца посветлело. — И спасибо.

— За что? — удивился я.

— За то, что не бросите. Я вижу, когда брешут, а когда правду говорят. Ты — не врешь.

— Проехали. Теперь о главном. Как я уже говорил, с нами ещё человек двенадцать будет из родни Ашота. По утверждению деда — люди бывалые и стволы у них имеются. Поэтому задача сильно упрощается. Сейчас, найдем Гурама с бойцами, и я вам всем вместе расскажу,

как мы поступим...

Гурам и Баграм нашли меня сами. Пока я разговаривал со своими бойцами, их вызвал и подробно проинструктировал патриарх. На короткое совещание мы собрались в соседнем доме. Обсудили все детали операции. Старая мельница, возле которой расположились бандиты, была достаточно безлюдным местом. Машины урок стояли метрах в ста от неё на лесной опушке. Если начнётся стрельба, до мельницы ещё надо было добежать, чтобы укрыться за полусгнившими деревянными бревнами. Я поделился своим планом, который был принят на «ура». Смысл заключался в том, чтобы взять бандитов в кольцо, обложить со всех сторон, а потом выпустить Дениса для переговоров. Мы находимся в полной боевой готовности в любой момент открыть огонь, а парочка метких стрелков располагается на мельнице, если там никого из бандосов нет. Если есть, нужно их аккуратно зачистить, занять позиции и взять отморозков у машин на прицел. В случае, каких-то проблем мгновенно открывать огонь. Баграм, отлично знающий окрестности, сказал, что возле поляны, где стоят машины, есть небольшой овраг, в котором можно укрыться. Так что если Денис сработает грамотно, он вполне может подорвать уркаганов вместе с машинами и спастись от осколков. Договорились выйти из машин, за километр от места расположения уголовников, где дорога делает зигзаг, упираясь в лес. А потом, незаметно окружать их со всех направлений, подбираясь со стороны чащи.

Забрал у Олега «ПМ», а десантнику и Вове, по моей просьбе Гурам торжественно вручил старый револьвер и двуствольный обрез с горстями запасных патронов, которые ребята распихали по карманам.

После совещания, Гурам и Баграм пошли инструктировать своих бойцов. Через пятнадцать минут они погрузились в машины, предварительно закинув сумки с недостающим оружием.

В уже знакомую и ставшую родной белую «ниву» сел Гурам, Баграм и ещё парочка боевиков, двое неразговорчивых широкоплечих парней. В «412-ый» москвич залезло четверка, возглавляемая седым крепышом лет 50-ти. Остальные по виду, молодые парни, были его сыновьями или близкими родственниками. Бежевую «пятерку» заняла ещё одна четверка угрюмых, серьезных мужиков. Мы сели в «шестерку» Ашота, ключи от которой вручил Гурам. Наш автомобиль двинулся за «нивой», остальные две машины ехали сзади. Минут пятнадцать нас трясло по извилистым ухабам. Затем головная машина остановилась, уткнувшись в лесную чащу. Гурам выпрыгнул из «нивы», махнул рукой, приглашая выходить.

Из машин посыпались люди. Человека четыре с охотничьими двухстволками и трехлинейной пехотной «мосинкой» начала века. Седой с ППШ и парочкой запасных дисков, прикрепленных к самодельным карманам на поясе. У остальных были пистолеты и обрезы. Мы собрались возле Гурама. Борцуха сразу же отдал команды:

— Гагик и Никол — остаётесь с машинами, присматривайте, чтобы с ними ничего не произошло. Зураб проведешь Миху и его ребят к нашим пацанам, которые наблюдают за бандитами. Они с северной стороны, на пригорке у поваленного дерева лежат, ты знаешь. Микаэл, ты с сыновьями заходишь с южного направления, со стороны речки. Ваша задача расположиться на мельнице. У тебя парни отлично стреляют, пусть распределяют цели, а ты сам выбери такое место, откуда можешь, лупить очередями.

— Понял, Гурам, сделаю, — кивнул седой и подхватил, висевший на шее ППШ. Парень рядом, лязгнув затвором, загоняя патрон в ствол «мосинки». Третий только ухмыльнулся и поправил ремень, висевшей за плечом двустволки.

— Я с остальными зайду с востока, от дороги, ведущей в деревню. Разумеется, мы к ней выходить не будем, а пойдём лесом. Действуем так, как договорились. Всё, разбегаемся.

— Подождите, — попросил Денис и Гурам, уже двинувшийся к лесу, недовольно обернулся:

— Что ещё?

— Скажи своим, пусть они попрыгают, — попросил афганец и повернулся к нам. — Вы тоже.

— Зачем?

— Сейчас сам увидишь, — пообещал Денис.

— Хорошо, — буркнул борцуха. — Слышали, что он сказал? Прыгайте.

У одного бойца глухо звякнула фляга, прикрепленная к поясу, у другого приклад ружья стукнулся о висевшие на боку ножны.

— Там в кармане патроны, — смущенно признался парень. — Фляга ударилась о них.

— Пересыпь в другой карман, и смотри, чтобы больше никаких звуков не было, — распорядился все понявший Гурам и повернулся к другому. — А ты перевесь ножны или ружье на другую сторону, чтобы они не соприкасались. Ещё раз проверили, чтобы ничего не звякало, не стучало, не звенело, попрыгали, убедились, что всё нормально и пошли...-

Зураб — невысокий, шустрый парень, с карими глазами, в которых плескалась лукавая хитринка, оказался отличным проводником. По лесу передвигался уверенно и бесшумно, дорогу знал отлично, даже пару раз попридержал вырывавшегося вперед Олега, указывая на нужную тропинку. К поваленному дереву у склона мы вышли минут за пятнадцать блужданий между деревьями, раскинувших в сторону зеленые волны листьев и кустами, местами превратившихся в непроходимые стены.

За укрытием спинами к нам лежали два подростка, один постарше и покрупнее, второй помельче. Старший увлеченно смотрел в бинокль.

Не доходя до ребят метров десяти, мы по просьбе Зураба пригнулись и медленно двинулись к ним. Под кроссовкой Вовы громко хрустнула ветка. Подростки испуганно повернулись, увидели Зураба и успокоились.

— Привет, парни, — проводник примостился рядом с юношами и спросил: — Как обстановка?

— Нормально, — бойко ответил паренек покрупнее, с любопытством осматривающий нашу команду, которая следом за проводником, перешла в положение «лежа», спрятавшись за широким стволом поваленного столетнего дуба.

— Почти все тут сидят. Двое отходили. Вардан, — кивнул он на товарища. — За ними пошел. Они сельский магазин искали. Купили «Приму», пряников, булок, несколько бутылок кефира. Потом это лопали с бутербродами. В карты играли. Я ещё у одного пистолет заметил. Такие в кино о войне у немцев были. Он, когда те двое возвращались, дернулся и ствол вытащил. Наверно, думал, что это кто-то посторонний на них вышел. Ещё один дядька из этой банды у дороги сейчас сидит, прямо на дереве перед ней.

— Где именно? — напрягся Зураб.

— Да метрах в ста отсюда. Там с другой стороны дороги большой пенёк и косое дерево.

— Понятно, — проводник с облегчением выдохнул:

— Вардан, Гурама помнишь?

— Здорового такого? — уточнил юноша и сразу же кивнул, — Да.

— Он с Аршаком, Василом и другими людьми должен сюда идти со стороны дороги с востока. Должны остановиться и залечь за деревьями метров за сто-сто двадцать от поляны, так чтобы она просматривалась. Найдешь Гурама, расскажешь, об этом наблюдателе. Пусть его возьмут на прицел, а когда услышат выстрелы или при попытке слезть, аккуратно снимут. Понял? Скажешь и сразу иди к машинам. Они на развилке находятся, там, где дорога упирается в лес и делает резкий поворот. Помнишь, где это?

— Помню, — кивнул подросток.

— Вот и отлично, а Ованеса я прямо сейчас туда отправлю. Там Гагик и Никол. Будете вместе с ними охранять машины.

— Ну дядя Зураб, я с вами хочу остаться. Охота своими глазами посмотреть, как вы их брать будете, — надулся старший юноша.

— Нечего тебе на всякие непотребности смотреть, — прошипел Зураб. — Сказано, идти к машинам, значит, иди.

Парень собирался что-то возразить, нахмурился и даже открыл рот, но проводник тихо выругался, добавил длинную фразу на армянском, и Ованес виновато опустил голову,

вздохнул и обреченно кивнул.

— Все ребята, можете идти, — добавил Вахтанг, забрал у старшего бинокль, и начал рассматривать стоявшие за слонем машины и кучку людей возле них.

Шустрый Вардан моментально рванул с места, и через несколько секунд скрылся среди зеленой листвы деревьев и кустов. Хмурый Ованес двинулся на восток, напоследок бросив недовольный взгляд на невозмутимого Вахтанга.

— Что ты ему сказал? — полюбопытствовал я.

— Чтобы не позорил своих родителей, — буркнул проводник, продолжая наблюдение.

— Дай глянуть, что там, — попросил я.

— Держи, — бинокль лег в протянутую ладонь. Я закинул ремень на шею, и заглянул в окуляры.

Из открытой двери «горбатой» волги доносились отзвуки громкой музыки. Надрывно завывал «вези меня извозчик» Александр Новиков.

Водитель «волги» — тощий, мосластый мужик, распахнул дверь и смолил папиросу, выпуская клубы дыма и сбивая пепел на траву. Другой боец кемарил, раскинув руки на заднем сиденье «волги». В «копейке» тоже сидели двое. Бандит спереди, перекусывал, перемалывая челюстями булку и запивая её, кефиром из бутылки. Ещё один, рыжий паренек, высунувшись из приоткрытого стекла, о чем-то весело общался с колоритной четверкой, расположившейся на поваленном бревне, метрах в пяти от машин.

На костре, между толстыми жердинами, подвешенный на пруте грелся закопченный чайник. Недалеко от него, на аккуратно подстеленной газетке одним рядом расставлены жестяные кружки. Похоже, бывшие сидельцы решили почифирить.

Я с любопытством рассматривал компанию на бревне. Уголовное прошлое крупными буквами светилось на каждой роже.

Дерганый худой мужик с огромными синяками под глазами, глубокими морщинами, избородившими лицо, похоже, наркоман. Выглядел, как узник Бухенвальда, сквозь расстегнутый воротник рубахи виднелся синий купол с крестом, руки постоянно двигались и подергивались, как будто жили своей, отдельной от хозяина жизнью.

Ещё один ласково щерился железными зубами. Шрам идущий наискось от лба, через чудом уцелевший глаз к щеке, острые скулы, чуть выпученные глаза, в которых плескалось безумие, след от ожога на другой щеке, тонкогубый рот, и выставленный вперед подбородок. Если бы Майк Тайсон встретился ночью в глухой подворотне с этим типом, даже не знаю, кто бы из них испугался больше.

Третий, наоборот, напоминал, каким-то чудом, перекрашенного в белый цвет негра. Толстые сосиски-губы, нос-картошка, широкое крупное лицо. Но под короткими рукавами серой рубашки перекатывались впечатляющие шары бицепсов, бычья грудина рвала воротник, а за громадными плечищами могли спрятаться два мужика мелкой комплекции.

Самым опасным мне показался четвертый. Мужчина чуть выше среднего роста, крепкого сложения с седым ежиком волос. Волевое лицо, квадратная челюсть, неторопливые, уверенные движения. Видно, что человек знает себе цену, и пользуется авторитетом у окружающих. Ему первому и кружку подали, и исходящий клубами пара чифир налили. И одет седой был соответственно: в джинсовый костюм из рубашки навывпуск и брюк в сочетании с бело-синими явно импортными кроссовками.

Оружия я у бандитов не заметил, но оно вполне могло быть. Под серым пиджаком железнозубого можно было легко спрятать ствол, и рубахи наркомана, амбала и главаря

подозрительно топорщились на поясе в районе пояса.

— Ну что, мне идти уже? — спросил Денис.

— Подожди, — бросил я, и опустил бинокль. — Значит так ребята. Из пистолетов мы их на таком расстоянии не достанем, я думаю, вы это и так понимаете. А подстраховать Дениса надо. Подберемся поближе к ним. Сначала тихо подходим на расстояние метров семидесяти, перебежками. Там музыка орёт, звуков никто не услышит. Потом ещё метров тридцать-сорок ползём по-пластунски. Надеюсь, не разучились?

— Нет, — ответил Олег.

— Обижаешь, командир, такая наука на всю жизнь вбивается, — буркнул Вова.

А Денис просто насмешливо ухмыльнулся. Да так, что сразу снял все вопросы.

— Отлично, — кивнул я. — Подползаем к ним, на расстояние 25–30 метров, занимаем позиции за деревьями, рядом с поляной, разбираем цели. Останавливаемся, примерно на одной линии, чтобы в случае боевого контакта с противником не попасть под перекрестный огонь.

Сейчас бандюки сидят боком к нам и машины развернуты так же. Делаем небольшой крюк и заходим к ним справа и со спины, чтобы выпасть из сектора обзора. Вещи у нас темные, неяркие должно получиться. Надеюсь не надо в очередной раз говорить прописную истину, что двигаться нужно максимально тихо, чтобы раньше времени не привлечь к себе ненужного внимания и не запороть всю операцию. Кассета может внезапно кончиться, Новиков заткнётся, и тогда каждый пук в лесу будет звучать оглушительно.

— Не беспокойся, — ответил Олег. — Это и так понятно.

— Я беру на себя наркомана и седого, если у Дениса что-то не получится, Олег — типа с железными зубами, Вова — здоровяка-губошлепа и присматривает за остальными. Зураб контролирует людей в машинах. Денис — свою задачу ты знаешь. На всякий случай, напомню. Подходишь, вызываешь на разговор главного. Подводишь его к оврагу, уже спрашивал, но ещё раз уточню, уверен, что получится его нейтрализовать?

— Уверен, — кивнул парень. — Никаких проблем, сделаю.

— Хорошо. Хватаешь главаря, прикрываешься им, демонстрируешь уродам гранаты и угрожаешь взорвать вместе с машинами, если не сложат оружие. Если начинают быковать, бросаешь в них гранаты. Старайся их метнуть так, чтобы закатились под машины или влетели в них. Тогда отфутболить их в сторону будет затруднительно. Сумеешь?

— Я в «Городки» у бабки в деревне с пацанами с детства играл, — усмехнулся Денис. — Думаю, проблем не будет.

— Отлично. Как только бросаешь, падаешь в овраг. Мы сразу открываем огонь, добиваем раненных, если кто-то кроме главаря уцелеет, берем в плен. Вопросы, предложения есть?

— Нет, — мотнул головой Вова. — Всё понятно.

Остальные промолчали.

Я пригляделся к помощнику тренера. Бывший морпех, в отличие от абсолютно спокойного Олега и безмятежного Дениса, имел бледный вид. Перспектива разборки со стрельбой и трупами его не особенно радовала. Но в глазах горела холодная решимость, а упрямо сжатые челюсти и руки, рефлекторно стиснувшие обрез, позволяли надеяться, что он не подведет.

— Вов, они сами сюда приехали, чтобы нас завалить. Мы их не звали, — мягко напомнил я. — Если не положим их здесь и сейчас, положат нас. Не сегодня, так завтра. У

нас нет другого выхода.

— Понимаю, — кивнул ещё бледный, но явно приходящий в себя морпех. — Не переживай Миша. Все будет нормально. Я не подведу.

— Вот и хорошо, — улыбнулся я. — Тогда пошли делать свою грязную, но необходимую работу.

Дальше всё прошло, как и планировалось. Короткая перебежка, падение в траву. Пистолеты уже были предусмотрительно засунуты под ремни за спину, обрез поддерживался рукой, двигались мы очень тихо, замирая при каждом шорохе, контролируя сидящих на бревне бандитов. Но они ничего не слышали. Громко играющая музыка прекрасно скрывала все звуки и отвлекала уголовников.

За пару минут проползли нужное расстояние и замерли, поудобнее устраиваясь у деревьев, разбирая цели. После этого я поймал взгляд Дениса, сместившегося вправо, и кивнул, разрешая начинать операцию.

Афганец спокойно поднялся, неторопливо отряхнулся, вынул гранаты. Поочередно выдернул чеку, сначала из правой, затем из левой, не забывая придерживать спусковые скобы. Опять засунул руки в карманы спортивного костюма и шагнул вперед. Сухие ветки захрустели под его ногами. Двигающаяся навстречу фигура привлекла внимание отморожков.

Бандиты, сидящие на бревне, развернулись, и замолкли, рассматривая парня. Рука железнозубого инстинктивно дернулась к поясу, а наркоман, уже не стесняясь, схватился за торчащую из-под ремня рукоять пистолета. Мосластый водитель рывком распахнул бардачок, и замер, настороженно посматривая на незваного гостя. Из «копейки» вылетел рыжий парень в кепочке и замер, запустив руку в карман брюк. Только седой лениво, с чувством собственного превосходства разглядывал гостя. Музыка из салона «Волги» начала играть потише. Видимо, прикрутили звук.

— Здорово, братва, — жизнерадостно поздоровался Денис. Он аккуратно обошёл, горящий костер и приблизился к бандитам, держа руки в карманах.

— Ты кто, такой вообще? — заистерил наркоман. — Чего те надо?

— Шоколада, — лучезарно улыбнулся афганец.

«Абсолютно спокоен, как будто не на разборку с бандитами вышел, а на прогулку», — поразился я. — «Не нервы, а стальные канаты. Парень — кремень».

— Че ты сказал? — выверился наркоман. Его рука потянулась к поясу, но была перехвачена ладонью седого.

— Не гони беса, Дуремар, — рявкнул седой, и повернулся к продолжавшему движение Денису.

— Здорово, коли не шутишь, — спокойно ответил он. — Что здесь забыл?

— Да так, перетереть хочу с главным, — Денис не сбавлял хода, приближаясь к уркам. — Ты бугор?

— Ну я, — кивнул седой. — Что, дальше?

— Обзовись, — попросил афганец.

— Ты клешни сначала из багажника вытяни, мил человек, и поясни, кто ты и откуда, — вежливо попросил седой. — А я потом решу, базарить с тобой или сразу зажмурить.

— Да без проблем, как скажешь, — улыбнулся афганец, становясь напротив седого. — Я вообще-то не рамсить пришёл, а...

Руки с зажатыми в них лимонками выпрыгнули из карманов.

— Стоять суки, только дернетесь, ляжем все! — голос Дениса заставил ошарашенных

урок замереть.

— Это «эфки», — голос толстогубого здоровяка дрогнул. — Зяма, скажи пацанам, чтобы не двигались. Этот отморозок сорвал чеки. Уберет руки со скоб, нас всех на фарш перемелет.

— Правильно, — осклабился Денис. — Шаришь, братан.

— Ты не сделаешь этого, — заявил седой. — Сам же тут ляжешь.

— Уже сделал, — оборвал его афганец. — Чеки выдернул. Гранаты на боевом взводе. Только дернитесь, суки. Все ляжем. Я контуженный и мне похер.

— Да, че вы с ним трете, — заблажил Дуремар, — Гасить его надо.

— Не пори косяк, — рывнул главарь, но наркоман уже вытягивал вальтер из-за пояса.

Начало движение ноги афганца я прозевал. Кроссовок с глухим стуком молниеносно влетел в челюсть бандита. Наркоман дернул головой, закатил глаза и тряпичной куклой рухнул лицом в серую пыль.

— Стволы на землю, быстро, — крикнул Денис. — Иначе все взлетим в воздух.

— Подожди, ты чего такой резкий? — седой явно тянул время. — Какие стволы, ты чего?

Железнодорожный сделал маленький шаг в сторону, прикрываясь спиной растерянного и не помышлявшего о сопротивлении амбала, явно знакомого с поражающими возможностями «эфок». Рука с набитыми на пальцах перстнями медленно, чтобы не привлекать внимания, потянулась к поясу.

Правая Андрея с хрустом влетела в лицо Зямы. Седой шатнулся, начал разворачиваться, мягко опускаясь на землю, но был подхвачен за шею локтевым сгибом.

— Бабах, — гром выстрела на секунду перекрыл орущего о дефиците резины Новикова. На спине под левой лопаткой у железнодорожного расцвело кровавое пятно. Он охнул и упал, задев плечом шокированного здоровяка. Олег за соседним деревом, удовлетворенно улыбнулся, переводя дуло револьвера на остальных бандитов.

— Атас, пацаны, — мосластый водитель резво рванул к деревьям. Я поймал в прицел качающуюся спину и нажал на спусковой крючок «макарова». Мосластый споткнулся, и покатился по траве. Краем глаза я заметил, как с другой стороны от нас распахнулась дверца «копейки», и увидел макушку пригнувшегося бандита, выпрыгивающего из машины.

Глухо громыхнул винтовочный выстрел. Отморозок вскрикнул и замолчал.

«Это со стороны мельницы стреляли», — сообразил я.

— Аааа, — стоявший до этого в ступоре паренек в кепке, выхватил выкидушку. С щелчком выпрыгнуло лезвие. Рыжий рванулся вперед, пытаясь достать ножом закрывшегося телом полубесчувственного Зямы Дениса. Выбежавший на поляну с другой стороны Вова влупил ему в ногу из обреза.

Рыжий покатился кубарем, завывая. Вдали в лесу хлопнул ещё один выстрел.

«Похоже, и наблюдателя сняли. Что-то поздновато», — отметил я.

Серый от испуга здоровяк стоял, подняв руки вверх. На поляну уже выбегали люди, среди которых я узнал бойцов Гурама. Уложили на землю губошлепа и седого, отобрали у них стволы. Так же обшмонали бесчувственного наркомана. Перевернули их на спины, стянули веревками руки за спиной. Наркета сразу же повернули на бок, чтобы язык не завалился. Начали заматывать ногу бинтом стонущему рыжему.

«Всё вроде. Неужели?», — я облегченно выдохнул, выходя с улыбающимся десантником к месту побоища. — «Так, на поляне насчитал восьмерых. Четверо в машине. Седой, амбал и

наркоша взяты живыми. Железзубого Олег завалил. Рыжего ранили, мосластого и ещё одного застрелили. Это семь получается. Где, млять ещё один?»

Спящего на заднем сиденье отморозка из «волги» и след простыл. О том, что он сидел в машине, напоминала только распахнутая дверца.

И сразу же, как ответ на мой вопрос, протарахтела короткая очередь ППШ, бухнул пистолет, хлопнул винтовочный выстрел, и наступила тишина.

— Миша, там ещё один из машины в лес убежал, прямо к мельнице драпанул, за ними Гурам погнался с Василом, — возбужденно затараторил подошедший Баграм.

— Так пошли за ними. Мало ли что, — я рванулся к лесной тропинке, ведущей на юг к мельнице, махнув рукой, последовавшим следом Олегу и Зурабу.

— Нэ надо, там все нормально, — крикнул мне в спину дядя Ашота, — Вон, они уже к нам идут, я вижу.

И действительно, вдалеке виднелись пять быстро увеличивающихся фигурок. Они бодро шагали в нашу сторону. Через минуту я уже мог рассмотреть улыбающегося Гурама, Микаэла с сыновьями и ещё одного парня из нашего отряда — Васи́ла. Слава богу, все живы здоровы. И судя по хорошему настроению, бандит далеко не убежал.

«Кстати, получается, пацаны неправильно посчитали», — сообразил я. — «Отморозков было девять. Восемь на поляне и ещё один, как Соловей разбойник у дороги сидел. Надо сказать Гураму, чтобы ребятам внушение сделал. Видимо они тех, кто постоянно на поляне пересчитали, а о дозорном у дороги тогда забыли. Такая ошибка могла нам дорого обойтись».

— Последнего завалили? — уточнил я, когда Гурам со спутниками приблизился.

— Живым не давался, — усмехнулся борцуха, — ствол начал поднимать. Микаэл его из ППШ очередью зацепил. Но парень оказался не промах, даже раненный успел выстрелить в ответ и спрятаться за дерево. Урка не учёл, что со второго этажа мельницы, он прекрасно виден. А там Карен сидел с винтовкой. Снял одним выстрелом, четко в голову попал.

— Менты не примчатся?

— Эээ, какие менты дорогой, — расплылся в широкой Микаэл, поправляя ремень ППШ закинутый за пояс. — Где ты их здесь видел?

— Не должны, — заверил Гурам. — Места глухие. В старые времена здесь девка одна повесилась, потом сын мельника утоп, а несколько лет назад где-то в этих местах пацан лет десяти пропал. С тех пор местные мельницу и эту поляну десятой дорогой обходят. Всякие небылицы сочиняют о нечистой силе и прочей гадости. А что касается выстрелов, так сразу никто не побежит. Даже если найдётся какой-то активист, он сначала участкового будет искать. Один участковый сразу сюда не пойдёт. Осторожный очень. Может позвонить и подмогу вызвать или сам потом появится, посмотреть, что к чему. Но через время. Я же говорю, на рожон переть и под пули подставляться не будет, подождёт некоторое время, чтобы проблем не было. Да и охотники сейчас по лесам ходят, выстрелы обычное дело. Зайца, перепелов бьют. Местные жители не будут сломя голову бежать к участковому, даже если автоматную очередь услышат. Не любят они ментов. Давать показания следователям, а потом выступать в суде, желающих мало.

— Понял, — кивнул я. — Что дальше делаем? Пленных, понятно, нужно допросить, а с трупаками, оружием и машинами, как поступим? Есть предложения?

— Есть, — серьезно ответил Гурам. — Я с собой Василя заберу, и мы вместе с вами отсюда уезжаем с этими тремя, что в живых остались. А Баграм с остальными трупы и машины обыщут, деньги и оружие заберут, если что-то ещё интересное найдут, скажут. Трупы закопают, лопаты уже приготовлены, в «ниве» под брезентом лежат. Следы крови засыплем землей и песком, гильзы подберем. Машины отгоним, у нас есть один домик на отшибе, в отдалении от остальных. Там забор большой никто ничего не увидит. Разберем на запчасти и продадим потихоньку. У нас есть выходы на СТО в Москве, дальние родственники держат. Или на Кавказ перегоним, там люди купят и переоформят, варианты есть. Вам долю в любом случае, отдадим.

— А если неожиданно мусора заявятся?

— Пацанов на деревья, на всякий случай, посажу. Умеют кричать кукушкой, сигнал подадут, если что. Но в ближайший час-два никого не будет, я в этом уверен.

— Годится, — кивнул я. — Пленников куда поместишь?

— В подвал того же дома на отшибе. Он большой и посторонний человек вход в него не найдёт. Настоящее укрытие, наши предки столетие назад такие делали, чтобы от турков прятаться, и оружие хранить. Там с ними поговорим, расспросим, узнаем, что к чему, — борцуха злобно ухмыльнулся, и я мысленно посочувствовал троице бандитов.

— Ладно, тогда у меня будет ещё одна просьба. Я у этой банды видел пистолеты. Пару захваченных стволов нам отдадите?

— Да бери, конечно, — отмахнулся Гурам. — Соберем стволы, выберешь любые.

— Спасибо...

Афганец с помощью Олега уже вставил чеки обратно и открутил у гранат запалы на всякий случай. Седого, здоровяка и уже очухавшегося наркомана, со связанными спереди руками и заткнутыми тряпками ртами, заставили нести рыжего с простреленным бедром. Конвоировали пленников Денис с Олегом, и Вова с Василом. Рядом держались мы с Гурамом. Когда вышли к машинам, парни быстро связали ноги наркоману и здоровяку, затем мы совместными усилиями погрузили их в багажник «нивы» как мешки с картошкой, предварительно вытащив оттуда лопаты. Бандитов накрыли брезентом, предупредили, чтобы лежали тихо, не дергались. Захлопнули дверцу багажника, и расселись по машинам. Мы — в «шестерку», Гурам с Василом — в «ниву». Седого они забрали с собой. Раненого рыжего усадили на заднее место, между Вовой и Денисом. Мы с Олегом сели впереди, товарищ — за руль, я — рядом.

«412» москвич и «пятерка» остались на месте. На них после «уборки» должен приехать Баграм с остальными бойцами.

Через пять минут Гурам остановился возле небольшого домика на отшибе у леса. Забор там, как и у других домов армян, оказался высоким. Длинные деревянные штакетины надежно скрывали двор от любопытных взглядов посторонних. Хозяина в доме не оказалось, но никаких проблем не возникло. У Гурама имелся ключ, он быстро открыл калитку, сняв висевший на ней навесной замок. Через минуту мы, вслед за «нивой» борцухи заехали во двор. Сам домик, оказался небольшим, с заросшей бурьяном территорией. Зато недалеко от него расположился огромный гараж, в котором свободно могло поместиться три машины.

Там, под кучей хлама и старых колес, был замаскирован вход в подвал. Первым спустился Гурам, и щелкнул висящим на стене у лестницы выключателем. Тусклый свет немного рассеял крошечную тьму. Само помещение оказалось прямоугольным, просторным и удивительно мрачным. Пятна, напоминающие засохшую кровь на сером бетонном полу, свисающая на проводе лампочка в патроне, два толстых крюка вбитых в стену у самого потолка, напротив лестницы, парочка дряхлых стульев. Когда пленникам освободили от веревок ноги и, подбадривая пинками, загнали в подвал, они в полной мере оценили тяжелую атмосферу подземелья. Здоровяк судорожно сплотнул, у наркомана затряслись руки, лицо рыжего посерело. Только седой остался внешне спокойным, но на мгновение в его глазах мелькнул страх.

— Ну что, ребяташки, говорить будем? — ласково осведомился Гурам.

Пленники угрюмо молчали, кидая косые взгляды на главаря.

— Не будем, значит, — огорченно вздохнул борцуха. — Жаль.

Гурам сделал эффектную паузу и повернулся к Василю:

— Принеси черный чемоданчик с инструментами, он на антресолях в гараже стоит. Найдешь?

— Айо^[2], — кивнул немногословный товарищ и двинулся вверх по лестнице. Через пару секунд его шаги затихли.

— Ну что, ребятки, не захотели по-хорошему, значит, будем по-плохому, — кровожадно оскалился Гурам.

— Сами справитесь? — спросил я у Гурама. — Не хочется на это всё смотреть. Я брезглив и испытываю отвращение к брызгам крови и кучам дерьма, которое здесь сейчас образуются. Лучше во дворе посижу, свежим воздухом подышу.

— Иди, дорогой, посиди, конечно, — согласился борец. — И ребят можешь своих взять,

мы с Василом сами справимся.

— Я останусь, — ответил Денис. — Приходилось офицерам помогать, духов допрашивать. Знаю, как надо действовать.

Опять застучали каблуки по деревянной лестнице. Вниз спустился Васил с небольшим черным чемоданчиком. Поставил его на пол, щелкнул железными замками и откинул крышку, заставив присутствующих невольно замереть от открывшегося зрелища. В специальных петлях, карманчиках, зажимах и застежках, хищно блестели стальные скальпели, щипцы, ножи с волнистыми зубчатыми лезвиями, маленькие напильники, иголки, какие-то непонятные устройства с отверстиями для пальцев. В зловещей тусклой полутьме эти инструменты смотрелись особенно устрашающе.

— Не надо, я всё расскажу, — заблажил здоровяк, не сводя взгляда от орудий пыток.

«Слабоват оказался паренек. Здоровый как слон, мышцы накачал, а духом слаб», — отметил я.

— Рассказывай, — равнодушно согласился Гурам. — Начнём с простого? Кто вас сюда прислал и с какой целью?

— Шкаф, не трепись, — подал голос наркоман. — Они на понт берут. Не будут никого здесь кромсать.

— Не будут? — в голосе амбала появились истеричные нотки. — Дуремар, ты вообще в натуре попутал?! Тебе что, барыга винт^[3] паленый подогнал? Совсем кукуха потекла! Они всех наших в момент зажмурили, а ты тут пальцы веером кидаешь, понты колотишь.

— За базаром следи, — попытался вякнуть торчок, но культурист уже от него отвернулся.

— Мы с Зямой давно корешимся, — угодливо сообщил он Гураму. — Имеем общие дела. Он базарил сладкая тема есть, надо жирненьких фраеров окучить. Собрал пацанов, баблo выделил. Вроде, как я понял, каких-то богатеньких хачей на гоп-стоп^[4] взять.

— Хачей говоришь?! — насторожился Гурам. — А подробнее?

— Сказал, что в одной хате лавэ крутые мутятся. Мол, деловые между собой какое-то дельце решают, баблa немеряно отстегивают, и оно там некоторое время будет. Когда все разъедутся, мы эту хату быстро берем, и валим с хрустами.

— Там же женщины с детьми, могут шум поднять. Чтобы вы бы с ними делали, убивали? — хрипло осведомился борец. На скулах парня заиграли желваки, лицо окаменело, руки сжались в кулаки.

Здоровяк инстинктивно отшатнулся от горящих ненавистью глаз и испуганно пробормотал:

— Эй, ты чего? Не кипишуй.

— Отвечай! — прорычал Гурам.

— Да не знаю я, — воскликнул Шкаф, на всякий случай, делая шаг назад.

— Знаешь, — с нажимом ответил борец. — Не зли меня! Говори правду.

Здоровяк виновато опустил глаза.

— Зяма сказал, если орать будут, мочить, — признался он.

— Понятно, — бешеный взгляд борца ожег седого.

— Он по ушам ездит, — спокойно ответил тот. — Не было такого.

— Кто навёл? — Гурам повернулся к культуристу.

— Не знаю, — выдохнул здоровяк. — Сам на подхвате был. Зяма в теме. Он всем рулил.

— Кто дал наводку? — борец глянул на седого.

— Пурга это всё. Шкаф баланду травит^[5]. Я не в теме, — лениво ответил главарь. Но,

несмотря на внешнее спокойствие, чувствовалось, внутренне он напряжен.

— Пурга, говоришь, — прищурился Гурам. — Через пять минут ты соловьем будешь петь. Парни, кто хотел, вылезайте из подвала, а мы пока с этим Зямой вдумчиво поболтаем...

Через десять минут Гурам вылез из подвала и вышел во двор. Я с Олегом и Вовой, сидел на скамейке рядом с верандой. Борцуха тяжело вздохнул, и примостился рядом с нами.

— Ну что, раскололся? — поинтересовался я.

— Нет, — мотнул головой армянин. — Упорный гад попался. Дергается, ругается, но молчит. А сильно калечить и что-то отрезать ему нельзя. Нам ещё его людям предъявлять.

— Слушай, — мне в голову пришла одна идея. — Я знаю, как его расколоть и товарный вид не попортить.

— Как? — заинтересовался Гурам.

— Всё очень просто, — ухмыльнулся я. — Зяма — сидявый. А к любому из них есть верный подход. Сделаем так...

Рассказал, что нужно сделать и озабоченное лицо борцухи посветлело, а ребята заулыбались.

— Хорошая идея, — одобрил армянин. — Думаю, сработает.

— Тогда давай, начинать, — предложил я.

— Подожди минут пять. Я сейчас Василя за фотоаппаратом пошлю. У Самвела «Зенит» есть, и пленка найдется.

В подвал мы спустились всей компанией. Связанные руки седого были вздернуты на веревке, перекинутой через крюк вверх. Второй конец веревки был закреплен, за торчащий в соседней стене железный штырь. Из разбитых губ Зямы на подбородок текли карминовые дорожки, пятная ворот порванной джинсовой рубахи. Окровавленное ухо и заплывший глаз завершали картину.

Наркоман, здоровяк и рыжий лежали на животах в углу, уткнувшись рожами в пыльный пол.

— Я вам все равно ни хрена не скажу, — просипел Зяма и сплюнул кровью. — Напрасно стараетесь.

— Скажешь, — зловеще пообещал Гурам. — Мы тебя сейчас опускать будем. Сначала ручкой от швабры поймеем, а потом трахнем все по очереди. На глазах твоих корефанов. Сфоткаем это обязательно, так чтобы весь процесс и тебя было видно, а нас нет. Эти снимки братве отправим и по зонам раскидаем. И если после этого даже тебя оставим живых, все пацаны будут знать, что ты петух опущенный. Хочешь?

Седой побледнел. Связанные руки истерично дернули веревку.

— Ты этого не сделаешь! — выкрикнул он. — За беспредел придётся ответить!

— Сделаю, — хищно улыбнулся борцуха. — Вы, отмороженные, женщин и детей готовы были валить ради бабла. Между прочим, моих родственников. Вот это беспредел по-настоящему. Как думаешь, что меня остановит?

Седой стиснул зубы и промолчал. Он ещё надеялся, что это блеф. Через минуту в подвал спустился улыбающийся Васил с фотоаппаратом. Снял с него футляр, встал напротив седого.

— Я готов, — сообщил он.

— Давайте, парни, — я кивнул хмурому Вове и ухмыляющемуся Денису.

Гурам ослабил веревку, брыкающего Зяму развернули в «собачью» позицию, лицом к стене. Борец, надел перчатки, имевшиеся в чемоданчике, вытащил скальпель, оттянул край

брючины, поднатужился и вспорол пояс брюк. Штаны седого упали к туфлям, обнажив волосатые ноги. Гурам, брезгливо скривившись, взялся перчаткой за семейные трусы.

— Подожди, — торопливо выкрикнул седой. — Я всё расскажу.

— Давно бы так, — пробурчал борец и отошел от бандита. Повинуясь его кивку, Вова и Денис повернули Зяму к нам.

— Дайте хоть чем-то прикрыться или штаны какие-нибудь, — глухо бросил седой.

— Потом вернёмся к этому вопросу, — небрежно отмахнулся Гурам. — Сначала послушаем, что ты расскажешь. Если лапшу начнёшь вешать, придётся продолжить.

— Не буду, — мотнул головой Зяма. — Всё расскажу. Без пурги. Зуб даю. Спрашивай.

— Кто вас навёл? — в разговор вступил я.

— Лысый, — обреченно выдохнул седой.

— Какой Лысый? Откуда он вообще взялся? Поясни.

— Торпеда Тенгиза. Абхазец — пахан, а Лысый на подхвате. Всегда с ним ездит вместе с Абреком. Вопросы решает, силовые акции проводит.

— Он по поручению Тенгиза действовал? — быстро спросил Гурам.

— Нет, — Зяма сглотнул. Было видно, что ему не хочется говорить.

— Он сам на измене сидит что Тенгиз узнает. Тогда его сразу зарежут. Катал ^[6] с залетными жиганами. То ли стирь были коцаными ^[7], то ли он сам лажанулся, но пролетел на сотню косых. Карточный долг — это святое. Не отдаст, самого опустят или на пику посадят. Абхазцу он ничего не говорил, искал деньги. А тут узнал, что в Подмосковье армяне с приезжими будут крутые дела решать, бабки получать, Тенгизу за то, чтобы гарантом выступил и за порядком проследил, двадцать косарей обещали. Такие деньги просто так не дают. Значит, точно большое бабло будет, раз хозяева Абхазца привлекли. Вот и решил ситуацией воспользоваться. Обратился ко мне, я подтянул своих пацанов.

— Сколько Лысому должны отдать? — уточнил я.

— Полноценную долю и ещё десять процентов за наводку, — быстро ответил седой.

— Тенгиз точно не в курсе? — я пристально наблюдал за бандитом.

— Нет, — вздохнул Зяма. — Я же говорю, он сам на измене сидел. Сто раз мне сказал, чтобы я не проболтался от кого наводка поступила. Говорил, что ему хана, если Абхазец что-то пронюхает.

— Ты думаешь, что после вашего налёта кипиш ^[8] не пошёл бы? — вкрадчиво поинтересовался Гурам. — Вы близкого друга Тенгиза на гоп-стоп взять решили. А если бы ещё кого-то завалили по запаре, вас бы и с того света достали.

— С того света уже никто не достанет, — усмехнулся разбитыми губами седой. — А если серьезно надеялись пропетлять. Заподозрить Лысого сложно. На него мог указать только я. А там ещё, как слышал, приезжие барыги с охраной. В первую очередь подумают на них.

— Видишь, сам говоришь, что Лысого можешь сдать только ты, — иронично улыбнулся я. — А теперь пошевели как следует извилинами, если они у тебя, конечно, есть. Исходные данные: речь идёт о больших деньгах, дело стрёмное. Если узнают, кто это сделал, всем кишки на члены наматывают. На кон поставлена репутация Тенгиза. Ещё барыги люди непростые и с огромными связями, в том числе среди кавказских воров. Кипиш будет до небес. Кавказцы — это не славяне. Абхазец, если вас найдёт, будет по кусочкам резать, чтобы подышали в мучениях, проклиная тот момент, когда подписались на это дело. А теперь, с учётом всего сказанного, сам подумай, что нужно делать Лысому, чтобы на него не

вышли?

Зяма смертельно побледнел.

— Вот видишь, ты всё правильно понял, — ухмыльнулся я. — Ты, и сам попал, и корешей в блудняк втянул, когда на гоп-стоп в темную подписал.

Наркоман, здоровяк и даже прислоненный к углу рыжий с перевязанной ногой, смотрели на седого с нескрываемой ненавистью.

Я повернулся к Гураму.

— Сейчас поедem в дом, посмотрим, как сделка проходит. Ты отзываешь Левона Суреновича и даешь всё расклады. Он лучше знает Тенгиза и понимает, как действовать. Только разговор с Абхазцем без меня не начинайте, хорошо?

— Хорошо, — кивнул Гурам.

— Тогда погнажи.

— Парней с собой берешь или здесь оставишь? — поинтересовался борец.

— С собой, конечно. Пусть будут под рукой.

— Давай снова этим ноги свяжем. На всякий случай.

— Опять? Зачем? Они же никуда не убегут.

— Как там у вас говорят? — усмехнулся парень. — Бережённому бог бережёт, а не бережённому конвой стережёт. Так, на всякий случай. Мне спокойнее будет.

— Годится, — согласился я.

Денис, Олег, Вова вместе с Василом деловито связали пленников. Даже рыжего, но так чтобы нагрузка на раненую ногу была небольшой. В вертикальном положении остался один седой. Веревку на крюке ослабили, позволив ему стоять на ногах.

Мы уже собрались уходить, как раздался голос главаря:

— Просьба одна есть.

— Говори, — кивнул я. — Слушаю.

— Нам, я так понимаю, хана? — обреченно выдохнул седой.

Я дипломатично промолчал.

— Я всё подтверждаю, что говорил, только Тенгизу не отдавайте, — попросил Зяма. — А если будете валить, сделайте это быстро, не мучайте.

— Ни хера, — заорал в углу здоровяк. — Я не хочу зажмуриться. Пацаны, не надо, всё что угодно сделаю, мамой клянусь!

— Заткнись, — Васил небрежно пнул его носком кеда по зубам, и культурист замолчал.

— Могу одно тебе сказать — попрошу об этом людей, которых вы на гоп-стоп взять собирались, — пообещал я седому. Сильно попрошу. Они ко мне прислушиваются, но гарантировать ничего не могу. Видишь, я с тобой откровенен, не езжу по ушам без тормозов, а говорю, как есть. Но и ты всё повторишь, что нам рассказывал и на вопросы ответишь. Это твой единственный шанс не попасть к Тенгизу и уйти быстро без мук. Добазарились?

— Ну хоть так, — седой недовольно скривился. — Лады, добазарились.

— Васил с нами поедет или здесь останется? — спросил я у борца.

— Здесь, конечно. Подвал запрёт, а сам наверху будет. Должен же кто-то за ними присматривать.

— Ладно, — я повернулся к ребятам. — Поехали...

В гостиной всё было по-прежнему, Манвел вальяжно развалился на диване. Георгий и Ашот взвешивали кипу брошек и перстней под бдительным присмотром патриарха.

— Левон Суренович, мы уже приехали. Вас Гурам ждёт на крыльце, хочет пару слов сказать.

— Я знаю, что вы приехали, — кивнул дед. — От Баграма заезжали, сказали. У вас всё в порядке?

— Да, — кивнул я. — Ничего особо срочного. Но вы должны его выслушать.

— Минут через пять, — пообещал патриарх. — Давай сначала это дело закончим.

— А где ты гулял, дорогой? — благодушно спросил толстяк. Он просто светился от радости. Видимо, уже мысленно подсчитывал барыши от сделки.

— По делам отъезжал, — вежливо ответил я. — Рассказать подробнее без разрешения хозяина не могу.

— А и не надо, дорогой, — махнул рукой Манвел. — Черт с ним, твоим рассказом. Мы тут уже закончили почти, последнюю партию взвешиваем.

Я кинул короткий взгляд на распухший портфель и раздутые сумки. Похоже, последние пачки денег туда впихивали с большим трудом. И рядом с гостями, кроме знакомого дипломата, лежал огромный квадратный чемодан с металлическим корпусом. Что самое интересное, распахнутый и почти пустой. Только в углу, лежали последние пять пачек купюр, перетянутых резинками. Две — сторублевок, а три — полтинников.

— Так, смотрим, что у нас тут, — Георгий, взвешивающий вместе с Ашотом последнюю горсть золота, добавил на колеблющиеся весы пятиграммовую гирьку, посмотрел на ушедшую вперед стрелку, замершую на двух делениях от нуля, и заявил:

— Сто пятьдесят семь граммов, ровно.

— Там ещё кольцо с изумрудом есть, — заметил Левон Суренович.

— Он, наверно, искусственный, — пробурчал грузин. — В Союзе такие партиями штамповали. И вообще, скорее всего это не изумруд, а берилл.

— Георгий, — патриарх укоризненно глянул на цеховика. — Зачем такое говоришь, да? Во-первых, кольцо дореволюционное. Я уже молчу за то, что это тонкая работа, эксклюзивный вариант. Договорились за 30 рублей за грамм, значит так и будет. Во-вторых, берилл обычно бледно-зеленый, а этот камень темный, что значительно поднимает его цену. Изумруды с таким насыщенным сочным цветом самые дорогие. Тебе ли это не знать?

— Может камень позднее вставили при Советах, вместо утерянного, — упрямо заявил цеховик.

— Дорогой, я понимаю, что торговаться — это твоя национальная традиция, — усмехнулся Левон. — Возьми лупу со стола и внимательно осмотри камень. Я уже сейчас вижу, что он настоящий. Слева еле заметную точку наблюдаешь? Это застывший пузырек воздуха. У искусственных таких нет. И следы обработки на станке должны сохраниться, если изумруд синтезирован. Давай не будем, уподобляться упрямым подросткам. Ты же солидный уважаемый человек.

— Ладно, — кивнул покрасневший грузин. — Сколько вы за него хотите?

— Тысячу, — вклинился в разговор Ашот. — Георгий, вы же видите, изумруд крупный, минимум, карат пять-шесть. Это ещё очень дешево будет.

— Нет, — вскинулся Георгий. — Это дорого. Пятьсот рублей, не больше.

— Семьсот пятьдесят, и бьем по рукам, — глаза парня азартно сверкнули.

— Семьсот и пять грамм высчитываем из общего веса, с учётом камня, — непреклонно ответил грузин.

— Договорились, — вздохнул Ашот.

— Итак, что у нас получается, — Манвел увлеченно защелкал кнопками миниатюрного японского калькулятора. — Сто пятьдесят два грамма, с учётом, что пять за кольцо снимаем. Умножаем на тридцать. Это четыре тысячи пятьсот шестьдесят рублей. Прибавляем семьсот за изумруд. Получается, пять тысяч двести шестьдесят. Получите.

Толстяк достал из большого железного чемодана пачку полтинников, прибавил к ним две сотенные купюры из другой стопки, залез во внутренний карман пиджака, достал портмоне и доложил ещё шестьдесят рублей — пятидесятирублевую купюру и десятку.

Ашот поплевал на пальцы, пересчитал деньги, со сноровкой опытного торговца. Засунул

приложенные бумажки под резинку, к общей пачке. Открыл переполненную сумку и с трудом закинул туда купюры. Потом я помог ему свести края, и мы, напрягшись, застегнули змейку.

— Всё, мы можем ехать? — Георгий вопросительно глянул на патриарха.

— Да, — коротко ответил Левон Суменович и добавил. — Только на выходе подойдите к Тенгизу и скажите, что всё нормально, сделка завершена, претензий не имеете. Ашот вас проводит, заодно мишиных парней и Гурама позовет.

Когда гости, попрощавшись с нами за руки, покинули комнату, прикрыв за собой дверь, патриарх повернулся ко мне. Доброжелательная улыбка на его лице погасла.

— Раскололи? — поинтересовался он.

— Да, — кивнул я.

— Кто?

— Лысый из окружения Тенгиза. Проигрался в карты залётным. Долг надо отдавать, ситуация безвыходная. Узнал, что Тенгизу как гаранту двадцать тысяч заплатят только за присутствие на сделке, остальное сразу домыслил и подтянул бандитов.

— Тенгиз точно ни причем? — лицо патриарха было темнее тучи.

— Главарь клянётся, что да, — ответил я. — Говорит, Лысый очень сам боится, что босс узнает. Может его зарезать.

В комнату тихо зашли Ашот с нашими ребятами и Гурам.

— Что они хотели сделать? — продолжил патриарх.

— Когда Тенгиз уедет, ломануться к нам в дом, забрать деньги и ценности, — сразу же ответил ухвативший нить разговора борец. — Главный сказал, если кто-то крик поднимет, сразу валить.

— Срика, — прорычал старик, и перешел на русский.

— Он подтвердит свои слова перед Тенгизом?

— Да, — ответил я. — Если мы пообещаем, что не отдадим его Абхазцу. Хочет принять легкую смерть.

— Пусть будет так, — царственно кивнул Левон.

— Гурам, едь к дому Вазгена, приготовься к нашему приходу. Сделай всё, чтобы сюрпризов не было. А я пойду, поговорю с Тенгизом.

— Возьмите меня с собой, — попросил я.

— Зачем? — остро глянул старик.

— Деньги передам. Заодно и подтверждаю слова главаря. Он же при мне это говорил.

Левон минуту подумал.

— Хорошо, — согласился он. — Пошли.

— Секунду, — попросил я. Расстегнул сумку. Поискал взглядом пачки сторублёвок. Достал две, рассовал по карманам брюк.

— Я готов.

Тенгиз сидел со своими людьми за столом. Жевал кусок шашлыка, запивая красным вином. Увидел Левона, улыбнулся.

— Твои гости уехали, сказали, что всё прошло нормально. У тебя есть остались какие-то вопросы или претензии?

— Пойдем в дом дорогой, — вместо ответа попросил патриарх. — Обсудим дела.

— Он тоже с нами? — Тенгиз кивнул на меня.

— Да, — ответил дед. — Он нужен. Потом сам поймешь.

— Хорошо, — согласился авторитет, подхватил лежащее рядом полотенце, вытер блестящие от жира губы, затем руки и встал. — Пойдем.

Левон повел нас не в гостиную, где парни охраняли наши деньги, а в небольшую комнату с ковром, стенкой, парой кресел и маленьким журнальным столиком. Достал из бара бутылку «хванчкары», пару бокалов, придирчивым взглядом посмотрел на них и крикнул:

— Ерануш!

Через минуту в дверном проеме возникла знакомая женщина.

— Слушаю вас, парон, — поклонилась она.

— Бокалы сполосни и принеси сюда, и фруктовую нарезку тоже.

— Хорошо.

Женщина неслышно удалилась.

Через пару минут она вернулась, поставила блестящие бокалы, большую тарелку с кружочками апельсинов и дольками яблок и ушла, аккуратно закрыв за собою дверь.

— Так, что ты хотел мне сказать, дорогой? — поинтересовался Тенгиз.

Левон Суренович не торопясь наполнил бокалы вином и вручил один из них вору. Я с интересом наблюдал за ними.

— Давай, за нашу дружбу.

Зазвенев, встретились фужеры. Патриарх и авторитет пригубили вино.

— Говори, что у тебя там.

— Прежде всего, хочу передать тебе обещанные деньги, — Левон повернулся ко мне, — Миша двадцать тысяч.

Я достал из карманов пачки сторублевок и протянул вору.

— Положи на стол, — холодно кинул Тенгиз.

«У меня из рук брать не хочет, не по понятиям», — мысленно улыбнулся я.

Пачки сторублевок легли на коричневую столешницу.

— Я выполнил своё обещание Тенгиз, деньги отдал? — требовательно спросил патриарх.

— Да, — вор нахмурился. Похоже, почувствовал: разговор примет неприятный для него оборот.

— Мальчишки заметили недалеко от дома подозрительных людей, приехавших на двух машинах, девять человек. У одного из них за поясом увидели рукоять пистолета. Караулили кого-то в укромном месте.

Левон сделал паузу, наблюдая за реакцией Абхазца. И она не заставила себя долго ждать.

— Проклятые барыги! Я этих двух уродов наизнанку выверну, — прорычал Тенгиз. — Завалю ублюдков!

Молчание Левона было красноречивее любых слов.

— Подожди. Ты хочешь сказать, это была моя братва? Думаешь, это я навел пацанов на своего старого друга? — вскинулся Тенгиз. Лицо кавказца начало наливаться кровью.

— Я этого не говорил, — спокойно ответил патриарх. — Дослушай до конца, перед тем как делать выводы.

— Говоры, — прорычал Абхазец. От волнения у него появился акцент.

— Мои парни поехали выяснить, в чём дело. Завязалась перестрелка. Гостей положили. Трёх взяли живыми. Они уже сидят в подвале, здесь недалеко. Я хочу, чтобы ты сам их

послушал.

— Поехалы, — Тенгиз резко поставил бокал на стол, и развернулся к двери. — Сейчас Абрека и Лысого с собой возьму. Они быстро этим шакалам языки развяжут.

— Подожди, Тенгиз, не надо брать своих людей, — патриарх остановил рванувшего к выходу друга. — Мы их уже разговорили.

— Кито? — резко развернулся к нему Абхазец. — Говоры.

— Лысый. — тихо ответил я. — Он дал наводку. Попросил себе десять процентов и равную долю.

— Нэ вэрю! — прошипел кавказец, прожигая меня взглядом. — Ты врешь! Он со мной столько лет рядом. Я Лысому как себе доверяю.

— Он в карты сто тысяч проиграл, — продолжил я. — Долг отдавать надо, тебе говорить боялся. Узнал, что здесь деловые будут свои вопросы решать и тебе отмаксают двадцатку как арбитру, сразу всё понял. Подтянул братву. Когда бы ты уехал, они сразу же на дом напали.

— Бугор им сказал, если кто-то шум подымет, валить, — добавил Левон Суренович. — А у меня в доме женщины и дети. По-любому, кричали бы. Последствия сам, понимаешь.

На Тенгиза было страшно смотреть: красный как мак, в глазах сверкает бешенство, верхняя губа дергается, обнажая белоснежные зубы, руки трясутся от бешенства.

— Если это правда, я его своими руками удавлю, — прохрипел он. — Поехалы, хочу, сам всё услышать.

— Поехали, — согласился Левон. — Можешь даже взять с собой Абрека и Лысого. Только в чем дело, им не говори. Пусть постоят возле дома, подождут. А потом, пригласим в подвал Лысого, и там с ним поговорим. Подходит такой план?

— Подходит, — кивнул авторитет. Он подхватил наполовину полный бокал и залпом выпил вино. Крякнул, поставил пустой фужер на стол и заметил:

— Мне сказали, что Лысый на катране бабло продул. Но сумму не назвали. Думал, он давно рассчитался. Даже не интэресовался этим. Думал, всё нормально. А вот как онс получается... Скрысятничать решил сука. На моих друзей мокрушников навёл...

В машины мы погрузились одновременно. Левон Суренович с Гурамом уселся в «ниву». Олег и Ашот остались караулить деньги, а я с Денисом и Вовой прыгнул в шестерку.

Авторитет со своими спутниками залез в «мерседес». Через пять минут мы подъехали к знакомому дому. Гурам быстро выскочил из машины, открыл калитку и через десяток секунд распахнул ворота. Машины быстро заехали во двор и остановились. Тенгиз вылез из «иномарки», что-то тихо сказал Абреку и Лысому и пошёл к нам.

Гурам уверенно шел впереди, показывая дорогу. За ним — Левон и Тенгиз. Замыкали шествие, я и Денис. Вова остался в машине приглядывать за парочкой в «мерседесе».

Когда авторитет спустился в подвал, бандиты задергались, рассмотрев в тусклом свете лампы, кто пожаловал в гости. У седого даже лицо как-то обмякло, а в глазах заметался животный ужас.

Абхаз окинул взглядом помещение, фигуры связанных отморожков, Зяму. Остановил взор на открытом чемоданчике со скальпелями.

Шагнул вперед, нагнулся, вытащил из петель блестящее тонкое лезвие с волнистой зазубренной кромкой, подкинул его на ладони и кровожадно ухмыльнулся.

— С кого начнём?

— Батоно Тенгиз, подожди, пожалуйста, они сами всё расскажут, — торопливо

попросил я.

— Действительно, Тенгиз, давай попробуем обойтись без этого, — поддержал меня старик.

— Хорошо, если будут говорить и ответят на все вопросы, я не буду их резать, — пообещал Абхазец.

— Давайте, вот с этого, — я кивнул на трясущегося здоровяка. — Это простая шестерка, но прояснить кое-что может.

— Кто пахан? — спросил вор.

— З-Зяма, — заикающийся культурист кивнул на дернувшего веревки седого.

— Зачем вы сюда приехали?

— Он нас позвал. Сказал, будет богатый хабар. Барыги тему между собой мутят, бабла много привезли. Надо чуток пересидеть, пока все не уедут и взять хату на гоп-стоп.

— Базлал, за мокруху?

— Ага. Тёр, если орать начнут или сопротивляться, валить без жалости.

— Валить, значит, без жалости, — процедил Тенгиз и повернулся к задергавшемуся на веревках седому.

— Погоняло?

— Зяма.

— Где чалился?

— ИК-19. Коми.

— Статья?

— Сто вторая, пункт «б».

— Мокрушник, значит, — усмехнулся одними губами Абхазец. — Да ещё и баклан. Понятно. Откуда Лысого знаешь?

— Росли вместе, — вздохнул Зяма. — Он мне периодически работенку подкидывал, ну и воздухом подогревал.

— Какую работенку? — насторожился Тенгиз.

— Разную. Барыгу одного поломать, хату по наводке подломить, на перо кого-то посадить.

— Ладно, к этому мы ещё вернемся. Поясни, как вы здесь оказались.

— Лысый связался, сказал, он с тобой в Подмосковье скоро поедет. Назвал, куда. Базлал, деловые между собой будут мутить тему. Только двадцатку косарей шефу отлистают, чтобы порядок обеспечил. Значит, там бабла будет во много раз больше. Дал нам пять катъ ^[9] и попросил машины найти. Я своих корефанов и подключил. У Косого «волга» старая от деда осталась, а у Сёмы «копейка» была.

— Где волыны надыбали?

— Револьвер у меня был. У Дуремара обрез и «ГТшник», откуда я не спрашивал. Остальное Лысый перед делом подкинул. Где он волыны взял, не знаю.

— Сколько бабла должны были отдать Лысому, после гоп-стопа?

— Полноценную долю и десять процентов от всего хабара.

— Зачем ему бабки?

— В буру шпилил. Гутарил, пролетел на сотку косарей. Если лавэ не отдать, пику в бочину вставят.

— Понятно, — Абхаз глянул на меня.

— Позови Лысого. Хочу с ним перетереть. Абреку скажи, чтобы ждал в машине. Перед

подвалом или как только зайдёт, забери у него ствол. Находится за поясом, «ПМ». Сумеешь?

— Сделаю, — пообещал я.

Повернулся к Денису.

— Пойдем.

Афганец молча кивнул.

Когда мы вышли из подвала, я добавил:

— Заводим этого орла в дом. Я так понял, Лысый — это плечистый тип с поломанными ушами и в «адидасе». Как он только заходит, я пробиваю ему в «солнышко», ты прихватываешь его за руки сзади. Забираю у него пистолет. Затем ведем его в подвал. Идём по бокам, чуть сзади. Внимательно за ним следим, тип опасный и терять ему нечего, если дернется, гасим, не до смерти, конечно, а так, чтобы отбить желание сопротивляться. Вырубать нежелательно, но вот отправить в нокдаун, поломать руку или пробить в печень, можно. Только хватаем его не сразу. Дадим сделать пару шагов, дверь прикроем, чтобы никакой суеты снаружи видно не было. Вопросы, предложения есть?

— Есть. Один. Чтобы его так прихватить, нужно, чтобы я был сзади. А если он что-то заподозрит и попробует либо пройти вперед, либо идти сзади всех?

— Не должен. Впереди он вряд ли пойдет, где шеф сидит, не знает, дорогу нужно показывать. Если вдруг начнёт плестись сзади, тоже вариант решаемый. Заходим первыми, а когда он закрывает дверь, берем его, по этому варианту. Я пробиваю в солнышко, ты хватаешь за плечи и руки. Можешь, схватиться за ворот и мастерку сдернуть немного вниз, чтобы клешнями дергать было трудно. Действуешь в зависимости от положения, можешь рвануть его на себя, прыгнуть за спину, в общем, делай что хочешь, но руки прихвати. Ещё вопросы остались?

— А если на помощь позовёт? Тощий за столом остался, а бородатый в машине. И выглядит зверюгой настоящим. Валить придётся.

— После удара в солнышко, Лысый будет добрый десяток секунд отходить, орать не сможет. А там я ему уже ствол к голове приставлю. Но ты ладонью рот на всякий случай закрой. Ещё вопросы остались?

— Никак нет, — усмехнулся афганец. — Всё понял. Сделаю.

— Тогда идём. С богом.

— С богом.

Абрек лениво развалился на сиденье рядом с водителем и дремал. Крепыш отсутствующим взглядом смотрел куда-то вдаль и думал о своём. Даже на нас не отреагировал сразу, повернул голову только тогда, когда убедился, что мы направляемся к ним.

Я подошёл к передней дверке, и постучал пальцем по стеклу. Бородатый встрепенулся, открыл окно и спросил с жутким акцентом:

— Чито, такое?

— Ты Абрек? — я с интересом разглядывал его. Действительно, вылитый головорез. Остроконечная бородка лихо торчит вперед, лицо словно высеченное из камня, мощная челюсть и надменно выдвинутый подбородок, в карих глазах плавают искры веселого безумия. Чувствуется, Абреку человека зарезать так же легко, как колхознику сигарету выкурить.

— Я, — подтвердил джигит — И чито?

— Тенгиз хочет с Лысым переговорить. А тебе велел в машине оставаться и ждать.

Крепыш нервно дернулся. На мгновение и чуть заметно, но движение я уловил.

— Зачём? — поинтересовался бородастый.

— Хочет ему поручение дать, — равнодушно бросил я. — Слышал краем уха, что за деньгами отправить.

Лысый еле заметно выдохнул и немного расслабился.

— Харашо, — кивнул Абрек. — Лисий, ты слышал? Иды давай, Тенгиз ждёт.

Дверца щелкнула и распахнулась. Крепыш в «адидасе» выпрыгнул наружу.

— А вы кто такие, пацаны? — спросил он. — Погоняла есть?

— Есть, — я дружелюбно улыбнулся отморозку. — Моё — Елизар, его, — кивнул на Дениса — Самурай.

Афганец довольно ухмыльнулся. Похоже, кличка, которую я придумал «на ходу», ему понравилась.

— Чьих будете? — продолжал «пробивать» Лысый, шагая рядом со мной. Денис, как и было договорено, чуть отстал.

— Мы сами по себе, но авторитетных бродяг знаем, — многозначительно ответил я.

— Одни на льдине, — презрительно ухмыльнулся крепыш. — Челюскинцы^[10], что ли? Такие в зоне не выживают.

— Ну почему, — рассудительно заметил я. — Беспредел не чиним, общество уважаем. Людей поддерживаем. Нас многие знают, и мы тоже многих. Я с Дато Ташкентским чалился, Цирулем, Таро и другими ворами. Они могут за меня слово молвить.

— И что вы здесь тогда делаете? — поинтересовался Лысый. Услышав имена авторитетов, он немного сбавил тон.

— Авторитетные люди попросили присмотреть, чтобы тут всё ништяк было.

Я дернул на себя деревянную дверь и зашел, придерживая её ладонью. За мной двинулся Лысый. Денис за его спиной чуть притормозил, давая бандиту возможность пройти в дом.

— Куда идти? — поинтересовался он.

— Прямо, — я указал на коридор. — Потом покажу куда.

Зашедший следом за бандитом афганец аккуратно закрыл за собой дверь. Можно начинать.

Я стоял впереди, полуобернувшись боком к Лысому, и когда он двинулся ко мне, резко прыгнул навстречу. Костяшки кулака впились в солнечное сплетение на выдохе. Пресс у бандита даже в расслабленном состоянии был мощным, но поставленного удара в живот он не ожидал и отступил назад, округлив глаза и машинально хватая открытым ртом воздух. Налетевший сзади афганец, резко схватил начавшего скручиваться отморозка за руки и отвел назад. Я рывком расстегнул змейку спортивного костюма, вытащил из-за пояса «ПМ», чуть оттянул ствол и успокоился, увидев желтый цилиндр гильзы. Щелкнул флажком предохранителя, и приставил ствол к голове, мгновенно вспотевшего Лысого.

— Не дергайся, понял?

— Ты чего... творишь? — сумел прошептать Лысый, пытаясь завалиться вперед. Но афганец крепко подхватил его за руки, и удержал в вертикальном положении.

— Сейчас тебе всё объяснят, — пообещал я. Быстро прохлопал бандита по карманам. Опустился и прощупал штаны, выудил из кармана нож-выкидушку, несколько рублевых купюр и горку мелочи. Рассовал добычу по карманам, достал свой ПМ из-за пояса:

— Самурай отпусти его. Он уже чуток оклемался. А ты если вякнешь или дернешься, сразу пулю получишь.

Денис послушно отпустил отморозка, толкнув его вперед, достал «ГТ». Остаток пути прошли в полном молчании. Под дулами трех пистолетов Лысый послушно двигался вперед, периодически кидая на нас злобные взгляды.

Дошли до подвала. Отправили его первым. За ним пошел я. Немного выждав, начал спускаться Денис. Дернуться бандит не решился. Спокойно спустился вниз, сразу же оказавшись рядом с подскочившим к лестнице Тенгизом. Поднял глаза, взгляделся в бешеное лицо шефа, мертвенно побледнел и отшатнулся, прямо на меня.

— Он тебя навел? — прохрипел вор, повернувшись к Зяме.

— Он, — выдохнул седой. — Сказал, бабла на хате много будет, и мы все озолотимся.

— Сука, — покрасневший от злости, Абхазец сделал шаг вперед.

— Тенгиз, подожди, Тенгиз, — зачастил Лысый и поднял ладони. — Я всё разложу по понятиям.

— Разложишь?! — вскипел кавказец, прыгнул вперед и схватил позеленевшего урку за горло. — Падла! Завалю! Ты меня подставил, крыса!

— Тенгиз, не надо! — хрипел Лысый, пытаясь оторвать впившиеся в горло ладони Абхаза.

— Тенгиз, не торопись, — патриарху, до этого момента спокойно наблюдавшего за разборкой, пришлось повысить голос. — Он твой. Можешь делать с ним что хочешь. Но потом, да. Сначала пусть всё расскажет, а мы послушаем.

— Хорошо, — выдавил Абхазец, и с брезгливостью отбросил от себя крепыша. — Говори, почему такую подлянку задумал?

— Тенгиз, на хера сразу душишь? — просипел Лысый, потирая шею. — Я вообще-то другое хотел сказать. Эта сука, Зяма, фуфло толкает^[1]. Не навел я никого. Да, я эту гниду давно знаю. В Богадяновском центре парились, в одной хате сидели. И, чего? У меня с этим отморозком никаких дел нет и быть не может, отвечаю. Мыслию так, что его специально на какую-то лажу подписали, чтобы потом на меня всё спихнуть.

— Он гонит, — взвыл седой и рванулся вперед. Веревка затрещала.

— Базарил, что всё на мази, и мы хачей с баблом теплыми возьмем, как только ты уедешь. И что воздуха там будет немеряно, раз тебе двадцать штук за присутствие отмаксали.

— Подстава это, — заорал Лысый. — Тенгиз, ты меня сколько лет знаешь! Я же всё делал, что ты говорил. И ни разу косяков не порол.

— Тоже, верно, — задумчиво протянул вор. — До сегодняшнего дня я тебе ничего предъявить не мог.

— Это всё можно проверить, — торопливо зачастил седой, под тяжелым взглядом кавказца. — В первый раз, мы с ним неделю назад у Вальки Лисы на шалмане встречались. Она может подтвердить. Туда ещё Дед заезжал по каким-то своим делам. Он тоже нас видел. Второй — в кафе «Весна». Там с Саней-Китайцем ручкались. Он какую-то телку туда привел.

— Что скажешь? — вор подошел к чемоданчику, взял лежащий сверху уже знакомый скальпель с зубчатой кромкой и начал медленно подходить к позеленевшему Лысому. — Я же всё проверю. И Вальку спрошу, и Деда, и Китайца найду.

Крепыш угрюмо молчал. Вор ухватил его за ворот костюма, притянул к себе, и приставил скальпель к шее.

— Будешь говорить, сука? — лицо Тенгиза искажилось в гримасе бешенства.

— Э, а что здесь происходит? — раздался голос Абрека. На верхнюю лестницы вступила нога в легком черном мокасине.

Тенгиз на секунду отвлекся, с недовольным видом глянул на опускающегося вниз подручного.

Дальше всё произошло так быстро, что мы не успели отреагировать. Правая рука Лысого перехватила ладонь со скальпелем, левая с силой ударила по трицепсу, продолжая движение мощным толчком, заставляя вора крутануться волчком вокруг своей оси.

Через мгновение Тенгиз был развернут спиной к Лысому, зажат в тисках мощных лапиш бандита, а блестящее лезвие нацелилось в его горло, оставив кровавую полосу под подбородком.

— Эээ, Лысый, ты чего делаешь? — бородатый потрясенно застыл на половине лестницы. — Отпусти, его, быстро!

— Стволы на пол, — истерично взвизгнул крепыш, — иначе я его зарежу, мамой клянусь! Ключи от машины мне в руки. Сами легли мордами в пол. Даю вам десять секунд, иначе я вскрою чурке горло, и похер, что будет дальше. Время пошло!

— Чурке, горло вскроешь, значит, — процедил Тенгиз. — Ну, сука, тебе нэ жить!

Кровь тонким ручейком капала из пореза, пятная предплечье Лысого, державшее шею и ворот гавайской рубахи, но самообладания вор не потерял. Только по красным пятнам на лице и ходящим на скулах желвакам, напухшим на смуглой коже, можно было понять — он в бешенстве.

— Заткнись, — рявкнул Лысый, разворачиваясь к стене спиной, так чтобы видеть всех.

Седой бессильно дернул веревки. Он понимал, что в любом случае останется крайним, никто его щадить не будет. А отморозки Зямы, наоборот, оживились. Дуремар даже шаг к нам сделал, но Гурам нехорошо оскалился, взявшись за рукоять пистолета за поясом, а Денис направил на наркомана свой «ГТ» и тот сразу отступил.

— Стволы бросили, — приказал крепыш, — и на пол легли. Быстро!

— Извини, не получится, — пожал плечами я. — Стволы опустим или спрячем, но на пол не положим, и разряжать не будем. А ты можешь уйти, если не тронешь Тенгиза.

В подтверждение своих слов, я засунул ПМ за пояс брюк. Другие последовали моему примеру.

— Я его зарежу, — заорал Лысый.

— Дурак, — презрительно бросил я. — Как только мы положим стволы и ляжем, их сразу же подберут отморожки Зямы. На твоё лезвие и жизнь Тенгиза им насрать. На тебя тоже. Они сразу же шмалят начнут. Положат, и нас, и тебя. Им лишних свидетелей оставлять незачем. Ты этого хочешь?

Лысый озадаченно замолчал, переваривая сказанное. Похоже, он не отличался большим умом, сперва приказывал, потом думал.

— Ключи от машины у кого? — спросил я.

— У мэня, — угрюмо буркнул Абрек.

— Кидай их сюда, — я многозначительно посмотрел на кавказца. Он еле заметно кивнул. Похоже, понял, что я имел в виду.

Ключи не долетели. С лязгом шлепнулись на бетонный пол в полутора метрах от меня. Я сделал шаг вперед, подобрал их и двинулся к Лысому.

Протянул ладонь с ключами:

— Бери и уматывай. Только Тенгиза отпусти.

И тут у Лысого возникла дилемма. Ключи однозначно надо было брать. Но как это сделать, если одна рука обхватила шею вора, отодвигая подбородок вверх и прижимая к себе, а вторая приставила к горлу скальпель? Крепыш пару секунд поколебался и быстро выбросил руку со скальпелем ладонью вперед, пытаясь пальцами цапнуть ключи.

На этом и прогорел. Я резко перехватил запястье, рванул его вниз и в сторону. Мгновенно все понявший Тенгиз, которого начало разворачивать вместе с Лысым, схватился ладонью держащее шею предплечье, сдернул его вниз, пробил локтем под ребра охнувшему отморозку, вывернулся из его объятий и отпрыгнул назад.

Вылетевший из руки скальпель звякнул, подпрыгнув на бетонной поверхности. А я, давя всем весом, заваливал крепыша на пол. Он оказался мощным и ещё знакомым с борьбой. Моментаً восстановил равновесие, вывернулся, перекрутился, оказавшись наверху, и облапил меня своими ручищами, пытаясь добраться до пистолета. Абрек гортанно вскрикнул и бросился вперед, но не успел. Денис мощно пробил хук в челюсть крепыша, отпрыгнул, добавил начавшему сползать отморозку стопой в голову, и сдернул на пол уже бессознательное тело. Подскочивший Гурам злобно пнул безвольное тело, но это было уже лишним.

— Фухх, — я поднялся и оттряхнул брюки. — Вот же медведь, чуть не задавил.

— Так видно же по ушам, что борец бывший, — мягко попенял Денис. — Чего же ты к нему в объятия полез? Рванул в сторону, сразу разорвал дистанцию и гаси ногами и руками. А там бы мы подключились, в ногу шмальнули, чтобы не дрыгался. Не нужно было так рисковать.

— Сам знаю, — пристыжено пробурчал я, и отвёл глаза. — Моя ошибка.

Абрек, что-то выкрикивая по-грузински, пинал бесчувственную тушку Лысого. Ещё и небольшой тесак вытащил из ножен, спрятанных под черной джинсовой рубахой навывпуск, и явно намеревался погромсать бывшего напарника на куски.

— Перестань, — приказал Абхаз. — Он мне ещё живым нужен и здоровым. Пока.

Вор так кровожадно улыбнулся, что я внутренне содрогнулся, и невольно пожалел отморозка. Похоже, ему придётся пройти семь кругов ада, перед тем как брэнная душа, провалится в Преисподнюю.

— А ты молодец, — пристальный взгляд Абхазца впился в моё лицо. — За мной долг теперь.

— Мы в одной лодке были, — спокойно ответил я. — Нельзя позволять таким тварям, как Лысый, творить беспредел.

— Правильно говоришь, — авторитет неожиданно улыбнулся, достал две пачки сотенных, которые я недавно передал. — Возьми. Это мой человек был, и поэтому косяк за мной. Я эти бабки не отработал.

В глазах у него на секунду мелькнуло сожаление. А у меня возникло понимание: забирать эти деньги обратно нельзя, хорошее расположение такого авторитета стоит дороже.

— Нет, — я даже демонстративно засунул руки в карманы. — Это твои деньги, Тенгиз. И косяк не твой. Нельзя предъявлять вожаку волков, за каждого шакала, норвящего напасть сзади. Неправильно это, не по понятиям^[12]. Если бы он действовал по твоему приказу, это одно, а когда пытается скрысятничать^[13] и подставить своего старшего — другое. За такое надо сразу валить.

— Вах, как хорошо сказал, — восхитился авторитет, спрятал деньги обратно, и

дружески хлопнул меня по плечу. — Ты молодец, Миша. Считаю, что у тебя в Абхазии есть друг, к которому всегда можешь обратиться. Беспредел, сам понимаешь, покрывать не буду. Но в нормальной ситуации поддержу. Если к тебе и твоим парням вопросы у братвы возникнут, всегда можешь на меня сослаться.

— Спасибо, батано Тенгиз, — поблагодарил я. — Иметь такого друга — честь для меня.

Кавказцы любят высокопарные красивые выражения. А мне нетрудно лишнюю пару слов сказать. На этом можно играть, тем более что дружба с Тенгизом необходима. Особенно с учётом моих грандиозных планов и недалекого будущего, которое наступит с набирающей силу Перестройкой. Скоро из дворовых качалок, борцовских и боксерских секций, как грибы после дождя начнут вылезать банды начинающих рэкетменов, одновременно с группировками «синих» уголовников. Хочешь, не хочешь, а столкнуться с ними придётся. И Тенгиз, как прикрытие в острых ситуациях, может сыграть свою роль.

— И мне тоже, Миша, — ещё шире улыбнулся Абхаз и повернулся к патриарху. — Лысого, я заберу. Сам с ним разберусь. А что с остальными делать будешь? Может моим ребятам отдашь, они всё подчистят?

— Спасибо за предложение, дорогой, мы сами разберемся, — учтиво ответил Левон. — Если хочешь, можешь сейчас задать им вопросы. Потом такой возможности не будет.

— Ну, как знаешь, — немного разочарованно ответил вор. — Твоё право и я его уважаю.

— Пойдем тогда ещё выпьем и посидим за столом, — предложил старик. — Лысый и эти от тебя не уйдут. А ты ко мне редко приезжаешь. Гость в дом — радость в дом. Тем более такой дорогой и долгожданный. Хочу с тобой поговорить, выпить хорошего вина, вспомнить былое время, ушедших друзей и родственников.

— Пойдем, — улыбнулся авторитет. — Я тоже соскучился по хорошей компании.

В Москву мы попали только на следующий день, поздним вечером. Олега пришлось отпустить намного раньше, сразу же после допроса пленников. Ему к восьми вечера надо было прибыть на работу. Хоть сменщик — военный пенсионер был предупрежден, и готов в случае чего, отдежурить повторно за Олега, но, как пояснил десантник, этой возможностью лучше не злоупотреблять, чтобы у прораба на объекте не возникло ненужных вопросов.

По моей просьбе его отвез Гурам на «ниве». А мы с Ашотом после застолья и прощания с вором, в кабинете патриарха полночи пересчитывали деньги, и сводили дебет с кредитом. Общая сумма получилась даже больше, чем я рассчитывал. Все камни в ювелирных изделиях, кроме нескольких колец и сережек советской штамповки, оказались настоящими и принесли нам солидный куш. Вместе сорока пятью килограммами золота, нам заплатили за всё миллион четыреста семьдесят шесть тысяч триста пятнадцать рублей. Когда я узнал точный вес поклажи, то мысленно воздал должное подвигу десантника. Он, конечно, парень с мощной развитой мускулатурой, весом далеко за сотку и ростом под метр девяносто, а то и выше, я не измерял. Но даже для этого здоровенного детины, тягать такой груз, было настоящим подвигом. Сопел, покряхтывал, держал обеими руками и постоянно перехватывал толстенный портфель, но до машины, худо-бедно дотащил.

После пересчета, когда у нас уже гудели головы, и появились мозоли на пальцах, мы отсчитали сто сорок семь тысяч довольному Левону Суреновичу. От «мелочи» патриарх гордо отказался. Остальные пачки сто- и пятидесятирублевых купюр, перетянутые резинками с трудом поместились в огромную сумку и два больших рюкзака. Последние мы буквально утрамбовывали в угрожающе трещащий рюкзак.

Теперь предстояла задача перевезти полученные деньги в квартиру Ашота. Рюкзаки и сумку погрузили в багажник «шестерки», закрыв их ветошью и привычно замаскировав несколькими ящиками с подгнившими фруктами. За нами следовала «нива» с Гурамом и Баграмом, отправленных Леоном сопровождать нас до квартиры внука.

За пару кварталов до дома Ашота, отпустили Вову и Дениса. Они люди в нашей структуре новые, и к ребятам я продолжал присматриваться, хоть помощника тренера уже хорошо изучил.

У поворота к дому, нас уже ждал освободившийся после дежурства Олег, с которым я созвонился перед выездом. В ожидании нас он просидел около часа возле подъезда Ашота, но ничего подозрительного не заметил. Выгрузка прошла отлично. В одиннадцать часов вечера людей почти не было. Только в отдалении мелькали фигуры алкашей, судя по замусоленному виду. Через два подъезда, спиной к нам расположился на лавочке старенький пенсионер. Он даже не отреагировал на шум подъезжающей машины и продолжал неподвижно сидеть, опершись руками на тросточку. Похоже, просто задремал или задумался о чём-то своем.

Быстро перенесли деньги в квартиру Ашота, попрощались с Гурамом и Баграмом, и приступили к разделу оставшейся суммы. Перед поездками в Одессу, мы договорились откладывать десять процентов от прибылей с операций в общий фонд. Деньги с него будут тратиться на финансирование наших торговых операций, бензин на поездки, оплату ребятам со службы безопасности, взятки ментам (если понадобится), гонорары адвокатам и другие текущие нужды.

После расчёта с Леоном у нас остался миллион триста двадцать девять тысяч триста пятнадцать рублей. Деньги по временам Советского Союза 1986 года не просто большие, а огромные. А для моих замыслов — мизерные.

Сразу отложили сто тридцать две тысячи триста пятнадцать рублей в общий фонд. «Касса» с общего согласия ребят хранилась у меня дома, спрятанной под кучей хлама в шкафчике, рядом с остальными деньгами. Там оставалась тысяча восемьсот двадцать пять рублей и горка мелочи. В сумме, после продажи золота, не считая «железа», наш «оборотный фонд» составил сто тридцать три тысячи сто сорок рублей.

Затем приступили к дележу основных средств. С оставшегося миллиона сто девяносто семь тысяч вычли мои 25 процентов за наводку на золото. Это составило двести девяносто девять тысяч двести пятьдесят рублей. От мелочи, по примеру патриарха, я тоже отказался, вместе с Ашотом быстро отсчитав тысячи.

Восемьсот девяносто восемь тысяч рублей из остатка, поделили на четверых, с учётом доли Сани, лечащегося под Киевом.

Всем досталось по двести двадцать четыре с половиной тысячи. Санина доля осталась лежать у Ашота. После операции с золотом, которое хранилось у него, я стал намного больше доверять своему товарищу.

После этого я предложил выделить из общего фонда по тысяче рублей, в качестве премии Денису и Вове за действия в боевой обстановке. Возражений не последовало.

Подводить итоги у нас уже не было сил. За окном стояла глухая ночь. Под конец я напомнил товарищам о необходимости не разбрасываться деньгами налево и направо, чтобы не засветиться, а тратить их аккуратно с умом. Добавил, что большие суммы нам ещё понадобятся на открытие кооперативов, и попросил основную часть полученных финансов попридержать до лучших времен. А вот когда кооперативы разрешат, и мы сможем легализовать свои средства, пусть хоть дворцы и иномарки себе покупают, без проблем.

Мы договорились, провести общее совещание совместно с новыми работниками службы безопасности в ближайшее время, а пока разойтись. Ашот развез нас на своей «шестерке» по домам.

Матушка, как и остальные соседи, спала, и меня никто не потревожил. Спокойно разложил деньги: «общак» к остальным деньгам в старый школьный портфель, пятьсот двадцать три тысячи пришлось забросить в подаренный одесским цеховиком огромный кулек «Мальборо» и спрятать на антресолях в старом потертом чемодане. Мать туда не залазила и была предупреждена, без моего согласия ничего не выбрасывать и в комнату не пускать. Сто шестьдесят с лишним тысяч с портфеля Овчинникова так и остались лежать в моем шкафу, спрятанные под грудой старых вещей.

На следующий день Олег созвонился с Денисом и связался со мной. Наш новый боец уже успел предварительно переговорить с товарищем и сказал, что тот готов выслушать нас. В семь вечера у афганца смена на стройке. К восьми, когда он примет дежурство, подойдёт бывший опер, подскочит Олег. И нас с Ашотом ждут. Конечно, если есть какие-то срочные дела, встречу можно перенести. Я был полностью свободен, поэтому предварительно созвонившись с армянином, пообещавшим подскочить на «шестерке» к моему подъезду в двадцать минут седьмого, согласился.

Встреча состоялась, как мы и планировали, в строительном вагончике. Посидели, попили чай из термоса, поговорили. Сергей мне понравился. Деловой, немногословный, основательный и фигура спортивная. Видно, что человек волевой, тренированный и, похоже,

надежный, хоть жизнь его потрепала. Сперва опер с подозрением косился на меня, особенно на вытатуированные на пальцах перстни. Потом, уяснив, что беседует не с тупым уголовником, немного оттаял и начал общаться нормально.

А когда я сказал, что мы планируем помогать инвалидам войны в Афганистане, ветеранам ВОВ и детским домам, ещё больше растаял. Особенно, после демонстрации пачки полтинников из «общего фонда» и заявления о готовности хоть завтра поехать в Ленинград, встретиться с Леопардычем и передать бывшему командиру эти деньги для покупки лекарств, заказа протезов и выдачи материальной помощи ребятам, получившим увечья на войне.

Внимательно выслушав меня, Сергей спросил:

— Можно переговорить с тобой наедине?

— Конечно, — кивнул я.

Мы вышли из вагончика и прошли между штабелями кирпичей, разбросанных лопат и других строительных инструментов к забору, на противоположной стороне от вагончика, аккуратно обойдя огромный котлован, рядом со строящимся домом.

Бывший опер вздохнул, вытащил из кармана синюю пачку «ТУ-134», щелчком выбил сигарету, нервно затаился, вбирая дым ноздрями.

Я молча ждал продолжения.

Сергей выбросил недокуренную сигарету, затоптал её каблуком туфли, и повернулся ко мне.

— Скажи, зачем тебе это?

— Что именно? — спокойно уточнил я.

— Я о помощи ребятам, — пояснил бывший опер, пристально глядя мне в глаза. — Грехи замаливаешь или нас купить хочешь?

Из глубин сознания неожиданно пришло понимание: с Сережей здесь и сейчас надо быть откровенным до конца. Ему можно довериться. Иначе сотрудничества не получится.

— Ни то, и не другое. Просто в любой ситуации надо оставаться человеком, — пояснил я. — Помогать, тем, кому тяжело. Тем более, дальше будет хуже. Страна за несколько лет в разнос пойдет.

— Это почему? — прищурился Сергей.

— Потому, что скоро всё поменяется. Мы на всех парах летим к капиталистическому будущему. Причём не к такому, как в США, а больше похожему на то дерьмо, которое происходит в Африке или Латинской Америке, когда из страны начнут выкачивать ресурсы, а население опустят в нищету.

— Что за бред? — оторопел бывший опер. — Ты понимаешь, что несешь? Тебя за такие слова запросто посадить могут.

— Я то, понимаю, а вот ты — нет. И разговариваю откровенно, потому что за тебя поручились Денис и Олег. Всё уже решено на самом высоком уровне. В конце февраля, начале марта прошел двадцать седьмой съезд КПСС. Что на нем приняли, знаешь?

— В самых общих чертах, — смутился Сергей. — Совершенствовать социализм вроде собрались и квартиру к двухтысячному году каждой семье выдать.

— Больше ничего не можешь сказать? — ухмыльнулся я.

— Нет, — виновато признался опер. — Я же говорю, слышал в самых общих чертах.

— Вот, — я торжествующе поднял указательный палец. — Как и большинство населения нашей страны. Просто человеку все эти съезды до задницы. Он даже толком не

знает, о чем там говорили, и что приняли. А между прочим, произошло эпохальное событие. Впервые был провозглашен курс «на совершенствование социализма», а не «построение коммунизма». Это очень знаковый показатель. Выходит, верхушка КПСС негласно признала утопичность коммунизма и решила отказаться от его построения. А знаешь, что будет дальше?

— Что? — прищурился Сергей.

— Постепенное построение капитализма в стране. Начнут с правильного и очень нужного закона «Об индивидуальной трудовой деятельности». Его нормы заложили ещё в конституции, принятой в 1977-ом году. Согласно 17 статье, допускалась индивидуальная трудовая деятельность в сфере сельского хозяйства, кустарно-ремесленных промыслов и бытовых услуг. Примут закон в ноябре. В действие он вступит весной следующего года. Через год-полтора после этого запустят закон «о кооперации», разрешат создавать кооперативы, частные предприятия и даже банки. Страна будет стремительно превращаться в капиталистическую.

— Да откуда ты об этом всём можешь знать? — скривился опер. — Складно рассказываешь, не спорю. Но даже если это и так, то ты бы об этом точно ничего не знал.

Я вздохнул и в очередной раз «по секрету» поведал историю об отставнике-комитетчике с тестем из партийных верхов. Правда, чуть изменил рассказ, и сказал, что познакомился с ним на прогулке в парке больницы. На всякий случай, если Сергей решит проверить мои слова. Найти людей, лежавших со мной в одной палате, и выяснить кто они такие, при желании он сможет без труда. А вычислить одного из многих сотен пациентов намного труднее.

Мой рассказ вызвал целый шквал вопросов скептически настроенного опера. Пришлось ему пояснять, что дядька не хотел лежать в ведомственной больнице, надоели ему, мол, бывшие сослуживцы до чертиков. И к бывшему тестю, хоть и сохранил приятельские отношения, обращаться не горел желанием, потому что с женой развелся.

— Чувствую, ты многое не договариваешь, — прямо сказал Сергей, выслушав меня. — Но возникает ощущение, что в целом рассказываешь правду.

— Потому что, это и есть правда, — улыбнулся я. — И ты, как бывший опер, выслушавший в своё время кучу вранья, это чувствуешь.

— Ладно. Тогда скажи, мне вот что. Что именно ты хочешь? Денег заработать? Или за этим движем, на который вы хотите меня подписать, стоит что-то ещё?

— Денег заработать, хочу, конечно, — подтвердил я. — Но я это воспринимаю немного по-другому. Не с обывательской точки зрения.

— Это как? — удивился бывший мент.

— А вот так. Обыватель воспринимает деньги, как возможность, решить исключительно свои бытовые проблемы. Например, купить машину, чтобы было комфортнее добираться до дачи, выгодно обменять свою жилплощадь с доплатой, отправить жену с детьми отдыхать в Крым или самому слетать в Сочи развеяться. Не скрою, для меня тоже важно, обеспечить себе и своим близким нужный уровень комфорта. Но главное, не это.

— А что? — напрягся опер.

— Деньги — для меня инструмент, — пояснил я. — Новые возможности изменить жизнь к лучшему не только себе и многим другим людям, помогать тем, которые в этом нуждаются, побороться за будущее своей страны.

— И каким оно тебе видится, это будущее? — саркастически хмыкнул бывший детдомовец.

— Если мы будем сидеть сложа руки, очень поганым, — откровенно сказал я.

— Поясни.

— Всё очень просто. Перераспределение собственности и преобразование социалистической системы в капиталистическую, для миллионов людей станет трагедией. Они, особенно пенсионеры, будут выброшены на обочину жизни, умирать. Не потому, что капитализм хороший, а социализм плохой. А потому, что верхушка, спланировавшая этот переворот, хочет прибрать собственность к своим рукам. А именно стать полноценными хозяевами заводов, газет, пароходов, как мистер Твистер в стихотворении Маршака. Смотри, что получается, капитализм — это, прежде всего частная собственность на средства производства. Значит, в конечном итоге, все наши заводы должны перейти в собственность новых капиталистов. Но как их легально передать в частные руки? Первая проблема — иностранные корпорации обладают миллиардными средствами. Наши доморожденные коммерсанты, которые появятся за это время, им не конкуренты.

— Конкуренты, это кто? — уточнил, внимательно слушающий бывший мент.

— Соперник, если по-простому, экономический термин, — пояснил я, и продолжил. — Если выставить на продажу наши заводы и фабрики, они будут выкуплены западными концернами. Их мощь и финансовые возможности с нашими не сопоставимы. Вторая серьезная проблема: средства на руках у населения. За хрущевские и брежневские времена на сберкнижки отложены сотни миллиардов рублей, по самым скромным подсчётам. И от возможности скупки действительно интересной собственности, стоящей миллионы, и в будущем, способной принести десятки миллиардов, народ надо отстранить. Ведь на каждом заводе, комбинате, фабрике есть трудовые коллективы, профсоюзы и не все работники готовы молча наблюдать, как их родное предприятие уходит с молотка к неизвестному буржуину. И как решить эти задачи?

— Не знаю, — хмыкнул опер. — Мне вообще в это как-то не верится. Разумом, понимаю, что так быть не может, а интуиция подсказывает — ты не врешь. Так, как?

— Здесь целый комплекс действий. Во-первых, снизить стоимость предприятий до смешных сумм. Для этого их нужно обанкротить, по-простому, разорить. И выбросить тысячи работников на улицы. А это именно то, что я говорил ранее о разрушенных судьбах. Во-вторых, устроить здесь хаос с бандитским беспределом. Тогда каждый западный предприниматель десять раз подумает, прежде чем заниматься деятельностью в нашей стране. В-третьих, заморозить счета на сберкнижках, и «добить» остатки сбережений инфляцией. Тогда простому народу будет не до мыслей о покупке акций, то есть ценных бумаг, дающих право на долю собственности своего завода. Они будут озабочены банальным выживанием. И в-четвертых, выстроить коррупционную вертикаль, подчиненную власти. Тогда собственность точно перейдет в «нужные руки». Я, конечно, немного утрирую, но именно так всё будет происходить. И добавлю, хотя процесс будет регулируемый и направляемый перекрасившейся партийной верхушкой, но он является вполне естественным, для периода первоначального накопления капитала. Так было всегда и везде. Отличный пример, «Дикий Запад» в США, когда осваивались новые земли, искали золотые и медные рудники, делался грязный бизнес. Тогда в стране был один закон — закон «сильного». Кто первый выстрелил и попал, тот и прав. У кого банда больше, а шериф подкуплен — тот и власть. Такое будет и у нас. В результате очень много народа, не вписавшегося в «новую

экономическую реальность» банально вымретили станет нищими. Работягам по несколько месяцев не будут платить зарплаты, а иногда и годами. Деньги будут обесцениваться, а пенсионеры — умирать от голода. На улицах начнутся бандитские войны за право «доить» коммерсантов в лучших традициях «Крестного отца» Марио Пьюзо, города захлестнёт вал уличной преступности. И самыми беззащитными окажутся простые люди, которые нормально работали, растили детей и строили страну. Это будет, вот увидишь.

— Млять, — глаза опера изумленно расширились. — Ты, действительно, веришь в то, что говоришь.

— Потому, что это правда, — устало вздохнул я. — Сам всё увидишь. Всё уже продумано и решено на небесной чаше весов. «Мене, текел, фарес, упарсин». Мы все взвешены, измерены, оценены и принесены в жертву.

— И что делать?

— Здесь мы возвращаемся к тому, с чего начали. Деньги — для меня инструмент. Я хочу хотя бы частично изменить намечающуюся тенденцию, направить страну по более мягкому, верному пути. Пусть будет капитализм, но не такой, какой начнут строить в начале девяностых, а другой: с высокими социальными стандартами, ответственностью власти перед народом, хотя бы частичной, и развитым производством. Что для этого надо сделать? Очень много, и это тема для отдельного долгого разговора. На днях мы соберем общее собрание, там поговорим о том, чем будем заниматься сейчас, как готовиться к новому, смутному времени и определим планы, как на ближайшие месяцы, так и стратегические, на годы. Я расскажу, что нам предстоит сделать. А теперь пошли обратно, ребята нас уже заждались.

Найти удобное место для собрания я поручил Ашоту, и он сразу предложил отличный вариант. Ещё после нашего первого дела, он приобрёл частный дом, рядом с Москвой. Раньше там жила старая женщина. Она умерла год назад, и сын, проживающий в Ленинграде сразу же начал искать покупателей. А мой товарищ уже подыскивал место для своего отдельного дома. Квартира, по словам Ашота, это всё-таки не то. Для будущей семьи с множеством детей лучше большой дом в Подмосковье. Здесь, и природа красивая, и просторы, и отсутствие городской суеты, и воздух чистый. И когда товарищ узнал через знакомых об оказии, сразу поехал на встречу с наследником старушки.

Заплатил пять тысяч и не прогадал. Дом оказался добротным и большим, с забором и большой беседкой, созданной ещё покойным мужем пенсионерки, для встреч и отдыха своих друзей-фронтовиков. Когда я приехал посмотреть новое приобретение Ашота, там и решили провести совещание. Сам дом тоже отличался большими комнатами, но старая мебель, запах нафталина, напоминающий о прежних жильцах, убогая обстановка, производили удручающее впечатление. В ближайшее время Ашот собирался начать ремонт и приобрести новую мебель, но пока до этого не дошли руки.

В отличие от внутренних помещений беседка выглядела отлично. Столбы из обтесанной и покрытой темным лаком древесины бывший хозяин украсил резными завитушками. Широкие деревянные скамьи по периметру большого стола могли с комфортом вместить человек тридцать. Высокое ограждение полностью скрывало фигуры сидящих. Прочный пол из толстых досок даже не пружинил под нашим весом.

Недалеко от беседки под отдельным навесом расположилась летняя кухня с обеденной зоной и железным мангалом. После нашего совещания Ашот предложил устроить небольшой банкет с шашлыком, вином, нарезкой из овощей и фруктов. А я дополнил предложение пригласить на банкет девушек, с которыми парни встречаются.

У Ашота как раз бурно развивался роман со студенткой МАИ, и он встретил предложение устроить после совещания пикник с бурным восторгом.

Путём обзвонов ребят выяснили, что Олег помирился со своей Маринкой, Вася ни с кем не встречался, а у Сереги была девушка, бывшая воспитанница детдома. Он познакомился с подругой, когда временно находился в приемнике-распределителе в ожидании приезда тетушки и из Краснодара или размещения в детдом. У меня сразу же возникло множество вопросов, но поскольку опер рассказывал об этом периоде жизни неохотно и всячески давал понять, что тема ему неприятна, продолжать разговор на эту тему не стал. Тетка уехала обратно, а Серега жил с Наташей уже два года в «двушке», доставшейся ему от покойных родителей. Парочка собиралась пожениться, но увольнение опера из милиции отодвинуло это событие на неопределенное будущее.

У Дениса была другая ситуация. Во время работы на заводе, он встречался с девушкой. Они планировали расписаться, а заводское начальство пообещало выделить парочке комнату в семейном общежитии и поставить в очередь на квартиру. Злополучная драка на дискотеке полностью изменила ситуацию. Девушка разорвала с ним отношения, из завода он сам ушёл и теперь был «одинок и свободен, как ветер в поле».

Как грустно заметил сам афганец: «это был мой последний шанс остепениться. Но видимо, спокойная и размеренная жизнь не для меня».

Поэтому я предложил такой вариант. Девчонки, пока мы будем разговаривать, отправим купаться на местное озеро, благо, оно находилось в пяти минутах ходьбы от дома, возможно в сопровождении одного из бойцов. А сами в это время проведем совещание, обсудим текущие и будущие задачи. А потом устроим танцы с шашлыками. Предложение было принято ребятами с энтузиазмом. Только Олег поинтересовался, а зачем брать девчонки с собой? Не лучше ли, решить свои дела, а с ними оторваться как-нибудь потом. И получил в ответ целую лекцию на тему «Как нужно создавать сплоченную команду единомышленников, поддерживать мотивацию внутри коллектива и создавать дружескую и комфортную обстановку». Я объяснил ему, что намереваюсь работать с каждым из ребят длительное время. Каждому должен доверять как себе и такие вечеринки с девушками, решают сразу много важных задач. Во-первых, позволяют лучше узнать товарищей, с которыми делаешь одно общее дело. Дело в том, что на дружеских застольях люди расслабляются, выпивают, и может всплыть много любопытной информации. Например, черты характера или факты биографии, которые человек хотел бы скрыть. Недаром говорят, «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». И девчонки могут ненароком проболтаться о чём-то для нас интересном. Известно, женщины, намного эмоциональнее мужчин. Они сначала говорят и делают, а потом думают, особенно если выпившие. Так что, будем считать это ещё одной проверкой — дополнительной.

Во-вторых, совместные гулянки, сильно сплачивают коллектив. Люди становятся не только коллегами, но и друзьями, спаянными многократными совместными посиделками и досугом. Было бы замечательно, если получится создать атмосферу одной большой семьи. По крайней мере, нужно попытаться это сделать. С учетом будущих дел, которые нам предстоят, это важно. Один мой товарищ из прошлой жизни, серьезный бизнесмен, регулярно устраивавший корпоративы для лучших сотрудников и ТОП-менеджеров, говорил: «Коллектив должен быть не только спетым, но и спитым. За время работы, нужным людям надо создавать максимально комфортную обстановку в компании, чтобы они чувствовали себя среди друзей и единомышленников. Конечно, это полностью не решает проблему текучки кадров, но помогает удержать часть важных сотрудников в компании». Естественно, о своем товарище из прошлой жизни я десантнику не рассказал, ограничившись общей лекцией на тему корпоративных отношений и воспитания «командного духа».

В итоге так и решили. Ашот привёз уже знакомый мне по свиданию на речном трамвайчике магнитофон «Сони» с несколькими десятками кассет в картонных блоках. В старенький, но исправно работающий холодильник «Саратов», доставшийся в наследство от прежней хозяйки, загрузили десять килограмм мяса, кучу овощей и фруктов, колбасу, сыр и другие продукты, которые товарищ взял со своих лотков и приобрёл на рынке, за выделенную ему сотню рублей.

С машинами получилось ещё проще. Ашот договорился с дедом, и взял у него вместительный «рафик». За руль «шестерки» сел десантник. Сначала мы забрали Еву, потом подъехали к общежитию МАИ, и усадили в «рафик» девушку Ашота — полненькую хохотушку Валу, её подружек Марину и Олю, которых планировали познакомить с Денисом и Вовой. Последними подобрали парней и Серегу с Наташей. Воспитанница детдома мне особенно понравилась. Тихая скромная, спокойная, но очень даже симпатичная — тоненькая с красивыми изящными ножками и милым личиком. Улыбается искренне, и чувствуется, своего парня любит по-настоящему. Держится за его руку, прижимается и молчит. Да и Серега с ней, совершенно другой. Заботливый, довольный и добродушный. А

вот Марина Олега не понравилась. Красивая, но расчётливая стерва. Со всеми разговаривает холодно, строит из себя королеву. Несмотря на жару, натянула на себя джинсовый костюм, и явно ожидала реакции, окружающих и восхищения «модными шмотками». Не дождалась, надула губы, задрала нос и всю дорогу сидела с недовольным видом...

Через полчаса мы выехали на окружную, и спустя пятнадцать минут подъезжали к новому жилью Ашота. Дом расположился очень удобно — в отдалении от остального села и примыкал прямо к лесной опушке. По тропинке через лес можно было за считанные минуты выйти на песочный пляж небольшого, но чистого озера. Девчонок предупредили заранее, и они захватили с собой купальники, а мы, естественно, плавки.

Когда поставили машины во дворе, я предложил девчонкам пойти искупаться в озере, пока мы обсудим свои дела. Они согласились и с визгом унеслись переодеваться в дом, а потом, натянув поверх купальников платья, вместе с Вовой, которого я отправил сопровождать дам, отправились по тропинке к озеру.

А мы расположились в беседке. Предусмотрительный хозяин принёс на железном подносе и расставил стаканы и три бутылки с ледяным «лимонадом» и открывалкой, на случай, если кому-нибудь захочется пить.

Я сел на скамью «во главе стола». По правую руку устроился Ашот, слева — десантник. Парочка афганцев заняла места напротив друг друга.

— Начнём, пожалуй, — предложил я. — Надеюсь, ни у кого возражений не имеется?

Парни промолчали.

— Хорошо. Тогда сначала маленькое заявление. Мы с ребятами подумали и решили, что Денис и Володя хорошо проявили себя в ситуации с бандитами. Решили выделить по тысяче рублей каждому в качестве премии.

Я встал, вытащил заранее приготовленную тонкую пачку полтинников и протянул афганцу:

— Возьми. Вове я отдам позднее.

— Спасибо, — кивнул Денис и забрал деньги. Он сохранил невозмутимость, мелькнувший на мгновение в глазах довольный блеск его выдал.

— Теперь к делу. У нас появляется охрана, и одновременно, служба безопасности. Она будет заниматься сопровождением грузов, охраной руководства нашей структуры в лице меня, Ашота и Олега, расследованиями различных инцидентов и улаживанием вопросов с бандитами и ментами. Это Сергей, Денис и Володя. Предлагаю назначить начальником службы безопасности с испытательным сроком на один месяц Сергея. Он работал в милиции, имеет там определенные связи, знает принципы работы оперов «на земле» и умеет общаться с уголовниками. Вопросы, возражения есть?

— У меня нет, — ответил Денис. — Лично я поддерживаю обеими руками. И, Вова уверен, не будет против. Серега справится.

— Нет, — откликнулся десантник. — Сережа не подведёт.

— Я за, — подтвердил Ашот. — Он же бывший опер? Значит, должен знать, что делать.

— Значит, принимается единогласно, — подытожил я. — Продолжим. Сергей, у тебя возражения или замечания есть?

— Пока нет, — задумчиво ответил милиционер. — Но надо полностью разобраться с кругом обязанностей, чтобы понять, насколько я это смогу потянуть.

— Разберемся, — отмахнулся я. — Обговорим всё до последней детали, но позже. Сегодня нужно обсудить другие, более важные темы. Теперь по общей структуре службы

безопасности. Непосредственно, от руководства её будет курировать Олег. Но решающее слово будет оставаться за мной. У меня всё-таки жизненного опыта больше будет, успел и зону потоптать, и с разными людьми пообщаться. Планирование операций за тобой Сергей. Но решения принимаем вместе. При необходимости к операциям СБ, в качестве силовой и любой другой поддержки можем подключаться все мы. Кроме Ашота. Его будем задействовать в самом крайнем случае.

— Почему? — оскорблено вскинулся армянин. — Ты мне не доверяешь?!

— Знаешь же, что доверяю, — примирительно улыбнулся я. — Как самому себе. Просто у тебя будет много других важных дел.

— Каких, других?

— Ты в нашей компании, единственный человек, занимающийся торговлей несколько лет, практически готовый бизнесмен. Поэтому будешь коммерческим директором. На тебе — подготовка большинства сделок, выбивание выгодных цен, переговоры с покупателями. Разумеется, и я этим буду заниматься, но очень много дел, будет висеть на тебе. В частности, реализация множества, обозначенных мною проектов. Плюс, учитывая твои связи в разных кругах, решение различных проблем нашей структуры, помощь разным подразделениям и многое другое. Возражения имеются?

— Нет, — мотнул головой армянин. — Только одно. Если возникнет какая-то опасность, и меня привлекайте. Я мужчина и не хочу остаться в стороне, когда остальные будут решать проблему.

— Хорошо, — вздохнул я. — Но, повторяю, только в самом крайнем случае.

После небольшой паузы, продолжил.

— Олег, как уже говорил, будет курировать службу безопасности. Он всех ребят хорошо знает, и думаю, тут сложности не возникнет. А ещё на нём — подбор нужных кадров. Сразу скажу, не тех, кого я планирую задействовать в продажах, юридической защите и многом другом. Олег будет заниматься водителями, которые могут нас куда-то отвезти на своих машинах, другими специалистами, поисками консультантов в нужных нам сферах. Контакты с юристами, торговцами, продавцами и партнёрами — обязанности Ашота. Это его стихия, в которой он как рыба в воде.

— А Сане какой фронт работ дашь, когда он выздоровеет? — с любопытством поинтересовался десантник.

— Саня будет работать и с блатными и мелкими жуликами, — сразу ответил я. — Выстраивать сеть осведомителей и помощников, способных много интересного рассказать. Например, в нужном городе, где имеется интересующий товар или предприятие. Практически, он будет заниматься разведкой со своей стороны, работая в тесном контакте с Сергеем. Сейчас этот вопрос не стоит, нас слишком мало, но на будущее ребятам из СБ надо определиться со своей специализацией. Например, Денис отвечает за силовые акции против бандитов и воров, Вова — за сопровождение и безопасность грузов. Уже сейчас вам надо присматриваться и анализировать эти направления, чтобы приобрести необходимый опыт, а потом возглавить соответствующие отделы.

— Ты так говоришь, как будто у нас сотня человек работать будет, — усмехнулся бывший опер.

— Так и будет, — заверил я. — И не одна сотня. Вспомнишь мои слова, года через два-три, когда кооперативное движение полностью легализуется.

Серегины брови изумленно поднялись. Он иронически усмехнулся, хотел что-то

сказать, но получил локтем от Олега и повернулся к нему.

— Ты чего?

— Ничего, — буркнул десантник. — Лучше Мишу слушай. Он дело говорит. Когда мы начинали, тоже его рассказы как фантастику воспринимали. Всё сбылось, даже в большей степени, чем ожидали. Так что, не торопись делать выводы.

— Ладно, — после паузы согласился опер. — Поживём, увидим.

— Идём дальше. Вопрос с оружием. Оно, как мы уже предварительно прикидывали, понадобится, чтобы защищаться от уголовников. Сейчас у нас имеются «ПМ» и «ТТ», ещё и у Дениса пара «эфок». После обезвреживания банды нам ещё должны передать пару стволов. Я попросил «вальтер» и «револьвер». Думаю, нужно докупить ещё как минимум пару «калашей». Денис, ты, когда со своим прапором сможешь предварительно пообщаться?

— А хоть завтра, — улыбнулся афганец. — Никаких проблем нет. Где он служит, я знаю. Когда на работу приезжает, тоже. Подожду его у части, отзову и переговорим.

— Понимаю, что ты с ним общаешься ещё с Афгана. Но люди со временем меняются. Как думаешь, он при определенных обстоятельствах может нас заложить?

— Наверяд ли, — посерьезнел Денис. — Если его примут до нас, могут расколоть, если выхода другого не будет, а так нет. Я слишком много о нём знаю. И не только я. Он оружием ещё за речкой барыжил. Говорили, что патроны варил и автоматы перед продажей портил, но это ещё вопрос. Его командование активно прикрывало. И если он что-то вякнет, я тоже молчать не буду. Такие подробности вскроются, что не хило прилетит даже генералам с большими погонами.

— Ладно, тогда встречайся со своим прапорщиком, договаривайся о покупке пары «калашей». Лучший вариант — АКС-74У. Сам понимаешь, габаритные автоматы не нужны. И ящик патронов к ним. Больше нам ничего не надо?

— Я бы ещё монок пятидесятых, пару штучек, на всякий пожарный приобрёл, — мечтательно улыбнулся афганец.

— Ты что, военные действия устраивать вздумал? — осадил его я, но потом добавил. — Хотя одну можешь взять на свой страх и риск. Мы взрывать никого не собираемся. Но мало ли какая ситуация в жизни возникнет. Пусть будет. Но спрячешь её подальше так, чтобы никто кроме тебя в жизни не нашёл.

— Договорились, командир, — расцвёл Денис. — Не переживай, всё сделаю, как надо.

Не, он всё-таки на войне повернутый. Че Гевара доморощенный.

— Встретишься со своим прапорщиком. Можешь даже его в кабак сводить. Потом, скажешь, сколько потратил, я тебе компенсирую и денег на оружие выдам. Только продумайте с Сережей, как вы забирать стволы будете, чтобы не запалиться при получении и перевозке.

— Сделаем, — кивнул бывший опер.

— Теперь ещё один вопрос. У нас большая проблема с транспортом. В наличии одна машина, «шестерка», принадлежащая Ашоту. Остальные у его деда одалживаем. А это нехорошо. Нужно ещё, как минимум, две машины. Одна для отдела продаж, другая — для службы безопасности. Необходимы достаточно шустрые, в отличном состоянии, но при этом не привлекающие лишнего внимания, автомобили. Что-то вроде, «москвичей» или «жулек». Есть какие-то мысли на этот счёт?

— Так сразу и не скажешь, — откликнулся Сергей. — Подумать надо.

— А у меня есть, — с энтузиазмом заявил десантник. — Сосед давно свою бежевую

«пятерку» продать хочет. Просит за неё дорого, вот с покупателями и проблема. Но машинка в отличном состоянии, восемьдесят четвертого года выпуска. На ней муха не сидела. Больше в гараже простояла, чем каталась. Давно к ней присматривался, но ты сказал не торопиться и не привлекать к себе внимание, поэтому только облизывался.

— Сколько просит? — уточнил я.

— Восемь тысяч, — признался десантник. — Но он за ней, как за любимой женщиной ухаживал. Машина, действительно, бомба. Я хоть сейчас готов заплатить эти деньги, не вопрос.

— Дороговато, за почти трехлетнее бэу, — поморщился я.

— Она, действительно, стоящая, — продолжал убеждать Олег. — Каждую деталь в моторе он руками перебрал. Что-то там подшаманил, движок вообще зверем стал. Салон кожей обтянул и дубовые вставки сделал. Сам посмотришь, оценишь.

— А зачем продаёт?

— Так жена все мозги проела. Хочет в Сочи к родне переселиться. Там тепло и море. Обменять квартиру на дом, а за деньги от продажи машины новую мебель купить — импортную. Родня уже пообещала достать. Вот он зубами скрипит, но деваться некуда, решили продать автомобиль.

— Ладно, тогда покупай у него тачку. Только торгуйся как в последний раз, говори, что денег под неё придется занять у родителей и друзей, выбивай хоть маленькую, но скидку. У соседа должно остаться впечатление, что ты буквально последние деньги отдаешь, да ещё и чужие под покупку привлек. И предложи, не нести сразу техпаспорт в ГАИ для переоформления, а сразу сделать доверенность на тебя. Он же потом не кинет?

— Не должен, — задумчиво ответил десантник. — Анатольевич — порядочный мужик. Всегда честным был, и если даже что-то занимал, до копейки отдавал.

— Вот и хорошо, — улыбнулся я. — Значит, так и делай. А Сергею поручение — подобрать подходящую машину для сотрудников службы безопасности за два-три дня. Деньги под это дело мы выделим. Если возникнут трудности, обратись к Ашоту, он поможет.

Бывший опер кивнул.

— Теперь о текущих задачах. Ашот, помнишь, мы говорили о Московском Экспериментальном Комбинате, изготавливающем кроссовки «адидас» по лицензии производителя с семьдесят девятого года?

— Помню, — кивнул армянин.

— Тебе задание — подыскать выходы на людей, изготавливающих «левую» продукцию. Нужно договориться с ними об оптовых закупках и запустить этот проект как можно скорее. Такие кроссы — мечта всего мужского населения страны, включая подростков. Если даже цена будет немного ниже, чем у спекулянтов, они разлетятся моментально. Задачу уяснил?

— Да, — ответил товарищ, — И я даже знаю, кто может помочь с выходом на таких людей — Женя и Ваня. Они давно в теме, многих знают, и наверняка, имеют мысли, как эту проблему разрешить.

— Фарцовщики? — оживился я.

Ашот кивнул.

— Зачем им плодить конкурентов?

— Я им предложу сотку за наводку и ещё процентик с первой сделки подкину небольшой, если у нас получится. Могут клюнуть, да.

— Хорошо, действуй, как считаешь нужным. Я тебе полностью доверяю. Главное, чтобы это было выгодным для нас. Второй вопрос уже к нашей новообразованной службе безопасности. До недавнего времени мы работали с Одессой. Провели там пару сделок, обзавелись связями с контрабандистами и цеховиками. Но на обратной дороге, когда возвращались с товаром, на нас напали. Спаслись чудом, можно сказать, благодаря везению. Было такое впечатление, что нас хотели просто положить, а товар забрать себе. Не получилось, хотя одного из нас, Саню, ранили. Теперь к вам вопрос. Терять наработанные связи в Одессе и канал поставок оттуда я не хочу. Что можно сделать в такой ситуации? Можно ли выяснить, кто организовал нападение и как-то решить проблему?

— Что ты понимаешь под решением проблемы? — насторожился опер.

— Всё что угодно, — пояснил я. — Если удастся ограничиться разговором и привести убедительные аргументы, что с нами лучше не связываться, отлично. Если нет, можно даже отстрелить парочку особо отмороженных. Но это худший вариант, потому что после этого, о сотрудничестве с одесситами на некоторое время придётся забыть. В любом случае, я хочу знать, кто на нас зубы точит, чтобы не блуждать в потемках, в любой момент, ожидая нападения неизвестных.

— А можно подробнее о произошедшем? — попросил Сергей.

— Нужно, — улыбнулся я и рассказал ему о наших поездках в Одессу во всех деталях. Ашот и Олег изредка разбавляли моё повествование репликами и уточнениями.

— Тут думать надо, — бывший милиционер потер пальцами подбородок. — Но некоторые соображения имеются уже сейчас.

— Так поделись, — оживился я.

— Во-первых, ехать туда предварительно и выяснять, кто был замешан в нападении, стрёмно. Можем переполошить урок и насторожить наводчика, который находится либо в окружении контрабандиста либо цеховика. Третий вариант — им может оказаться девка, которая помогла выйти на продавцов. Но я считаю это, маловероятным. Она сработала честно, свела вас с людьми, помогла провести сделки, получила процент. Если бы хотела поставить на гоп-стоп, выгоднее это было сделать тогда, когда вы были с наличкой ещё не уплаченной за товар. Да и подставляться так, глупость несусветная. Понятно, что в первую очередь обратка может к ней прилететь. Но полностью исключать её из круга подозреваемых, я бы тоже не стал. Итак, что, у нас получается? Если сейчас полезть в Одессу и начать наводить справки, можем спугнуть эту шоблу. Или, наоборот, привлечь к себе ненужное внимание и спровоцировать новые разборки. Даже если я с Денисом и Вовой будем тихо работать и искать контакты, то вероятность засветки, всё равно большая, потому что мы не местные и любое наше движение у блатных и цеховиков будет рассматриваться под микроскопом. Поэтому думаю, лучше сделать по-другому.

— Это как? — заинтересовался я.

— Очень просто. Вам в наглуую приехать в Одессу якобы на закупку очередной очень крупной партии. Мы держимся отдельно и страхуем вас. Для верности пустим слух, что покупаете так много товаров, потому что на некоторое время прекращаете сюда ездить. Мол, имеются, другие, более срочные дела. Спровоцировать уродов на нападение и заманить в засаду уже их. Таким образом, мы убиваем сразу двух зайцев. Без лишней засветки выходим на бандитов. Получаем информацию, кто они и какой авторитет стоит за ними. А дальше действуем по ситуации. Я думаю валить никого не надо, без особой причины. Но вот показательно обломать им рога и показать, что не пальцем деланные, нужно. А если

серьезного авторитета найти, который за нас впишется, вообще идеальный расклад. Эти бандюки нас десятой дорогой обходить будут. Ещё и денег отвалят за косяк.

— Авторитета серьезного, говоришь найти, — я переглянулся с Ашотом. — Можно и так сделать. Обещать ничего не буду, но есть к кому обратиться. Значит, делаем так: ты вместе с Ашотом разрабатывай подробную операцию вплоть до мельчайших деталей. Так, чтобы эти уроды впечатлились до обгаженных подштанников. А я со своей стороны подумаю, как с авторитетом решить.

— Тем более что нам скоро в Армению ехать, — многозначительно добавил армянин. — Последнюю партию товара мы на республику брали, и она до сих пор в гараже лежит. Пора в Ереван ехать. А там Абхазия не так далеко. Можем заскочить по дороге.

— Хорошо, спасибо, что напомнил, с точной датой поездки на днях решим. Кстати, что с Саней? Новостей от него нет?

— Как нет? — оживился Ашот. — Есть, конечно, да. Я тебе просто забыл сказать. Родственники звонили вчера. Ему намного лучше, уже во двор выходит, воздухом дышит. Кушает как настоящий богатырь. Люля-кебаб, шашлык, хачапури, супы, салаты. Лопает так, что женщины не успевают готовить. Думаю, через недельку можно уже забирать.

— Отлично, — улыбнулся я. — Тогда после того, как шмотки в республике раскидаем за Саньком заедем или пошлем ребят, чтобы его забрали, посмотрим по ситуации. С текущими делами, считай, решили. Теперь поговорим о глобальных задачах — стратегических.

Обвел глазами внимательно слушающих ребят и продолжил:

— Парни, многие из вас уже знают, что нас ожидает в дальнейшем. В ближайший десяток лет страну будут активно перековывать в капиталистическую.

— Да, ладно, — не выдержал Денис и сконфужено замолк под моим взглядом. — Извини.

— Именно так всё и будет, — холодно подтвердил я. — Все заводы по плану реформаторов и тех, кто за ними стоит, будут сначала выжаты как лимон, а потом разграблены. По-другому, перевести в частную собственность их не получится. Времена будут трудными. У страны будет два пути. Первый построить так называемый сырьевой капитализм — рентный. На самом деле это тупиковый путь. Почему? Потому что основан на продаже, пусть и дорогостоящего, но сырья: нефти, газа и других полезных ископаемых. А их стоимость зависит от многих факторов. Ею можно играть, поднимать или, наоборот, опускать после картельного сговора, чтобы убрать конкурентов. Чистая рентная экономика ущербна по своей сути, потому что, заточена на обслуживание отраслей, работающих с этими ресурсами. Она не заинтересована в развитии высоких технологий. Примитивная схема: «добыча нефти — перекачка — продажа», позволяет быстро и легко получать миллиардные доходы. Хорошее высокорентабельное производство, внедрение самых передовых технологий, изготовление продукции «высокого передела», то есть ультрасовременной, отвечающей самым последним тенденциям технической революции — это долгие годы работы. Необходимо создавать инфраструктуру, строить цеха, комплектовать лаборатории самым современным оборудованием, готовить специалистов, проводить испытания, произвести и протестировать опытную партию готовой продукции. Это серьезный труд и миллиардные вложения. Но результат того стоит. Страна, производящая технологии, зарабатывает на них, на порядок больше. И имеет лучшие перспективы для экономического роста.

И вот я хочу, чтобы мы пошли по второму пути — построили страну технологий, с высокими социальными стандартами и отличным уровнем жизни для всех. Без коррупции и кумовства. Чтобы старики получали достойную пенсию и наслаждались каждым моментом жизни. Если у меня не получится, все ресурсы в течение десятка лет подгребут под себя люди, делающие капиталы на разорении страны. Девяностые годы будут страшным кошмаром для стариков и обычных людей, а я хочу этого избежать. Для этого нам понадобятся огромные ресурсы. Для понимания: те деньги, которые мы уже заработали, жалкие копейки по сравнению со средствами, необходимыми для начала реализации моего плана. И сейчас я расскажу, что нам предстоит сделать в ближайшие несколько лет, чтобы получить такие деньги...

— Сейчас мы только начали зарабатывать небольшие деньги, — подчеркнул я голосом. Сначала нужно создать эффективную структуру, способную быстро и качественно решать разнообразные задачи и получать прибыль. На первом этапе она должна быть компактной и мобильной, способной переместиться в любое нужное нам место. И очень быстро реагировать на проблемы, которые ставит перед нами жизнь. Как только откроется кооперативное движение, сразу же регистрируем пару предприятий, занимающихся торговлей, посредническими услугами и всем, чем только возможно. Безграмотность нашей власти позволит такое делать на первых порах. Дальше, необходимо сесть на финансовые потоки. В нашей стране хорошие деньги начнёт приносить торговля бензином, импортно-экспортные операции и автопром. Поэтому нам нужно обратить внимание на сеть стратегических предприятий. Они позволят получить нам необходимый денежный ресурс, в сотни раз больше того, которым мы сейчас располагаем.

Что это за предприятия? Во-первых, АВТОВАЗ. «Жигули» — самая востребованная машина для советских людей. И этот завод ежегодно выпускает сотни тысяч относительно недорогих легковых машин, на которые сейчас существует огромный спрос. Когда откроется рынок, и частные предприятия смогут легально торговать продукцией заводов, тот, кто первый получит эксклюзивную возможность продавать автомобили в огромных количествах прямо с завода — озолотится.

Я сделал эффектную паузу. В моей прошлой жизни, у меня руки до этого не дошли. Не обладал тогда большим капиталом и нужным уровнем стратегического мышления. Но вот историю Березовского и его дружков, первыми начавшими торговать продукцией завода в огромных масштабах, я впоследствии прекрасно изучил и оценил. Особенно грамотный подход прохиндея и афериста БАБа к работе с высокорентабельными государственными предприятиями. Он был прост: «Зачем тратить огромные деньги и приватизировать предприятие? Это нерентабельно. Гораздо проще, потратить намного меньше и приватизировать директора. Тогда убытки будут ложиться на завод, а прибыль — идти в карман компаний-присосок». Это поганый подход. Подлый и гнилой. Но с волками жить, по-волчьи выть. Можно же найти золотую середину, чтобы и заводу деньги оставались, и мы смогли свои миллиарды заработать.

— Дальше. Братский алюминиевый завод. Он изготавливает почти треть алюминия в СССР, что составляет четыре процента всего мирового производства. Спрос на алюминий и у нас, и в различных странах огромный. Проектная мощность БРАЗа — более девятисот тонн этого металла в год. Им тоже придётся плотно заняться. И, наконец, сеть нефтеперерабатывающих заводов. Когда в начале 90-ых годов наступит последняя фаза перехода плановой социалистической экономики в капиталистическую, государство перестанет регулировать цены, и они взлетят вверх. Нефтепродукты, в частности бензин и дизтопливо, это кровь экономики. Спрос на них будет огромный, а стоимость, в условиях постоянного повышения цен, ежедневно увеличиваться. Каждый из таких заводов, как Омский, Кишиневский, Московский, Волгоградский, Пермский, в Туапсе рассчитан на переработку десятков миллионов тонн нефти ежегодно. Нам надо обязательно взять эти активы под себя. Все эти предприятия я привел вам для примера. Существует ещё много заводов и вкусных проектов, которые мы тоже не должны упустить. Например, земля и

недвижимость в центре Москвы и Ленинграда. Но это уже отдельный разговор, время которому мы посвятим позже.

Я сделал паузу, обводя взглядом лица ребят. Они внимательно слушали меня, не отвлекаясь на вопросы и просьбы прояснить непонятные моменты и экономические термины.

— Теперь рассказываю, что нам следует сделать. После нашей поездки в Армению, прибытия Сани в Москву, налаживания схемы по реализации кроссовок «адидас», мы делаем небольшой тайм-аут в активной коммерческой деятельности, и приступаем к первой фазе работы с этими предприятиями — подготовительной. Нам придётся разделить на две-три команды и смотаться в командировки. Посетить Автоваз и другие предприятия. Пока никаких активных действий и попыток наладить прямые контакты предпринимать не нужно. Сейчас это опасно и привлечёт к нам ненужное внимание. Сначала необходимо собрать информацию, о руководстве заводов, кто принимает решения, через кого можно зайти на нужное нам предприятие. Существует ли на заводах продажа левака, кто на ней «сидит». На данном этапе наша цель — собрать как можно больше сведений о заводах и их руководстве, в том числе компромате и теневых денежных и товарных потоках, если они есть. Нам необходимо владеть обстановкой и иметь четкое понимание с чем и с кем в дальнейшем придётся столкнуться на подступах к этим заводам.

— А почему бы нам сразу, как появится возможность торговать бензином и другой продукцией, не приехать к ним и не наладить контакты? — полюбопытствовал Денис.

Ашот иронично усмехнулся, переглянулся со мною и с нескрываемым сарказмом посмотрел на афганца.

«Соображает», — мысленно отметил я. Похоже, многолетняя торговля фруктами на рынке и общение с «подпольными коммерсантами», помогли моему другу лучше понять окружающий мир и избавиться от иллюзий.

Даже опер улыбнулся краешками губ, отмечая детскую наивность бывшего однополчанина.

— А что я такого сказал? — немного смутился Денис, заметив реакцию товарищей, — Миха, ты же сам заявил, продукцией заводов можно будет торговать легально. Так почему мы не сможем это сделать?

— Вот потому и не сможем, потому что таких умных как мы будут тысячи. И обычных кооператоров никто туда даже на пушечный выстрел не подпустит, — улыбнулся я. — Вот смотри, ты директор нефтеперерабатывающего завода. Предприятие производит в год, допустим, пятнадцать-двадцать миллионов тонн бензина для легковых автомобилей и других продуктов. Литр бензина в зависимости от марки стоит от тридцати до сорока копеек. Учитываем, что литр — это мера объема, а тонна является весом. Исходя из плотности конкретной марки топлива, в тонне будет, примерно, тысяча двести — тысяча триста с лишним литров. Берем наименьший показатель — тысячу двести. Умножаем на тридцать копеек — стоимость самого дешевого бензина АИ-76. Получается триста шестьдесят рублей. Пятнадцать миллионов тонн, которые НПЗ выпускает ежегодно, это пять миллиардов четыреста миллионов рублей. Сумасшедшие деньги. Понятно, что я утрирую, не считаю себестоимость переработки топлива, зарплаты персоналу, логистику доставки. Но даже без этого, финансовые потоки впечатляют. Директор такого завода, образно говоря, сидит на огромной горе золота, а получает только одну зарплату и, по сути, становясь распорядителем, поражающих воображение средств, является нищим. Теперь представим

ситуацию, что начинается кооперативное движение, страна в течение нескольких лет, перековывается в капиталистическую. И этот директор получает возможность заработать, монетизировать свою должность, использовать её, чтобы стать долларовым мультимиллионером. Конечно, руководство таких предприятий, в большинстве своём, консервативная публика и будет некоторое время выжидать и присматриваться к окружающей обстановке. Но вот прошёл год, полтора, они убедились, что ОБХСС бездействует, власть закрыла глаза и не замечает, как за счёт государственных активов новоявленные господа набивают себе карманы. Как вы думаете, что начнёт делать такой директор? И при этом на горизонте появляемся мы, такие белые и пушистые, которых он знать не знает, и просим его продать нам бензин. Что нам ответят?

— На хер пошлют, — буркнул хмурый опер.

Ашот ухмыльнулся и согласно кивнул.

— Именно, — улыбнулся я. — Вокруг этого директора уже выстроится очередь из ушлых местных коммерсантов, детей высоких партийных чиновников и другой «элиты». Но даже им бензин достанется далеко не всем. Директор, в девяноста случаях из ста, захочет сам рулить процессами продажи, пусть и опосредствованно. Он организует кооператив при заводе. Посадит учредителем своего сына или зятя, в общем кого-то из своей родни. И будет продавать через эту компанию-прокладку бензин коммерсантам. Вся прибыль уйдёт в частную структуру, а через неё в карман настоящему хозяину — директору. А все убытки лягут на завод и бедных работяг. Но и это ещё не всё. К разделу пирога начнут подтягиваться бандиты, через время — силовики и власть. И обычных коммерсантов не пустят даже на порог завода, не говоря уже о том, чтобы отпустить им бензин по приемлемой цене. А будут наглеть и проявлять настойчивость, просто шлепнут. Там такие деньги будут крутиться, что парой трупов больше, парой меньше, все равно. Теперь Денис понимаешь, что ты сказал глупость?

— Понимаю, — вздохнул афганец. — Но всё-таки, как-то в подобный беспредел сейчас не верится. А где милиция будет?

— Годика через три-четыре вернёмся к этому разговору, — зловеще пообещал я. — А милиция будет в полной заднице. Что-то делать, безусловно, её отдельные представители попытаются, но... Времена наступят такие, что расстрелянные и взорванные трупы бандитов и коммерсантов будут не успевать с тротуаров соскребать. Впрочем, предлагаю, на эту тему не дискутировать. Через несколько лет сами всё увидите...

Я сделал небольшую паузу, подхватил прохладную бутылку «лимонада», открывалку, лежащую рядом, сорвал жестяную крышечку, набулькал половину стакана и залпом выпил. Потом продолжил:

— Вот поэтому и работать с этими предприятиями будем по моей схеме. Сейчас собираем информацию, компромат на руководителей, узнаем общую обстановку на заводах. А когда запустится кооперативное движение, перейдем ко второму этапу. Для этого нам нужно заручиться поддержкой у воров, и в высших кругах власти. Идеальный вариант — договориться с кем-то из больших ГЭБЭшних начальников или больших партийных руководителей. Мысли, как это сделать, у меня уже есть, пока рассказывать не буду, чтобы не сглазить. Добавлю, что лучше наладить контакты с генералами КГБ, директора заводов их традиционно побаиваются и отказать людям, приехавшим по протекции высоких чинов, не смогут. И на этом этапе, наша задача встроиться в коммерческие цепочки перепродажи металла и нефтепродуктов, и завязать с руководством заводов нормальные рабочие

отношения. И только после года-полтора такой работы, с началом приватизации, то есть передачи этих заводов в частные руки, мы приступим к третьему заключительному этапу. Он будет состоять в том, чтобы стать легальными владельцами этих предприятий. Для этого, нам придётся использовать все полученные к тому времени рычаги, деньги, связи среди властных структур, компромат на директоров и многое другое. Скорее всего, возникнут конфликты со спецслужбами, с зарождающимися олигархическими структурами, и с бандитами, поскольку никто такие жирные куски добровольно не отдаст. И мы должны будем разрешить их так, чтобы оказаться победителями в этой крысиной гонке.

— А чем мы принципиально будем отличаться от всех этих барыг? — прищурился Денис.

— Конечной целью, — спокойно ответил я. — Они хотят набить свои карманы и на этом всё. На страну и людей им наплевать. А мы заработаем денег и постараемся что-то сделать для пенсионеров, ветеранов, рабочих, и многих других, которые с началом рыночных реформ окажутся беззащитными. Для меня важно, чтобы страна была процветающей, передовой, сильной и жить в ней каждому человеку было комфортно.

— И поэтому нам придется действовать такими же методами, как эти барыги? Входить в союз с ворами и другими подонками? — уточнил афганец.

— Именно, — вздохнул я. — К сожалению, мы живём не в сказке, и других методов не существует. Сейчас мы никто, и звать никак. В настоящий момент возможность что-то изменить в стране есть у верхушки ЦК КПСС, а именно у генерального секретаря и его окружения. Им подчинена вся властная вертикаль от армии и милиции, до поселковой администрации и руководства любого завода в глубинке. С моментом начала кооперативного движения и перестройки экономики в капиталистическую появится ещё один рычаг воздействия на общество. Это деньги. Именно их в условиях капитализма можно конвертировать во власть. Например, создать свою партию, наращивать влияние в регионах, обзавестись связями на самом верху, проталкивать нужные законы. По-другому никак не получится. И вот здесь, если мы будем работать, как одна команда, у страны появится шанс на лучшее будущее. И, да, для этого нам придётся сотрудничать с подонками и не выбирать способы, чтобы приобрести большой капитал и нужное влияние. Чтобы вы понимали ситуацию, поясню. В начале 90-ых годов государство перестанет контролировать цены на любые виды продукции и «опустит» их. Одновременно оно заморозит вклады на сберкнижках у подавляющего большинства населения. Люди останутся без денег. Новые преступные сообщества из спортсменов-бандитов, уголовников-воров, высоких чиновников, милиционеров и новых «хозяев жизни» начнут азартно делить советское промышленное наследие, часто устраивая криминальные войны с перестрелками и взрывами на улицах городов. Преступники станут подминать под себя самые успешные частные предприятия, чиновники будут вымогать взятки, менты — давить проверками и сфабрикованными уголовными делами. Вокруг каждого завода, который мы хотим взять под себя в будущем, чтобы направить деньги на благо новой страны, будут кучковаться чеченцы, кавказские воры, самые беспредельные бандиты, генералы милиции и других спецслужб. И все они готовы калечить, убивать, грабить, шантажировать, чтобы стать владельцами предприятия, приносящего миллиардные прибыли. В этом кубле мы сможем выжить и победить только при одном условии: стать умнее, решительнее, хитрее и грамотнее их. По-другому, не получится, нас очень быстро уничтожат.

— Ну хорошо, пусть так, — согласился Денис. — А ты уверен, что у нас получится?

— Должно получиться, — спокойно ответил я. — Предупреждён, значит вооружён. А мы предупреждены и внутренне готовы к такому развитию событий. Если команда будет сплоченной и нацеленной на результат всё будет хорошо.

— Кто-то сюда бежит, — встрепенулся опер. — Ветки за забором хрустят.

— Ну у тебя и слух, — я прислушался. И точно. Скрипнула распахнутая калитка и во двор влетела растрепанная Ева. Девушка раскраснелась от бега, на лоб упала спутанная челка, голубые глаза яростно сверкали, синий купальник красиво облегал стройную фигурку, красный вьетнамок на левой ножке перекосялся. При виде блондинки ребята онемели и застыли на скамейках неподвижными фигурами, только десантник изумленно привстал.

— Что случилось? — я первым шагнул навстречу девушке.

— Там Вова с местными сцепился. Они к девчонкам приставать начали. Его сейчас толпа бьет, — выпалила она.

Парни вскочили.

— А остальные девушки? Даша? С ними что? — выкрикнул Ашот.

— Их не трогают, — Ева тяжело дышала. — Они на пляже у озера, их не выпускают, чтобы людей не позвали. Я чудом вырвалась...

— Сейчас я свою дубинку в машине возьму, — глаза армянина засверкали гневом.

— Не вздумай, никакого холодняка, тебе здесь ещё жить, — предупредил я, и повернулся к девушке — Берем только то, что под рукой. Ничего огнестрельного, режущего и колющего. Сколько человек? Оружие имеется?

— Десяток, примерно. Оружия нет. Руками и ногами машутся, — проинформировала девчонка.

— Понятно, — я отпрыгнул к столу, сгреб бутылку лимонада и кивнул на стоящий у сарая черенок лопаты. — Вон, можете ещё это взять и побежали.

Мы рванули со склона вниз, ломая ветки кустов и деревьев, продираясь сквозь зеленую листву с шумом стада слонов, спешащих на водопой. Когда выбежали на пригорок, с которого открывался вид на пляж и озеро, я мгновенно оценил диспозицию. На песке, раскинув руки в стороны, неподвижно лежал парень в клетчатой рубашке, завязанной узелком на пузе. Недалеко от него сидел на корточках, завалившись вперед второй. Правой ладонью он уперся в песок, чтобы не поцеловать рожей землю, левой держался за печень. Открытый рот хватает воздух, на нижней губе повисла вязкая струйка слюны.

Пятеро беспорядочно махая руками и ногами, пытались достать крутящегося ужом между деревьями Вову. Морпех, приглушенно матерясь, скакал молодым козликом, в разные стороны, отмахиваясь от наседавших крепких пареньков. Несмотря на разбитые в хлам губы, залившие кровью подбородок и наливающуюся на скуле нездоровой краснотой гематому, чувствовал он себя вполне сносно, взрываясь одиночными ударами и боксерскими двойками, маневрируя так, чтобы противники не могли подойти сзади и накинуться все вместе.

С другой стороны ещё трое аборигенов толкались со стоящей на пляже кучкой девчонок, не позволяя им выйти к лесу. К ним сразу же побежали Ашот и опер.

При виде нас колхозники замерли. Здоровенный плотный парнишка, ростом повыше Олега, и широченными плечами, оценив черенок лопаты в руках у десантника, отступил назад, кинул взгляд по сторонам и подцепил громадной ручищей небольшое бревнышко, валяющееся на берегу. Воспользовавшись секундным замешательством и тем, что самый мощный противник отвлекся, Вова прыгнул вперед. Морпех вlepил левой в челюсть босяку в кепке, разворачивая подбородок под нокаутирующий удар правой, и завершил комбинацию

мощным прямым. Кепочка испуганной птицей взмыла в воздух, набирая высоту, а её хозяин, взмахнув руками, тяжело рухнул рожей в песок, взметая песчаную пыль. Богатырь размахнулся дрыном, и Вова благоразумно отпрыгнул назад под защиту деревьев, а выдвинувшийся вперед десантник блокировал бревно черенком лопаты. Не самый умный ход, учитывая, что дрын в руках колхозника был намного толще. Деревяшки с глухим стуком и душераздирающим треском встретились. Черенок лопаты выдержал, а десантник нет. Чтобы сохранить равновесие, ему пришлось бежать спиной вперед, собирая телом ветки деревьев и кустарников, пока на пути не возник огромный дуб, о который Олег с размаху хлопнулся так, что дерево негодуяще загудело. Медлить было нельзя и я, размахнувшись как дискбол, запулил полную бутылку лимонада в здоровяка, отходящего от столкновения. Бутылка вцепилась в каменный лоб и с жалобным звоном отлетела в сторону. Амбал с озадаченным видом опустил дрын и потер пятернёй, похожей на ковш экскаватора, пострадавшее место. А Денис уже летел на него, разворачиваясь в воздухе и выстреливая ногой прямо в челюсть богатыря. У кикбоксеров и каратистов моего времени такая «вертушка» считалась пижонским и весьма рискованным приемом, но на потрясённом здоровяке она сработала на все сто процентов. Стопа с громким стуком впечаталась в голову бычары. Он закатил глаза и навзничь рухнул на песок.

А вот на берегу всё обстояло не так хорошо. Худенький паренек неожиданно бросился на вылетающего на берег Ашота и ударом головы в грудь отправил его обратно в кусты. Ещё двое сработали слаженно. Первый прыгнул под ноги оперу, а второй влетел на него сверху, молотя кулаками. И в этой куче неожиданно оказалась девушка Ашота, Даша, с воплем вцепившаяся сзади в волосы худому.

— Денис, помоги им, — выкрикнул я, афганец быстро сориентировался и рванул на пляж к девчонкам, обогнув по дуге место побоища.

Олег с криканьем отклеился от широкого ствола дуба и полетел вперед, размахивая черенком лопаты, как мечом. Многострадальная деревяшка с хрустом треснула и переломилась на спине отшатнувшегося в сторону белобрысого в тельняшке. Парень взвыл нечеловеческим голосом, схватился ладонью за спину и опустился на корточки.

На меня напрыгнул сутулый тип в серой футболке, беспорядочно машущий кулаками. Я сблокировал предплечьем размашистый боковой и ответил коротким апперкотом в подбородок. Противник упал на задницу, обескуражено хлопнув глазами. Парень, держащийся за печень, немного оклемался, попробовал дернуться, но получил от десантника по солнышку и опять со стоном опустился на песок. Последний из противников отбежал назад и поднял руки:

— Пацаны, хватит! Замяли!

Через минуту все было кончено. Три неподвижные тушки местных валялись на песке в глубоком нокауте. Ещё четверо шевелились, приходя в себя и двигая конечностями с грацией раздавленных тараканов. Трое оставшихся на ногах и уже оклемавшихся помогали «пострадавшим» прийти в себя, брызгая на них озерной водичкой.

Хмурый опер зажимал платком окровавленный нос. Вова в порванной футболке деловито умывался в озере. Кипящего гневом Ашота с подбитым глазом удерживал Денис.

— Какого хрена вы к девчонкам полезли? Что тут вообще произошло? — спросил я, помогая типу в серой футболке подняться.

— На хера нас погаными словами помоить?! — хмуро ответил парень, но на руку оперся и поднялся. — Не мы первыми начали. Думаете, если деревенские, так гадости говорить

можно?

— Не понял? — оторопел я. — Кто вас помоил? Какие гадости, ты о чём?

— Вон она начала, — кивнул он на стоящую в отдалении Марину. — Мы на озеро спустились, смотрим девчонки симпатичные, городские. Пацана с ними не увидели. Он возле деревьев на склоне стоял с одной из них болтал. Подошли вежливо. Предложили семечками угостить, самогона налить, а она «пошло нахер, быдло деревенское, сиволапое». Ну Сева ей в ответ сказал, что она сама коза драная, проשמандовка городская. Та ему пощечину влепила, орёт, что её парень сейчас прибежит и всех нас положит. Визжит как свинья недорезанная, матюкается. После пощечины, Сева её толкнул, она на задницу упала. А потом пацан этот на пляж вылетел и кулаками махать начал. За пару секунд двоих уложил. И чего нам оставалось делать?

— Это правда, — подтвердила подошедшая Наташа, и с ненавистью глянула на гордо вздернувшую нос Марину. — Так всё и было. Они нормально общались, ничего лишнего себе не позволяли. Предложили самогону и семечек, так в этом ничего такого нет. А эта сразу их оскорблять начала «быдло сиволапое, колхозники сраные». Раздула конфликт из ничего.

— Понятно, — процедил я.

«Вот же сука! Понты на ровном месте колотит и людей оскорбляет. Всех стравила и подставила. Хорошо, что никого вроде не покалечили».

Окинул презрительным взглядом Марину, заставившим девушку испуганно отшатнуться. В душе черным пламенем разгоралась злоба.

Глава 19

Очень хотелось высказать в непарламентских выражениях, всё что думаю, об этой курице с манией величия, спровоцировавшей драку. Сдерживало одно обстоятельство — Олег. Он уже стал моим компаньоном, а при посторонних воспитывать его девушку, неправильно. Да и черт его знает, как десантник это воспримет. Он парень разумный, но к Марине неровно дышит.

— Как тебя зовут? — я справился с приступом бешенства, отвёл глаза от девчонки и повернулся к парню в серой футболке.

— Иван, — буркнул он.

— А меня, Миша. Извини, Ваня, что такая непонятка вышла.

— Так надо было разобраться сначала, а потом с кулаками на нас налетать, — проворчал Иван.

— Посмотри на это дело с нашей стороны. Вова не знал, вообще в чем проблема, увидел, что она вашему Севе пощечину дала, тот её толкнул, девка на задницу упала. И наш товарищ сразу же вписался в разборку. А как по-другому, если уже, практически, драка началась? А мы прибежали, смотрим: вы впятером на Володю налетели, пытаетесь запинать его. Ещё трое девок на пляж затолкали и не выпускают из него. Что бы вы на нашем месте сделали? То же что и мы — влезли в драку. Кто же знал, что она вас сама спровоцировала? Давай так, Ашот сейчас быстро смотается к дому, принесет вам в качестве извинения две бутылки вина.

— А водки нет? А то мы эту сладкую водичку как-то не очень, — поинтересовался уже очухавшийся здоровяк, подошедший сзади. Он пощупывал пальцами челюсть и с уважением косился на Дениса, стоявшего рядом со мной.

— Чего нет, того нет, — я развел руками. — Мы водку не пьем. Взяли только вино для девушек. Больше ничего нет.

— Ладно, гоните ваше вино, и закрыли тему, — вздохнул Ваня. — Вижу, вы пацаны нормальные, а от такого никто не застрахован.

— Тогда, давайте так, Ашот сейчас девчонок в дом отведёт, и через пять минут спустится к нам с вином. Годится? — уточнил я.

— Это в какой дом? Тот, что рядом с лесом? — поинтересовался здоровяк. Остальные местные тоже уже пришли в себя. Двое ещё сидели на песке, приходя в себя, третий лежал, зажимая пальцами разбитый нос. Остальные скучковались позади, недружелюбно разглядывая нас. Впрочем, я их прекрасно понимал. Такое побоище с травмами к нежной дружбе не располагало.

— Ага, — подтвердил я. Врать не видел смысла, все равно ведь узнают.

— Да чего ты перед этими колхозниками на задних лапках ходишь, извинения просишь, наше вино отдаёшь? — не выдержала Марина. Олег дернул её за локоть, но девчонку понесло.

— Черти немытые! — продолжила она.

— Заткнись, — я злобно сверкнул глазами. — Мы с тобой отдельно поговорим. Потом.

Девчонка захотела что-то ответить, но оценила мою решительную физиономию и передумала. Десантник бросил на меня виноватый взгляд и потянул её в сторону.

— Я с нею потом разберусь, мало не покажется, — пообещал насупившимся здоровяку

и парню в серой футболке. — Трогать не буду, но всё что о ней думаю, выскажу.

— Ладно, — нехотя буркнул здоровяк. — Мы понимаем. Бабы разные. И такие, у которых мозгов нет, у нас тоже имеются. Недавно возникла похожая ситуация. Одна глазки двоим строила, специально. Нравилось, когда пацаны из-за неё ссорились, а потом на кулачках сошлись. Эта дура королевой ходила, мол, из-за неё, красавицы, такие страсти. А когда мы с ней поговорили, нос задирала «а я тут при чём, они сами драку затеяли». Только когда её ремнями по жопе сестры и мамаша отходили, что-то дошло.

Я проводил взглядом поднимающихся по тропинке к дому Ашота с девчонками, и вздохнул:

— Видишь, сам понимаешь, как оно бывает. Вот так и у нас получилось. Из-за дурной девки проблемы на ровном месте образовались.

— Слушай, выпьешь с нами мировую? — хитро сверкнули глаза у здоровяка. — У нас тут под деревьями банка самогону. Стаканы есть и закуску найдём.

— Куда же я денусь? Конечно, выпью.

— Тогда пойдем, — синяя футболка махнул рукой, приглашая к противоположному краю пляжа, где между деревьями виднелась расстеленная на земле простыня, трехлитровая банка с прозрачной жидкостью и толстый полиэтиленовый пакет.

Остальные парни остались на пляже. Местные приходили в себя, хмуро посматривали на меня и Дениса. Все пострадавшие ополаскивали лица в озере. Опер с десантником с одной стороны, деревенские — в метрах пяти от них с другой. Бывшие противники изредка обменивались неприязненными взглядами, но от продолжения конфликта воздерживались.

Тем временем из пакета были извлечены четыре граненных стакана. Здоровяк и Иван достали флягу, лежащую в пакете, быстро сполоснули посуду, вручили стаканы мне и Денису, двинувшему следом. Два других остались в руках местных. Здоровяк стащил пластиковую крышку с трехлитровой банки и набулькал нам по сто грамм.

— Стаканы из дома взяли? — улыбнулся я.

— Не, со столовки, — ухмыльнулся здоровяк. — Там их много, не убудет.

— Всё вокруг народное, всё вокруг моё? — поддел Денис.

— Ага, — кивнул парень в синей футболке. — Ну, будем?

— Не траванёмся? — засомневался я, рассматривая мутную белую жидкость.

— Обижает, — насупился Ваня. — Из пшеницы и чистой колодезной воды перегоняли. После него даже голова болеть не будет, если с количеством не перебрать.

Здоровяк достал из пакета скомканную газету «Правда», развернул и торжественно вручил нам по белому с розовыми прожилками ломтику сала и маленькому помидору, на закуску.

— Будем, — решил я, и протянул стакан. Стеклянные емкости, звякнули, соединившись. Я залпом опрокинул стакан в горло и поморщился, ощущая, как самогон обжигающей волной разливается по горлу и пищеводу.

Денис тоже крякнул и передернулся. Иван выпил свою порцию наполовину, занюхал куском сала, выдохнул и влил в рот остальное. Здоровяк выжрал алкоголь одним богатырским глотком.

Я зажевал белоснежный ломтик с розовыми мясными прожилками, укусил помидор и выдохнул. Жгущее ощущение в горле сменилось приятным теплом.

— А чего салом занюхивал? — поинтересовался Денис. — У нас один командир, когда пил, соленые огурцы использовал. На заводе мастер вяленую рыбку после первой стопки

нюхал. Но чтобы сало, первый раз вижу.

— У нас так принято, — ухмыльнулся Иван. — Ещё мой батя это делал. Иногда рукавом, иногда салом.

— Часто пил? — поинтересовался я.

— Не, — мотнул головой «синяя футболка». — По большим праздникам и иногда на выходных. Работал он как вол, пахал в колхозе, занимался хозяйством. Только года пару стопок принимал, ну и на рыбалке отдыхал душой.

— Понятно, — я взял у подошедшего Ашота пару бутылок «хванчкары», и торжественно вручил Ивану.

— Как обещал, держи.

— Нормально, — Ваня даже повеселел, разглядывая этикетки, и подмигнул здоровяку. — Ну что, Сема, попробуем сладкую водичку для городских?

— Это вообще-то мы девчонкам купили, обычно пьем кое-что покрепче, — пояснил я. — Коньяк, например. Просто сегодня решили сильно не квасить, а нормально провести время с мадами.

— Тогда не буду вас задерживать, — «синяя футболка» протянул ладонь. — Заметано. Никаких претензий.

Сема кивнул, подтверждая слова приятеля.

— А этой дуре я пару ласковых всё-таки скажу, — пообещал я, пожимая руку. — Чтобы царицей себя не чувствовала.

— Смотри сам, — отмахнулся Иван. — Тебе решать. А мы про то, уже забыли. Что с взбалмошной бабы взять?

— Вань, ты скоро там? — к нам подошёл худой парнишка. Он настороженно косился в нашу сторону, но старался держаться спокойно.

— Да всё уже, — успокоил его «серая футболка», — Сейчас иду...

Дом встретил нас открытой калиткой и возмущенными девичьими голосами. Надутая Марина гордо вздернула носик, отвернувшись от наседающих на неё Наташи, Даши и Евы.

— Что у вас тут за разборки? — поинтересовался я, оказавшись во дворе. За мною зашли парни, с любопытством рассматривая возбужденных девчонок.

— Ничего, — фыркнула Ева, — Пытаемся кое-кому донести, что иногда нужно корону снимать и конфликт не провоцировать.

— Это правильно, — улыбнулся я. — Получается?

— Нет, — честно ответила Даша. — Она считает, что всё правильно сделала. Говорит: «Ну послала деревенское быдло, и что тут такого»?

— Понятно, — ухмыльнулся я, и повернулся к Олегу. — Дружище, ты понимаешь, что твоя девчонка кругом неправа?

— Понимаю, — виновато буркнул десантник, смущенно отводя глаза.

— Значит пусть и не обижаются на правду, — попросил я. — И ты тоже не обижайся, но пару неприятных слов твоей Марине придётся выслушать.

Олег вздохнул, но промолчал.

Я сделал пару шагов к девчонке, уже переодевшейся в джинсовый костюм.

— Ну и зачем ты драку спровоцировала?

— Ничего я не провоцировала, — фыркнула подруга десантника. — Эти колхозники вонючие сами полезли с предложением познакомиться и сразу получили. Буду я ещё с такими политесы разводить. Сказала то, что думала.

— Значит, колхозники вонючие, — задумчиво протянул я. — А ты, кто, такая чистая и аристократичная? Герцогиня Кембриджская? Графиня де Монсоро? Её величество Мария-Антуанетта? Не узнаю тебя в гриме.

— Да кто бы ни была, не это быдло деревенское, — самодовольно заявила крашенная блондинка.

— А чем же ты от них отличаешься? — вкрадчиво поинтересовался я.

Марина гордо вздернула носик и многозначительно промолчала.

— А хочешь я тебе, скажу чем? — продолжил я. — Эти ребята выросли в деревне. С детства привычные к труду. С малых лет помогают родителям вести хозяйство, работают в колхозе, выращивают и собирают урожай, чтобы такие умные «городские» как ты, могли есть свежий хлеб, питаться овощами, кашами, жрать мясо и масло. Они много пахнут и имеют свою честно заработанную копейку. Может и не такую большую, как в городе. Но каждый из этих ребят — труженик. Всё, как правило, идут в армию, отдают долг Родине, пахнут, сеют, ремонтируют технику, женятся, растят детей. А ты в отличие от них, ничего тяжелее ложки не поднимала. И в жизни ни капли полезного не сделала. Ищешь себе перспективного мужа с хорошей зарплатой и положением в обществе. В принципе в этом ничего плохого нет. Плохо то, что сама из себя ты ни хрена не представляешь, — меркантильная глупая пустышка, позволяющая себе оскорбительно отзываться о людях, только потому, что они родились в деревне и зарабатывают не так много как в городе. Скажешь, я не прав?

— Ты, — Марина задохнулась от злобы. — Да пошёл ты...

— Пойду, скорее всего, не я, а кое-кто другая, просто потому, что не умеет нормально относиться к людям, — спокойно ответил я. — Ашот, станция автобусная или вокзальная, далеко отсюда?

— Автобусная рядом в километрах пяти. Вокзал немного дальше, — с готовностью отозвался товарищ. — Могу подвезти, мне не трудно.

— Отлично, подбрось эту..., — я сделал эффектную паузу, — Марину до остановки и усади на транспорт. Олег, ты можешь поехать вместе с ним и проконтролировать, чтобы твоя подруга села в поезд или автобус, но потом обязательно возвращайся обратно.

Десантник сокрушенно кивнул.

— Я никуда не поеду, — заявила крашенная блондинка. — В электричке или автобусе с бабками толкаться не буду. Раз меня сюда привезли, значит, и обратно отвезёте.

— Хорошо, — кивнул я. — Специально ради тебя гонять машину никто не будет. Значит, посидишь здесь, подождешь, пока мы не поедem в Москву. Но если начнёшь выпендриваться, хамить и провоцировать окружающих не обижайся: обратно пойдешь пешком. Поняла?

— Поняла, — процедила Марина и отвернулась.

Олег с несчастным видом стоял рядом.

— Ну чего стоишь, веди свою подругу за стол, — кивнул я. — Раз ты её сюда привел, значит, отвезем обратно. И даже накормим и напоим, как и всех остальных...

Ашот ловко нанизывал на шампуры кусочки мяса. Наташа и Оля резали овощи и раскладывали их по тарелкам, Ева, Даша и вторая Марина сервировали стол приборами, расставляли лимонад, минералку и вино. Я вместе с морпехом и опером расположился на скамейке на другом конце стола и лениво потягивал ледяной лимонад прямо из горла, нежась под теплыми лучами летнего солнца.

Подруга десантника с надутыми губами сидела на краю стола, в отдалении от всех. Олег что-то пытался ей втолковать, а потом махнул рукой и пошел к нам.

— Миш, можно с тобой поговорить? — спросил он.

— Давай, поговорим, — я встал со скамьи и кивнул назад. — Пошли на другой конец двора за домом. Там нам никто не будет мешать.

Через пару минут Олег уселся на чурбак, а я на груды поленьев, сложенных рядом с сараем.

— Слушаю тебя.

— Извини, Миш, за Марину. Она вообще-то не такая стерва, не знаю, что на неё нашло, — начал десантник.

— Подожди, — я прервал его движением ладони. — Извинения принимаются, хотя ты по большому счёту здесь ни при чём. Она взрослый человек и сама отвечает за свои поступки. Но вот в то, что она не такая стерва, не верю, от слова «совсем». Помнишь, когда мы с тобой только познакомились, ты рассказывал, что она тебя считает «бесперспективным и мало зарабатывающим»?

— Помню, — вздохнул Олег. — Было такое. Но с тех пор она изменилась.

Он замолк, осознавая абсурдность своих аргументов, и неуверенно добавил:

— Наверное.

— Прости, Олег, ты друг, но истина дороже, — перефразировал я выражение Платона, — А она такова, что твоя девушка расчетливая и самовлюбленная стерва с манией величия. И ни хрена она не изменилась, это в принципе невозможно. Такие как Марина не меняются. Обрати внимание, она на ровном месте спровоцировала драку. Ведь что ей мешало, даже если корона на голове, вежливо попросить ребят, чтобы не приставали. Нет, она сделала это максимально хамским и дегенеративным способом, спровоцировав конфликт. Сначала оскорбила пацанов, а потом начала распускать руки. Думаешь, она не понимала, что будет дальше? Ошибаешься, прекрасно она всё понимала. Просто строит из себя барыню, голубую кровь, а других за людей не считает. Подобные девки — ходячая проблема. Поверь, если она подставит тебя из-за своей мании величия под какую-то разборку и тебя сделают инвалидом, эта красавица первая сбежит и ещё скажет, «сам во всем виноват» и вообще, зачем ей такой красивой, проводить время с калекой.

Олег хотел мне резко ответить, даже рот открыл, но передумал. Некоторое время, молчал, переваривая информацию. Потом тяжело вздохнул и признался:

— Ты прав, Миша. Разумом я это понимаю. Но душой... Тянет меня к ней и ничего с собой поделать не могу.

— Хорошо, что ты это понимаешь, — я дружески хлопнул десантника по плечу. — И знаешь, есть два пути решения проблемы. Либо ты, всё это принимаешь, и расстаешься с нею, либо надо переболеть до конца и осознать сказанное мною сердцем. Поступай сам, как считаешь нужным. Две вещи только прошу. Во-первых, не тащи её больше в наши компании. Во-вторых, не позволяй капать ей в мозги ядом, говорить о нас разные гадости.

— Так и сделаю, — пообещал Олег. — Я ещё с ней пообщаюсь, надеюсь, что-то поймет. А если нет, скатертью дорога...

— Вот это правильно, — улыбнулся я. — Ладно пошли к нашим. Там уже Ашот первые шампурсы с мясом приготовил. Отсюда уже такой аромат чувствую, что чуть слюною не захлебнулся.

— Пошли, — легко согласился десантник и вскочил.

Стол уже был полностью заставлен тарелками с овощами, фруктами и разнообразными закусками. Бордовые кусочки тонко нарезанной бастурмы соседствовали с ломтями балыка, мясистые дольки ярко-красных помидоров сверкали прозрачными каплями. Ашот выкладывал на огромную пиалу шампуры, снимал лавашом сочные куски коричневого мяса с поджаристой золотистой корочкой. Девушки и парни наперебой хватали вилками и накладывали в тарелки шашлык, вместе с колечками запеченного на углях лука.

Мне сразу же, передали тарелку с горкой мяса и овощей, половиной свежего лаваша и маленьким блюдцем томатного соуса. Я подцепил вилкой самый большой кусок шашлыка, макнул в соус, азартно откусил ломоть, и зажмурился от удовольствия, ощущая, как пахнущее угольками и специями ароматное мясо хрустит и тает во рту, истекая коричневым жирным соком.

Ашот уселся рядом. С улыбкой налил вина в бокал, и сунул мне в руку:

— Скажи тост, да.

Я встал, обвел глазами, внимательно слушающих шестерых мужчин и пятерых девчонок. Марина демонстративно отвернулась, надув губы. И чёрт с ней.

Поднял бокал и провозгласил:

— За будущее, ребята! Пусть у нас всё сложится, как задумали!

Ленинград встретил нас ярким дружелюбным летним солнцем, воздухом, наполненным пьянящим ароматом раскидистых лип и речной свежестью Невы. По широкому проспекту юрко сновали «жульки» и «москвичи», плыли трамваи, с железным дребезжанием катились троллейбусы.

— Тормозни здесь, — попросил я Олега, сидящего за рулем «бежевой пятерки». Десантник кивнул, повернул руль, поворачивая к тротуару. Нажал на педаль тормоза, остановил автомобиль на обочине, ласково погладил кожаную оплетку руля и расплылся в довольной улыбке.

— Смотрю, ты до сих пор в себя прийти не можешь, — ухмыльнулся я. — Так машина понравилась?

— Автомобиль — класс, — подтвердил Олег. — Даже лучше, чем ожидал. Анатолевич с него пылинки сдувал. Движок идеальный, а салон сам видишь какой.

— Вижу, — согласился я, кинув многозначительный взгляд на кресла из белого с красными полосками кожзама и деревянные лакированные вставки на панелях и дверях. — Ты тут посиди, пока Серега будет звонить своему Леопардычу.

— Герману, — поправил опер. — Леопардыч он для своих. Мы с ним не один фунт соли вместе в Афгане съели. Если чужой его так назовёт, может за насмешку принять и в рожу дать сразу.

— А сам получить не боится? — усмехнулся я.

— Нет, — спокойно ответил Сергей. — Командир нас троих спокойно положит за пару секунд. Без напряжения. Я не преувеличиваю, скорее даже преуменьшаю его возможности.

— Ладно, иди, звони своему Брюсу Ли, а я пока, — мой взгляд зацепился за стоящие у здания напротив серые прямоугольники автоматов с надписью «Газированная вода», — лимонада выпью.

— Я с тобой, — сразу влез Денис. — Тоже водички хочу. Сладкую с сиропом не люблю, а газировки глотну с удовольствием.

— Пошли, — кивнул я.

Щелкнула, открываясь, задняя дверь. Сергей одним плавным движением перетек на улицу, и сразу направился к видневшимся у небольшого сквера телефонным будкам. Денис скользнул за ним. Я оттолкнул переднюю дверку, и выпрыгнул на асфальт. Золотистый теплый луч нежно скользнул по лицу, заставив прищуриться. Я сладко потянулся, прогоняя утреннюю истому, и двинулся к видневшимся вдали прямоугольникам автоматов. Афганец кинул пару быстрых взглядов по сторонам и пристроился чуть позади, справа.

— Бдишь? — усмехнулся я. — Это правильно.

— Мало ли что, — буркнул немного покрасневший Денис. — Пьянь какая или хулиганы, мы с Серегой за тебя и других отвечаем.

— Хорошо, что ты это понимаешь, — улыбнулся я. — Ответственность — первое правило профессионализма.

— Слушай, Миш, спросить тебя давно хотел, — оживился афганец. — Можно?

— Конечно можно. Спрашивай, — разрешил я.

— Ты так уверенно говорил на даче, что будет в ближайшие несколько лет. О бандитском беспределе, переделе рынка, о том, как будут вести себя директора заводов. Вот

откуда ты можешь знать, что будет именно так, а не как-то иначе? Я понимаю, что у тебя есть информация, как ты сам рассказывал, от комитетчика. Допустим. Но предугадать, как будут развиваться события и вести себя люди, ты со стопроцентной уверенностью не можешь. А, тем не менее, твердо знаешь, что так и будет. Ты не из будущего случаем сюда попал?

«Ни хрена себе догадки», — я на мгновение похолодел, осознав услышанное. Остановился, кинул быстрый взгляд на безмятежное улыбающееся лицо Дениса и успокоился.

«По крайней мере, сразу откровенно спрашивает. Значит без камня за пазухой», — решил я и поинтересовался. — Ты с Серегой на эту тему говорил?

— Ага, — простодушно признался Денис, но в глазах плавала лукавая хитринка. — Он об этом первый и сказал. Но у нас такой принцип, если возникают вопросы, сразу их обсуждаем. Представился удобный момент и спросил.

— Тогда ты угадал, — я сделал многозначительное лицо и с пафосом продолжил. — Приветствую, тебя далекий предок из древней эпохи. Я пришёл из двадцать пятого века, дабы принести вам неразумным дикарям свет истины и вложить в ваши недоразвитые пещерные мозги крупицы драгоценных знаний о предстоящих смутных временах.

— Перестань, — пихнул меня локтем, лыбящийся во весь рот афганец. Он с трудом удерживался, чтобы не заржать во весь голос.

— А если серьезно? Откуда ты это всем можешь знать и давать такие уверенные прогнозы?

— А если серьезно, — вздохнул я. — Развитие ситуации банально моделируется аналитиками. Есть такой термин, сначала обозначенный основоположником современной экономической теории шотландцем Адамом Смитом, а потом научно развитый Карлом Марксом — период первоначального накопления капитала. В капиталистическом мире это насильственное перераспределение средств производства, любых материальных благ и активов в пользу группы новоявленных крупных собственников. Понятно, если кто-то должен их подгрести под себя, то у кого-то эти лакомые кусочки отнимут. Это первое. Второе, должны появиться неимущие люди, без средств существования в краткосрочной перспективе, и поэтому готовые работать на новоявленных капиталистов за копейки, чтобы приносить им прибыль. Задача перераспределения собственности, мой дорогой друг, всегда решалась, через реки крови, правовой беспредел и всеобщий хаос. Жирные караси всегда лучше ловились в мутной водичке — закон жизни. Так было всегда, так есть, и так будет. Взять ту же Америку. Освоение земель, Дикий Запад, гангстерские войны бутлегеров и множество других событий. Только когда собственность была перераспределена, активы поделены, сотни миллионов заработаны, новоявленным капиталистам требовалось создать единые законодательные правила игры, закрепляющие достигнутый статус кво. И когда в СССР встанет задача раздербанить народную собственность в пользу конкретных лиц, будет то же самое. Иначе не получится. Это, повторю, давно просчитано и спланировано аналитиками, готовящими реформы. Когда я общался со своим гэбэшным соседом по палате, он мне на это глаза и открыл...

— Странное у меня ощущение, Миш, — вздохнул Денис. — Смотрю на тебя, урка уркой, а слушаю, как будто профессор лекцию читает. Какое-то несоответствие внешности и сказанного возникает.

— Бывает, — усмехнулся я. — Читать я просто с детства любил, пока по кривой

дорожке не пошел. А после того, как меня наши доктора с того света выдернули, как заново родился, и осознал, как глупо и по идиотскому просыраю жизнь. А тут ещё и сосед такой попался. Дал новый смысл существования, журналами и книгами по экономике снабдил.

— Если бы своими глазами тебя не увидел, ни за что бы ни поверил, — признался афганец.

— Ладно, мы пить лимонад идём? Или так и будем здесь стоять? — я предусмотрительно сменил тему.

— Идем.

Мой взгляд зацепился за здорового под два метра краснолицего дядьку лет 50-ти, отходящего от автоматов «Газированная вода». Очень колоритный мужик. Из-под белой кепочки торчали редкие кустики седых волос, расстегнутая пуговица на бежевой рубашке обнажала тугое как барабан пузо литров этак на пятнадцать. Мужик воровато зыркнул по сторонам, шумно отхлебнул полстакана лимонада, достал из кармана мешковатых серых штанов 250-миллилитровую бутылочку «Русской». Лениво отмахнулся от назойливой осы, нарезающей круги рядом, и плеснул в емкость прозрачную жидкость. По воздуху разлился резкий запах спирта. Дядька засунул полупустую бутылку обратно, чуть взболтал стакан, довольно обзрел получившийся «коктейль», залпом выпил и крякнул от удовольствия.

— Там спиртыга чистый был, сто процентов, — тихо добавил Денис, проследив за моим взглядом.

— Ты смотри, среди бела дня водку хлещет, — возмутилась проходящая мимо бабулька, держащая за руку белобрысого пятилетнего карапуза в розовых подтяжках, — Алкаш поганый, совсем совесть потерял. Дети же всё видят.

— Иди на хер, кошелка старая, — пробасил мужик, — Мужу будешь дома морали читать.

— Я сейчас милицию позову, — пообещала старушка, благоразумно оттаскивая подальше карапуза, с любопытством рассматривающего алкоголика, — Там тебя вежливости научат.

— Зови, зови, — отмахнулся алкоголик. Качнулся, сделал пару шагов к автомату, вернул на место стакан, резко повернулся, намереваясь по-быстрому сделать ноги, и попал локтем в грудь невысокой девушке, ожидающей своей порции газированной воды.

Девчонка вскрикнула, побледнела, отступила на шаг и схватилась ладошкой за поврежденное место.

— Осторожнее с локтями, мужчина. Так и убить можно, — пострадавшая страдальчески скривилась, но нашла в себе силы сделать замечание.

— Пошла в звезду, мелкая, — заплетающим языком парировал алкаш, — пока я добрый. А то могу наступить на тебя случайно, и мокрого места не останется.

Пузан довольно хохотнул, наслаждаясь своим остроумием.

— Давай, попробуй, боров, — девушка гневно свернула глазами и сжала кулачки, заступив дорогу алкоголику, уже протянувшему к ней свою пятерню.

Толстяк побагровел:

— Я тебя сейчас урою, блоха.

Он шагнул вперед, и протянул к девчонке, огромную пятерню с черными обгрызенными ногтями.

Девчонка отступила на шаг, беспомощно глянула на нас. Бросать её в такой ситуации было бы свинством.

— Придется вмешаться, — сквозь зубы процедил я.

— Ты только не лезь, Миша, я сам с ним разберусь, быстро, — тихо попросил афганец. — Это моя работа.

— Хорошо, только постарайся без серьезных повреждений. Нам лишние проблемы не нужны.

Денис кивнул.

Как он оказался перед девушкой, я даже не заметил. Только что стоял за моим плечом и раз, уже заступил дорогу толстому. Резко схватился ладонью за растопыренную пятерню и дернул, заламывая пальцы.

— Аааа, ты, чего? — взвыл мужик, изгибаясь и подсаживаясь вниз.

— Ничего, грабли свои не тяни больше, и вали отсюда, пока цел, — хладнокровно посоветовал афганец, усиливая давление на захваченные пальцы, — Договорились?

— Да, пусть, — пропыхтел алкоголик.

— Отпустите его, пожалуйста, — девчонка аккуратно постучала розовыми ноготками по плечу Дениса. — Мужчина всё осознал. Он больше не будет.

— Дернешься, себе же хуже сделаешь, — хладнокровно предупредил афганец, не сводя взгляда со скорчившегося пузана.

И отпустил толстяка.

— Откуда ты такой резкий? — пробормотал мужик, потирая пальцы.

— Тебе это знать не нужно, — усмехнулся афганец.

— Слушай мужик, свалил бы ты отсюда по-хорошему, — вмешался я. Затянувшаяся разборка с алкашом уже начинала напрягать.

— Сейчас, — толстяк явно задумал что-то нехорошее. В глазах мелькнула ненависть, кулаки сжались, лицо напряглось.

Денис это тоже подметил и коротко ткнул «клювом орла» в печень пузана. Тот протяжно застонал и согнулся в три погибели.

— Зачем вы это сделали? — возмутилась девчонка.

— Он драться хотел, ещё чуть-чуть и начал кулаками махать, — объяснил я, пока «афганец», подхватив под руку постанывающего мужика, помогал ему дойти до скамейки. — Превентивная мера.

— Твой друг всегда такой агрессивный? — спросила девушка, пока товарищ помогал толстому дойти до скамьи. — Можно же было всё словами решить?

— Не в этом случае, — усмехнулся я, разглядывая собеседницу. Девчонка была симпатичной. Изящная фигурка, челка, черной волной падающая на чистый лобик, покрытое золотисто-коричневым загаром личико.

— Такие, по-другому не понимают, — пояснил, видя, что девушка ждёт продолжения. — Приходится популярно объяснять.

— Ну что, водичку пьем? — поинтересовался вернувшийся Денис.

— Конечно, — кивнул я.

— А бить человека всё же было не обязательно, — фыркнула девушка, и развернулась, собираясь удалиться.

— Человека — да, — сразу согласился афганец, — Да и не бил я его совсем. Увидел, что сейчас начнет кулаками махать и пресек, очень мягко и учтиво, почти без вреда для здоровья.

Девчонка обернулась, изумленно подняла тонкие черные бровки-ниточки, что-то

рассмотрев на лице Дениса, саркастически хмыкнула, и звонко зацокала каблучками по асфальту.

— Миша, я на пару секунд отбегу, попробую познакомиться. Можно?

— Понравилась? — улыбнулся я.

— Очень, — признался Денис. — Тут же все равно Олег, он тебя видит, подстрахует, если что, а я сразу туда и обратно.

— Только в виде исключения, один раз, — я погрозил пальцем чуть покрасневшему афганцу, — А вообще, это непрофессионально, ты по делам со мною приехал. Твоя задача — меня охранять, во избежание проблем. Иди, но это в первый и последний раз.

— Такого больше не будет, — пообещал повеселевший парень и рванул следом за смуглянкой. — Девушка, подождите.

Я шагнул к соседнему автомату. На стойке, блестел прозрачными гранями стакан, сверкая отраженными от поверхности переливающимися золотистыми искорками летнего солнца. Тихо шумела, покачивая зеленым водопадом листьев, ива, шепча о чем-то своем. Дневная улица, залитая ослепительным теплым светом, будила ностальгические чувства. Возникло ощущение дежавю, выдернутого из прошлого момента счастливого безмятежного детства. Казалось, через мгновение на моё плечо мягко опустится мамина ладошка и родной ласковый голос спросит: «Чего застыл сынок? Бери стакан».

Теплый летний ветерок игриво ударил в лицо волной свежего воздуха, и я прикрыл глаза, отдавшись на пару секунд воспоминаниям.

— Гражданин, вы пить будете? Если нет, не загораживайте автомат! — скрипучий женский голос вернул меня в реальность.

Я развернулся.

Обиженно нахохлившаяся полная дама лет 50-ти, в летнем светло-сером костюме, неодобрительно поджала губы, рассматривая мои джинсы.

— Конечно, буду, — кивнул я. — Айн момент.

Женщина негодуя хмыкнула и отвернулась.

Я подхватил стакан со стойки, перевернул его и вставил в круглое отверстие мойки. Чуть надавил, и в стекло выстрелили прозрачные фонтанчики. Установил стакан на подставку, ухватил кончиками пальцев горстку мелочи в заднем кармане, выбрал «трешку», бросил в узкое отверстие монетоприёмника, и нажал на квадратную кнопку «Цитрусовый».

Когда допивал газировку с сиропом, появился довольный Денис.

— Ну что, получилось? — улыбнулся я.

— А как же? — довольно ухмыльнулся афганец. — Фирма веников не вяжет. Я слишком неотразим, чтобы мне могли отказать.

— Ага, — буркнул я. — Бельмондо, Клинт Иствуд и Ален Делон в одном флаконе.

— Бельмондо и Делона знаю, — заинтересованно глянул Денис. — А Иствуд, кто это?

— «Великолепную семерку» видел? — уточнил я, увидел кивок и продолжил. — Что-то вроде этих головоломок, только круче и смазливее всех их вместе взятых.

— Понятно, — ухмыльнулся афганец. — Да, я такой.

— Так парни, поехали. Я созвонился с Германом. Он нас ждёт, — сообщил подошедший опер. — Сейчас уйдет с работы, забежит в магазин и приглашает к себе.

— А что его так спокойно отпустят? — поинтересовался я.

— Запросто, — кивнул Сергей. — Он начальник охраны. Даже машину от завода выделили. Попросит своего зама всё проконтролировать и свалит. Благо, однушку ему завод

выделил рядом. А вообще он постоянно на работе, охрану наладил отлично, с воровством разобрался, начальство его ценит. Поэтому придирается по поводу отсутствия на рабочем месте не будет. Когда Леопардычу нужно, он всегда может отойти по своим делам. Правда, он — мужик ответственный и этим не злоупотребляет.

— Просто ангел во плоти, этот твой Леопардыч, — усмехнулся я. — А вообще, хорошо устроился. Молодец.

— Он — нормальный, — Денис залпом выдул газировку, и поставил стакан на место, в соседний автомат. — Умеет общаться с людьми, но спуску никому не дает. Когда, мы с ним тренировались, еле приползали в казарму. Правда, гонял он нас, когда уверенность была, что завтра мы в рейд не рейд не пойдём. А перед боевыми никогда сильно не нагружал, давал возможность отдохнуть. Хотя, и Леопардыч мог лажануться, война, как и приказы начальства, штука непредсказуемая. Но всегда заботился о своих бойцах. Никогда дурных приказов не отдавал, берег людей, за что и уважали.

— Понятно, — я чуть улыбнулся краями губ. — Тогда поехали. Мне уже интересно увидеть этого вашего Леопардыча.

— Германа, — напомнил, прищурившись, опер.

— Хорошо, Германа, — покладисто согласился я...

Когда автомобиль тронулся, я расслабился. Откинулся на сиденье и прикрыл глаза, вспоминая прошедшую гулянку. Да, оторвались мы тогда славно, даже несмотря на драку у озера и хамское поведение зазнобы Олега. Наелись горячих, ароматных, истекающих мясным соком шашлыков, салатиков, потанцевали с девчонками, выпили хорошего вина. Марина, правда, сидела надутая в стороне. Ей уделять внимание, после произошедшего, никто особо не рвался. Девчонки подчеркнуто игнорировали, парни предпочитали общаться с подругами и друг с другом. Только десантник пару раз пробовал что-то втолковать. А я славно потанцевал с Евой. Хитрец Ашот специально кассету с романтическими советскими песнями подобрал.

Теплая волна воспоминаний нахлынула неожиданно. Я даже прикрыл глаза и откинулся на сиденье, воссоздавая до мельчайших деталей картинку летнего субботнего вечера...

Солнце, оранжевым кругом медленно уплывало за горизонт. Рядом качались, обнявшись под музыку Ашот с Валею и Сергей с Наташей. Я глядел в бездонные синие глаза с длинными пушистыми ресницами, частично спрятанные за длинной белоснежной челкой, нежно обнимал ладонями стройную девичью талию, аккуратно сжимал пальцами хрупкую девичью ладошку, а над двориком плыл бархатный проникновенный голос неизвестного певца, исполняющий бессмертный хит Геннадия Старкова:

А ты опять сегодня не пришла.
А я так ждал, надеялся и верил.
Что зазвонят опять колокола, колокола
И ты войдешь в распахнутые двери.

Перчатки снимешь прямо у дверей.
Небрежно бросишь их на подоконник.
Я так замерзла скажешь обогрей, ты обогрей
И мне протянешь озябшие ладони.

И я возьму, и каждый ноготок
Перецелую, сердцем согревая.
О, если б ты ступила на порог, на мой порог
Но в парк ушли последние трамваи...

Звонок истошно заверещал, действуя на нервы. Я поморщился. Что-что, а делать звонки в Союзе умеют. Такие душераздирающие визги игнорировать при всем желании не получится.

— Хватит, — попросил Дениса. — Эта какофония мертвых из могил поднимет.

— Како, что? — любознательно поинтересовался афганец, продолжая держать палец на выпуклой кнопке, утопленной в квадратное гнездо.

— Не важно, — отмахнулся я. — Просто перестань воспроизводить эти тошнотворную симфонию. Тем более, что хозяин уже сюда идёт.

Денис убрал палец с кнопки звонка, прислушиваясь к легким шагам за дверью. Глазок на деревянном полотне на секунду посветлел, потом опять потемнел, злобно заскрежетал замок и дверь распахнулась.

На пороге стоял крепкий высокий блондин лет 30-ти, в спортивных штанах «адидас» и черной майке, облегавшей сухое широкоплечее тело, перевитое канатами рельефных мышц.

«Интересно, парни, вроде говорили, что ему сороковник, а выглядит на тридцатник не больше, а так истинный ариец, настоящая белокурая bestия», — мысленно восхитился я, с интересом рассматривая хозяина.

На Дольфа Лунгрена чем-то похож. Такой же волевой профиль с мощной квадратной челюстью, холодные глаза, треугольный торс с сухой, выпуклой мускулатурой, жилистые руки с мощными предплечьями.

— Привет, Герман, — улыбнулся Сергей.

— Здравствуйте, товарищ капитан, — браво козырнул, вытянувшийся в струнку и светящийся от радости, Денис.

— Привет, ребята, — улыбнулся блондин, обменялся рукопожатиями и поочередно обнялся с опером и афганцем.

— Наш боевой командир и тренер — Герман. А это наши друзья и товарищи по работе. Наш руководитель Михаил. А рядом с ним Олег — бывший десантник и спортсмен, КМС по боксу, — представил нас друг другу Сергей.

Я пожал железную ладонь блондина. Герман искоса кинул быстрый взгляд на большой пакет в лапе десантника, который тот перехватил в другую руку, но ничего не сказал, повернулся и поздоровался с ним.

Затем капитан, отступил от порога, сделав приглашающий жест ладонью:

— Проходите, ребята.

Оказавшись в холле, я с любопытством огляделся.

Справа от входа висело зеркало, слева — небольшая полочка для обуви, дальше шкаф для одежды. Напротив — пара книжных полок. Два выхода, в единственную комнату и коридор.

— Снимайте обувь и заходите в комнату, — напомнил хозяин.

Первым прошел я. И замер, рассматривая окружающую обстановку. Посмотреть действительно было на что. В углу на тумбочке раскинулась статуэтка сидящего в позе лотоса позолоченного Будды. По бокам от него, сияя блестками, возвышались две свечи. Перед божком выстроились несколько слонов, уменьшающихся по типу матрешек. Напротив, на горизонтальных растяжках повисла круглая груша. За ней на коврик-

подстилке разбросаны гантели, булавы и ещё какие-то непонятные снаряды. Под ногами скрипели и пружинили татами, занимающие половину пола.

В дальнем углу скромно притулились небольшой диванчик и два кресла с круглым журнальным столиком. Ярко выделялся на белоснежной стене кроваво-алый иероглиф, уходя под самый потолок. Напротив, на тумбочке разместился угольно-черный квадрат телевизора «Панасоник». На нижней полочке красовался видеомагнитофон той же фирмы. Но заинтересовала меня, заставив восхищенно присвистнуть, стена за телевизором.

Над ней потрудился настоящий художник, на всю ширь пространства были изображены П-образные ворота в азиатском стиле. В их пространстве, бесновался оскалившийся огненный дракон, грозно выдыхающий пламя из ноздрей. Сзади него, вдали виднелись покрытые туманной дымкой, скалистые горы со снежными вершинами.

— Ни черта себе, — потрясенно произнес я. — Ущипните кто-нибудь меня. Похоже, я сплю и вижу сон.

— Необычно? — чуть улыбнулся краешками губ Герман. Когда он подошел я не заметил.

— Да, — признался я. — По сравнению с подавляющим большинством советских квартир очень. Я так понимаю, что супруга в оформлении интерьера участия не принимала?

— Не принимала, — сухо, с каменным лицом ответил капитан. — Я разведен. Эту квартиру получил после развода.

— А вот эти рисунки на стенах, ваше творчество? — полюбопытствовал я.

— Можно на ты, — бесстрастно предложил Герман. — Нет, не моё.

— Заводской художник изобразил, — влез в разговор Денис. — Командиру классические интерьеры не нужны. Они скучные и однообразные.

— Не захотел загромождать комнату мебелью, — коротко пояснил немец.

— Германа на заводе ценят, — добавил «афганец» — Однушку вот сразу выделили, как руководителю охраны. Он со всеми в хороших отношениях от директора до уборщицы. И с художником тоже. Николаевич постоянно Ленина рисует и плакаты к торжественным датам в духе соцреализма: «Мир-труд-май», «День победы», «Октябрьская революция». Когда на завод к командиру приезжали и с художником пообщались. Он к Герману постоянно забегает, то в столовку вместе пообедать зовет, то перекинуться парой слов. Так и познакомились. Так этот мастер кисти признавался, что задолбался малевать пропагандистские плакаты и картины. Душа творчества просит. Вот ему Герман творчества и подкинул, ещё и пару беленьких поставил для стимула. Николаевич аж прыгал от радости, когда узнал, чего от него хотят. Кистей и красок у него завались, завод лет на 10 вперед обеспечил. Так отчего же не нарисовать хорошему человеку? Можно сказать, душу вложил в эти рисунки.

— Много говоришь, боец, — холодно заметил командир, искоса глянув на Дениса. — Лишнего и не по делу.

— Герман, перестань, — возмутился «афганец». — Свихнулся уже на своей конспирации. Здесь все свои. Миша и Олег мировые парни. Мы работаем вместе и отвечаем за них головой. Не были уверены на все сто, никогда бы к тебе не привели.

— Проехали, — градус холода у хозяина немного понизился.

— А чего восточная тематика на стенах? — полюбопытствовал я. — Из-за единоборств?

— Из-за них, — кивнул Герман, сделал паузу и нехотя добавил.

— В семидесятых «Гения дзюдо» посмотрел. И сразу в секцию побежал. Потом «Кулак

ярости» с Брюсом у одноклассника. Зацепило и начал заниматься каратэ.

— Понятно, — я прищурился. — Сколько лет тренировался?

— Дзюдо, три с половиной года, — лаконично ответил капитан. — Каратэ пять лет серьезно. И сейчас некоторые удары и элементы отрабатываю.

— По дзюдо командир первый юношеский получил, — вмешался Денис. — А каратэ начал заниматься у Альфата Макашова на Обводном канале. Легендарный мужик был, даже я о нем слышал, — просветил Денис. — Первая школа в каратэ была в помещении на стадионе. Оно зимой даже не отапливалось. А эти фанатики там все свободное время тренировались, и иногда на стадион выходили для пробежки. Представляешь картинку, мороз, а они в кимоно, голыми пятками снег разминают.

— Так и дуба дать можно, — саркастически усмехнулся я. — Простынешь и привет родителям.

— Мы все подготовленными были. Зимой моржевали и холодной водой обливались, — сухо пояснил капитан. — Закаляли себя. За пять лет моих тренировок в группе никто серьезно не заболел. Несмотря на то, что в зале отопления не было и по снегу бегали.

— Командир там почти всё своё время проводил, — добавил Сергей. — Часами удары отрабатывал, на совесть, с полной самоотдачей.

— И как далеко продвинулся по пути воина? — иронично поинтересовался я.

— О дзюдо уже говорили, — сухо ответил немец. — В каратэ — коричневый пояс.

— Командиру, чуть-чуть до черного не хватило, — пояснил Денис. — Но это ничего не значит. Есть среди наших каратистов авторитетный мастер — Володя Илларионов. Считается лучшим в стране. В восемьдесят первом, ещё до запрета, стал чемпионом в абсолютке. Его ученики почти все остальные золотые медали тогда забрали. А командир его в спаррингах легко побеждал.

— Не преувеличивай, — Герман скупно улыбнулся уголками губ. — Все бои были равные, почти. А иногда и он у меня выигрывал.

«А голос чуть потеплел, на пару градусов», — мысленно отметил я. — «Всё-таки тщеславие у этого внешне холодного и невозмутимого викинга есть. И напоминание о победах ему приятно».

— Парни, в коридоре пакет со жратвой стоит, — напомнил, внимательно слушавший разговор Олег. — Надо бы продукты в холодильник закинуть на всякий случай. Да и водку теплой пить — извращение.

— Не нужно было ничего тащить, у меня еды полный холодильник. А спиртное я не употребляю. — Герман пару секунд помолчал и добавил, — почти. Только в очень редких случаях, чуть-чуть.

— Сейчас именно такой случай и есть, — подхватил я. — Встреча боевых товарищей, чем не повод выпить?

Немец невозмутимо промолчал.

— Герман, действительно, ты чего? — поддержал меня опер. — Мы же месяца четыре не виделись. Можно и отметить встречу. А Миша и Олег наши люди, компанейские ребята, сам увидишь.

— Хорошо, — кивнул «Дольф Лундгрэн». — Где сядем? Можно здесь по-восточному, прямо на татами. У меня на балконе подушки имеются, именно для таких случаев. А можно на кухне, там нормальный стол и четыре табурета, я ещё один с балкона возьму и все поместимся. Вы гости, выбирайте, как будет удобно.

— Давайте, всё-таки на кухне, — предложил я. — Вы то, может и привычные на татами сидеть. А мы с Олегом нет. Так лучше для всех будет.

— Пойдет, — согласился немец.

Всей толпой двинулись на кухню. Впереди хозяин, за ним Денис и Сергей, потом я. Замыкал шествие десантник с объемным пакетом.

Оказавшись на кухне, Олег, чуть подвинув загораживавшего дорогу опера, поставил пакет на табуретку, и принялся выгружать продукты.

Первой, глухо стукнувшись дном о дерево, на стол гордо встала пузатая бутылка армянского коньяка «Юбилейный 50 лет». Рядом легли баночки красной икры и прибалтийских шпрот.

— Кучеряво живете, — усмехнулся немец, наблюдая за Олегом, бодро выкладывающем продукты.

— А то, — оживился Денис. — Помнишь эпизод в «Кавказской пленнице», когда Трус, Бывалый и Балбес пили пиво? Там золотые слова прозвучали. «Жить, как говориться хорошо, а хорошо жить ещё лучше». Вот этот принцип все мы стараемся соблюдать.

— Понятно, — с невозмутимым лицом кивнул Герман.

Через десять минут на столе, к «Юбилейному», приткнулась бутылка «Русской водки», вместе с сияющим серебристой фольгой на горлышке «Советским шампанским» и трехлитровой открытой банкой «Яблочного сока». Окружали напитки тарелка с колбасной нарезкой, где толстые куски бледно-розовой «Докторской», соседствовали с тонкими багровыми кружочками, усеянными белыми точками сала «Венгерской салями» и ломтями сочного балыка и буженины. Недалеко пристроились блюдечко, нарезанного треугольниками «Голландского сыра», салатница с «оливье», а между ними пиала с маринованными грибочками и тарелка с четвертинками огурцов. В середине стола стоял плетеный поднос с горкой порезанного хлеба: четвертинок «кирпичика», белого батона с золотистой корочкой и черного ржаного хлеба. Завершали этюд бутерброды с красной икрой и лососем, художественно оформленные ломтиками лимона и веточками петрушки, и баночка шпрот, скромно притаившаяся рядом.

На разделочном кухонном столе напротив лежал большой кусок сливочного масла, завернутый в серую вощеную бумагу, сквозь которую проступали жирные пятна и ополовиненная банка икры. С краю примостилась тарелка с горячими сосисками в целлофановой упаковке, не поместившаяся на стол.

«Докторскую», банку с грибочками, сосиски, огурцы и початую банку сока выставил хозяин, остальные продукты привезли мы.

Подвинули стол на середину кухни. Хозяин сел спиной к окну, рядом с ним устроились Денис и Сергей. Мы с Олегом расположились ближе к выходу, я напротив немца, а десантник слева, притулившись боком к оперу.

— Ну давайте начнём, что ли? — предложил афганец.

— Давайте, — согласился Леопардыч. — Берите, чего хотите.

Заработали вилки и ложки. Я нагреб в тарелку горку оливье, налил соседям и себе в пузатые бокалы коньяка, подхватил с тарелки бутерброд с красной икрой, положил пару ломтиков сыра и буженины. Но приступить к трапезе не успел.

— Скажи тост, Герман, — попросил опер. — Ты хозяин, тебе и открывать застолье.

— Налей, только символически, — подставил рюмку командир.

Сергей молча взял бутылку и плеснул несколько прозрачных капель.

Немец встал. Резко поднял рюмку. Водка на дне колыхнулась, растекаясь по бокам мутными разводами.

Мы, не сговариваясь, тоже поднялись с полными рюмками и бокалами. Жалобно заскрипели стулья, застучали отодвигаемые табуретки.

Герман стиснул челюсти, нахмурился, обвел нас строгим, посмурневшим взглядом. Парни посерьезнели, подтянулись, чувствуя момент.

— За погибших пацанов. За тех, кто не прятался, не косил, всегда прикрывал нам спину, и до конца выполнял свой воинский долг в Афганистане. За Саню Фролова, Диму Перепечая, Азиза Мамедова, Бакира Османова, Олежку Прокопенко и многих других наших ребят, оставшихся там. Пусть земля будет вам пухом пацаны, простите, что не уберегли, — каждое слово хозяина, тяжело падало в пустоту, разрывая сгустившееся серое тягостное безмолвие, и звенело скорбной, пронзительной гитарной струной-реквиемом по погибшим друзьям.

Лица парней окаменели, челюсти сжались. Выждав мгновение, немец одним махом опрокинул рюмку. Мы последовали его примеру. Только Олег под моим многозначительным взглядом, вздохнул, чуть пригубил водку и поставил рюмку на стол. Нам завтра в ночь выезжать, и десантник, как основной водитель, был предупрежден, что пить ему на товарищеской встрече афганцев не следует. Об этом я сказал ему, на следующий день после гулянки на даче. Тогда мы, втроем собрались у Ашота в квартире. Договорились, что армянин возьмет «рафик» с одесскими шмотками, и вместе с Вовой отправится в Ереван, где будет ждать нас. На следующий день, патриарх, предупрежденный внуком о поездке, порекомендовал взять с собой Гурама. На недовольное бурчание внука ушлый дед ответил, что у борцухи в Кировакане живут родители, и там можно всем некоторое время пожить. До Еревана чуть больше ста километров, за полтора часа вполне можно доехать. Дом большой с огромным двором, так что не только все гости, но и наша «пятерка» вместе с «рафиком» свободно поместятся. Но я думаю, старик схитрил. Уверен, у него и в Ереване знакомых, друзей и родственников хватает, где можно остановиться. Но патриарх хотел, чтобы рядом с внуком находился преданный ему личный телохранитель, знакомый с местными реалиями. Так, на всякий случай.

И пока Ашот с Вовой и Гурамом наматывали километры по дороге в Армению, мы на свежеприобретенной «пятерке» Олега отправились в Ленинград, отвезти помощь афганцам. Ребята хотели повидаться с командиром, познакомить нас и вручить деньги для парней, пострадавших на афганской войне.

— Герман, а чего только пять лет каратэ занимался? Не понравилось? — поинтересовался я, накалывая вилкой кружочек салями.

— Почему? Понравилось, — усмехнулся «Лунгрэн» — Я и сейчас с ребятами занимаюсь, некоторые удары и приемы оттуда отрабатываю. Но чистый «шотокан» не моё. Сначала под впечатлением был потому, что ничего подобного у нас не имелось. Удары ногами, много кумитэ было, пахал как проклятый. Но потом у меня много вопросов возникло.

— Понимаю, — усмехнулся я. — Дзюдо, например, хорошая борьба. Но в отличие от самбо и джиу-джитсу, очень ограниченная в плане возможностей, арсенала и практического применения. Так и каратэ, когда начинаешь заниматься, понимаешь: то, что казалось откровением свыше и совершенной системой самозащиты в глухой японской деревне семнадцатого-восемнадцатого века, в наше время совсем не идеально. Хотя, прежде всего,

это инструмент, и зависит от специфики использования и того, кто его применяет.

В той, прошлой жизни, я познакомился с каратэ в начале 90-ых. Поддался общей моде на восточные единоборства и сам начал заниматься у одного из «черных поясов» классическим стилем «шотокан». По сравнению с кикбоксингом, кекушином и кудо, появившимся в моем городе позднее, оно меня несколько не впечатлило. Низкие открытые стойки, опущенные руки, а если и поднятые, то находящиеся далеко от головы. И удары в бесконтактных поединках, только обозначали, превратив их в своеобразные игры в пятнашки. Тогда я сделал для себя вывод: классическое каратэ типа «шотокана», лучше, чем ничего, но практическая польза от такого единоборства по сравнению с полноконтактными видами, сомнительна. Но, повторяюсь, многое зависит от конкретного бойца. Уникумов с убойным ударом и отличной реакцией, способных эффективно пользоваться даже этой устаревшей системой, никто не отменял.

— Правильно всё излагаешь. Как человек знающий предмет, — с интересом глянул Герман. — Занимался восточными единоборствами?

— Боксом, — усмехнулся я. — Сейчас тренируемся вместе с Олегом в одном зале, когда работа позволяет. В юности самбо пару лет посвятил, ну и каратэ немного пробовал.

— Миха отлично боксирует, — подтвердил десантник. — На моем уровне, точно. А я КМС.

— Так что там, насчёт возникших вопросов, — уточнил я. Развития темы о своих бойцовских навыках не хотелось. Корчить из себя неуча желания не было, а поражать знаниями Германа преждевременно.

— Всё на самом деле просто, — улыбнулся немец. — Контраст того, что я смотрел на видео, и что мы пытались изобразить, был огромен. Понятно, что кино, всё приукрашивает, но корявость и механистичность была в глаза. Интуитивно чувствовал, это немного не то, в плане боевой эффективности. Ну и проверить свои мысли решил в спаррингах. Поработал с действующим спортсменом — мастером спорта по боксу и военным-самбистом. В первом случае напропускал в голову и по корпусу. Когда боец такого уровня пробивает трехударные комбинации в движении, среагировать на второй-третий удар банально не успеваешь. Во втором случае меня атаковали ногами и руками, вошли в клинч, бросили и взяли на болевой. Тогда понял, что каратэ далеко не панацея, как боевое искусство. И начал практиковать что-то вроде синтеза — с элементами каратэ, бокса и борьбы.

— Реванш получилось взять? — улыбнулся я.

«Ты смотри, как разговорился, то лишнего слова из него не выдавишь, а сейчас какую речь закатил», — отметил мысленно. — «Точно фанат единоборств. И пацанов своих энтузиазмом заразил».

— С военным больше не пересекался, — ответил Герман. — Он в отпуск к матери приезжал, а потом опять к себе в место дислокации на Дальний Восток уехал. А у боксера потом выиграл. Постоянно смещался, предплечьями голову прикрыл и ногами бил, приблизиться не давал. Бедро и голени отбил, он стоять не смог, на этом бой и закончился.

— А потом, прикинь, Мих, наш командир познакомился с настоящим монстром — Ву. Приехал учиться к нам из Вьетнама, — подхватил Денис. — Его папаша, Нго был инструктором подразделения Дак Конг — настоящей легенды вьетнамской войны — диверсантов, разведчиков и ликвидаторов. Говорят, что американцы чуть ли не срались от ужаса, при их упоминании. Отец Ву, кроме инструктажа по диверсионным операциям, был мастером вьет во дао, черным поясом по таэквондо и джиу-джитсу. И своего ребенка

дрессировал индивидуально по своей системе с рождения. Знакомые студенты указали на вьетнамца, мол, чудеса творит и парочку наших за деньги тренирует. Командир, естественно, захотел с ним поработать.

— И как? — я с интересом рассматривал Германа.

— Вы победил, — невозмутимо ответил немец. — Но не с сухим счетом. Я его тоже пару раз прилично достать сумел.

— Говорили, что вьетнамец даже был шокирован немного, — добавил Денис. — Представь, непобедимый, тренируется почти с рождения, великий мастер. Никто, не то, что точно попасть, коснуться в спарринге не мог. А тут какой-то советский два раза хорошо приложился, хоть и проиграл.

— Мы начали тренироваться вместе, — продолжил немец. — Два года занимались. Потом он уехал. А я сейчас группу на заводе веду, под видом самбо. Охранников тренирую и наших парней. Даже пропуска им специально оформил. Хотя таких по уровню, как Денис и Сергей, пока нет.

— Получается, твои бойцы могут спокойно через проходную на тренировки проходить? — недоверчиво хмыкнул я. — А директор не против? Руководители такого ранга — консервативная публика. Боятся лишней раз инициативу проявить или чего-то непонятное разрешить, чтобы им потом не прилетело.

— Нет, — кратко ответил Герман. — С Александром Васильевичем я договорился. Все парни на проходной собираются, а потом я их забираю к себе в зал. Сопровождаю туда и обратно.

— Я же говорю, директор на него молится, — ухмыльнулся Денис. — Ещё Николаевич, художник вместе с завхозом, когда мы туда приехали, такие серенады командиру пел. Герман с несунами и пьяницами на заводе разобрался. Человек тридцать, пытавшихся разные железки, инструменты и детали через проходную пронести, приняли с поличным. Трех уволили, один даже под суд пошел. С остальными дело раздувать не стали, ограничились выговором с предупреждением. А с пьяницами всё просто. Пришел на завод подшофе, уходишь обратно, а бригадир пишет прогул. Бухнул на территории завода, сидишь пару часов в кабинете у охранников, пишешь объяснительную, получаешь выговор. Бухарикам тринадцатую зарплату режут и премии. Работяги сначала бурчали, даже было, подкараулить Германа в темном углу пытались, так командир быстро им мозги вправил. Одному руку вывихнул, второго нокаутировал, а парочка других сразу остыла. Работяги поворчали, поругались и успокоились. Подлости он никому никогда не делал, а о том, что спуску несунам и алкашам давать не будет, предупредил заранее. Свои обязанности выполняет безукоризненно, подхалимажем не занимается. Руководство на него только не молится. Воровать с завода почти перестали. Новички, хоть их предупреждают, пробуют изредка что-то вынести, но получают по полной, и успокаиваются. Дисциплина на заводе повысилась, пьянки на территории прекратились полностью, и уже работники без дел по территории не шатаются. Соответственно, выпуск продукции увеличился. План начали перевыполнять. И в заводскую секцию самбо работяги из молодых потянулись.

— Откуда ты такие подробности знаешь? — любопытствовал я. — Завхоз и художник рассказали?

— Они самые. Когда в прошлый раз на завод приехали, все уши прожужжали, какой у нас командир замечательный. А в заводской столовке тетки двойные порции выдали и булочками с компотом угостили, как друзей начальника охраны, — в голосе опера

вступившего в разговор слышались нотки гордости за командира.

— Давай сменим тему, — Герман внешне оставался бесстрастным, но щеки чуть покраснели, выдавая немца. — Не думаю, что нашим гостям интересно слушать хвалебные отзывы обо мне.

— У вас не командир, а ангел просто, все любят, все довольны, — ухмыльнулся я. — И скромный к тому же.

— Я просто хорошо выполняю свою работу и отношусь к людям с уважением, — сухо пояснил капитан. — Предлагаю на этом закончить обсуждение моей личности, и перейти к другим темам.

— Да запросто, — кивнул я, накалывая вилкой кусочек сыра. — Парни, хотите прикольную историю?

— Конечно, хотим, — кивнул опер и аппетитно захрустел зеленым огурчиком. — Излагай.

— У меня товарищ один во флоте служил. Был на его судне замполит. Любил немного выпить и почитать лекции морякам, а потом задать каверзные вопросы. Например, как кораблю уходить от ракет «воздух-земля», и прочую ерунду. И задает он однажды вопрос механику: «Товарищ Руденко, за сто метров от судна, прямо по носу ядерный взрыв. Ваши действия?»

— Сразу же подаю сигнал тревоги.

— А потом?

— Стою, обугливаюсь.

Замполит замолк. Качнулся, снял фуражку, озадаченно поскреб пятерней затылок. Глянул на ухмыляющегося механика, давящихся от сдерживаемого хохота матросов и молча, пошатываясь, ушел. А потом напился ещё больше и больше моряков не доставал.

Ухмыльнулся опер, заржал Денис, коротко хохотнул Олег. Даже Герман отреагировал. Каменное «Лунгрена» лицо дрогнуло, краешки губ поползли вверх.

— Хорошая история, — одобрительно кивнул десантник, закинув в рот кружок салями и прожевав его. — А у меня другая была. Батя с дедом, царствие ему небесное, футбол любили. Как только какой-то матч интересный, Динамо «Киев», московский «Спартак» или сборная играли, всегда у телевизора усаживались и с чувством болели за наших. А дед у меня был героический. Всю войну прошел, от лейтенанта до майора, полная грудь медалей и орденов. Фрицев уничтожил кучу. Правда, особо про это вспоминать не любил. После ранения, прихрамывал всю оставшуюся жизнь и ходил, опираясь на палочку. Так вот, играет сборная ФРГ против наших. Комментирует, естественно, Николай Николаевич Озеров. Вечер, деда и сон клонит, начал клевать носом и задремал. А напряжение нарастает. И Озеров начинает голос повышать. Вдруг в одном из моментов, он как пронзительно закричит «Немцы пошли в атаку». Дед дернулся, схватил палку и наставил вперед как ружье. А потом открывает глаза, и «тьфу, мля, как в сорок первом побывал».

Стулья затряслись от хохота, только немец скупой улыбнулся.

— Полученные на войне рефлексy не забываются, — назидательно сказал он, когда все успокоились. — Это на всю жизнь.

— Кстати, насчёт войны, — я решил использовать удобный момент. — Слышал, что ты и другие парни, прошедшие Афганистан, помогаете своим боевым товарищам, получившим ранения и ставшими инвалидами.

— Ребята рассказали? — немец кивнул на товарищей.

— Да.

— Помогаем, конечно, — сухо подтвердил командир. — А как иначе? Государство что-то делает для них, но все проблемы решить не может. Нужны деньги. А проблем много. Кому-то уход ежедневный требуется, кому-то — хороший протез, кто-то в лекарствах нуждается. А ещё надо о санаториях для реабилитации подумать, с машинами, хотя бы инвалидками, помочь. Кто-то в комнате отдельной нуждается, кто-то в сиделке. Проблем много на самом деле. Что можем, делаем, деньгами скидываемся, пытаемся заработать, чтобы ребятам помочь.

— И как зарабатывать, получается? — полюбопытствовал я.

Герман окинул оценивающим взглядом, но просвещать меня не торопился.

— Командир, говори, как есть, — вмешался Сергей. — Сам знаешь, мы бы к тебе кого попало приводить в гости не стали. Миша — наш человек, проверенный. Можешь ему, как нам доверять.

— Получается, — коротко ответил немец. — Но мало. Всем помочь не хватает.

— Как деньги достаете, если не секрет?

Герман молчал, пристально разглядывая меня.

— Не секрет, — наконец ответил он. — По-разному. С зарплат скидываемся. Людям помогаем, они нам платят.

— Командир с деловыми работает. Парочку цеховиков наши ребята охраняют. Валютчиков тоже. Ну и ещё кое-кого из дельцов. Грузы с «леваком» сопровождают.

— За большинство подобных дел, уголовную статью могут пришить, даже таким охранникам как вы за компанию, — я с интересом посмотрел на Германа. — Не боишься?

— Нет, — лаконично ответил он. — По-другому деньги нормальные не достать. А с зарплат выделять много не получается, у ребят семьи, свои бытовые заботы и дела. Приходится рисковать.

— Понятно, — я встал, вытащил из кармана заранее приготовленные деньги. — Вот возьми. Это для твоих ребят. Здесь два косяря.

Тонкая пачка зеленых полтинников легла на стол. Герман искоса глянул на неё.

— За что? — немец не шелохнулся, только взгляд стал колючим и настороженным.

— Ни за что. Можешь считать нашей помощью, безвозмездной, — подчеркнул я. — Денис и Серый тоже прошли афганскую войну, и мы решили помочь тем, кому не так повезло. Поэтому и приехали к тебе, чтобы деньги передать.

— Такие бабки «ни за что» не дают, — тяжелый взгляд немца прожигал лицо. — Я давно разучился верить в добрых Дедов Морозов, раздающих подарки. Не пацан уже. Не гони пургу, говори прямо, что от меня понадобится.

— Герман, ты не прав, — начал Сергей, но командир злобно рявкнул:

— Отставить. Я хочу Михаила услышать.

На кухне воцарилась гнетущая тишина, напряжение грозовой тучей злобно нависло над нами, готовое взорваться оглушительным громом ссоры. Мне даже показалось, что длинные тени наших силуэтов в светлом квадратике окна как-то хищно удлинились. Олег подобрался, рука, держащая вилку с кусочком колбасы замерла, Денис переводил растерянный взгляд с меня на командира и обратно, хмурый опер стиснул зубы и демонстративно изучал взглядом стенку с прыгающими на ней солнечными зайчиками.

— Хочешь — верь, хочешь — нет, твоё дело. Но эти деньги передаются без каких-либо условий. И напрягать тебя за них в будущем никто не будет, — выдержав небольшую паузу,

спокойно ответил я. — Сказал же, помощь безвозмездная. Мы и дальше будем поддерживать ребят, как сможем. Если будет нужно, может и обратимся, всякое бывает. Но в таких случаях будем договариваться за отдельную плату. Твои друзья — часть нашей команды. Даже если ты нам в чем-то откажешь, все равно будем вас поддерживать. Просто потому, что кто-то это должен сделать и это правильно.

Минуту Герман пристально изучал моё лицо. Затем ледяные голубые глаза немца немного потеплели. Лицо расслабилось, потеряло чеканную суровость. Командир чуть улыбнулся, уголками губ, и напряжение спало.

— Нормальный подход, — кивнул он и решительно протянул руку. — Спасибо. Чувствую, ты правду говоришь. Извини, но мне и моим товарищам таких подарков никто никогда не делал. А подставить и кинуть много раз пытались. Поэтому, и подозрительный. И, конечно же, можешь всегда ко мне обращаться, по любым вопросам. Чем могу — помогу.

— Пока ничего не нужно, — отмахнулся я, пожимая крепкую ладонь. — Единственное, хотелось бы с ребятами посмотреть на результат. Как эта помощь будет распределяться, и поддержать парней лично.

— Не доверяешь? — прищурился «Лунгрэн».

— Наоборот, доверяю полностью, — я смотрел открыто. — Иначе бы ни копейки не дал. Для меня слова ребят — лучшая рекомендация, они очень хорошо о тебе отзывались. Просто знаешь, мы хотим увидеть результат. Это наше правило. Люди, вкладывающие деньги, должны видеть, куда они идут и как распределяются. Во-первых, для нас это хороший стимул для дальнейшей поддержки, а во-вторых, ощущение, что делаем нужное и важное дело, будет поддерживаться примерами и фактами и только крепнуть. А в-третьих, никто тебе предъявить не сможет, что бабло идёт куда-то не туда. Это тоже важно. Речь даже не о нас. Как я понял, в Ленинграде, у вас своя тусовка и команда. И ребят, которые вместе с тобой занимаются поддержкой инвалидов, хватает.

— Так и есть — подтвердил командир.

— Вот, — подхватил я. — И по любому возникнет вопрос, откуда деньги, кто дал и сколько. И не связано ли это с гоп-стопом или другим серьезным криминалом. А у тебя всё подтверждено до копеечки. Мы, разумеется, светиться не хотим до последнего. Но если вопросы серьезные к тебе возникнут, кто-то из нас разъяснит за бабло. Даже легенду под это придумаем. Например, что заработали бригадой на Севере и скинулись для пацанов. Хотя это на самый крайний случай, лучше до такого не доводить.

— Понимаю, и поддерживаю, — сдержано кивнул Герман. — Даже отчет полный составлю, экскурсии проведу и с ребятами познакомлю, никаких проблем.

Вот и отлично, — я энергично зажевал ломтик «Голландского» сыра и довольно зажмурился. — Значит договорились.

— Договорились, — немец остался невозмутимым, но в глазах промелькнула искорка удовлетворения.

— Герман, как там подопечные? — поинтересовался Денис.

— Не очень хорошо, — помрачнел командир. — Ивана родственники с санатория забрали, но состояние не улучшилось. Так же по ночам кричит. Вроде вменяемый, но вялый и заторможенный, в себя часто уходит, никого рядом не слышит. Хороший психолог нужен, чтобы ему помочь. Но где их взять? А Коле сильно протез натирает. Носить, мучение, он после часа ходьбы кривиться начинает, и хромать при каждом шаге. Мы людей подключили, узнали, что в Москве есть одно предприятие, протезами занимается. Работает ещё с

тридцатых годов. «Повесть о настоящем человеке» читал? Так вот, именно спецы этого предприятия Маресьеву протезы когда-то делали. Пообещали нам его проблемой заняться, но чего-то тянут.

— У Ивана товарищ был Саня Фролов. Земляк. Они друг друга ещё до армии знали, а в Афгане крепко скорешились, всё время вместе были. Во время разведывательного рейда в Панджшерском ущелье наша группа нарвалась на засаду. Пришлось отступать под огнём. Обнаружили, что Сани нет. Думали, убили парня. А через пару дней духи подкинули к нашему КПШ мешок. А там Саня по частям. Руки, ноги отрубили, глаза выкололи, всего изрезали. А Ваня, как раз в карауле стоял. И всё это увидел. До этого, у него свои неприятности были, любимая девушка письмо прислала, что встретила другого, а потом ещё и друга, порубленного на куски, увидел. Психика не выдержала. Кричать начал, на людей кидаться. Его еле-еле скрутили пятеро здоровенных парней. Потом комиссовали и долго лечили. Пришлось даже в психушке полежать. Вроде немного привели в норму. Но не до конца, этот мешок с другом ему часто снится. А Коля на mine подорвался, ступню потерял. И с тех пор с протезами мучается, — пояснил мне и Олегу опер.

— Понятно, — я вздохнул. — Жаль пацанов. Чем сможем, поможем.

— О помощи мы ещё потом подробнее поговорим, — пообещал Сергей. — У меня кое-какие мысли появились на эту тему.

— Хорошо.

Денис уже всю общался с командиром, вспоминая афганские будни, Серега слушал их, изредка включаясь в разговор и перекидываясь фразами с десантником, усиленно налегавшим на грибочки, бутерброды и мясо. Я и сам отдал должное яствам, расставленным на столе. С удовольствием пожевал кусочек розового балыка, хрустнул свежей корочкой батона, закинул в рот горсть «оливье» и запил яблочным соком, предусмотрительно подлитым в бокал опером.

Через полчаса, решительно встал, протянул руку немцу.

— Было приятно познакомиться, Герман. Спасибо за гостеприимство и уделенное время. Оставляю тебя с боевыми товарищами. А мы с Олежкой покатаемся по Ленинграду. Завтра вечером уезжаем, и хочется поближе познакомиться с городом. Да и номер в гостинице нужно заблаговременно снять. Какую порекомендуешь?

— Не нужно никаких гостиниц, — категорично заявил командир, задержав мою ладонь в своей. — Оставайтесь у меня. Гостиниц хороших у нас много, «Европейская», «Советская», «Ленинград», но там своя атмосфера и публика. И комитетчиков хватает. Зачем вам там светиться? Здесь места всем хватит. Диван и кресла раскладываются. Ко мне периодически гости и сослуживцы из других городов приезжают, а иногда целыми толпами. Для этих случаев держу ещё две раскладушки на балконе, одеяла и бельё. Поместимся все, даже в относительном комфорте.

Я минуту подумал.

— Хорошо, спасибо, я согласен. Останемся здесь, если тебя не затруднит.

— Не затруднит, — чуть улыбнулся немец.

— Тогда мы с Олежкой вас покидаем, до вечера. Олег пошли.

Десантник согласно кивнул, наколол вилкой квадратный ломтик сыра, забросил его в рот, запил яблочным соком и встал.

— Идём.

Вернулись мы поздно вечером, когда застолье боевых товарищей уже подходило к концу. Меня уложили на диванчике. Денис и Сергей спали прямо на разложенных креслах, укутавшись простынями. Олегу выделили раскладушку. Командир улегся на второй, разместив её на кухне. С относительным комфортом поместились все. Как говорится: «в тесноте, да не в обиде». Утром Герман тихо уехал на работу, передав ключи Сереге, и с наказом без стеснения отдыхать до вечера и пользоваться содержимым холодильника.

Позавтракав остатками вчерашнего пиршества с горячим чаем, всей компанией неторопливо прогулялись по Ленинграду, посидели в одном из зеленых сквериков у Невы, лениво наблюдая за текущими в разные стороны ручейками прохожих. После перекуса бутербродами с кофе в одном из небольших кафе рядом, нас покинул Денис, ещё вчера условившийся о свидании со смуглянкой, спасённой от пузатого дебошира. А поздним вечером, поблагодарив хозяина за кров и угощение, выехали. В пути нам предстояло одолеть без малого около трех тысяч километров...

Серое полотно дороги летело навстречу, белая разметка исчезала под днищем, извиваясь гигантской змеей. «Пятерка» бодро пожирала километры, обгоняя неторопливые грузовики, юркие «москвичи» и «жигули». Четвертый день поездки принес разнообразие. Буквально час назад порядком надоевшие равнины и хороводы деревьев на обочине сменились залитыми золотыми лучами солнца живописными горными пейзажами.

— Как тебе, Герман, Миш? — спросил опер.

Я оторвался от проплывающих в окне «пятерки» величественных склонов, повернулся к товарищу, ожидающему ответа.

— Чего это вдруг именно сейчас такой вопрос всплыл? — с сарказмом поинтересовался я. — И четырех дней не прошло.

— Да так, просто, — чуть смутился Сергей. — Я хотел раньше спросить, но подходящего момента не было. Выезжали в ночь, вы спали, мы с Олегом за рулем. Потом Денис о свиданке рассказывал, анекдоты травил. Сейчас вспомнил командира, кое-что из наших афганских будней и вопрос сам собой в голове всплыл. Вот и воспользовался моментом.

— Понятно, — кивнул я. — Как ты понимаешь, с ним близко не знаком. По первому впечатлению, нормальный мужик.

— Отличный мужик, — вступил в разговор, сидящий на переднем сиденье, Денис. — Он настоящий, никогда не предаст и не подставит. Для своих сделает всё, за ребят порвет любого. Поверь, Миха, мы с Германом не один пуд соли съели, и сотни километров в афганских горах намотали под обстрелами. В таких ситуациях, вся гниль сразу наружу вылезает. Видно, что каждый из себя представляет.

— Верю, — улыбнулся я, — но предпочитаю убедиться в этом самостоятельно.

— Кстати, Миш, помнишь, я тебе о Сане Фролове рассказывал, которого духи нам в мешке подбросили? — уточнил Сергей.

— Конечно, помню. Ты ещё говорил, что от этого ваш товарищ с ума сошел.

— Так вот, — опер сделал эффектную паузу, притягивая к себе внимание, и продолжил. — Командир за него отомстил. Тряханул наших армейских барыг, подкинул местным деньжат и узнал, что команду порезать Саню на куски отдал один из бывших

младших командиров «Панджшерского льва», Абдуррашид по прозвищу «Черный Мулла». Собрал о нем информацию, и не знаю каким чудом, но пробил у командования разрешение о ликвидации бандформирования. Впрочем, «Черный Мулла» со своими головорезами уже в печенках у наших сидел. Да и с Масудом у него отношения ухудшились из-за неадекватности. Герман его банду часов десять в горах выслеживал, пока лагерь не нашел. Потом его забросали гранатами и отполировали плотным огнём из ДШК и калашей. Абдуррашид, правда, выжил. Командование дало команду брать его, по возможности, живым. Допросить и что-то узнать хотели. Командир сам допрос провел так, что «Черный Мулла» полные штаны наложил. А потом пристрелил его «при попытке к бегству». Очередь из калаша прямо в башку засадил. Это, для информации, чтобы ты лучше представлял, что Герман за человек.

— Верю, а скажи-ка мне, Сережа, какие у твоего командира общие дела с цеховиками и валютчиками?

— Он просил особо не распространяться на эту тему, — глянул исподлобья опер.

— Сережа, я понимаю, что он твой друг и тренер. Но мне надо иметь представление, чем конкретно занимается Герман. Хотя бы в общих чертах без персоналий и точных цифр. Видишь ли, я думаю, мы будем подогревать его баблом постоянно. А значит, встречаться регулярно. Нужно знать, какие проблемы могут возникнуть. Можем же и мы случайно под замес попасть или под пресс твоих бывших коллег. Второй момент: возможно, возникнет ситуация, когда мы обратимся к нему за помощью. Хочу представлять его возможности, чтобы понимать, стоит ли его подключать в пиковой ситуации.

— Я понял, — вздохнул опер. — Но все равно как-то это неправильно всю подноготную командира посторонним выкладывать.

— Сереж, — мой взгляд потяжелел. — Я и ребята — не посторонние. Мы работаем вместе и уже в переделках побывали. Я доверил тебе, Денису и Вове самое важное — безопасность. А это значит, от вас зависит очень многое — жизни и здоровье, моя и партнеров. Ты сам должен понимать, секретов в таких делах от меня, как от человека, на которого ты работаешь, быть не может. Хотя все стратегические решения в этой команде, с кем работать, какие сделки проводить, где искать рынки сбыта, принимаю вместе с другими компаньонами: Ашотом, Олегом и Саней, но право решающего голоса за мной. Цена ошибки очень велика. Она может привести, например, к тому, что попадём под самый «гуманный в мире, советский суд» и в лучшем случае отправимся валить лес лет на пятнадцать. Наша компания ещё в самом начале пути, частный бизнес не легализован, а вся мощная карательная машина Союза направлена, в том числе, на борьбу с такими как мы, подпольными коммерсантами. Но это не самое страшное. За ошибки мы можем легко заплатить своими жизнями. За сотую часть средств, имеющихся в нашем распоряжении, могут грохнуть. Урки из блатных, отмороженные бандиты из зарождающихся сейчас «новых» и ещё масса криминального народу, включая погоны, вариантов масса. Потому, что что-то упустили, не приняли всерьез, не обладали полной информацией. Мелочей в наших делах нет, а кто владеет информацией, тот контролирует обстановку. Так что перестань ломаться как целка на первом свидании и давай колись.

— Так точно, — вздохнул опер. — Извини, знаю, что для дела спрашиваешь, но все равно неловко как-то.

— Неловко, Серый, голой жопой на ежа садиться, — заметил Олег, продолжая наблюдать за дорогой. — Миша абсолютно прав. О людях, с которыми работаем, надо знать

всё. Иначе неожиданно могут вылезти проблемы. Ты же не показания против командира в ментовке даешь, а своих товарищей информируешь.

— У Германа своя команда, из афганцев, — начал опер. — Они охраняют нескольких крупных деляг. Работают с валютчиками и парой цеховиков, сидящих на производстве трикотажа и обуви. Сколько зарабатывают, точно не знаю, но по некоторым обмолвкам командира речь идёт о тысячах.

— Какие у них функции? — уточнил я. — Понимаю, что силовые, но хотелось бы большей конкретики.

— Охранные. Сопровождают при крупных сделках, перевозе больших сумм денег. Несколько раз были разборки с блатными, серьезными бандитами и различной шантрапой.

— С ворами конфликтовали?

— Нет, — скривился Сергей. — Мелочь и всяких отдельных отморожков наши без проблем отгоняют. С крупными авторитетами деляги стараются не ссориться, подогревают их периодически. Понимают, что «синие» могут завалить. А Герман всё-таки с известными ворами серьезно бодаться не может. Сил не хватит.

Но прецеденты бывают. Герман рассказывал, год назад появился в городе некий Монея с парой расписных. По ушам ездил, мол, с Монголом работал, и всех «раком поставит». Наехал на бригадир валютчиков. Германа и его пацанов «синие» уважают, и он через свои связи пробил персонажа. Люди с Монголом перетерли, он уже к тому времени, несколько лет, как вышел из Владимирского централа. Выяснили, никого серьезного за Монею нет — «один на льдине». Да знал Монгола, но тот за него вписываться не будет и вообще считает полным отморожком. И воры за него мазу держать не будут, поскольку неуправляем и пару раз серьезно зашкварился. Герман тогда встретился с Монею, посоветовал от валютчиков отстать. А этот черт за наганом полез.

Сергей замолчал.

— И что дальше? — я с интересом ждал продолжения.

— А нету больше Мони, — ухмыльнулся опер. — Командир ему сразу шею свернул. Голыми руками. А парни пристяжь сразу же завалили. Как вражеских часовых, ножами по горлу и под ребро. Даже пикнуть не успели.

— А следы как прятали?

— В крематории ночью сожгли. Там у Германа товарищ работает. Тоже из наших.

— Понятно, — задумчиво протянул я. — Значит, мокрухи командир не боится.

— Не боится, — подтвердил Сергей. — Он расписных и прочих гопников плесенью считает, отравляющей жизнь окружающим. И я с ним в этом вопросе полностью солидарен. Простых людей никогда не тронет. Наоборот, поможет, чем может. Большая часть денег, которые он с ребятами зарабатывает, инвалидам идёт, себе оставляют ровно столько, чтобы хватило на текущие потребности.

— Прямо благородный разбойник из Шервудского леса, — усмехнулся я, и нараспев иронично продекламировал:

Голодным Герман помогал
В неурожайный год,
Он заступался за вдову
И защищал сирот.

И тех, кто сеял и пахал,
Не трогал Герман Гуд —
Кто знает долю бедняка,
Не грабит бедный люд.

Денис заулыбался, с трудом удерживаясь, чтобы не заржать.

— Тебе все смехуечки, Миха, — насупился опер. — Хочешь, верь, хочешь, нет, это правда. Герман — такой человек. Для ребят всё, а себе минимум.

— Слушай, а если он такой правильный, почему с нарушителями социалистической законности сотрудничает? — прищурился я.

— Потому, что у него свой взгляд на это, — пояснил Сергей. — Он считает, что больше зарабатывать — естественное желание человека. Когда ему надо решить задачу обеспечения деньгами пацанов, он её и решает в рамках заданных возможностей. И работает с теми, кто что-то производит, продает, но никого не грабит, не убивает и простых людей не трогает.

— Допустим, — согласился я. — Тогда такой вопрос. Какая у него команда по численности?

— Я могу только примерно сказать, — задумался опер. — Костяк, где-то десяток человек. Каждый был в Афгане. Эти пойдут за него в огонь и в воду без малейшего сомнения и уже в разных делах испытаны. Еще человек двадцать-сорок можно быстро собрать для поддержки. Там не только афганцы, а ещё и его ученики из секции, и другие бойцы, которые с ним общаются и тренируются вместе.

— Откуда это знаешь?

— Герман рассказал. Во время последнего визита нас с Денисом сюда перетягивал, предлагал с ним работать.

— Перед поездкой с ним обо мне говорили?

— Конечно, — подтвердил опер. — Но только в общих чертах, по телефону, без конкретики. Сказали, что работаем вместе, ты проверенный товарищ. Иначе он бы с тобой и Олегом не встретился. Даже на порог к себе не пустил.

— Хорошо, какое у него техническое оснащение? Оружие и всякие боевые приспособы имею в виду.

— Слышал, есть калаш, парочка гранат, эфка и ргдшка, тэтэшник, ножи боевые, винтарь с оптикой, марку не уточнял. Всё вроде, — пожал плечами опер. — Держат в тайнике, на случай если с такими беспредельщиками как Моня схлестнуться придется. С собою, обычно, ничего не носят.

— Ооо, да это уже целое преступное сообщество получается, — ухмыльнулся я. — Как итальянская мафия в Чикаго. И не побоялся он тебе такое рассказывать, как бывшему менту. Редкого бесстрашия человек, или наивности.

— Мы с Германом, жизнь не раз друг другу в Афгане спасали, — нахмурился Сергей. — Я его никогда не сдам. И ты слишком всё упрощаешь. Это только молодые, которые только пришли в ментовку, могут быть идеалистами. Со временем, грань между той или этой стороной закона ощутимо стирается. У каждого опера есть два пути. Первый: стать сволочью и буквоедом, «рубить палки», иногда вешая все «глухари» на кого попало, чтобы выполнить план. Второй: работать не строго по УК, видеть за каждым делом человека и действовать по совести. Ведь и нормальных людей можно посадить лет на десять,

заслуженно, но несправедливо.

— Это как? — я чуть улыбнулся краями губ, ожидая продолжения.

— А так. Например, шел поздним вечером через парк парень с девушкой после танцев. К нему пристала пьяная стая. Паренька загасить решили, а девку употребить прямо на месте. Короче пацана потоптали немного и девчонкой занялись. А он чуть очухался, взял в каждую руку по каменюке и начал гасить уродов. Одного насмерть, двоих инвалидами сделал, остальные разбежались. По закону ему лет пятнадцать светит. А по справедливости? Вот и получается, что УК не всегда и не ко всем применять надо. А иногда чересчур не усердствовать в поиске виноватого, когда какого-то конкретного подонка грохнули, который давно напрашивался.

— Согласен, — кивнул я. — Закон и справедливость иногда диаметрально противоположные вещи.

— Вот и с Германом такая же история. Я знаю, что он обычного человека не тронет. А на чертей, которых он с ребятами положил, мне наплевать. Наоборот, воздух чище станет.

— Такой подход достоин уважения, — признал я. — Поддерживаю.

— Парни, мы уже подъезжаем. Дорожный знак «Кировокан» проехали, — предупредил Олег.

В окне машины, на фоне зеленых склонов замелькали малоэтажные домики с островерхими крышами, чередующиеся с современными зданиями. Кирпич строений был необычный, розоватого цвета.

— Вулканический камень, туф, — пояснил Олег, заметив мой заинтересованный взгляд. — Здесь много домов таких.

— Откуда знаешь? — поинтересовался я.

— Гурам о Кировокане ещё в Одессе рассказывал. Часами серенады пел своей Родине.

Через минуту трасса сменилась оживленными улочками. Пробежала по тротуару весело щебечущая стайка школьниц. Торопился по своим делам колоритный мужик с длинными черными усами, большой кепкой и сером кургузом пиджачке с потертыми локтями. Две девчонки, в легких летних платьях смуглая чернобровая армянка и русская с длинной русой косой что-то оживленно обсуждали, двигаясь навстречу. Далеко впереди виднелась сгорбленная спина старика, тяжело опиравшегося на палку. Наша «пятерка» притормозила возле него.

— Скажи, отец как к проспекту Ленина проехать? Нам ДК «Химиков» нужен, — поинтересовался Олег, высунувшись из машины.

Дед, обернулся, усмехнулся, неторопливо разглядывая нас, и степенно огладил пятерней седую окладистую бороду.

— Ещё пару кварталов двигайся, никуда не сворачивая. Выедешь на проспект Ленина, рули дальше, там увидишь большое здание на склоне. Это и будет ДК Химиков. Напротив, сталинский дом с колоннами, не ошибёшься.

— Спасибо, парон, — вступил в разговор я, полностью опустив стекло. — Можем вас подвести, если вам по пути.

— Не надо, — отказался аксакал. — Езжайте по своим делам. А я уж сам как-нибудь доковыляю.

— Как скажете, — пожал плечами я.

Олег тронулся с места.

— А чего мы забыли в этом ДК «Химиков»? — поинтересовался Денис. — Там, что

Ашот может жить?

— Нет, конечно, — ухмыльнулся я. — В оазисах культуры гостиниц не устраивают. Ашот и Вова сейчас у нашего товарища проживают на побережье. Там нужный дом отыскать трудно, частный сектор, и местные с недоверием относятся к пришлым. Долго мучиться будем. А ДК найти легко, каждый знает и подскажет, если что. Старший брат Гурама там секцию по классической борьбе ведёт. С утра до вечера детвору и юношей тренирует. Олежка сейчас сбегает, найдёт Вазгена, и он нам дорогу к дому родителей покажет, где наши парни квартируют. Мы с Ашотом так и договаривались перед поездкой, ты просто не в курсе.

— Понятно.

Через пять минут Олег притормозил перед зданием ДК, выключил зажигание и открыл дверь.

— Не задерживайся там, нашёл человека, переговорил и обратно, — попросил я.

Десантник кивнул, выскочил на улицу, захлопнул дверь и пружинистым шагом двинулся к центральному входу.

Медленно текли минуты, я лениво рассматривал прохожих, окрестности города с колоритными розовыми домами, Денис делился с Сергеем подробностями своего свидания. На следующий день после застолья у командира, он упорхнул на встречу со смуглянкой Катей, и гулял с нею до самого вечера, явившись за полтора часа до поездки. Девчонка, оказавшаяся студенткой ЛМИ, зацепила афганца. Забавно было видеть прошедшего войну, уже познавшего темную изнанку жизни, и в меру циничного парня влюбленным как мартовский кот. Он с восторгом поделился с нами своими впечатлениями. Екатерина в его представлении была, «и умницей», «и красавицей», «и начитанной, серьезной девушкой», «и компанейским, веселым человеком». В воображении возникал образ земного воплощения непорочного ангела со сверкающими белоснежными крыльями, не имеющего никаких пороков и недостатков.

Мы слегка посмеивались над этим про себя, но вслух критиковать влюбленного рыцаря никто не стал. Я тем более. Первое впечатление при короткой встрече со смуглянкой у меня сложилось хорошее — нормальная, приятная девушка.

— О, Олежка возвращается, — голос Дениса прервал мои раздумья.

Через минуту десантник уже сидел в машине.

— Ну что, нашел Вазгена? — поинтересовался я.

— Куда, я денусь? — откликнулся водитель. — Нашёл, конечно. Его секция в зале, недалеко от центрального входа. Вазген просил полчаса его подождать, он тренировку заканчивает, переодевается, прыгает в свою «шестерку», она на заднем дворе стоит, и сразу к нам. Можем пока в буфете перекусить, мне сказали, где он находится, можем здесь подождать.

— А что, там продается, узнавал? — загорелись глаза у Дениса.

— Пирожки, булочки разные, пирожные, чаю можно выпить, ситра, — разочаровал его десантник.

— Можем, конечно, пройтись в буфет чаю попить с булочками. Но сильно наесться не советую, — предупредил я. — Предлагаю немного потерпеть. Через час будем у родителей Гурама, а там нам такой стол накроют, пальчики оближешь, или я ничего в кавказском гостеприимстве не понимаю.

— Как скажешь, Миша, — поднял руки афганец. — Ты, босс.

— Тогда вариант, такой. Один человек остается в машине, Олежка, ты же объяснил Вазгену, как нас найти?

— Конечно, — ухмыльнулся десантник. — И машину описал во всех подробностях и нас.

— А остальные, по желанию, могут пройти в буфет и попить чаю...

Посидеть в машине вызвался Сергей. Через полчаса, когда мы, выпив по стакану с чаем и булочкой, вернулись обратно, рядом уже стояла темно-синяя «шестерка», а рядом с нею прохаживался здоровый мужик с широченными плечами. Тонкая хлопковая рубашка с короткими рукавами не могла скрыть впечатляющую мускулатуру. Под расстегнутым воротом прорисовывались рельефные пластины груди, достойной античного героя, ткань чуть не трескалась под чудовищной треугольной спиной. Покатые, налитые силой плечи, плавно переходили во внушительные шары перекачивающихся бицепсов, а предплечья походили на немного уменьшенные телеграфные столбы. Ноги смотрелись тоже впечатляюще. Даже обычные серые брюки распирало на бедрах от распухших узлов мышц.

«Просто мистер Олимпия, какой-то, выросший на свежем горном воздухе и козьем молоке», — мысленно оценил я здоровяка. — «Интересно, он стероиды горстями жрёт или такой от природы? Его младший братишка тоже крепкий, но с этим мутантом не сравнить. У него, похоже, даже руки разогнуться до конца не могут, бицепсы не дают».

Когда здоровяк увидел нас, лицо как будто высеченное из камня дрогнуло и расплылось в радушной улыбке, такой, что я внутренне вздрогнул и на секунду сбился с шага.

— Мыша, и его друзья, правильно? — пробасил культурист, делая шаг вперед и протягивая руку, похожую на ковш экскаватора. — Зыдрастуйтэ.

— Они самые, — подал голос опер. Он благоразумно остался в машине.

— День добрый, — я аккуратно поздоровался со здоровяком и на всякий случай уточнил:

— Вы, Вазген?

— Я, — подтвердил бычара. — Гурам, мой мыладший брат, да. Зачем так ко мне обращаишься? Давай на ты.

— Давай, — согласился я. — Очень приятно познакомиться. Ну что, Вазген, показывай дорогу.

— Харашо, — кивнул качок, поручкался с друзьями и пошел к темно-синей «шестерке», бросив через плечо. — За мной, езжай, да.

— Чего, ты к нему на «вы», вдруг обращаться начал? — любопытствовал десантник, поворачивая ключ сцепления.

— Сам не знаю, — откровенно признался я. — Автоматически. Уж больно у товарища вид внушающий.

— Это, да, — улыбнулся Олег. — Наверно, много в детстве каши кушал.

«Шестерка» затряслась и медленно тронулась с места. Мы двинулись за ней.

* * *

Встреча получилась бурной и в лучших традициях Кавказа. Ашот, Гурам и Вова встретили нас у ворот дома. Видимо, услышали шум подъезжающих машин и вышли. Лицо делового партнера вспыхнуло такой искренней радостью, что мне даже стало немного

неудобно. Как будто мы не виделись лет этак пятнадцать. Даже Гурам довольно оскалился и полез обниматься со мной и Олегом. С Сергеем и Денисом он держался дружелюбно, не обошелся рукопожатиями и кратким знакомством, выразившись в паре слов. Вова с легкой улыбкой переждал всплеск бурных эмоций и потом спокойно поздоровался с нами.

После кавказских объятий и пылких приветствий, по моему кивку, Олег торжественно вручил бате Гурама — седому, но ещё крепкому и кряжистому Давиду Вардановичу бутылку вина, хозяйке — отрез на платье, младшей сестренке — плюшевого Пифа. Все подарки мы предусмотрительно приобрели перед поездкой. Ашот давно знал семью Гурама и сложностей с этим не возникло. Старшего брата тоже не обделили. Он получил новенький секундомер и большое махровое полотенце. Гурам сиял, как новый начищенный самовар, и с гордостью поглядывал на родителей и брата, мол, видите, какие вежливые и уважительные у меня товарищи.

А потом началось типичное кавказское застолье, прямо за большим столом во дворе дома. Чего там только не было. И пахучий, щедро сдобренный ароматными специями шашлык из свежей баранины, и горячий, приготовленный на местной печке, тонире, лаваш: тонкий, в который заворачивали мясо, и мягкий с хрустящей, тающей во рту корочкой. Густой наваристый хаш бросал в пот, вызывал сытость и приятную тяжесть в животе, а толма дарила гастрономический экстаз пикантным сочетанием виноградных листьев с начинкой из мяса, риса и лука.

И это, не говоря о куче разных салатов, зелени, овощей. Под конец банкета, когда подали сладкое и фрукты, мы уже еле двигались и к огорчению хлебосольной хозяйки, не могли по достоинству оценить её кондитерские изыски.

Воспользовавшись перерывом, пока хозяева меняли блюда на столе, я отвел Ашота в сторону и попросил доложить обстановку.

— Доехали нормально, — доложил товарищ. — С Вартаном Оганесовичем я созвонился, да. Он пару дней будет отдыхать на озере Севан в санатории. Попросил взять образцы шмоток и подъехать в кафе «Парус» на побережье, часов в шесть-семь вечера. Он сегодня и завтра там будет.

— Только вот, — после паузы замялся Ашот, отводя глаза.

— Что, вот? — насторожился я.

— Непокойно на душе, да, — признался парень. — Есть ощущение, что может произойти что-то нехорошее.

Внутри похолодело.

— Ты уверен? — я облизнул моментально пересохшие губы.

— Нет, конечно, — грустно усмехнулся парень. — На уровне ощущений всё. Как говорил, дядя Давид «ушлая задница хорошую порку заранее чувствует».

— Думаешь, этот Вартан Оганесович нас подставит или мусоров наведёт?

— Это исключено, да, — твердо ответил Ашот. — Дед Вартана с рождения знает. Он на глазах у него рос. Никогда не подставит. Да и менты в республике у него все в кулаке. Тут что-то другое, да.

— А у тебя похожее предчувствие, когда-нибудь, оправдывалось? Может, мы зря дергаемся, а это просто мандраж перед сделкой?

— В том то и дело, что оправдывалось, — вздохнул товарищ. — Помнишь, где мы с тобой познакомились? Так вот, в ресторан перед махачем с ментами я тоже ехать не хотел. Было нехорошее предчувствие.

— Так может ну его нафиг эту встречу? — встревожился я. — Зачем нам лишний геморрой? Черт, с ними с деньгами. Отвезем шмотки обратно, и в Москве продадим. Пусть в деньгах потеряем, но в дерьмо не влезем.

— Уже нельзя. Дед с Вартаном договорился, и я ему позвонил. Если не приедем, значит, наше слово ничего не стоит. И деда подставим, выставим как несерьезного человека. Ехать в любом случае придётся, да.

Я минуту раздумывал, а потом решительно сказал:

— Ладно. Раз надо, поедем. Тогда сделаем так...

Вечером, осоловевшие от еды и выпитого вина парни уже плохо соображали. Поэтому я решил дожидаться утра. Хозяева поселили нас в двух соседних комнатах громадного дома, больше напоминающего лабиринт из спален, залов, детских комнат и других помещений. Оказалось, что в отдельной пристройке, соединенной с основным зданием стеной и дверью, проживает семья здорового Вазгена. Благо, супруги с двумя сыновьями сейчас в городе не было. Воспользовавшись летними каникулами, она повезла пацанов на экскурсию в Москву и Ленинград, где у семьи хватало родственников, способных приютить на время женщину с двумя непоседливыми школьниками десяти и двенадцати лет. Одна из этих комнат, как раз была детской, с двумя кроватями. Там расположились Денис и Сергей. В соседней — комнате папы, увешанной кучей медалей и кубков с борцовских чемпионатов, разместили меня и Олега. Ашота, Гурама и Вову ещё пару дней назад с почетом поселили на территории родителей. Младшего сына и Владимира устроили в бывшей комнате братьев. Ашоту достался огромный раскладной диван в просторном центральном зале.

Я дал парням выспаться: нам — отдохнуть с дороги, Ашоту, Гураму и Вове — прийти в себя после пира. И только когда зевающие ребята, свежие и выспавшиеся, после обязательных гигиенических процедур, потянулись на кухню, выпили по чашке чая с печеньем и пирожными, устроил совещание, выгнав их во двор, и усадив в тенёчке на скамеечке у небольшого столика с навесом, примыкающего к хозяйственной постройке с инструментами и стройматериалами.

Рассказал о нехорошем предчувствии Ашота и задал естественный вопрос: у кого какие предложения. Вопреки моему ожиданию, ребята отнеслись к чутью парня серьезно. Сергей, как и я ранее, предложил не рисковать, а тихо уехать из Кировакана обратно в Москву. Срывать встречу с замминистра мы не захотели, поэтому отказались. Тогда Денис вынес предложение ехать, но полным составом, держать под рукой оружие, спрятанное в машинах и быть наготове. Ашот с приятелями привезли с собою ПМ и револьвер, у Гурама имелся «стечкин», который он при въезде в республику откровенно засунул за пояс, прикрывая рубашкой и легким хлопковым пиджаком. В нашей машине предусмотрительный Олег спрятал «вальтер» из числа трофеев, полученных от деда Левона.

Против решительно возразил Гурам, допущенный к обсуждению на правах испытанного товарища, знающего окружающую обстановку и личного телохранителя Ашота.

— Так не пойдёт, — заявил он. — У нас здесь свои порядки. Вы не местные. Если устроите стрельбу, и вас повяжут с оружием в руках, даже прокурор республики не отмажет. Наши люди бучу поднимут, слишком большой шум будет. У меня ствол есть, я ещё брата возьму, ему вольту из ваших передадите. Он уважаемый человек, чемпион республики, призер международных соревнований, его все знают и любят. Мы, если что, отмажемся, Левон Суренович поможет.

— А Вазген согласится, и вообще в такие дела его можно посвящать? — осторожно поинтересовался я.

— Согласится, конечно и посвящать можно, ты что моему брату нэ доверяешь? — возмущенный Гурам не только повысил голос, но и заговорил с ярко выраженным кавказским акцентом. — Он сам погибнэт, а любого из вас собой прикроет. Гость священэн, если с внуком Левона Сурэновича и его друзьями, не дай бог, что-то случится, родители и

родственники нам не простят.

«Очень интересно», — отметил я, наблюдая за разволнованным парнем. — «Откуда у обычного торговца овощами и фруктами дедушки Левона такой авторитет? В Киеве его беспрекословно слушают, любые приказы выполняют, в Кировакане над внуком трясутся, чтобы не дай бог чего не произошло. Я понимаю, на Кавказе старейшин уважают, но не до такой же степени. Что-то здесь не то. Ну ничего, найду время и займусь этим вопросом. Разберусь, кто же ты такой на самом деле добрый таинственный дедуля. Предупрежден, значит, вооружен».

— Ты чего на гостей кричишь? — на пороге дома появился набычившийся папа. — Будешь так себя вести, по жопе палкой дам, как в детстве.

— Кнерек хари^[14], — покаянно склонил голову Гурам.

— По-русски говори, чтобы гости тебя понимали, — буркнул хмурый Давид Варданович. — Ладно, пойду я курей и коз кормить. А ты не позорь больше мои седины.

— Не буду, — пообещал младший сын.

Аксакал удалился за угол, направившись к большому сараю за домом, где располагалась домашняя живность, а мы продолжили разговор.

Внимательно выслушав, Олега, предложившего перенести встречу в Ереван или любое другое место, Дениса, выдвинувшего мысль никуда не торопиться и проследить за нашим будущим партнером, я высказал свой план, озвученный недавно Ашоту и с поправкой на предложение Гурама.

Суть его была в том, что мы приезжаем к кафе «Парус» гораздо раньше, всей компанией. Проводим тщательную разведку прилегающей местности, Гурам с братцем изучает обстановку со своей стороны. Даже в кафе кто-то заглянет, закажет какую-то мелочь, посмотрит, как там дела.

Ждем появления Вартана Оганесовича. Его в лицо знают Ашот и братья, поэтому уверен, не пропустим. Перед встречей все подходы к заведению, контролируем. Машины ставим так, чтобы видеть входящих-выходящих, приезжающих-отъезжающих. Сильно глаза людям не мозолим, всё должно выглядеть естественно, поскольку по заверениям Ашота у кафе и на побережье рядом с озером всегда полно автомобилей и отдыхающих. Парочка человек сидит в кафе, на всякий случай. Если менты, действуем по обстановке. Так как оружие будет только у братьев, они тихо уходят в темпе вальса, остальные могут перегордить правоохранителям дорогу и дать возможность для бегства. Главное, чтобы я и Ашот не угодили к ним в лапы. Я — расписной, да ещё и не местный, со своими уголовными татуировками, могу попасть под пресс. А Ашот, «внук ах, какого человека, самого товарища Саахова», дедушки Левона, он будет сильно недоволен.

Можно, например, перегордить ментовскому «уазику» дорогу, создать столпотворение у входа в кафе, словом действовать по обстановке, задержать «погоны», хоть на несколько секунд и дать нам возможность для бегства.

В случае кипежа среди местных и появления бандитов, в темпе уходим, действуя по ситуации. Желательно без серьезных травм для окружающих, но, если другого выхода не будет, можно пару рук и челюстей сломать. Братья используют стволы только в самом крайнем случае.

После бурного обсуждения, с небольшими поправками, мой план приняли. Приехать решили за час-полтора до встречи. В «пятерке» разместимся я, Олег, Ашот, Денис и Сергей. В «шестерке» брата будут сидеть Гурам, Вазген и Вова. В нашей машине клиента будет

высматривать Ашот, в другой — братья. Вартан Оганесович, как выяснилось, известная личность в республике. Особенно среди «деловых». Целый замминистра Минторга. По слухам, и свидетельствам очевидцев, большой приятель местного «царя» — первого секретаря компартии Армянской ССР, Карена Демирчана. А сам «царь», при «восшествии» на республиканский «трон», объявивший войну коррупционерам, казнокрадам и цеховикам во второй половине семидесятых, в настоящий момент, если не возглавил, то потворствовал этим процессам. Вероятно, уже что-то знал о грядущих реформах и готовил себе «теплое местечко» с денежной «подушкой». Но, тем, не менее, пока оставался первым лицом в республике.

Милиция и местное КГБ и близко подходить к «другу первого секретаря» боялись, а некоторые начальники этих ведомств кормились с щедрых рук Вартана Оганесовича и вместе с ним ездили на охоту и рыбалку. Сделка с нами — для него копеечная с небольшим приятным денежным бонусом. Впрочем, в позднем СССР и такие деньги для высоких чиновников, ещё не вкусивших всех прелестей «дикого капитализма» и «приватизации» были не лишними. Только лет через пять-семь, в эпоху лихих 90-ых, они «сложат себе цену» и будут грести доллары десятками и сотнями тысяч, не отвлекаясь на «мелочи».

После утверждения плана действий, я отозвал Ашота и подробно расспросил его о личности и характере замминистра. В прошлой жизни всегда так готовился к переговорам по крупным сделкам. Служба безопасности перед встречами с потенциальными крупными партнерами, контрагентами и серьезными инвесторами составляла подробное досье на каждого. Сильные, слабые стороны, увлечения, к чему будущий компаньон или высокий чиновник испытывает негатив, а что, наоборот, вызывает у него положительные эмоции. Анализировался возможный компромат, давались письменные рекомендации по ведению диалога, с учетом личностных особенностей, просчитывались возможные варианты переговоров, излагались советы, как действовать в каждой конкретной ситуации. Такой подход помогал мне, понимать, как правильно работать с конкретным человеком, и способствовал заключению контрактов и других важных сделок, необходимых «Альянсу-А». Миллионов 15 «зеленых» я тогда точно заработал, благодаря планомерной и грамотной подготовке к переговорам.

Сейчас у меня службы безопасности с такими возможностями не было. Но составить мнение о человеке и понять, как с ним разговаривать, было необходимо. Чиновник, оказалось, периодически приезжал в гости к Левону Суреновичу, общался с внуком, и пару раз привозил коллекционный коньяк, огромные коробки конфет и другие подарки семье патриарха. Мой армянский партнер составил о нём впечатление, как о компанейском мужике, способном поддержать разговор и повеселиться в неформальной обстановке. И хорошо, что со мной будет Ашот, которого могущественный чиновник знал с самого детства и относился к нему, как к близкому родственнику. Товарищ дал мне пару ценных советов, как держаться с Вартаном, предупредил, что он страдает от лишнего веса, и очень болезненно относится к насмешкам и подколкам на этот счёт. Даже если ему что-то покажется, может вспылить, и тогда о сделке и дальнейшей работе в Армении можно забыть. Поэтому общаться с замминистра рекомендуется серьезно и уважительно, по деловому. Шутить тоже можно и даже нужно, чтобы создать непринужденную обстановку в компании. Но настоятельно рекомендуется избегать юмора, который замминистра может неправильно истолковать, как намеки на свои недостатки. Над другими людьми и нейтральными шутками он, наоборот, с удовольствием посмеётся...

— Миша, Вартан Оганесович приехал, — тронул меня за плечо Ашот, отвлекая от раздумий. — С ним ещё баба какая-то.

Товарищ сидел рядом, спрятавшись за широкими спинами Дениса и Сергея, занявших передние сиденья, что не мешало ему бдительно сканировать зорким взглядом каждого гостя кафе «Парус». «Пятерку» мы поставили метрах в шести от входа, так, чтобы любой заходящий в заведение проходил «фейс-контроль» Ашота. С другой стороны у входа, на самом краю парковочной площадки расположилась «шестерка» Вазгена.

— О, а с ним баба какая-то, — заметил Сергей. — Сочная мадам.

Парочка, вышедшая из черной «волги», смотрелась колоритно. Толстый мужчина, отдуваясь и переваливаясь при каждом шаге, кряхтя, вылез из водительского сиденья. Захлопнул дверцу, обошел машину спереди. Галантно подал пассажирке руку. На толстом безымянном пальце-сардельке, проросшим жестким черным волосом, сверкнул в солнечном свете массивный золотой перстень-печатка. Его спутнице было лет двадцать семь — тридцать. Уже не девочка, но женщина в самом расцвете сил, молодости и красоты. Выглядела она очень эффектно, но карьера манекенщицы ей не светила из-за особенностей типажа. Дама не была толстой, скорее немного «в теле», но это совсем не её портило. Наоборот, придавало чувственности, пикантности и какой-то животной сексуальности. Ярко накрашенные пухлые алые губы, маленький аккуратный носик, большие карие глаза, тяжелые, налитые тугой плотью груди-шары, провокационно натянувшие ткань летнего бирюзового платья. Распущенные волосы накрывали плечи антрацитовый волной, переливаясь и блестя на медленно уплывающем за горизонт солнце. На груди у незнакомки, болтаясь на тонкой железной цепочке, висели солнцезащитные очки. Дама чуть подобрала подол платья, обнажив чуть полноватые в бедрах, но вполне стройные ножки, покрытые ровным золотистым загаром, и благосклонно оперлась на протянутую ладонь пальчиками в перстнях и кольцах. Чулков она, похоже, в такую жару, принципиально не носила. Серебристые туфли-лодочки, аккуратно опустились на пыльную землю и зацокали каблучками по асфальту. Мадам подхватила под ручку мужчину и чинно поплыла с ним ко входу кафе.

Её спутник тоже выглядел колоритно. Как карикатура на страдающего обжорством человека с надписью «таким быть нельзя». Теперь я в полной мере понял, почему замминистра так болезненно относится к шуткам о своем телосложении. Мужчина напоминал поплавок, мерно покачивающийся на волнах. Грушеобразное тело с широкими бедрами и узкими плечами, колыхалось волнами жира при каждом движении. Огромное брюхо выпирало вперед, опережая своего владельца на добрых полметра. Из-под растянутого ворота белой рубашки, колосились кокетливыми завитушками седые заросли. Лицо чем-то напоминало Фрунзика Мкртчяна — крупный орлиный нос, обвисшие щеки и грустные собачьи глаза, смотревшие с вековой болью умудренного жизнью аксакала, давно познавшего неизменную сущность человечества. Над мохнатыми ушами, огибая их полукругом сиротливо топорщились редкие кустики седых волос. Особенно комично это выглядело на фоне блестящей загорелой лысины, весело пускающей солнечные зайчики.

— Жиробас и какую кралю отхватил, — восхищенно прошептал Олег.

А меня внезапно обуяло веселье. В уме сами зародились задорные строчки. Я нагнулсь вперед и, провожая взглядом парочку, заходящую в кафе, нараспев с чувством продекламировал:

Жира излишки довлеют над нами^[15],
Их килограммы нас злобно гнетут.
Жирные складки висят над штанами,
Нервы нам треплют и спать не дают.

Но мы поднимаем гордо и смело
Знамя борьбы за красивое тело,
Знамя великой борьбы всех народов
Против проклятых жиров-углеводов.

Денис и опер хором заржали. Хохотнул Олег. Даже Ашот сдавленно хихикнул, поддавшись общему порыву, а потом погрозил мне пальцем, напоминая о недопустимости подобного юмора.

— Так ребята, не расслабляемся. Действуем по плану, — напомнил я. — Мы с Ашотом заходим с образцами шмоток, разговариваем с этим мужиком. Вы идёте следом, и усаживаетесь за столик в общем зале. Гурам, Вазген и Вова страхуют нас, сидят в машине и следят за обстановкой. Подключаются только в случае серьезного шухера. Действуем по ситуации, но напоминаю при возникновении конфликта с местными или бандитами, крайностей, в виде тяжелых увечий и летального исхода по возможности избегать. И оружие тоже не светить, только в самом крайнем случае. Впрочем, я об этом братьям уже сказал. Помните, мы здесь чужие, сожрут и глазом не моргнут. Всё понятно?

— Конечно, — кивнул Сергей. — Не переживай Миша, глупостей не наделаем. Лично за этим прослежу.

Тогда пошли, — я кивнул Ашоту и выбрался из машины. Товарищ вылез следом, придерживая рукой спортивную сумку с заранее приготовленными образцами товаров.

Кафе «Парус» внутри приятно удивило. Белые скатерти без единого пятнышка, деревянные стулья с резными ножками и высокими спинками, свежие цветы в вазах на столах, тяжелые бархатные шторы, официанты в выглаженных рубашках и черных галстуках-бабочках, шустро снующие между столами.

Посетители, даже не особо обратили на нас внимание. Компания молодых людей продолжила пировать. Парочка мужчин среднего возраста, кинули быстрые взгляды и моментально потеряли к нам интерес. Парень с девушкой продолжили ворковать, взявшись за руки.

Воспользовавшись моментом, я вежливо прихватил за локоть официанта, летевшего обратно с пустым подносом.

— Молодой человек, мы с Вартаном Оганесовичем договорились о встрече. Он сказал нам, что будет на веранде у заднего дворика. Прямо рядом с озером.

Официант подозрительно прищурился и недовольно поджал губы, изучая наколки на моих пальцах, но услышав к кому мы пришли, моментально преобразился. Суровое лицо расплылось в угодливой, сладкой улыбке.

— Конечно, конечно, нас предупредили, — работник общепита сиял, как электрическая лампочка. — Идёмте за мною, товарищи. Вартан Оганесович уже на месте.

Под любопытными взглядами посетителей, мы прошли через зал, лавируя между столами и стульями, вышли в неприметную боковую дверь и оказались во дворе кафе.

Официант завел нас за угол, пробежал по ступенькам, ведущим наверх, заскочил на небольшую площадку и открыл калитку деревянного резного заборчика, ограждавшего веранду по периметру. Вежливо посторонился, приглашая нас зайти.

Веранда находилась на вершине зеленого холма. Над ней раскинулась необъятная синева неба, с неторопливо плывущими белыми облаками. Внизу в лучах заходящего солнца блестела голубая гладь озера Севан. Я на секунду притормозил, засмотревшись на окружающую живописную панораму.

— О, какой парень стал, совсем взрослый, настоящий мужчина, — зычный голос с еле уловимым кавказским акцентом, заставил меня отвлечься от великолепных видов.

Толстяк уже обнимал смущенного Ашота.

— А ведь недавно совсем крохой был, под ногами у меня и Левона бегал, — дружелюбно басил он. — Смотри, Каринэ, как быстро дети растут.

— Да, — раздвинула покрашенные губы в вежливой улыбке женщина. — Быстро время летит. Вчера мальчик в коротеньких штанишках, сегодня уже мужчина.

«А сама-то, старше Ашота на пару-тройку лет, максимум», — улыбнулся я.

— Здравствуйте, дядя Вартан, — выпалил покрасневший товарищ, освободившись от объятий.

— Здравствуй, здравствуй, дорогой, — добродушно ухмыльнулся толстяк. — И товарища своего представь. А то, как-то нехорошо получается. Мы общаемся, а он в стороне стоит.

— Это Михаил, мой большой друг и компаньон, — выпалил парень, представляя меня.

Обменялись рукопожатием с Вартаном Оганесовичем. Он задержал мою руку, разглядывая наколки.

— Сидел? — замминистра продолжал улыбаться, но в глазах на секунду мелькнула настороженность, а в голосе послышался еле заметный холодок.

— Было дело, — признался я. — Но это всё уже в прошлом. Теперь мы с Ашотом другими делами занимаемся.

— Да? — с сомнением глянул на меня толстяк. — Ну ладно. Присаживайтесь, молодые люди.

— Вы даму не представили, — аккуратно напомнил я.

— Это Каринэ. Моя, эээ, помощница.

«Ага, помощница», — мысленно усмехнулся я. — «Помогает сбросить давление, когда сперма бьет в уши. Интересно, ей не противно заниматься сексом с жирным хряком»?

Одернул себя, напомнив, что вообще-то это не моё дело, кто с кем и в каких позах. Мне и Евы более чем достаточно.

— Очень приятно. Михаил, — заявил, галантно пожимая протянутую маленькую ладошку с кроваво-красными длинными ноготками.

— Мне тоже, — вежливо ответила дама. — Знакомство с такими серьезными мужчинами всегда интригует.

Голос у мадамы оказался завораживающим: низким, теплым, с бархатными мурлыкающими нотками. У меня даже дрожь по телу пробежала. С такими интонациями и обертонами ей нужно в сексе по телефону работать. Оргазм на первой минуте у большинства мужиков гарантирован. Впрочем, о такой услуге в СССР второй половине восьмидесятых и не подозревали. Только через добрый десяток лет «дремучих совков» просветили о сексуальных ценностях «свободного Запада».

Машинально отметил ещё один момент. Она не просто выполняет обязательный

светский ритуал знакомства, а красиво подкалывает. Могу ошибаться, но в голосе Каринэ слышались еле уловимые нотки ехидства и завуалированной иронии.

Кинул быстрый взгляд на женщину. На безмятежном лице красотки, загадочном как маска Сфинкса, играла легкая улыбка.

— Присаживайтесь, — хозяин радушно взмахнул рукой, показывая на стулья.

Мы с Ашотом неторопливо расселись, напротив замминистра и его спутницы. Сразу же, как будто из воздуха перед нами материализовался официант. Расставил большие тарелки с треугольниками салфеток и бокалы, разложил приборы и также быстро исчез.

— Дорогой, ты не возражаешь, я с твоим Ашотом по-армянски поговорю, о семье и Левоне? — спросил Вартан. — Мне так удобнее. А ты пока с Каринэ пообщайся, хачапури по-аджарски и кюфту попробуй. Её здесь божественно готовят.

— Не возражаю, — кивнул я. — Конечно, говорите, я подожду.

— Вот и договорились, — обрадовался толстяк. — Каринэ, будь хорошей девочкой, поухаживай за гостем.

Замминистра повернулся к Ашоту и затрещал с ним на армянском. «Хорошая девочка» молча забрала у меня тарелку, положила на неё хачапури, мясные шарики, по паре ломтиков балыка и сыра и поставила передо мной.

— Кушайте, на здоровье, Миша-джан.

— Спасибо, Каринэ-тикин^[16], — вежливо поблагодарил я.

— О, вы знаете армянский? — черная бровка красотки изумленно изогнулась.

— Только несколько слов, — разочаровал даму я.

— Как интересно, — тонко улыбнулась она. — А чем ещё вы можете удивить? Уверена, такой импозантный и интеллигентный джентльмен может поразить даму в самое сердце своим умом и обширными знаниями.

В бархатном голоске мадам явственно звучала ирония. Да она открыто издевается над, тупым и недалеким, по её мнению, уркой! На интеллигента я похож, как худосочный ботаник на боксера-тяжеловеса. Изобразить тупаря и проглотить сарказм? Не дождешься! В таких ситуациях надо сразу ставить оппонента на место. Тем более, что оживленно болтающий с Ашотом Вартан Оганесович взял паузу и с плохо скрывающим интересом ждал моего ответа.

Получи фашист гранату! Меня понесло, но сделать с собой уже ничего не мог. Вполне возможно, что красотка подначивала меня с негласного одобрения спутника, чтобы посмотреть дальнейшую реакцию и прокачать меня, как будущего партнера.

— Многим, — безапелляционно заявил я. — Могу пообщаться с вами, ослепительная Каринэ на английском или немецком, обсудить пятую симфонию Бетховена, или основы экономической теории Адама Смита. Готов с чувством спеть серенаду под вашим окном в духе влюбленных испанских идалго эпохи Ренессанса, поговорить о величии и упадке античной культуры на примере Греции и древнего Рима. Кстати, хотел спросить, как вы относитесь к трагедиям Софокла? Не кажется ли вам, что его фиванский и геракловый циклы весьма далеки от реалий того времени? Например, в «Трахинянках», история Деяниры чересчур романтизирована. Как считаете?

— Что? — мадам явно выпала в осадок, чуть приоткрыв от изумления ротик.

— Понимаю, — скорбно вздохнул я. — Слишком сложно для вас. В моём спиче много непонятных слов и выражений. Ничего страшного, я готов помочь. Спрашивайте, постараюсь, доступно объяснить их значение, простыми, понятными даже для

первоклассника терминами, чтобы вы уловили суть. Как подобает, вы правильно, кстати, заметили, интеллигентному джентльмену.

— Ах, ты, — красотка покраснела и набрала воздуха, готовясь разразиться ругательствами.

— Ах-ха-ха-ха-ха, — бас замминистра предупредил надвигающуюся грозу. Вартан Оганесович откинулся на спинку стула, хлопая ладонями по толстым ляжкам. Ржал он так громко, что на веранду заглянул обеспокоенный официант. Убедившись, что всё в порядке работник общепита тихо испарился.

Отсмеявшись, замминистра протер салфеткой вспотевший лоб, и повернулся к своей спутнице.

— Что, Каринэ, получила? — ухмыльнулся он. — Так тебе и надо. Думала, самая умная и можешь безнаказанно подкалывать парня? Я тебе сто раз говорил, никогда не суди людей по внешнему виду.

Надутая мадам промолчала.

— Ладно, давайте посмотрим, что там у вас, — предложил замминистра.

Ашот подтянул к себе сумку, вжикнул змейкой и протянул сложенные синие джинсы чиновнику.

— Не мне, ей показывай, — замминистра царственно кивнул на спутницу.

Всё ещё хмурая дама приняла у парня джинсы, потерла пальцами ткань, развернула изнанку брючины, внимательно всмотрелась в строчку, повертела в холеной ручке с золотыми кольцами фирменную картонную бирку.

— Это не оригинал, — вынесла она заключение. — Но сделано очень качественно. Обычные люди не отличат. У нас в городе может пара знатоков найдется, что распознают подделку. Но для этого им нужно джинсы внимательно и долго рассматривать. Сколько у вас таких брюк?

— Двести пар, — доложил я.

— Цена? — холодно поинтересовалась женщина. В мою сторону она по-прежнему не смотрела.

— Сто сорок, — бросил я пробный шар.

— За этот самопал?! Ты, издеваешься? — взвилась Каринэ. Сразу перестала взгляд отводить. Большие карие глазки гневно сверкают, на лоб упала черная челка. Прелесть, а не женщина.

— Назови свою цену, — спокойно предложил я.

Вартан Оганесович с интересом наблюдал за нами, как будто его всё происходящее не касалось.

— Девяносто, — чуть помедлив, ответила красотка.

Тут уже разозлился я:

— Не пойдет. Они спокойно за сто восемьдесят быстро улетят. Давай, хотя бы за сто пятьдесят.

— Сто.

— Сто сорок.

К процессу торга подключился Ашот. После пяти минут препирательств, Каринэ решительно заявила:

— Сто двадцать. Это окончательная цена. И то потому, что партия солидная. Больше за эти джинсы давать не имеет смысла. Нам ещё людям платить и самим что-то заработать

надо.

— Парни, она — главный товаровед с профильным образованием, — вмешался в разговор, молчавший до этого замминистра. — Отличный специалист, я без неё как без рук. Если она говорит, что цена окончательная, так оно и есть.

Ашот вопросительно глянул на меня, ожидая решения.

— Хорошо, — обреченно вздохнув, согласился я. — Пусть будет по сто двадцать за пару. Только из уважения к Вам и обворожительной Каринэ.

— Показывайте, что у вас ещё есть? — деловито распорядилась мадам.

— Вот, — Ашот продемонстрировал переливающийся яркими цветами платок из невесомой ткани-паутины. После краткого торга мадам согласилась забрать полтысячи платков по два с полтиной за штуку, немного помотав нам нервы. Штаны-бананы «ушли» по сорок пять, рубашки по семьдесят пять. Белые женские джинсы «оторвали от души» по сто сорок за пару. Выглядели они стильно и красиво, и Каринэ, попрепивавшись пару минут, согласилась на эту цену. Сотню «пумовских» футболок, и десяток спортивных костюмов, мадам готова была забрать, соответственно за тридцать пять и сто двадцать рублей. Пришлось соглашаться. Пять оригинальных «джинсов» «Леви Штраус» и «Монтана» от Тимофеевича ушли за 150. По самым приблизительным прикидкам, через две недели, мы должны были заработать на этой схеме, не меньше десяти тысяч чистыми, а скорее всего, гораздо больше. Точную цифру прибыли с учетом всех расходов посчитаем с Ашотом после встречи. Каринэ обещала сразу же раскидать шмотки по базам и магазинам и реализовать их очень быстро, максимум, за одну неделю. А мы со своей стороны обязались, как только получим деньги, заняться формированием и доставкой новой партии, которая будет намного больше. С учётом спроса, её замечаний и предложений.

В этот момент я сделал заметку в памяти: посмотрим, как пройдет эта операция. Если отлично, то проблему с одесскими уголовниками надо решать. И чем быстрее, тем лучше.

Затем Каринэ громко позвала официанта. Судя по скорости его появления, он дежурил прямо на выходе к веранде. Женщина попросила принести ей листок и ручку. Халдей кивнул и моментально улетучился. Через минуту он возник снова, и торжественно положил перед дамой бумагу и ручку. Женщина писала несколько строк, разорвала лист напополам и передала клочок Ашоту.

— Здесь адрес склада в Ереване. Вещи привезешь туда завтра, после обеда. Найдешь завскладом Нарека Акоповича, он будет вас ждать. Узнаешь его легко, солидный дядька лет пятидесяти. В очках и с кудрявыми седыми волосами. Дальше машину разгрузят, он всё посчитает, выдаст тебе расписку, что всё получил. Перечень и количество вещей указывать не будет, Нарик Акопович будет знать, сколько и чего должно быть. Через недельку наберешь меня, телефон я написала, скажу, куда подъехать за деньгами.

— Хорошо, — повеселевший Ашот спрятал бумажку в карман.

— Ну что, — Вартан Оганесович торжественно поднял бокал, — раз деловая часть нашей встречи закончена, давайте выпьем за успех сделки и будущее продолжительное сотрудничество.

Возникший шум заставил замминистра замереть с поднятым бокалом. Кто-то поднимался по лестнице и судя по топоту шагов, явно не один. На площадке за забором возникли неясные силуэты, что-то забубнил официант, раздался звук глухого удара, и работник общепита спиной открыл дверь, и распростерся в зале в позе морской звезды. Быстро откатился в сторону и замер у перил, стараясь не отсвечивать. На веранду вошли

пятеро. Остановились напротив нашего стола. Варган Оганесович побледнел, медленно поставил бокал на стол и схватился рукой за грудь.

«Млять», — мысленно выругался я. — «Предчувствие Ашота не обмануло. Нострадамус армянский, черт его побери».

Колоритные рожи и синие специфические наколки на предплечьях и пальцах выдавали бывалых урок. Впереди стоял высокий худой парень. Он явно был главным. Остальные урки держались сзади, готовые в любой момент, включиться в разборку. И, похоже, были вооружены. Несмотря на летнюю жару, все в нехорошо топорщившихся пиджаках и мастерках, выдававших наличие колюще-режущего, ударно-дробящего, а может и огнестрельного оружия. Главный зловеще скалился, сверкая железными зубами. Точно, наркоман со стажем. Изнеможенное морщинистое лицо, черные круги под глазами, дерганые движения не позволяли ошибиться. Видал я таких персонажей в восьмидесятые и девяностые. Все были беспредельщиками и плохо кончили.

Пауза затягивалась. Зрочки-булавки, не моргая, глядели, на истекающего потом и трясущегося от страха замминистра.

— Ну здравствуй, Варган, — наконец торжествующе проскрипел наркет. — Вот мы и встретились. Теперь я с тебя за всё спрошу.

— Рубен, что тебе нужно? — обреченно прохрипел замминистра, массируя грудь.

— А ты не знаешь? — ухмыльнулся железнозубый. — Совсем зажрался, пузатый, людей не уважаешь, всё под себя гребешь. Моих людей посылаешь, со мной встречаться отказываешься. Племянницу товарища совратил, за это тоже придётся ответить.

— Я на общак исправно засылаю, — возразил Вартан Оганесович. — Десять процентов как положено. Тебе Лечи Сухумский должен был всё на пальцах раскидать. А насчёт племянницы. Она уже взрослая — 19 лет. И кто, кого совратил, это ещё большой вопрос.

— Что он должен был мне раскидать? — насмешливо скривил губы Карен. — Он — вор, и я — вор. А ты барыга, твоё дело — лавэ откидывать и братву греть. И не десять процентов, а двадцать. Я так решил.

— Ты вообще обезумел, Рубен, — вмешалась в разговор мадам. — В семьдесят девятом на сходке в Кисловодске все решили. Десять процентов нужно отсылать братве. И мы их отдаем. Ещё с тех времён, когда Вартан Оганесович руководил ЦУМом. Тебе же сказали, перетри с Сухумским. Он тебе популярно объяснит.

— Мне твой Сухумский по барабану, — окрысился наркоман. — А на таких как Черкас, Кутузов и подобную публику тем более ложить. Бриллиант, всё по понятиям раскидал. Суки, они и есть суки. Людское отринули: формой себя опомоили. Подментёныши позорные.

— Полегче на поворотах, Рубен, — возразил замминистра.

Он явно боялся оппонента, но немного пришел в себя:

— Там не только Черкас и Кутузов были. Очень много авторитетных воров под этим раскладом подписались. С Кавказа тоже.

— Мне плевать, — скривился железнозубый. — Я закон знаю, по которому люди живут. С барыгами договоров быть не может. Вы овцы — вам шерсть наращивать и жир нагуливать. Мы воры. Наше дело — шерсть стричь и вас на мясо пускать. Поэтому двадцать процентов. И не Лере Сухумскому, а мне передашь. А с ним я договорюсь, по-братски. И потом есть у меня к тебе ещё одна предьява. Самвел жалуется, что ты его младшую сестру испортил, поломал девке судьбу. Ещё и взял её насильно. Придётся за это ответить.

— Что ты несёшь? — Вардана Оганесовича бросило в пот. — Ты о Лали? Все по взаимному согласию было. И она уже совершеннолетняя. Девятнадцать скоро исполнится.

— Мне другое рассказывают, — ухмыльнулся Рубен. — Ты девчонку изнасиловал. Она тебя даже расцарапала всего. За этот беспредел могу тебя завалить. Никто из воров слова не скажет, я в своем праве. А ментам это доказать ещё надо. И если даже по этапу пойду, переживать не буду, не впервой. И на зоне жить можно, если закон соблюдать и не крысятничать.

— Ты, вообще берега попутал, Рубен? — возмутилась Каринэ. — Твою Лали полгорода отымело, а другая половина своей очереди ждёт. Какое изнасилование, побойся бога. Она с пятнадцати лет по членам скачет, с одного на другой перепрыгивает. Вы эту шалаву специально под Вартана подложили, чтобы денег срубить. Думаешь, этого никто не поймёт? Ошибаешься. Сухумский с тебя за такие подставы лично спросит. И не только он. Ты забыл, кто такой Вартан Оганесович?! Наркота последние мозги отшибла?! Менты тебя будут как волка гнать, пока не застрелят «при попытке к бегству».

— Слишком много метлой машешь Каринэ, — злобно прищурился железнозубый. — Не

дело бабе в мужские базары влезать. В первый раз я тебя простил. Теперь буду жизни учить. Миня, тащи её в машину, присмотри, чтобы никуда не свалила. Повезем её на хазу. Будем тебя, подстилка министерская драть во все щели, чтобы поняла на кого можно пасть разевать, а на кого нет.

Долговязый сивка протянул костлявую руку к женщине. Каринэ побелела и испуганно отпрянула в сторону. Между костяшками и запястьем урки, глумливо скалилась кошачья морда. Надпись — КОТ, «коренной обитатель тюрьмы», подтверждала бурную биографию сидельца.

— Руки от неё убери, чёрт, — лениво бросил я.

Долговязый развернулся. Достать сразу он меня не мог, поскольку вся компания стояла напротив прямоугольного стола, а я сидел за Ашотом.

— Чё ты вякнул? — изумился он. Рука бандита медленно заползла в карман. Остальные блатные тоже напряглись. Вжикнули расстегнутые молнии мастеров, распахнулись полы пиджаков. У одного из бандитов, такого же наркомана с сальными растрепанными волосами, заметил торчащую из-под ремня рукоять «нагана», а у крепыша сзади рукоять тесака-свинореза в широком кожаном чехле на поясе.

Ашот медленно запустил ладонь в приоткрытую сумку. Там вместе со шмотками лежала любимая телескопическая дубинка товарища, которую он, мучимый дурными предчувствиями, взял «на всякий случай». Я придержал его за предплечье, давая понять: ещё не время.

Долговязый шагнул ко мне, по-прежнему держа руку в кармане.

— Остынь, Миня, — скомандовал главарь, с интересом рассматривая меня. Зацепился взглядом за виднеющуюся из-под расстегнутого ворота рубашки оскаленную бычью морду, прошелся глазами по синему перстню с белым крестом на указательном и с черным квадратом на среднем пальце.

— Вижу, чалился, — со значением произнес он, — от звонка до звонка.

— Было дело, — с достоинством признал я.

— По сто сорок пятой?

— И по ней тоже.

— А это у тебя, что? — кивнул железнозубый на кинжал с розой и решеткой, выбитый на предплечье. — Что-то я не въезжаю. Ты баклан, жох, козырный фраер или ломом подпоясанный? Поясни.

— Правильный пацан, — ухмыльнулся я.

— Обзовись. Поясни, кто тебя знает, кто может слово сказать.

— Погоняло — Елизар. Чалился с Дато Ташкентским, Таро, Захаром и многими другими. Ещё можешь спросить за меня Абхаза. Он пояснит.

Рубен оценивающе глянул на меня.

— Внушает, — помолчав, признал он. — Абхаз — вор авторитетный. Но он у себя барыг доит. А здесь моя территория. Мне никто не указ. Здесь я в своем праве. И вообще, чё, ты возбужаешь за лохов вписываешься? Хочешь, чтобы мы тебя тут положили?

— Беспредела не люблю.

— За метлой следи, — прошипел вор. — Бродяги меня уважают. А со своим стадом я сам разберусь, понял? Хочешь остаться живым-здоровым, тихо сиди и не дергайся. Миня, чего зенками хлопаешь? Тащи девку в тачку, я сказал.

Долговязый, мерзко ослабилась и сделал шаг к женщине. Каринэ моментально вскочила

с грохотом отодвинув стул, прижалась к железной ограде веранды.

— Не вздумайте её трогать, — предупредил толстяк. Он обильно потел, тряся от страха, но нашёл силы возразить.

— Каринэ — мой человек. За беспредел придётся ответить.

— Что ты мне сделаешь? — презрительно ухмыльнулся вор. — Ментов натравишь? Сядешь рядом. Найдутся люди добрые, расскажут всё о твоих делишках темных. Молчать не будут. Это в лучшем случае. А в худшем — на пику тебя посадят.

— У тебя, Рубен, от наркоты чердак протек, — спокойно заметил я, поднимаясь и отодвигая стул. — Какой же ты вор, если деловых красноперыми пугаешь? Так, апельсин, скороспелка гнилая. Только он может подобное ляпнуть. За подобные заявки спросить могут как с гада. И дать по ушам. И тогда тебе корона только сниться будет. Если, не зажмурят.

Мой чуткий слух уловил еле слышный шорох и глухое перестукивание обуви по ступенькам. За высокой оградой и аркой у входа, закрытой дверью, людей видно не было. Но обострившееся чутье подсказывало: засадный полк уже рядом. Ждёт начала развития событий, чтобы ударить в тыл.

— Всё, ты меня достал до печенок, — процедил железнозубый. — Гасим его братва. Бабу в машину. А ты, толстый, готовь бабло, 20 процентов и пятьдесят кусков отдельно за Лали. Иначе...

Слушать, что там будет дальше, я не стал. Резко рванулся вперед и всадил в бороду опешившему на секунду наркоману прямой правый. Железнозубого откинуло назад. Долговязый начал вытягивать руку из штанов, но было уже поздно. Щелкнула раскрывшаяся в полете телескопическая дубинка и на коротко стриженную голову урки, обрушился стальной шарик. Звякнула о плитку рукоять выкидушки, не успевшая выбросить смертоносное жало. Долговязый качнулся и рухнул лицом вперед, раскинув руки.

Я отпрыгнул назад, уходя от взметнувшегося вверх свинореза. Схватился за тяжелый стул и запустил его под ноги дернувшемуся за мной крепьшу, с грохотом завалившегося на пол. Наркоман с сальными волосами, с ругательствами вытягивал из-за пояса, зацепившийся дулом за рубашку револьвер. В голову стрелка с глухим стуком, расплескивая желтую пузырчатую и пенящуюся струю, влетела бутылка шампанского, запущенная меткой рукой Каринэ. Бандит отшатнулся и ошеломленно мотнул башкой, приходя в себя.

«Молодец, бой-баба», — машинально отметило сознание.

Больше мы ничего сделать не успели. С грохотом распахнулась дверь. На площадку влетел стремительный вихрь гигантских мышц. Угрюмому парню, «прикрывающему тыл», и уже выхватившему потертый «ТТ», Вазген просто сломал руку, с размаху треснув локоть об слоновье колено. Истошный вопль пострадавшего, согнал с деревьев птиц, и наверняка переполошил всех отдыхающих в кафе.

Ещё одного, парня со шрамом на щеке, такой же быстрый, но уступающий брату в мощи Гурам достал рукоятью «стечкина», обрушив его на голову отморозка.

Растерявшийся на мгновение сальноволосый, развернулся, выхватывая револьвер из-за пояса, но выстрелить не успел. Мощная лапа схватила его за кисть, и надавила. Послышался треск, бандит взвыл, «наган» выпал из разжавшихся пальцев. Стихия природной мощи по имени Вазген просто отшвырнула его в сторону как тряпку. Сальноволосый, испуганной птицей взмыл в воздух, пролетел пару метров, с размаху стукнулся о толстые бетонные балясины. Ограждение треснуло, засыпав глухо застонавшего и обмякшего бандита белой пылью штукатурки.

Приходящий в себя после нокдауна Рубен потянулся рукой за пазуху, но ворвавшийся следом Денис вцепил ногой по роже, отправляя железнозубого в глубокий нокаут. Последнего, машущего свинорезом, Вазген, улучив момент, дернул за запястье, разворачивая и подтягивая к себе, плавно перетек за спину, сложил ручищи замком на поясе, и красиво выгнув мощное тело, бросил прогибом, с размаху приложив затылком о толстую деревянную столешницу. Оглушительный грохот вперемешку со звоном разбивающейся посуды наверняка переполошил посетителей кафе, если они ещё там остались. Дерево печально хрустнуло, ножки разъехались в стороны, и стол, рухнул вниз вместе с тушами Вазгена и его бесчувственного оппонента.

— Это, что? Вы кто? — ошеломленно пробормотал Вартан Оганесович.

— Это наши люди, — пояснил я, наблюдая за поверженными бандитами. — Прикрывали нас, на всякий случай.

Сальноволосый, крепыш и железнозубый лежали в глубоком ауте, раскинувшись безвольными тушками на плитке. Угрюмый, тихонько подвывая, нежно баюкал переломанную в локте руку, торчащую под неестественным углом. Мне даже смотреть на него было больно.

Парень со шрамом, держался за башку, исподлобья кидая угрюмые взгляды на державшего его под прицелом Гурама. Карминовые струйки, проступали сквозь пальцы, стекали по коротко стриженным волосам, пробегали дорожками щекам и летели густыми гроздьями капель на пол, расплываясь кровавыми лужицами.

Вазген, вполголоса ругаясь, отряхивал футболку от прилипших остатков салата. Гурам бдительно следил за бандитами. «Стечкин» он засунул за пояс, но готов был в любой момент его выхватить.

В арку осторожно заглянул перепуганный официант.

— Директору скажи, пусть все дела бросает и сюда идёт, и моток веревки сюда принеси, быстро, — скомандовал уже пришедший в себя замминистра. Бледность исчезла с его лица, уступив место оживленному розоватому румянцу.

— Хорошо, — пискнул халдей и бесшумно улетучился.

Парни, вы сейчас свяжите этих... граждан, — брезгливо скривился Вартан Оганесович. — Забирайте сумку с образцами, и уезжайте отсюда. Чем быстрее, тем лучше. Спасибо вам огромное, с меня причитается, а с этими мы сами разберемся. Обещаю, к вам никто никаких претензий не предъявит.

— Стволы забрать можно? — поинтересовался Сергей.

— Лучше не надо, — отрезал замминистра. — На них опечатки пальцев. Да и мало ли, какое дерьмо на этих вольнах висит. Зачем вам лишние проблемы? Пусть всё тут останется.

— Как скажете, — пожал плечами опер.

Официант вернулся с клубком толстой пеньковой веревки. Сергей и Денис, под присмотром Гурама, связали руки и ноги бандитам.

— Следы для ментов не останутся? — встревожился я.

— Нет, — мотнул головой опер. — С веревки взять опечатки проблематично. Могут остаться потово-жировые следы. И кстати, рекомендую вам протереть бокалы и тарелки, к которым вы притрагивались. Так, на всякий случай.

— Никто ничего лишнего проверять не будет, слово, даю, — пообещал Вартан Оганесович.

Но мы с Ашотом, молча, забрали с плеча официанта полотенце и протерли приборы.

В дверях появился представительный седой мужчина в черном костюме и галстуке-бабочке.

— Товарищи, вы можете идти, всего доброго, — благосклонно кивнул нам замминистра и повернулся к новому гостю. — Никол, мне срочно нужно позвонить. Здесь останется Каринэ и твой официант. Поставь людей у входа. До приезда милиции сюда никто не должен зайти. Всё понял?

— Будет исполнено Вартан Оганесович, — с достоинством кивнул директор.

Ашот подхватил сумку и пошел к двери, за ним потянулись Гурам с Вазгеном, потом ребята. Я покидал веранду последним.

— Михаил, подождите, — взволнованная хрипотца в низком голосе мадам, заставила меня притормозить. Сзади зацокали каблучки.

Каринэ подошла, нежно коснулась губами, задев меня грудью, и прошептала:

— Спасибо, что заступился.

— Пожалуйста, — сухо буркнул я.

Осторожно скосил глаза на замминистра. Вартан Оганесович наблюдал за нами с невозмутимым лицом.

Развернулся, собираясь пойти вслед за ребятами.

— Подожди.

Женщина достала из сумочки салфетку, и аккуратно стерла со щеки алые разводы помады.

— Всё. Вот теперь можешь идти.

— Пока, — выдохнул я.

И только когда открывал дверь, меня догнал бархатный низкий голос, заставив вздрогнуть:

— До скорой встречи.

«Млять, вот это попадалово», — мысленно выругался я.

Мадам меня сильно возбуждала. До стиснутых от страсти зубов, и безумного желания, заставляющего трястись в сладкой лихорадке предвкушения всё тело. Но я привык держать свои эмоции под контролем. Во всяком случае, тогда, когда это может повредить делу. Трахнуть любовницу замминистра, получить влиятельного врага и поставить крест на будущем деловом партнерстве мне не улыбалось. Черт его знает, как Вартан Оганесович воспримет повышенное внимание своей пассивности к почти незнакомому парню. Лучше не рисковать. Да и бурно развивающийся роман с Евой желанию «погулять на стороне» не способствовал. Но гормонам не прикажешь, я до зубовного скрежета хочу трахнуть эту сочную восточную женщину. Ладно, как-нибудь это переживу. Не в первой...

Наши машины на выходе из кафе, уже урчали моторами.

— Решил, пусть Олег и Вова в тачках останутся, вход контролируют, мало ли что, и движки прогреют, чтобы в любой момент рванули с места. Иной раз секунды всё решают. А мы вместе с братьями вас подстрахуем и, если что, бандитов успокоим, — торопливо начал отчитываться Сергей. — Задержались только немного. Когда они зашли в зал, мы с Денисом сначала не поняли, что к вам. Только потом увидели, что эта шобла вверх на веранду пошла. Рванули к машинам, подняли наших и быстро договорились, что делать. Стрелять решили в крайнем случае, Вазген сказал, голыми руками порвёт эту компашку. Он и ворвался первым. Гурам страховал его со «стечкиным» на всякий случай. Ну и мы с Денисом были на подхвате. По-моему, всё нормально вышло.

— Нормально. Все правильно сделали, — одобрил я, дружески хлопнул опера по плечу, и рывком открыл заднюю дверь «пятерки». — А теперь поехали. Нечего нам тут задерживаться. Сейчас менты сюда примчатся. Пусть Вартан сам с ними разбирается.

* * *

Следующий день я отдыхал. До отвала наелся лепешек, жареного мяса, разнообразных салатиков и супов, которыми меня щедро потчевала гостеприимная хозяйка. Сходил на речку с Вовой, Денисом и Олегом в сопровождении Вазгена, пока Ашот, Сергей и Гурам отвозили на «рафике» товар к Нарикю Акоповичу в Ереван. Когда мы неторопливо шли обратно, наслаждаясь солнечной погодой, цветущей зеленью и свежим горным воздухом, борец притормозил, увидев плотного крепкого мужчину с волевым открытым лицом. Уважительно пожал ему руку, перекинулся несколькими словами на армянском. Наша компания остановилась в отдалении, ожидая, когда Вазген закончит разговор. Неожиданно лицо мужчины показалось мне смутно знакомым. Я внимательно разглядывал незнакомца, пытаюсь вспомнить, кто это такой. Озарение было подобно молнии. Это же Шаварш Карапетян! Семикратный чемпион СССР по подводному плаванию, заслуженный мастер спорта. Но известен он не своими спортивными достижениями.

В январе семьдесят четвертого Карапетян локтем разбил стеклянную кабину водителя, схватил руль и не дал автобусу рухнуть в пропасть. Около тридцати пассажиров остались живы.

В семьдесят шестом вытащил сорок шесть человек из троллейбуса, упавшего в Ереванское водохранилище. Двадцать из них удалось вернуть к жизни. За спасение людей подводный пловец заплатил своим здоровьем и дальнейшей спортивной карьерой. Все его тело было изрезано осколками выбитого стекла, а после тяжелого воспаления легких, в сосудах образовались спайки, мешающие нормально дышать.

В восемьдесят пятом, когда загорелся Ереванский спортивно-концертный комплекс, вместе с пожарными вытаскивал людей из огня, получив травмы и многочисленные ожоги...

— Сейчас вернусь, а вы пока постоитесь тут, — попросил я.

— Как скажешь, Миха, — улыбнулся Сергей. Денис просто кивнул, подтверждая слова товарища.

Я двинулся к Шаваршу и Вазгену, остановился рядом, терпеливо дожидаясь, пока на меня обратят внимание.

— Ты что-то хотел, Миш? — повернулся ко мне борцуха.

— Да, — кивнул я. — Сказать пару слов твоему приятелю.

— Знаешь Шаварша? — улыбнулся Вазген.

Я кивнул.

— Говори.

— Я читал статью о вас. Не хочется быть пафосным, но огромное вам спасибо за спасенные жизни людей. Вы совершили подвиг. Очень рад, что лично могу пожать вам руку и выразить своё уважение.

Я протянул ладонь.

— Перестаньте, — поморщился Карапетян. — Любой нормальный человек, поступил бы так же.

Не любой, — возразил я, пожимая крепкую ладонь спортсмена. — Далеко не каждый способен рискнуть жизнью и здоровьем ради других незнакомых людей. Тем более нырнуть на огромную глубину, разбить стекло троллейбуса и вытащить сорок шесть человек.

— А как иначе? — вздохнул бывший подводный спортсмен. — Знаете, я бы себе не простил, если бы вот так стоял и ничего не предпринял, когда гибли люди. Страшно жить с осознанием, что мог, но не сделал. Тогда вода была мутная, глубина большая, я страшно устал и последние нырки делал как в полусне. И вытащил вместо человека подушку от сиденья троллейбуса. Цена моей ошибки — человеческая жизнь. И эта проклятая подушка мне до сих пор снится.

Лицо Шаварша осунулось, заострилось, челюсти окаменели, взгляд остекленел, устремившись куда-то вдаль. Он снова мысленно вернулся туда, шестнадцатого сентября семьдесят шестого. Когда порезы кровоточили, горло душили продолжительные спазмы от нехватки воздуха, а желание, как можно скорее вынырнуть из серой туманной глубины, посылало мозгу панические сигналы. А он снова и снова, надрываясь, найдя неожиданные резервы сил в своем измученном теле, тянул на поверхность очередного человека, стремясь спасти ещё одну жизнь. И когда, захлебываясь, из последних сил, надрывая жилы, вытащил к лодке, где сидел брат, увидел, что это была подушка. Осознание своей оплошности до сих пор отравляло Шаваршу жизнь.

— Вы ни в чем не виноваты, — убежденно сказал я. — Сделали всё, что могли и даже сверх этого. А то, что казните себя, это абсолютно нормально. Любой равнодушный человек, у которого есть совесть и честь, будет винить себя в смерти других, даже если выложился полностью, чтобы спасти людей. А была бы на вашем месте какая-нибудь сволочь, она бы и в воду ни за что не полезла, и спала бы после этого абсолютно спокойно. Точно вам говорю.

— Спасибо, за поддержку, — лицо семикратного чемпиона СССР посветлело. — Но всё на самом деле проще и сложнее одновременно. Каждый расплачивается за свои ошибки. Я — тоже. И это абсолютно правильно.

— Все равно, — упорно заявил я. — Я очень рад, что встретил вас и пожал руку. Ещё раз спасибо и всего доброго.

— Всего доброго, — благожелательно кивнул Карапетян.

— И кто это? — тихо поинтересовался Сергей, слышавший часть разговора.

— Настоящий человек. С большой буквы. Таких уже не делают, — так же негромко ответил я. — Потом расскажу, если интересно. Или у Вазгена спроси. Он тебе во всех подробностях пояснит за Шаварша...

Под вечер мы с Ашотом поехали к почтамту, звонить Тенгизу. У родителей Вазгена и Гурама телефон был, но подставлять хороших людей я не захотел. Возможно, перестраховался, но номер вора могли прослушивать КГБ или менты. Не факт, но лучше не рисковать.

Народу в главном почтовом отделении Кировакана было мало. Ашот сразу же договорился с телефонисткой, залез в кабинку и закрыл за собой дверь. Номер ему перед поездкой дал дед, предупредив, чтобы не думал светить его посторонним. Товарищ минуты две потрепался по телефону и с радостной физиономией, положил трубку и буквально выпрыгнул из кабинки.

— Всё, договорился. Трубку сразу Абреку дали, да. Сказал, шеф будет рад нас видеть. Говорит, сам приедет нас встречать и отвезет к Абхазу. У вора дом недалеко от Пицунды в

сосновой роще. Сами искать будем долго, поэтому Абрек встретит нас в городе. Если мы выедем в шесть утра, то в три дня должны быть уже в Пицунде. Для верности нас будут ждать в четыре, на набережной, у скульптуры «Нырляльщики». Её там каждый знает, найти не составит труда, — отчитался Ашот.

И сразу же спросил:

— Мы все вместе поедem или отпустим парней домой?

— Слишком много людей тащить с собой не правильно, — задумчиво протянул я — Тенгиз с твоим дедом дружит. Но если такой кодлой попрёмся к нему, может насторожиться. У него, думаю, своих проблем и врагов хватает. Даже в близком окружении иной раз появляются крысы, как тот же Лысый. А тут такая команда крепких парней к нему на дачу на двух машинах пожаловала. Причем ждёт он тебя и меня, может быть с небольшим сопровождением. Но точно, не десяток бойцов. Любой бы упал на стрём, или, по крайней мере, принял бы меры предосторожности. А нам лишняя напряженность не нужна. Поэтому, думаю, переться к нему всей компанией не стоит. Возьмем с собой Гурама и Олега, поедem на «пятерке». Этого будет достаточно. А Сергей с остальными ребятами пусть пока поживут у родителей Вазгена. Отдохнут немного, и относительно недалеко от Пицунды будут на всякий случай. Если что-то нехорошее случится, а этого тоже нельзя исключать, то Серега знает, где нас искать и кому счёт предъявлять.

— Ничего с нами не случится, — с жаром возразил Ашот. — Тенгиз старый друг деда. Он нас никогда пальцем не тронет, да.

— Всегда верь в лучшее, но готовься к худшему, — горько усмехнулся я. — Закон жизни. И потом, я же не говорил, что обязательно он тронет. Вспомни Лысого. В окружении Абхаза могут быть конфликты. А ещё у него, уверен, есть влиятельные враги, которым завалить пару-тройку людей, что сигарету выкурить. Например, чтобы поссорить Абхаза с твоим дедом или кем-то ещё. Или скажешь, что если с тобой что-то случится, Левон Суренович мстить не будет?

— Будет, конечно, да — со вздохом признал Ашот. — Я у него любимый внук. Дед с раннего детства постоянно со мною нянчился, больше чем с отцом.

— Вот видишь, — я назидательно поднял палец. — А вообще, пусть ребята отдохнут у Вазгена пока. Сил наберутся, в речкекупаются, нам все равно через неделю деньги у Каринэ забирать.

— Согласен, — кивнул товарищ. — Так и сделаем.

Рано утром, мы попрощались с гостеприимными хозяевами, получили от Мануш Хачатуровны — мамы Гурама, огромный пакет. Она поднялась ещё раньше нас, чтобы напечь пирожков с мясом и лепешек, поджарить на вертеле курицу, достать из подвала небольшой «дорожный» круг козьего сыра и вручить сыну огромный термос с ароматным, горячим чаем.

Ровно в шесть утра после напутственных слов Давида Вартановича, ворота дома распахнулись, и наша «пятерка», поднимая клубы пыли, выехала на дорогу. Восемь с лишним часов пути пролетели как одно мгновение. Я успел немного подремать в машине, потом перекусить вместе с ребятами хозяйкиными дарами. Мы съехали на обочину, стали у вершины холма. Расстелили жирную, всю в пятнах бумагу прямо на капоте машины. Ели вкуснейшие свежие пирожки с мясом, с аппетитом поглощали белое мясо, хрустели куриными крылышками, отщипывали ломти белого ноздреватого сыра и запивали немного остывшим, но по-прежнему пахучим и крепким чаем с пряностями и травами.

Одновременно любовались живописной зеленой панорамой в ореоле золотистого солнечного света.

Затем поездка продолжилась. Я с интересом рассматривал проносящиеся мимо пейзажи. Величественные горы, чередовались с зелеными равнинами и быстрыми реками, а сосны и березы с елями и пихтами. В окне машины мелькали грузинские города с причудливой восточной архитектурой и современными «советскими» многоэтажками. В селах совсем неказистые маленькие, кое-как побеленные домишки соседствовали с большими особняками из кирпича и дерева, раскинувшимися во все стороны огромными верандами и хозяйственными пристройками. Где-то в окрестностях Зугриди, уже привычные виды сменились береговой полосой с проносящимися в небе чайками и бесконечной гладью Черного моря...

В Пицунду мы прибыли за сорок минут до встречи. Быстро перекусили в первом попавшемся кафе, бутербродами с колбасой. Запили их томатным соком и поехали искать скульптуру «Нырлящики». По словам Ашота она располагалась рядом с центральным пляжем города. Смешливые девчонки-школьницы подсказали дорогу, и через десять минут, без пяти четыре, оставив друзей в машине, мы подходили к аркам с дельфинами и летящими вниз головами вперед, абсолютно обнаженными мужчиной и женщиной.

— Интересное решение, — хмыкнул я, обозревая монумент. — И как наши ханжи обнаженку пропустили? Это ведь, по их мнению, сплошной разврат, присущий загнивающему Западу, а не высокоморальным строителям коммунизма. У нашей молодежи ведь секса нет. Они не женятся, а создают прочные семейные ячейки, не шпилятся, а творчески работают над увеличением поголовья подрастающего поколения во благо Родины.

— Вот поэтому памятник в шестьдесят девятом долго не открывали, да, — хихикнул Ашот. — Говорят, сочли сильно распутным, не отвечающим образу советских людей.

— А ты откуда это знаешь? — я с подозрением посмотрел на товарища. — Отдыхал здесь?

— Ага, — кивнул Ашот. — Ещё в семидесятых, когда пионером был. Вместе с родителями.

— Понятно, — я увидел знакомую фигуру в черном, и развернулся к ней. — А вот и Абрек.

— Здравствуйте дорогие, — подходящий кавказец изобразил радушную улыбку, больше похожую на кровожадный оскал. Такие разбойничьи рожи, заросшие до скул курчавой черной бородищей, всегда смотрятся устрашающе. Даже когда пытаются выразить добродушие и дружелюбие.

Абрек, сияя белоснежными зубами, широко раскинул руки, но обниматься с нами не стал и ограничился рукопожатиями. Черная футболка «Пума» с короткими рукавами, подчеркивала рельефные сухие бицепсы, перевитые толстыми венозными жилами, и красиво облегла подкачанную плечистую фигуру. Такого же цвета джинсы и легкие угольные с темно-серым отливом туфли гармонично завершали облик гангстера. Он смотрелся, как кавказский бандит из девяностых, каким-то невероятным образом перенесенный в теплые, ламповые восьмидесятые. Можно сказать, опередил своё время.

— Гиде ваша машина? — спросил кавказец.

— Тут недалеко стоит, — Ашот указал взглядом на примостившуюся у бордюра «пятерку».

— Харашо, — осклабился бандит. — Тенгиз вас недавно вспоминал, да. Особенно

Мышу. Поговорить хотел. А тут вы сами приехали. Хороший звэр сам на ловца бэжит. Так у вас говориат, да? Садитэсь в машину, я сейчас подскачу, буду показывать дорогу. Абхаз вас ждёт. С нэтэрпиением.

Слова Абрека меня заинтриговали и одновременно насторожили. Когда такой персонаж, как Тенгиз «хочет поговорить», жди неожиданных сюрпризов. И не факт, что они будут приятными.

С другой стороны, если бы у него имелись серьезные претензии, нас бы встречал не одинокий, дружелюбно скалящийся Абрек, а целая делегация отморозков. Ещё один плюс: кавказец всячески выражал расположение к нам.

Понятно, что он артист ещё тот, и может так же, приветливо улыбаясь, перерезать глотку «новым друзьям». Но смысла в подобном спектакле я не видел. Так что, будем надеяться, всё пройдет нормально.

Спереди притормозила черная «волга». Водитель опустил стекло. Наружу высунулась коротко стриженная голова Абрека. Он махнул рукой, приглашая ехать следом.

В окне замелькали огромные белоснежные корпуса санаториев. На открытых балконах с легкими ажурными ограждениями-балюстрадами, изображавшими раскинувшиеся во все стороны цветущие растения, деловито копошились и просто стояли люди. Женщина развешивала на веревке мокрый купальник, мужчина курил, облокотившись на перила. Старик лет семидесяти наслаждался окружающими видами, неторопливо прихлебывая чай из чашки. Мимо проносились аллеи огромных реликтовых сосен, величественных кипарисов, экзотических пальм с огромными мясистыми листьями, и другие, раскинувшиеся во все стороны зеленым ковром растения, названий которых я не знал. Город смотрелся очень красиво, и произвел на меня впечатление. Ухоженные уютные аллеи в окружении деревьев, благоустроенные скверы со скамеечками, галечные пляжи, где принимали солнечные ванны, плескались в море толпы отдыхающих. Люди были расслабленными, сверкали улыбками, ели мороженое, играли в бадминтон и волейбол. Ушлые фотографы снимали довольных папаш и мамаш с детьми, предлагая надеть бутафорские черкески или переодеться в пиратов, повязав косынки и кушаки. От всего этого, веяло такой беззаботностью, спокойствием и счастьем, что горло скрутил спазм. Всё-таки было в советской действительности семидесятых-восьмидесятых что-то теплое, искреннее, светлое, создающее неповторимую атмосферу, которую с ностальгией вспоминают миллионы пожилых людей, проживших часть жизни в СССР. И искренне жаль, что, в моей прошлой жизни, это ушло в небытие вместе с канувшим в прошлое первым социалистическим государством.

Через минут пятнадцать череда корпусов санаториев и жилых домов сменилась горными склонами и огромной рощей с нависшими над дорогой соснами-великанами. Машина Абрека, притормозила и повернула направо, заезжая на лесную дорогу, усеянную иголками и шишками. Мы повторили маневр, стараясь не выпускать из виду, маячащий впереди багажник «волги». Ещё пять минут поездки, и зрелище, представшее перед глазами, заставило Олега изумленно присвистнуть.

— Ни фига себе, — потрясенно пробормотал он. — Глазам своим не верю.

Перед нами, посреди сосен раскинулась огромная поляна. Двухметровый кирпичный забор с художественной облицовкой из горного камня, и фонарями-светильниками на миниатюрных башенках, напоминал крепостную стену. Перед ним простиралось безупречно ровная асфальтированная площадка способная свободно разместить десяток легковых

автомобилей.

Но поразило Олега не это. За забором, среди огромных деревьев, виднелся дом, больше похожий на сказочный дворец или резиденцию средневекового монарха. Белоснежная штукатурка сверкала в ярких лучах летнего солнца, слепя глаза. Три этажа с огромными овальными окнами, громадная веранда, парочка полукруглых балкончиков, бледно-серая, явно зарубежная черепица, всё это создавало ощущение нереальности происходящего, учитывая, что на дворе лето восемьдесят шестого, КПСС по-прежнему ведет народ к победе коммунизма и показательно борется против воров, расхитителей социалистической собственности и подпольных деляг.

— Это звездац, — Олег всё не мог успокоиться, рассматривая открывшееся великолепие, обалдевшими глазами. — Скажите мне, что я сплю.

— А что тебя удивляет? — улыбнулся я. — Не ожидал? Понимаю. Всё дело в разнице менталитета.

— Посидыте зыдесь, мынут пят, — крикнул выбравшийся из «волги» Абрек, — Я Тэнгизу доложу, что приехали, и скажу, чтобы ворота открылы.

— Хорошо, — ответил я, приоткрыв дверь машины. — Мы подождем, сколько надо.

Абрек постучал в калитку, находившуюся справа от больших металлических ворот, украшенных причудливыми узорами. За воротами мелькнул темный силуэт. Бандит что-то коротко гортанно крикнул, щелкнул засов, калитка бесшумно приоткрылось, и кавказец одним кошачьим движением ловко просочился в образовавшуюся щель, не забыв прикрыть за собой дверь.

— И всё-таки. Как он на такое решился, даже если бабло есть? — десантник всё не мог успокоиться. — Это же готовый компромат. Зачем так палиться? Сам себя под монастырь подводит. Уголовную ответственность за нетрудовые доходы никто не отменял. Такой роскошный дом — готовая доказуха для ОБХСС.

— Я же говорю, не учитываешь разницу менталитетов, — тонко улыбнулся я. — Во-первых, то, что дико смотрится в глубинке РСФСР, вполне естественно на Кавказе и в Средней Азии. Здесь веками царствовал феодализм в самой худшей его форме, наложенный на местную ментальность. Стоит только власти коммунистов чуть ослабнуть и местные царьки проявят себя в полной мере. Но даже сейчас они не шибко стесняются. Поясню на наглядном примере. О воровском законе слышал?

— Конечно, — ухмыльнулся Олег. — Я же не в вакууме рос. В каждом дворе были сидельцы, гопари, косящие под блатных, и вообще песни Розенбаума, Шуфутинского и Высоцкого о тюрьме и урках, из каждой форточки звучат. Лучше скажи, кто о нём не слышал?

— Отлично, — кивнул я. — Продолжим. Так вот, самые истинные ревнители традиционных понятий и воровских традиций — славяне. Тот же Вася Бриллиант, Корж, Бузулуцкий и многие другие урки старой формации. Они считают, что вор должен десятки лет провести на зоне и киче, не обрастать личным имуществом, не жениться, не заниматься «барыжничеством», не иметь дел с ментами и другими представителями органов и власти, скромно одеваться, поскольку настоящий авторитет проявляется делами и уважением братвы, а не понтами и так далее. За подобные косяки могут на перо посадить. А большинству кавказцев, то есть «пиковой масти», на эти ограничения плевать. Они любят понты, блестящие безделушки, вроде золотых цепей, красивые машины и дома. То есть, склонны к роскоши. Могут, если им выгодно, пойти на контакт с ментами, чтобы убрать

конкурента. Не явно, конечно, чтобы не будоражить братву, а тайно. Также занести долю малую партийным чинушам или другим функционерам, если понадобится.

Воры старой формации считают, что барыг можно обносить, брать на гоп-стоп и всё, а «новые» авторитеты, без стеснения совести обкладывают их данью, защищают от других преступников, и активно сотрудничают с зубрами теневой экономики. Поэтому за ними будущее, как за более гибкими и жизнеспособными мафиози, не гнушающимися любыми способами зарабатывать большое бабло, обеспечивать свою безопасность и решать вопросы. Старые понятия и воровские законы уходят в прошлое. И, повторюсь, все эти нововведения начинались с «пиковых», то есть с кавказцев, и примкнувших к ним уроженцев Средней Азии.

Потому что, такие порядки у них были тысячелетиями. Дать уважаемому человеку подарок-взятку — вековые традиции, вписанные в подкорку головного мозга.

Почти семьдесят лет Советской власти изменить менталитет не смогли. Возвращаясь, к ситуации с домом Тенгиза. Это не РСФСР. Грузия, тем более Абхазия — территории маленькие, здесь правят несколько кланов. Партийные чиновники давно срослись с ворами и цеховиками и активно их покрывают. Все друг друга знают, предпочитают договариваться, и закрывать глаза на незаконную деятельность, отделяваясь липовыми отчетами для союзной власти. На Кавказе и Средней Азии коррупцией пронизано всё общество. Повторюсь, взятки ментам, чиновникам и партийным боссам — это красивый, народный обычай.

А местная власть и спецслужбы плоть от плоти от своего народа. Чужаков сюда предпочитают не пускать, и стараются держать в стороне от своих разборок.

У Абхаза связи на самом верху. По слухам, сам Шеварднадзе приходится дальним родственником. Это, во-первых. Во-вторых, благодаря такой поддержке в том числе, он намного могущественнее и влиятельнее других воров. Думаю, к Тенгизу текут денежные потоки со всех крупных теневых дельцов Абхазии. Его уважают, и, как я понял из намеков Левона Суреновича, сильно боятся. В-третьих, он далеко не дурак. Уверен, Абхаз продумал каждую мелочь. Если вдруг произойдет невероятное, и сюда нагрянут важняки или гэбэшники из Москвы, всё документы оформлены так, что комар носа не подточит. Окажется, что дом принадлежит какой-то важной шишке. Например, великому республиканскому писателю, или знаменитому композитору, лауреату многочисленных премий, которые, теоретически, могут за десяток лет накопить на строительство подобной дачи. И вору так удобнее будет, по бумагам ему ничего не принадлежит, братва за имущество не предъявит. И менты ничего доказать не смогут.

— Дела, — озадаченно поскреб пятерней затылок Олег. — Думаешь, он так все и сделал?

— Уверен в этом, — ухмыльнулся я. — Я с Тенгизом общался немного. Но увиденного и услышанного хватило с лихвой, чтобы составить о нем мнение. Он темпераментный, но очень продуманный. Иначе бы не достиг своего положения. И Шеварднадзе здесь ни причем. Вором и влиятельным авторитетом Тенгиз стал сам. Думаю, не в последнюю очередь, благодаря своим лидерским качествам. Но даже если он с домом что-то не предусмотрел, окружение обязательно подскажет. У него, в силу специфики деятельности, всегда под рукой найдется ушлый и грамотный юрист, понимающий, как обезопасить себя, чтобы лишний раз не попасть под действие Уголовного кодекса.

Большие железные ворота со скрежетом начали расходиться. Показавшийся в проеме,

похожий на медведя и такой же бородатый как Абрек, мужик, быстро развел створки и гулким голосом проревел, махнув рукой:

— Заезжайте.

Поставив машину, на асфальтовую площадку, слева от ворот, мы вылезли из «пятерки» и огляделись.

Вблизи особняк впечатлял не меньше, чем в отдалении^[17]. На подходе к дому журчал ручейком миниатюрный круглый фонтанчик с улыбчивым кудрявым ангелочком, льющим из кувшина прозрачную струю. Посреди аккуратно подстриженного зеленого ковра змеилась дорожка, вымощенная серым, голубоватым и бледно-розовым природным камнем. Она огибала клумбу с морем цветов, доверчиво распустившим лепестки навстречу солнцу. Здесь были розовые петунии, красные гвоздики, белоснежные иберисы и ярко-синие лобелии, выстроенные в причудливые геометрические фигуры.

Дальше дорога раздваивалась. Одна половина шла прямо к центру дома, сливаясь с большой площадкой у подножия большой веранды с монументальными колоннами в центре особняка. Там же, у входа, стоял белый «мерседес» авторитета. Вторая половина отходила к ступенькам, ведущим к установленной на возвышении деревянной беседке. Бетонное основание, на котором покоилось строение, неизвестный дизайнер декорировал осколками горных пород.

— Круто, — восхищенно выдохнул Олег.

Ашот спокойно улыбался, разглядывая окружающую обстановку. Гурам остался полностью невозмутимым. Похоже, наших армянских друзей, подобными домами не удивить.

— Миаау, — резкий и отрывистый мяв, прозвучал как иерихонская труба, заставив меня развернуться.

Слева от беседки, прямо за рукотворной каменной вершиной, гордо вышагивал упитанный павлин. Птица грациозно изогнула блестящую темно-синюю шею, дернув сиреневым хохолком. С любопытством покосилась на нас темным круглым глазом. Затем встряхнула хвостом, разворачивая огромным веером роскошные изумрудные перья.

— Млять, — у потрясенного десантника больше не осталось приличных слов. — Это просто Шахерезада какая-то. Пипец. Живут же люди, как султаны в восточных сказках.

Я промолчал. Ашот улыбнулся, наблюдая за потерявшей к нам интерес и повернувшейся задом птицей. Гурам по-прежнему оставался невозмутимым.

— Парни, стволы есть? — раздался голос сзади. Бородатый медведь подошел к нам неслышно. А с другой стороны от дома возник уже знакомый тощий парень со стеклянными глазами убийцы. Он стоял под тенью раскидистой пальмы, сливаясь с деревом и наблюдал за нами. А потом просто шагнул вперед, обозначая своё присутствие. Бандит был в той же серой рубашке и темных штанах. Из-под пояса торчала рукоять «ТТ». Худой настороженно смотрел на нас, готовый в любой момент выхватить ствол.

— Есть, — Гурам вытащил «стечкин» из-за спины. В руках у тощего моментально возник «ТТ». В громадной лапе «Медведя» появился небольшой револьвер.

— Оружие придется сдать, — безапелляционно заявил бандит.

— Нет проблем, — согласился борцуха. Разжал ладонь, пистолет кувыркнулся рукоятью вперед, повиснув на указательном пальце. Гурам протянул оружие тощему.

— Только вернуть не забудь, — добавил он.

— Не забуду, — пообещал худой, ловко перехватывая пистолет свободной рукой.

— Больше ничего нет? — проревел медведеобразный. Похоже, он был в этой парочке главный.

— С собой, нет. В машине ещё пара стволов, — вмешался в разговор я. — Надеюсь, проследите, чтобы оттуда ничего не пропало.

— Не волнуйся, — пообещал бородатый. — Всё будет в целости и сохранности. Мы отвечаем.

— Надо бы их шмонать, на всякий случай, — озабоченно пробормотал тощий.

Дверь дома распахнулась.

— Кого это вы шмонать собрались? — прогремел знакомый голос. На веранду шагнул улыбающийся Абхаз. Прикинут, как всегда стильно. Невесомая, тонкая как паутина и почти прозрачная бежевая рубашка, брюки стального цвета. За ним шагнул такой же довольный Абрек и остановился позади босса.

— Это мои друзья, — строго напомнил тощему вор. — Другьям верят на слово. Шмонать никого не надо.

«Ага, ага», — мысленно усмехнулся я. — «Будем считать, что в этот спектакль мы поверили».

Уж больно вовремя дверь открылась. Как раз тогда, когда Гурам оружие сдал. И ведь «друг» Тенгиз, «верящий на слово», не распорядился вернуть ему «стечкин».

Нас мгновенно просчитали, когда мы вылезли из машины. Этот в серой рубашке, стоя в тенечке под деревом, сумел рассмотреть во всех подробностях наши фигуры в футболках, убедиться, что за исключением Гурама в рубашке навывпуск, огнестрела у нас быть не может. Поэтому и допустил к шефу, после того, как забрал ствол у борцухи. Сам Абхаз, наверняка, стоял вместе с Абреком минуты три под дверью, прислушиваясь. Недаром кавказец первый рванул к шефу, попросив нас подождать минут пять. Просто, чтобы доложить, получить дальнейшие инструкции, «пробить на наличие стволов» и избавиться от них. Поэтому и допустили к телу босса, после отбирания ствола у борцухи. А Тенгиз, вместе с Абхазом ждали, пока Гурам стечкин сдаст. Заодно «медведь» и тощий внимательно наблюдали за борцухой и нами, прокачивая нашу реакцию. И только убедившись, что оружия на руках у гостей нет, авторитет вышел на порог. Продуманный и ушлый, как я и говорил Олегу.

— Здравствуйте, дорогие, — зычный голос Тенгиза, оборвал мои размышления. Абхаз лучился искренней радостью, как будто к нему приехали долгожданные, самые родные и близкие друзья. Артист.

Тенгиз обнялся с Ашотом. Затем заключил в свои объятья меня. Царственно пожал руки Гураму и Олегу и опять повернулся к нам.

— Я как раз хотел с вами перетереть. Есть одна тема интересная.

— Мы тоже, — улыбнулся я.

— Замечательно, — ухмыльнулся вор. — Значит, вовремя встретились.

— Махмуд, отведешь парней в домик для гостей. Распорядись, чтобы им поесть принесли, ну и всего, чего необходимо. Можешь поместье показать, в бильярдную проводить, пусть отдыхают, — скомандовал Абхаз. — А мы с друзьями пока побазарим.

Здоровяк кивнул.

— Пошли, братва, познакомимся, посидим, — пробасил он, развернулся и двинулся направо, по дорожке между беседкой и стеной особняка. Олег кинул на меня вопросительный взгляд. Я чуть кивнул, разрешая уйти. Десантник двинулся за маячащей впереди широкой спиной Гурама.

— Миша, Ашот, проходите в дом, — вор отодвинулся от двери, пропуская нас. — Обувь только в прихожей снять не забудьте. Тапочки прямо у входа стоят, выбирайте любые.

* * *

Ашот дернулся вверх, положив ладони на плитку. Бирюзовая гладь бассейна лениво колыхнулась. На лепном потолке заплясали бело-голубые зайчики. Парень подтянулся на руках, перевалился через бордюр и упал грудью на плитку, вытаскивая себя из воды.

— Ты что, нормально выйти не мог? — лениво поинтересовался я, повернувшись на бок, — лестница рядом, в паре метров буквально.

— А мне так захотелось, да, — бодро ответил армянин, тряхнув головой. На меня полетел веер брызг. Товарищ подхватил полотенце на стуле и принялся энергично вытираться.

— Пусть делает что хочет, — Абхаз широко улыбался, раскинувшись на лежаке рядом. — Молодость живет чувствами и эмоциями. Она быстро проходит и сменяется рассудительной зрелостью, а потом мудрой старостью. Только жизнь становится скучной и пресной, без былого огня и пылких эмоций.

— Согласен, — я отзеркалил улыбку. — Но, уважаемый Тенгиз, дай мне немного на него побурчать, на правах старшего. Чтобы не расслаблялся.

— Расслабляться вообще последнее дело, — кивнул Абхазец. — Тут ты прав. Поэтому я тоже периодически устраиваю разнос своим людям. Чтобы косяков не пороли и помнили обязанности. Так о чем ты спросить хотел?

— Может, начнём с твоей темы? — предложил я. — Ты всё-таки принимаешь нас у себя, и один из самых значимых людей в Грузии и Абхазии. Не правильно гостям, только приехав, начинать говорить о своих проблемах и заботах, не выслушав уважаемого хозяина. Это некрасиво. Правило вежливости для людей, чтящих обычаи предков и традиции настоящих джигитов: сначала выслушать гостеприимного хозяина, а потом говорить о собственных делах.

— Вах, как хорошо сказал, — восхитился Тенгиз и, запрокинув голову, басовито захохотал. Усиленный эхом смех глухо загремел, отражаясь от стен, покрытых голубой плиткой.

Из раздевалки выглянул обеспокоенный Абрек. Убедился, что всё нормально, сверкнул широкой улыбкой и опять пропал в недрах помещения.

— А ты хитрец, Миша, — успокоившийся Абхаз шутливо погрозил пальцем. — Хочешь сперва меня услышать, согласиться, и я тебе уже не смогу отказать. Нет уж. Давай, сначала тебя послушаем.

— Хорошо, — пожал плечами я и выложил вору нашу одесскую эпопею.

— И что ты от меня хочешь? — поинтересовался Тенгиз. Из глаз вора ушло веселье. Взгляд стал острым и пронзительным, лицо сосредоточенным.

— Нам нужно разобраться с одесситами. Чтобы спокойно работать, без ненужных шухеров.

Абхаз многозначительно помолчал, сверля меня глазами, и уточнил:

— А от меня что требуется? Ребята вообще в своем праве были. Разгрузить лохов, а вы именно ими в этой ситуации были, по понятиям.

— Прикрытия, — признался я. — Возможность сказать, что я твой человек.

— Это дорого стоит, — усмехнулся вор. — Как ты себе это представляешь? Что предъявлять людям? Вы приехали, обществу не представились, скупили шмотки, отвалили. Естественно, попали под растрату с криком^[18]. Всё законно. А за вами косяк.

— Не совсем так, — скривил губы в ответной ухмылке я. — Во-первых, они нас сразу на гоп-стоп взяли. Даже не пробивали толком, кто такие. А ведь мы с Саней в мастях, видно, что люди с биографией, на киче чалились, зону топтали. Это бочина^[19] с их стороны. Во-вторых, судя по засаде, готовились нас положить, прикрывшись ментовской формой. Это беспредел. И никому из местных авторитетов такой геморрой не нужен. Если бы удалось, мусора бы землю рыли, всех на уши ставили. В-третьих, зачем представляться обществу в данной ситуации? Форточниками работать мы не собирались. Щипачами на маршрутах — тоже. Хаты не обносили, гоп-стопами не занимались. То есть, по их темам не проходили. Ты же братве не докладываешь каждый раз, когда в магазин скупиться едешь, правильно?

— Складно излагаешь, — признал Абхаз. — Не докладываю, конечно. И как ты видишь ситуацию?

— Очень просто. Раскладка такая: твой старый друг попросил тебя присмотреть за внуком, поехавшим в Одессу прикупить шмоток. Ты дал ему в сопровождение пару человек, чтобы разрулить непонятки, если они там возникнут. Докладываться обществу не стали. Зачем лишний раз беспокоить авторитетных людей, если ничего на их территории делать не собирались? Просто совершили покупку и уехали к себе. Логично?

— Допустим, — кивнул Тенгиз. — Дальше.

— А дальше эти волки позорные решили нас вальнуть, а шмотки забрать. Толком не проббили, что за люди, а сразу поперли буром. Но справедливо обломались. Как не крути, мы везде правы. И можем им предъявить. Ещё и в ментов вырядились. А теперь представь, какой шухер бы поднялся: куча трупов, отморозки, переодетые в мусоров, пять человек завалили. И авторитетных людей серьезно бы напрягли, и твоих людей бы положили. Такая мокруха — голимое палево. Куча ненужных проблем и неприятностей для всех.

— Согласен. И чего ты хочешь?

— А хочу я одним махом решить проблему. Чтобы не искать по городу, кто на нас напал. Приехать в Одессу ещё раз и спровоцировать их повторно. Устроить засаду и на месте им предъявить. Мне их бабло не нужно, но ради принципа, можно чуток с них срубить за косяк.

— Если мною крыться будешь, беспредела быть не должно, — предупредил вор. — Валить никого без веской причины нельзя. Только в том случае, если по-другому нельзя.

— Я это понимаю. Так и думал сделать.

— Хорошо, — вздохнул Тенгиз. — Я тебя выслушал. В принципе, готов вписаться, если всё будет так, как ты рассказал. Я тебе должен за прошлое дело, и будем считать, что этим рассчитался. Но в следующий раз, придется полновесную долю отмаксать.

— Базара нет, — радостно согласился я.

— У меня тоже дело есть, к вам обоим, — ухмыльнулся вор. — На сто миллионов. Можно круто бабло поднять. Но придется поработать.

Я напрягся, и переглянулся с Ашотом. Друг выглядел заинтригованным и одновременно немного растерянным. Понятно, почему. Отказать такому человеку чревато, обидеться может, а вписываться в какую-то плохо пахнущую авантюру не хотелось. Впрочем, послушаем, что он скажет, а потом будем делать выводы.

— Говори, Тенгиз. Очень внимательно тебя слушаю.

— Левон сказал мне, Ашот торговлей занимается, джинсы продает и ещё разное, а ты ему помогаешь, как младшему брату. Защищаешь, следишь, чтобы никуда не вляпался. Так?

«Это кто продает, а кто помогает? Вообще-то идея моя, не говоря об организации процесса. Впрочем, возможно, так и нужно было говорить Тенгизу. Торгашей воры не любят. Но внука Левона он точно разводить и подставлять не будет. А я вроде и свой, выходец из блатной среды, но и Ашоту друг. Пожалуй, правильно всё патриарх сказал», — решил я.

— Так и есть, — осторожно подтвердил слова вора, и замолчал, ожидая продолжения.

— Рассказываю с самого начала, чтобы у вас в головах не возникало лишних вопросов. К нам в Пицунду приехала отдыхать важная шишка — один из начальников Молдавской железной дороги. Фамилию и должность говорить не буду, это вам не нужно. Человека срисовали в ресторане, доложили мне. Организовали знакомство. Дальше, получилось так, что он пьяный проигрался на одном из катранов на очень большую сумму. Но всех денег у него не оказалось. Чтобы человека не зарезали, мне пришлось взять его долг на себя, — Тенгиз сделал паузу, внимательно наблюдая за нами.

— Классическая разводка лоха на лавэ? И нагрузили, вы, естественно, его по полной? — ухмыльнулся я.

— Ты всё правильно понимаешь, дорогой, — сверкнул ответной улыбкой вор. — Капитал — зло. Это ещё лысый и вечно живой товарищ Ленин говорил. Вот мы и помогаем нашему социалистическому обществу, избавляем начальников-коммунистов от зла, возвращая на путь праведный. Но ты за него не беспокойся. Он без денег не останется, ещё для себя наворует. Готов слушать дальше?

— Конечно, готов, — я с интересом ожидал продолжения.

— Этот человек уехал обратно к себе в Кишинев. Его предупредили, не рассчитается и там найдут. Большую часть денег он отдал. Остался должен проценты. Недавно, буквально пару дней назад, прилетал в Тбилиси на самолете, чтобы поговорить со мной. Предложил интересный вариант, чтобы разойтись краями. Дело вот в чем. В начале семидесятых «Филипп Моррис» заключил контракт с Кишиневской табачной фабрикой. Знаешь, что такое «Филипп Моррис»?

— Знаю, — кивнул я. — Мальборо, Кент, Бонд, Кэмел и другие престижные и самые популярные американские сигареты.

— Молодец, разбираешься, — похвалил вор. — Несколько умных людей в руководстве фабрики, начали делать «левак», штамповать неучтенную продукцию. А чего им стесняться, оборудование и материалы имеются, отличный табак по специальной технологии производили. По отзывам знатоков, получалось как в Америке. Не отличишь. Склады и возможности для реализации тоже были. Причём сделали всё по-взрослому, вплоть до английских надписей на ребрах пачек и поддельных акцизных марок. Дело было поставлено на широкую ногу. Пачки сигарет производились десятками тысяч, запаковывались в отдельных цехах в фирменные блоки, вечером и ночью, когда у большинства обычных работяг заканчивались смены. В итоге, годами работали, бабло миллионами скирдовали, но зажрались и спалились. Накрыло их ОБХСС. Причём не местное, а московское. Важняки из столицы прибыли, чтобы этих деяг упаковать. Не иначе кто-то их сдал. Ребят приняли, они сидят в Кишиневском СИЗО, с ними работают следаки, готовят доказательную базу и

передачу дела в суд. А у этого начальника на сортировочной были приготовлены к отправке двести сорок коробок «Мальборо». Сейчас, понятно, отправлять их некуда, да и некому. Главных делег приняли, а если кто и на свободе, по хазам шхерится. Сигареты он сразу на другой склад перевез от греха подальше. И теперь перед начальником стала проблема. От товара надо избавляться как можно скорее. Договариваться с местными деловыми, чтобы продавали их в Кишиневе и Молдавии, когда идёт следствие, и менты землю роют в поисках поддельных «американских сигарет», это как заявление на самого себя писать. Только полный баран так сделает. Уничтожить сигареты на такую сумму жалко. Предложил их мне отдать. Он сделает документы, его люди подберут нужный вагон, с ремонтным оборудованием, например, закинут коробки туда, замаскируют, вагон опломбируют, и отправят, по нужному направлению, куда скажем. Начальник лично проследит, чтобы всё нормально прошло на всем пути следования. Проблем быть не должно. Но говорит, лучше всего отправить либо в Москву, либо в Ленинград. Весь путь следования его друзья, руководящие соседними железными дорогами, проконтролируют. Люди, проверенные в десятках совместных делах, ответственные.

На Кавказ тоже можно отправить, но посложнее будет, — ухмыльнулся вор. — в ЮЖД, Донецке, Киеве, Москве, Ленинграде свои начальники сидят. С удовольствием ему услугу окажут, за вагоном проследят, отцепят и в тупик на сортировке отгонят, грузчиков хороших дадут, чтобы разгрузили. А кавказцев он плохо знает. Договориться сможет, но отвечать за них, нет. И я сразу о вас вспомнил.

— Ты хочешь, чтобы мы продали эти сигареты? — уточнил я.

— Да, — кивнул Абхазец.

— Какие условия?

— Мне хватит пятидесяти копеек с пачки. Без торговли. Остальное — ваше.

— Сколько сигарет в каждой коробке?

— Блоков, — поправил вор. — Коробки скопированы с фирменных американских «Мальборо». Пятьдесят блоков в каждой.

— А в блоке десять пачек? — задумчиво подытожил я.

— Правильно, — кивнул Тенгиз. — Так и есть.

— Если мы тебе будем по пятьдесят копеек с каждой пачки должны, а всего двести сорок коробок это получается... — я задумался, пытаюсь вывести в уме необходимые цифры.

— Можешь не напрягаться, дорогой, — оскалился вор. — Я уже всё посчитал, шестьдесят штук мне отдадите, остальное ваше.

«Так, сколько стоит сейчас советское „Мальборо“? Если мне не изменяет память с начала восьмидесятых годов — полтора рубля. И их было тяжело купить. Американские у моряков продаются по два-три рубля, и разгребаются влет. Тема интересная и прибыльная. Интересно, почему это он такой щедрый? И что, попросит взамен, продать душу? Пожалуй, надо у него напрямую спросить и посмотреть реакцию», — решил я.

— Тенгиз, а почему, ты эти сигареты по пятьдесят копеек за пачку готов отдать? Мы же можем гораздо больше заработать. Извини, может, я вызову недовольство, но предпочитаю сразу выяснять спорные моменты.

— Правильно, предпочитаешь, дорогой, — Тенгиз был явно доволен моим вопросом, что было само по себе странным. — Здесь всё просто. Люди из-за своей жадности постоянно наживают себе проблемы. Мне шестидесяти штук вполне хватит. Тем более, что я ничего делать не буду. Просто сделаю один звонок в Кишинёв и всё. А на тебе и Ашоте всё

остальное. Придётся встретить товар, грузчикам заплатить, найти место для склада, выгрузить его, и продать без палева. А потом мне деньги привезти и передать. Хлопот выше крыши.

— Габариты коробки ты, случайно, не узнавал? — поинтересовался. — Чтобы понимать, сколько она занимает места, и какое помещение искать?

— Эээ, дорогой, зачем обо мне так плохо думаешь? — притворно удивился вор. — В первую очередь узнал. Примерно, сорок шесть на пятьдесят семь и на двадцать четыре сантиметра. Вот такая она где-то.

Тенгиз показал руками, какой должна быть коробка.

— Если ты и вес узнал, тогда вообще отлично, — улыбнулся я.

— Конечно. Чуть больше шестнадцати килограмм каждая, с учетом тары.

— Вот видишь, — я повернулся к Ашоту. — как нужно готовиться к любой операции. Всё узнавать и просчитывать до мельчайших деталей. Тенгиз, прими моё искреннее уважение — очень профессиональный подход к делу. По твоей информации можно сразу прикинуть, какой грузовик надо искать. Если мы будем укладывать ящики в шесть рядов в ширину и по пять вверх, то в длину получается восемь рядов. А вес будет почти под четыре тонны. Значит, для перевозки нам нужен грузовик-пятитонник, обязательно тентованный, чтобы спрятать груз от любопытных взглядов. С габаритами кузова, примерно, два метра в высоту или выше, шириной, минимум, около трех метров, чтобы не ощущать неудобств, при загрузке и длиной около пяти либо немного больше. Тогда коробки гарантированно там поместятся. Не вижу особых проблем. Такую машину вполне можно найти. Я уже не говорю, о площади склада для временного размещения коробок. Сразу много вопросов снимается.

— Значит, вы беретесь? — моя похвала вору понравилась и он, буквально, сиял от самодовольства.

— Предварительно, нам это интересно, — подтвердил я.

Ашот согласно кивнул. Парень во всем полагался на меня.

— Но перед тем, как дать полное согласие, надо обсудить ещё несколько вопросов.

— Каких вопросов, дорогой? — немного насторожился Абхазец.

— Как получить гарантии, что груз действительно будет загружен и отправлен к нам? Вдруг начальник Молдавской ЖД тебя обманывает, а когда придет пустой вагон, скажет, что это мы его украли.

— Эээ, такого просто не может быть, дорогой, — развеселился вор. — Со мной так не шутят. Он ещё жить хочет.

— Но всё-таки, хочется иметь гарантии, что этого не произойдет, — настаивал на своем я. — И поэтому у меня есть предложение.

— Какое?

— Очень простое. Первое, на сортировке, когда товар будут загружать, должен присутствовать мой человек. А когда груз дойдёт до места назначения, при открывании вагона — твой. Тогда никаких непоняток между нами не произойдет.

— Хорошо, организуем, — кивнул вор. — Абрека к вам пошлю. Ещё что-то?

— Сколько у меня времени, чтобы определиться с конечной точкой маршрута.

— Чем быстрее скажешь, тем лучше, — деловито пояснил вор. — Железнодорожник хочет как можно быстрее от груза избавиться и передо мною долг закрыть. Трудно сладко спать, когда в городе активно работает следственная бригада во главе с московскими важняками. Он понимает, что его сдать не должны. Сам может такого рассказать, что

парням сразу вышку дадут. Но, как говорится, береженого бог бережет, а небереженого конвой стережет. А после того, как ты скажешь, куда вести, нужно ещё и быстро все документы подготовить, подходящий сопутствующий груз отыскать. Это ещё два-три дня займет. Думаю, неделя у тебя есть, для определения пункта назначения. Но не больше.

— У меня ещё вопрос возник, — вмешался в разговор Ашот. — Тенгиз, ты не боишься, что груз могут по дороге менты хлопнуть? Или при случайной проверке найти?

Вор саркастически улыбнулся и уже собирался ответить, но я его опередил.

— Ашот, ты когда-то с перевозками ЖД дело имел? Или с железнодорожными организациями? — иронично поинтересовался я.

— Нет, — честно признался парень. — Это нереально. Родичи всё машинами перевозят, мы — тоже.

— Вот и не суди о том, в чем не разбираешься. Железка в нашей стране — это абсолютно закрытая от других организаций государственная корпорация с жесткой централизацией. Как отдельное государство в государстве. Правит отраслью Министерство путей сообщения во главе с министром. Железнодорожная сеть разделена по территориальному признаку на тридцать две железных дороги. Все управление идёт по цепочке от министерства к ЖД отделениям и линейным предприятиям. Организации, не имеющие отношения к железной дороге, вмешиваться в их деятельность никак не могут. Даже милиция у них своя — линейная. Через эту транспортную систему проходит огромный пассажиро- и грузопоток, включая международные транзитные перевозки сотнями тысяч контейнеров между странами Европы и Дальним Востоком. Все начальники территориальных железных дорог помогают, покрывают и поддерживают друг друга не только из профессиональной солидарности. Они банально зависят от соседних участков. Чтобы было понятно, представь, если вагоны со стратегическим товаром на много миллионов рублей пропадут, будут частично разграблены или сильно задержатся. Последствия, представляешь? Начальники вместе крутят огромную кучу гешефтов: товарные махинации, хищения, воровство в особо крупных размерах и многое другое. Поэтому, если большая шишка в Молдавской железной дороге будет заинтересована, чтобы груз куда-то доехал, он в девяносто девяти процентах из ста дойдет до места назначения без малейших проблем. И никакой левый мент или прокурорский не посмеет туда сунуть свой нос. Права не имеет. Надо к коллегам на железке обращаться, занимающимися такими вопросами. А они, обычно, свои люди в системе, прикормленные. Всё схвачено, за всё заплачено.

— А почему на девяносто девять процентов, а не на сто? — любопытно спросил Ашот.

— Один я оставляю, на случай непредвиденных проблем, наводнения, землетрясения или теракта, например, на что никто повлиять не сможет, — пояснил я.

— А ты умный парень, Миша, — остро глянул вор. — Откуда так много знаешь о железнодорожниках?

— Думал, как дешево и без лишнего геморроя перевозить наш товар. Вот и изучал структуру и возможности железки, — ответил я. По сути, не соврал. Так всё и было, изучал, и даже работал с ЖД. Правда, в прошлой жизни, когда гнал металлопрокат и кучу другой продукции вагонами в столицу и порты Прибалтики. Но об этом, естественно, рассказывать не собирался.

— Ещё вопросы есть? — уточнил вор. Похоже, долгое обсуждение сделки начало его тяготить.

— Тенгиз, а почему именно мы? — уточнил Ашот — Ты влиятельный человек, да.

Среди твоих знакомых цеховиков найдутся люди со связями, которые могут повернуть эту операцию в Москве и Ленинграде. О Кавказе я уже не говорю. Каждый местный деляга с удовольствием продаст эти сигареты, да.

— А сам как думаешь? — усмехнулся Абхаз.

Товарищ промолчал.

— На этот вопрос, я могу ответить, — снисходительно улыбаюсь своему «младшему брату». — Здесь Ашот всё просто. Тенгиз — вор авторитетный. Ему не по масти барыжничать. Его дело — овец стричь, территорию держать, общак собирать, чтобы братву на зонах греть, откинувшихся бродяг поддерживать. Даже если к местным деловым обратится, слух пойдет. Это ведь не шмотки с гоп-стопа барахольщикам скинуть. Тут предьявить могут. Мол, Тенгиз скурвился, торгашом стал, вагонами сигареты продает. Понятно, что Кавказ — дело особое. Многие воры в разных делах и схемах замазаны, которые к людскому отношения не имеют, и старые авторитеты могут объявить их зашкваром. Поэтому перебарщивать с такими операциями сильно не стоит. Тем более, уверен, что у батона Тенгиза, врагов хватает, чтобы ему предьявить. Мы, по большому счёту, люди посторонние. Никто особо с Абхазом нас связывать не будет. Местных не знаем, болтать о деле не будем. Поэтому, подключить нас — лучший для него вариант. Никто ничего не узнает, а шестьдесят штук никому лишними не будут.

Опять этот быстрый, острый, как кинжал взгляд из-под черных бровей. Заметив, что я срисовал его реакцию, вор добродушно улыбнулся и погрозил пальцем:

— Я прав — ты очень умный. На ходу, как у вас русских говорят, подметки рвешь. Страшно с тобой говорить, дорогой, человека насквозь видишь.

— Батона Тенгиз, не приbedняйтесь, — я растянул губы в вежливой улыбке. — Мне до такого волка как вы, очень далеко.

— Подхалим, — засмеялся, довольный похвалой вор. — Так что, будете продавать сигареты или нет?

— Пять минут, нужно кое-что прикинуть для окончательного ответа — попросил я.

— Хорошо, — вор, не торопясь, привстал с лежака, подхватил бутылку вина со стола и налил темно-вишневого вина в пузатый бокал. — Жду ответа.

Я призадумался. Отказываться в этом случае не стоило. Тенгиз обидится, перестанет нас воспринимать как людей, с которыми можно иметь дело. Да и когда такое бабло идёт в руки, всегда стоит рискнуть. Удача любит смелых. Но и об осторожности забывать тоже не следует. Варианты, как реализовать сигареты имеются. Первый — продать в Москве. Подключим Юджина и Айвана, тьфу, Женьку и Ваньку. Фарцовщики сигареты раскидают. И родня Ашота поможет со складом, реализацией. С машиной тоже что-нибудь придумаем, вопрос решаемый, сигареты сами загрузим-разгрузим, нас шестеро, если что, Гурама и других парней с разрешения патриарха подтянем. Но этот вариант не очень нравится. Всё-таки, фарцовщики — птицы не очень крупного полета. Сигареты сразу не толкнут, им придется с ними какое-то время возиться. Риск, что они засыпятся, тоже присутствует. Тем более, эти пацаны перед следаками долго запираются не будут. Выложат всё что знают, чтобы срок скостили. А значит, менты могут выйти на нас. Нет, этот вариант буду реализовывать, если другой не прокатит.

Второй — отдать сигареты на реализацию Герману, более интересный. Плюсов гораздо больше. Во-первых, по рассказам афганцев и моему первому впечатлению — мужик-ремень. Такой не сдаст. Во-вторых, обладает собственной командой. Собрать верных людей

для разгрузки-погрузки, ему раз плюнуть. В-третьих, имеет связи на заводе, среди крупных цеховиков и деловых. Поэтому вполне может найти машину, склад и раскидать сигареты относительно быстро. В-четвертых, он возьмет на себя весь геморрой: продажу, хранение, организацию процесса транспортировки, если договоримся, конечно. В-пятых, об участии нашей команды будет знать он один. Решено, сначала поговорю с ним. Возвращаюсь в Кировакан, объясняю парням суть дела. Отправляю к нему Серегу на самолете, чтобы не терять время. Сам лечу в Москву, если Герман соглашается, звоню Абхазу, говорю Ленинградское направление. Надо, кстати, продумать условные фразы так, чтобы только нам понятно было, о чем речь. Если командир отказывается, мчусь на всех парах к патриарху, предварительно общаюсь и пробиваю обстановку с фарцовщиками. Но только в том случае, если Герман откажется. Ему предложу такую схему. Нам с каждой пачки рубль, естественно, с учетом денег Абхаза. Всё что сверх этого — его. Должно прокатить. Фарцовщикам выставлю те же условия. Они «американские Мальборо» смогут распродать по два-три рубля за пачку. Другое дело, что Америкой тут не пахнет, но подделку никто не должен отличить, кроме настоящих фанатов этих сигарет. С планом разобрался, пора давать ответ вору.

— Мы беремся за это дело, — выдохнул я. — С утра уедем в Армению, сразу же пошлю людей в Москву и Ленинград, пробивать почву. Думаю, через несколько дней смогу тебе сказать, куда отправлять вагон с сигаретами.

— Я не сомневался, дорогой, что вы примете это предложение, — улыбнулся Абхаз. — Настоящим мужчинам всегда нужны деньги. Такую возможность упускать нельзя.

Утром я поднял всю команду, не дожидаясь пока товарищи отойдут от банкета, устроенного Тенгизом, после купаний в бассейне. Олег с Ашотом поднимались тяжело и нехотя. После обильных возлияний, товарищи чувствовали себя не очень. Гурам, наотрез отказавшийся от спиртного, чем неслабо удивил десантника, встал с рассветом и выглядел удивительно бодрым и свежим.

Я, ещё в прошлой жизни, наученный многочисленными корпоративами, пышными банкетами, дружескими застольями в ресторанах, тоже был почти в норме...

За свой стол кроме нас вор усадил Абрека и тощего парня со стеклянными глазами, сопровождавшего в московской поездке. Лохматый и бородатый здоровяк остался во дворе присматривать за имуществом босса и охранять дом.

Банкет, устроенный Абхазом, начался хорошо, под веселые шутки, анекдоты и жизненные истории, которыми в изобилии сыпали Абрек, радушный хозяин и мы с Ашотом. Тощий молчал, внимательно наблюдая за нами, своим ничего не выражающим пустым взглядом. У меня этот парень вызывал инстинктивное чувство опасливой настороженности. Болезненно худой со стеклянными глазами, он казался гораздо опаснее крепкого мускулистого горца, сидящего рядом с боссом. Как гремучая гадюка, пригревшаяся в тени теплых камней, и в любой момент способная одним укусом отправить к праотцам беспечного человека, неосторожно поставившего ногу рядом.

Банкет тем временем, продолжался. Абрек включил большой черный телевизор «Джи Ви Си», стоящий на тумбочке напротив. Подключил видеомэгафон на нижней полке, вставил кассету и нажал клавишу «плей». Когда на экране появились знакомые лица Льва Дурова и Мухтарбека Кантемирова, народ оживился. Фильм «Не бойся я с тобой» в Союзе пользовался всеобщей любовью. Помню, как я, в прошлой жизни, будучи советским школьником, прогуливал школу, чтобы посмотреть утром вторую серию фильма, наполненную великолепными песнями и зубодробительными ударами загадочного «карате». И не только я, как потом оказалось. Добрая четверть пацанов из класса последовала моему примеру. Все мальчишки от восьми и до четырнадцати лет хотели быть похожими на легендарного учителя «японской борьбы без оружия» Сан Саныча и его друга Рустама. Полад Бюль-Бюль оглы с пронзительными эмоциональными песнями и близко не имел такой популярности, как эти двое.

— Любимый фильм шефа, — улыбнувшись, шепнул, сидящий рядом, Абрек.

«Джафар вызывает ностальгию о боевой молодости»? — чуть не выдал я. Но благоразумно удержался.

Так мы и сидели, ели, разговаривались, ненадолго прерываясь на просмотр особо интересных моментов фильма и красивых песен.

Когда на экране разбойник Джафар подло подстрелил благородного Рустама, сбежал к своей банде, начал нежно обнимать приведенного на убой барашка и напевать:

Но он противник лучше не бывает,
Ты упадешь, а он не добивает,
Ударишь в спину и не ждешь ответ,
Интеллигенту от себя спасенья нет.

Ухмыляющийся Абрек стал с чувством ему подпевать, а я чуть не заржал во весь голос. Главарь разбойников чем-то внешне напоминал Абрека. Такой же отморозок и душегуб с кудлатой бородой. Только Абрек повыше, покрепче, без черкески и кинжала.

Вдохновенный дуэт дореволюционного киношного и современного настоящего бандита с чувством исполняющих гимн о глупых лохах, выглядел донельзя забавно. Трогательное родство душ и менталитетов. Почти столетие прошло, а нравы на Кавказе не меняются.

Я с трудом сохранил невозмутимое каменное лицо. Увидел, что лицо десантника, прекрасно уловившего момент, начало расплываться в широкой улыбке и пнул его в голень подошвой кроссовка. Удар под столом прошел незамеченным. Десантник сразу прекратил лыбиться и страдальчески скривился. Дернулся вперед, потянувшись рукой к ушибленному месту, но глянул на меня и сдержался. Хозяин и его боевики ничего не заметили. Тенгиз увлеченно слушал песню, наслаждаясь каждым моментом. Абрек подпевал, дирижируя бокалом вина. Даже тощий с холодными глазами на пару минут отвлекся от изучения наших физиономий, переместив взор в телевизор.

Застолье, под веселую беседу и культовое советское кино, продолжалось. Я старался не напиваться. Пару раз, пришлось выпить до дна взятый из рук хозяина рог вина. В большинстве случаев, после громогласных и цветистых кавказских тостов, делал вид, что наслаждаюсь спиртным, касаясь губами сладкой вишневой жидкости, плещущейся в бокалах. На еду особо не налегал, хотя просто глаза разбежались, когда увидел всё это великолепие, приготовленное умелым поваром, после наших плесканий в бассейне. Сразу возникло впечатление, что коммунизм уже наступил. Правда, для отдельных, очень предприимчивых личностей. Чего здесь только не было. Я даже все блюда не смог попробовать. Бутерброды с красной рыбой, балык, салями, темно-бордовые кусочки бастурмы, сочная тушеная телятина в томатном соусе, называемая Тенгизом чашушули. В тарелки гостей хлебосольный хозяин собственноручно наложил большой ложкой горки оджахури, чем-то напоминающее наше жаркое, затем протянул нам плетеную корзину с горячими лепешками с адыгейским сыром — хачапури по-имеретински. На большом подносе лежали блинчики с красной икрой. Присутствовала и черная: в отдельных хрустальных вазочках.

Только разнообразных салатов на огромном столе было явно больше десятка — с фасолью и говядиной, орехами и овощами, крупными, нарезанными дольками ярко-красных помидоров, соседствующими с тоненькими стружками огурцов. Опытным взглядом среди этого изобилия блюд я смог разглядеть маринованную красную капусту и морковь по-корейски.

Но главным яством стола стал, естественно, шашлык. Небольшой полненький человек принес большое блюдо, на котором лежали огромные золотисто-коричневые куски мяса, истекающие паром с таким умопомрачительным запахом, что мы с Ашотом чуть не подавились собственной слюной. Как сказал Тенгиз, к нашему приезду вырезку телятины мариновали в специально подобранных специях, чтобы достичь нужной вкусовой гаммы.

Под конец банкета Олег и Ашот еле ворочали языками. Я, употребивший не так много еды и вина, чувствовал себя лучше. Гурам, как и заявлял, наотрез отказался от спиртного и ел мало. У меня создалось впечатление, что присматривал за Ашотом, выполняя поручение Левона.

После традиционного чаепития, нас быстро развели по комнатам. Нас с Ашотом

поселили в гостевых апартаментах на втором этаже, состоящих из спальни с отдельными кроватями, балкончика и собственного санузла. Там мы благополучно уснули, развалившись на мягких кроватях, под падающими из окна теплыми лучами заходящего вечернего солнца.

А утром, позавтракав, попрощались с Тенгизом и Абреком, забрали у бородатого Махмуда «стечкин» Гурама и выехали в Кировакан.

Разговаривать, после сытной трапезы не хотелось, и первые полчаса пути мы проделали в молчании. Олег управлял машиной, Гурам, устроившийся рядом с водителем, дремал. Мы с Ашотом рассматривали, проносющиеся в окнах виды.

Смутное ощущение, как будто забыл о чем-то, упустил что-то жизненно важное, будоражило душу. Я мучительно напрягался, пытаюсь поймать ускользающий тревожный образ, тень мысли, бесформенной серой дымкой растворившейся в подсознании, но ничего не добился.

— Слушай, я спросить, хочу, да, — голос Ашота прервал мои терзания.

— Спрашивай, — согласился я.

— Как думаешь, мы правильно сделали, что послушали деда и приехали к Тенгизу без подарка? — похоже, что этот вопрос тревожил товарища.

— Абсолютно правильно, — улыбнулся я. — Левон Суренович же тебе всё на пальцах разъяснил. К Абхазу каждый цеховик и деловой подкатывает с подарком, чтобы решить вопросы. Он уже привык, что к нему идут с подношениями и изначально относится ко всем просителям высокомерно, ставя их ниже себя. А тут я его спас, Лысого обезвредил, и вдобавок вместе с тобою подарок вручаю. Это лишнее в такой ситуации. Во-первых, ставлю нас на один уровень с барыгами-просителями. Во-вторых, мягко давлю на него, с учетом того, что Абхаз мне обязан и дружит с твоим дедом. Если подарок примет, отказать уже будет неудобно. В-третьих, это может быть воспринято, как очередной подхалимаж, желание выслужиться и купить доброе отношение вора. А значит, его отношение, хотя он и внешне может этого не показать, изменится к худшему. Подхалимов и лизоблюдов не любит никто. Дед правильно сказал: лучше дело с Абхазом сделать, а потом подарок вручить, когда ответная услуга сработает. Левон Суренович к тому времени подберет антикварный кинжал, чашу или другую старинную вещь. Абхаз такое обожает. Выглядеть презент будет, как искренняя благодарность за уже оказанную услугу. А значит и отношение к нему будет абсолютно другим. Не как к подарку от просителей, а как к искренней благодарности за помощь. Так что, слушай деда внимательно и впитывай мудрость предка, пока есть такая возможность.

— Я всё понимаю, — кивнул Ашот. — Но все равно сомневаюсь, да.

— А ты не сомневайся, — я дружески хлопнул товарища по плечу. — Говорю же, Левон Суренович херни не скажет. Он знает Абхазца как облупленного. И если говорит, делать так, то надо слушать и молча выполнять.

— Да, дед у меня умный. Много как говорил, так и происходило, — вздохнув, признал Ашот. — Помню, как мы с ним один раз поехали в Спитак...

И тут меня словно молнией пронзило. Ускользающая мысль приобрела очертания, оформляясь в жутковатые картинки будущей катастрофы. Седьмого декабря тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года произойдет землетрясение в Армении! Двадцать пять тысяч человек погибших. Лежащий в руинах Спитак, десятки тысяч разрушенных домов в республике. Сто сорок тысяч инвалидов, полмиллиона оставшихся без крыши над головой! Кировакан тоже попадет в зону разрушений. Родители Гурама, Давид Вартанович и Мануц

Хачатуровна, радушно принимавшие нас у себя дома, могут пострадать. А ещё его брат Вазген, маленькая черноглазая сестренка Гаянэ, не расстающаяся с подаренным плюшевым мишкой и множество других хороших людей проживающих в республике. Чёрт, что же делать? Как остановить надвигающийся апокалипсис?!

— Млять, — сквозь зубы прошипел я. — Звездец, гребаный звездац.

— Что? — ошеломленно пробормотал Ашот.

— Что такое? — обернулся ко мне Гурам.

Даже Олег, кинул на меня быстрый взгляд и немного сбросил скорость.

— Ничего, — я набрал воздуха и глубоко выдохнул. — Едем дальше.

— Ты в порядке? — заботливо поинтересовался десантник, наблюдая за дорогой.

— В полном. Не обращай внимания. Я в норме.

Парни периодически с беспокойством поглядывали, но я уже пришел в себя и держал каменный «покер фейс». Одновременно лихорадочно думал, что делать.

«Так, до землетрясения два с половиной года. Время ещё есть. Организовать масштабную эвакуацию могут только власти. Причем не местные, а союзные. Сам я, даже если заработаю кучу миллионов до этого срока, просто не потяну. Не говоря уже о том, что в СССР никто не даст это сделать. Быстро приземлят на нары или в лучшем случае в дурку при попытке достучаться до властей с известием о грядущем землетрясении или перевезти хоть какую-то часть людей на транспорте. У руля до девяносто первого будет, как его прозвал народ Лимонадный Джо или Минеральный Секретарь — Горбачев. Он любит много и красиво говорить общими пространными фразами об „Ускорении, Перестройке, Гласности“ так, чтобы вынести мозги окружающим потоком бесконечного словоблудия. Но за этими красивыми словами ничего нет. Минеральный Секретарь труслив, глуповат и категорически не желает брать на себя ответственность, когда требуются принимать тяжелые и непопулярные решения. Остальное окружение под стать лидеру. Такие же любители словесного поноса, серые функционеры, преданно глядящие в рот Пятноголовому: Рыжков, Лигачев и прочие ничтожества. Только Алиев чего-то стоит, выделяясь на этом фоне. Ну и карьерист Шеварнадзе обладает каким-никаким, но характером. Поэтому достучаться до Политбюро невозможно. Ссыкуны и безвольные амебы банально просрут время, необходимое для масштабной эвакуации людей. Даже не знаю, что делать в этом случае. Умыть руки и наблюдать, как погибнут и станут инвалидами сотни тысяч людей? Да я спокойно жить после этого не смогу, понимая, что знал о грядущей трагедии, но не сделал ничего, чтобы спасти жизни. Насесть на Левона Суреновича, убедить, вывезти его родственников, родителей и близких Гурама? А остальные пусть погибают? Нет, так нельзя, это подло. Значит надо спасать всех. Как это сделать? Вот же ребус, на мою голову. Стоп. Ведь в СССР есть сейсмологические станции, исследующие колебания земной коры. На Кавказе они просто обязаны быть. Значит надо выходить на сейсмологов. Если понадобится подкупить их всех, пообещать рай на земле, но заставить криком кричать о грядущем землетрясении в Армении, бомбардируя пачками писем руководство республики и страны. Ученые, конечно, на деньги могут не повестись. Тогда нужно искать точки давления на каждого. Для начала найти кого-то одного, убедить, заставить сотрудничать. Найти новейшие западные труды на эту тему, чтобы грамотно подвести теоретическое обоснование о грядущем армянском апокалипсисе. Даже Левона Суреновича можно убедить и привлечь к этой задаче, если другого выхода не будет. Отлично, первые детали плана начинают складываться. Время ещё есть его доработать. Главное, чтобы эти старые пердуны из

Политбюро поверили и зашевелились. Значит нужно подать информацию так, чтобы никаких сомнений у них не оставалось. А если привлечь не нашего, а западного сейсмолога? Мировое светило предупреждает Советы, о грядущей катастрофе? А что, хорошо звучит. Но наши уроды могут счесть это провокацией Запада и не повестись. Особенно, если местные „специалисты“ надувают в уши, что всё хорошо, и никакого землетрясения не будет. Значит, надо действовать так, чтобы доводы были достаточно убедительными, а общественный резонанс — огромным и желательно, международным. Прикинем, как это реализовать теоретически. Для начала выйти на местного сейсмолога. С его помощью ознакомиться со всеми научными разработками, позволяющими предсказать будущие землетрясения. Создать доказательную базу, если понадобится, даже сфальсифицировать признаки надвигающегося звездца. Но этого мало. Нужно подключить к этому мировую армянскую диаспору. Что-то смутно помню, что в той жизни, после землетрясения Шарль Азнавур много денег и средств собрал для людей. А ещё есть американская актриса и певица Шер, молодой Андре Агасси, который уже стал профессионалом и впоследствии будет сильнейшим теннисистом мира. Знакомый бизнесмен, с которым я когда-то пересекся на пляже в Акапулько когда-то, рассказывал о Ватикане, и вскользь упоминал, что один из кардиналов армянин по национальности. Жаль, что тогда слушал его невнимательно и не запомнил имя этого персонажа. И это только те личности, которые сразу пришли на ум. Армянская диаспора одна из самых влиятельных в мире. Поэтому эту карту надо отыграть по полной, с максимальной экспрессией. Тогда вопли о грядущем землетрясении гарантированно дойдут до ушей наших забронзовевших партийных бонз. Но здесь одна очень серьезная проблема. Заниматься и курировать этот процесс я должен лично. Слишком многое поставлено на карту: жизнь и здоровье сотен тысяч людей. Значит нужно решать ещё два серьезных вопроса. Первый: пробить себе постоянный и свободный выезд за границу, что именно сейчас невозможно. Второй: найти способ беспрепятственно перевести часть капиталов в западные банки для подогрева процесса. Ну и заодно, зная все мировые тенденции, грядущие кризисы, перспективные отрасли экономики, компании, акции которых рванут вверх, заработать себе ещё несколько десятков миллионов „вечнозеленых“. И людям помогу, и деньги приумножу.

Теперь вопрос: Как сейчас прорваться через „железный занавес“, если даже при запуске кооперативного движения обычным людям, ничем себя не дискредитировавшим, это сложно? Приходится заполнять огромные анкеты, доказывать, что никто из родственников в плену не был, а сам ни к каким государственным секретам не допущен. Разумеется, с началом „предпринимательского движа“, правила выезда постепенно будут становиться всё более либеральными, но ещё долго система будет работать так, просто по инерции. А я, урка с судимостями за хулиганку и грабеж. Никто из гэбэшников и чинуш такого „за кордон“ не отпустит. Что делать?»

И тут меня осенило.

«А вот что! Выехать как негласный агент КГБ с дозволения этого ведомства. Выйти на высокопоставленного комитетчика, дать ему денег, и попросить, чтобы посодействовал. И у меня есть вариант, как это сделать и через кого, спасибо литературе, Интернету и разоблачениям СМИ „будущего“. Сейчас в среде деловых „варится“ торгаш антиквариатом и будущий олигарх Володя Гусинский. Как водится среди фарцовщиков и прочих деловых, чтобы не было проблем с доблестной милицией, он обзавелся крышей в КГБ. Мой товарищ трудившийся ТОП-менеджером крупной компании и знавший Гуся ещё с тех времен,

утверждал, что Володя был знаком и пользовался личным покровительством начальника Пятого управления КГБ Филиппа Бобкова, уже тогда трепетно относившегося к денежным знакам. В девяностых, благодарный за „крышу“ Гусь сделает своего бывшего патрона начальником Аналитического управления Холдинга „Мост“, а по сути своим опричником, главой личной спецслужбы новообращенного олигарха. Вот от этого и будем плясать. Находим этого вьюношу с взором горящим, знакомимся, становимся друзьями. Через него выходим на Бобкова. А там действуем так, чтобы под крышей этого комитетчика беспрепятственно кататься по европейским странам и Америке. Заодно начальника Пятого управления можно подключить к нашим операциям по взятию под контроль НПЗ, алюминиевого комбината и других „вкусных“ объектов. Старый упырь деньги любит, и, почуяв „ветер перемен“ с удовольствием поможет за солидный бакшиш. Понятно, что с ним нужно держать ухо востро. Подставит и глазом не моргнёт. Не исключен вариант, что попробует собрать компромат и выпотрошить бывшего уголовника и „богатого кооператора“ под угрозой тюрьмы, расправы или другой провокации. Может через своих подопечных, сделать из меня антисоветчика и шпиона, чтобы заставить раскошелиться. Вариантов масса. Значит нужно продумать контрмеры и защитные комбинации, чтобы старый козел, лишней раз и косою взгляд кинуть опасался. Прежде всего поработать со своими людьми и исключить возможность вербовки ближнего окружения, а потом, если Бобков дернется, заманить его в ловушку. Он в тысячи раз профессиональнее меня, а наши возможности даже сравнивать глупо. Но у меня есть два небольших преимущества. Первое, с началом кооперативного движения Политбюро даст негласный приказ МВД и КГБ не трогать коммерсантов, не давить проверками, расследованиями и вообще не лезть в их дела. Это можно будет использовать. Тем более, к тому времени, истощенный вой СМИ о преступлениях партократов и „кровавой гэбни“ станет массированным и начнёт звучать на весь Союз, формируя общественное мнение.

Второе преимущество состоит в том, что Бобков, таких как я серьезно не воспринимает. Значит, будет действовать стандартно, не опасаясь контригры. И на этом его можно серьезно подловить.

Если бы не необходимость, спасти людей в Спитаке, сто раз бы подумал, стоит ли связываться с этим высокопоставленным оборотнем. Но идти с ним на контакт придётся. Никакое бабло не заменит сотни тысяч спасенных жизней нормальных людей. А Бобков достаточно беспринципен, чтобы организовать мне выезды в Европу и США под крышей КГБ. Конечно, рано или поздно у блатных возникнут вопросы. Могут последовать предьявы. Но мне, честно говоря, на них плевать. И татуировки на пальцах, как только стану кооператором постараюсь свести. Новые времена наступают, и им надо соответствовать. Да и мне постоянное общение с уголовниками порядком надоело. К сожалению, по-другому бизнес в СССР сейчас вести не получится. Он полностью незаконен, контролируется бандитами и цеховиками, что часто почти одно и то же. Но как только по-настоящему запустится кооперативное движение, имел я в хвост и гриву эти стрелки, терки и уголовные морды. За исключением самых важных контактов типа Тенгиза. С такими придется встречаться лично. Остальных воров, гангстеров и прочих „джентльменов удачи“, замкну на службу безопасности в лице Сереги и его подчиненных, настоящих и будущих. Пусть ездят на разборки, участвуют в терках и стрелках. А я постараюсь себя любимого максимально оградить от радости общения с уголовным быдлом. Распределю обязанности в команде, делегирую большую часть своих полномочий условным учредителям: Ашоту, Сане и Олегу, а

сам сосредоточусь на стратегическом планировании и управлении проектами и предприятиями. Планов громадье с учетом послезнания. Недаром много времени в прошлой жизни посвящал изучению истории бизнеса и маркетинга, анализу развития рынков и наиболее перспективных отраслей экономики. Так что я знаю, куда, сколько и как вкладывать, чтобы получить фантастические прибыли. Правда нужно не зарываться и помнить, что дорога в ад вымощена исключительно благими намерениями. Но, увы, другого пути, к сожалению нет».

— Парни, вы все поняли?

— Всё, не волнуйся, Миша, с Германом договоримся. Он не откажется, уверен, — заверил Сергей.

Денис кивнул, подтверждая слова приятеля.

— Отлично. Тогда прямо сейчас поедem покупать билеты на завтрашний рейс в Ленинград, чтобы не терять времени. Тем более, мне с Ашотом тоже нужно лететь в Москву, — подвел итог я.

— В аэропорту проблемы могут быть, — отметил опер. — Билетов в Москву и Ленинград, может не быть в наличии. Туда много людей летает. Надо через знакомых доставать.

— И что ты предлагаешь? — поинтересовался я. — К Вардану Оганесовичу обратиться или твоему деду позвонить? Они, конечно, эту проблему решат быстро. Но стоит ли по мелочному вопросу таких людей беспокоить?

— Не стоит, — вмешался Ашот, опередив опера. — У каждой кассы здесь спекулянты ошиваются, да. На популярные спектакли, авиарейсы в большие города, билеты только у них можно купить. Но общаться с этой публикой надо в самом крайнем случае, да. Они делятся деньгами с ментами и не только, иначе бы работать не дали. Мы сделаем проще. Вазгена все большие люди знают и уважают, да. Он — знаменитость — чемпион по классической борьбе. Первенство республики выигрывал, призовые места на Олимпиаде занимал. Он попросит, никто не откажет. Билеты прямо к дому привезут, да.

— Неужто прямо к дому? — иронично усмехнулся я.

— Точно тебе говорю, да, — в голосе товарища проскользнули обиженные нотки. — Сам увидишь. Сейчас договорим, и я прямо к нему пойду. И Гурама с собой захвачу, вдвоем убедительнее будет. Может, придется немного переплатить, зато у спекулянтов не засветимся.

— Хорошо, так и сделаем. Если можно, бронируйте для нас четыре билета. Для ребят — два в Ленинград, а мы с тобой в Москву полетим, как договаривались.

— Гурам хотел с нами, весь мозг мне выел, да, — угрюмо буркнул Ашот.

— Пусть проводит до аэропорта, а дальше мы сами. Ты же ему сто раз уже объяснил. Через несколько часов будем в Москве. В самолете с нами ничего не произойдет, а если и случится какое-то ЧП, то Гурам точно ничем не поможет. К чему такая опека?

— Я тоже так считаю, да, — согласился компаньон. — Но ему приказали, быть рядом со мною. Пришлось домой звонить, и разрешения спрашивать. Дед, конечно, согласился, но со скрипом, узнав, что ты будешь со мной. Гурам все равно не отцепится, пока на самолет не посадит. Дед ещё хотел дядю Баграма на «ниве» нас встречать отправить, но я отказался. Сказал, сами на такси доберемся, да.

— Годится, — одобрил я. — Так и сделаем.

После секундной паузы, продолжил:

— Теперь подведем итог. Вова и Олег остаются в Кировакане с братьями. Ждут, когда с нами рассчитаются и забирают деньги. Сергей и Денис летят разговаривать с Германом о совместной операции по продаже сигарет. Если Леопардыч соглашается, даем отмашку Тенгизу. Затем парни из Ленинграда вылетают в Кишинев, присутствуют при погрузке

сигарет и летят обратно. Мы с Ашотом отправляемся к капитану, и утверждаем общий план работы. Если Герман по каким-то причинам отказывается, все собираемся в Москве. Подготавливаем сделку, и действуем так же с поправкой на то, что сигареты придется принимать и продавать в столице. Вопросы, предложения имеются?

— Нет, — ответил за всех Сергей. — Вроде со всем разобрались.

Ашот подтвердил кивком. Денис, Олег и Вова промолчали.

— Отлично, тогда работаем. Да, Ашот, ты перед тем, как к Вазгену идти за билеты договариваться, Гурама с собой прихвати. Так солиднее. Деньги на билеты возьмешь из нашей кассы в сумке.

— Хорошо, — согласился армянин. — Так и сделаю.

— Сергей и Денис готовятся к поездке. Остальные могут отдыхать.

* * *

С билетами всё разрешилось моментально. Вазген позвонил своему знакомому, обговорил все детали, и на следующий день мы поехали в аэропорт «Звартноц». Комплекс футуристических зданий, бетонным кольцом окруживших, похожую на летающую тарелку, диспетчерскую вышку, впечатлял. Как будто в одно мгновение перенесся из советских восьмидесятых на космическую станцию в далекое будущее.

— Нравится? — Ашот заметил, что я с интересом разглядываю здания и самолеты, выстроившиеся на бетонной круглой площадке вокруг автострады, плавно переходящей в мост. — У нас самый красивый аэропорт в Союзе. Достроили только в восьмидесятом году. Нигде такого нет. Лучшие армянские архитекторы проект создавали, да. Мы называем его «гнездом аиста».

— Впечатляет, — признал я. — Красиво, не спору. Но думаю, в других местах страны тоже найдется чем удивить.

— Конечно, найдется, — подтвердил Сергей. — Ты наш город вспомни — сталинские высотки, МИД, МГУ, дом Авиаторов. Каждая — шедевр архитектуры.

Мост закончился и «шестерка» Вазгена припарковалась во внутреннем кольце аэропорта, недалеко от входа.

Брат Гурама повернул ключ. Машина перестала дрожать и покорно замерла.

— Паспорта и деньги, давайте, — распорядился Вазген, поворачиваясь к нам.

Я молча протянул ему, заранее собранные паспорта и две сотенные бумажки.

— Это много, — категорично заявил чемпион. — Сдачу принесу.

— Не надо, — отказался я. — Главное, чтобы все правильно было. Сереже и Денису билеты в Ленинград, нам с Ашотом — в Москву. Я всё подробно на листочке написал, чтобы не перепутали. Он в обложке паспорта.

— Хорошо, — кивнул брат Гурама. — Не переживай, никто ничего не перепутает, прослежу.

Вазген подхватил пятерней, стоящий сбоку пакет с бутылкой вина, вылез из машины. Дверь с глухим стуком захлопнулась, а борец уверенным шагом направился ко входу в аэропорт.

— Сейчас к начальнику пойдет, — заметил Ашот, провожая атлета взглядом. — Поздоровается, поговорит немного, вино вручит. Билеты прямо в кабинет принесут.

— Ну и хорошо, — улыбнулся я. — Нам меньше хлопот...

Первыми, прихватив с собой спортивную сумку с личными вещами, улетели Денис с Сергеем. Их самолет оторвался от земли через полчаса после возвращения Вазгена с билетами.

Рейса на Москву пришлось ждать пару часов. Мы провели их в буфете в компании Вазгена. Гурама мы с Ашотом ехать в аэропорт отговорили. Шесть мужиков в «шестерке» просто не поместились. Особенно учитывая, что водитель представлял собою гору мышц, а Гурам немногим ему уступал. Да и остальные тоже были не дистрофиками. Гонять «пятерку» с Олегом, чтобы отвезти его, не было смысла. Нам никто не угрожал, рядом был Вазген, пообещавший младшему, присмотреть за нами и уехать только тогда, когда самолет взлетит с полосы...

Полет прошел нормально. Около пяти часов мы с Ашотом дремали, раскинувшись на сиденьях, рассматривали проплывающие облака в иллюминаторе, болтали о женщинах, Армении и впечатлениях от поездки.

После приземления, вышли вместе с потоком пассажиров из аэропорта. К остановке такси, периодически подкатывали «желтые волги» с шашечками и сразу же забирали очередных счастливых. Но солидная очередь с чемоданами и баулами не уменьшалась, постоянно пополняясь новыми желающими. Я двинулся к остановке, но Ашот предусмотрительно придержал за руку, и взглядом указал на мордастого мужичка в белой кепочке, стоящего недалеко от стоянки. Мужичок облокотился на дверь «черной трешки», сложил пухленькие ручки на бочкообразной груди и многозначительно крутил на указательном пальце ключ от машины. Делал вид, что любит белоснежными облаками, медленно проплывающими по голубому небосводу.

Перед нами к нему подбежала парочка средних лет — мужчина в сером костюме с толстым портфелем и чемоданом и дородная женщина с большой сумкой. После короткого торга, дама негодуяще фыркнула, мужик демонстративно сплюнул, и супруги удалились, занимать общую очередь на остановке такси.

Мордастый, без малейшего смущения, заломил нам пятнадцать рублей — нереально большую сумму. У меня не было ни сил, ни желания торговаться, поэтому я остановил начавшего громко возмущаться Ашота, и молча вручил деньги довольному мужичку. До появления пробок и перегруженных легковыми машинами трасс было ещё несколько лет, и мы спокойно, без остановок, довели до городской квартиры Ашота. Затем, через полчаса, трешка плавно подкатила к ставшему родным обшарпанному подъезду, где привычно кучковались на скамейке знакомые бабульки.

Пожилые дамы с интересом воззрились на меня, машину, таксиста и наперебой загомонили старушечьими надтреснутыми голосами:

— Ты смотри барин, на такси ездит. Опять ограбил кого-то, ирод.

— А расфуфырился то, как, штаны буржуинские напялил. Как их там? Тшинсы, во. Говорят, бабоньки, у нас в них спекулянты и стилиаги ходят. Ты ещё волосы и бекенбарды себе отпусти, ирод поганый. Сразу видно, не наш советский человек, нет. Загнивающий элемент, во.

— Дмитриевна, а шо, такое бекенбарды?

— Это борода такая козлиная. Висят пять сальных волосин, трясутся, срамота.

— Глупости, Дмитриевна. Бакенбарды — это растительность у висков, как у Пушкина, например.

— А ты, Семеновна, помолчи. Думаешь, если литературу преподавала, то умная, да? Интилихенция, тоже мне. Вот такие как ты голову трудовому народу и дурят.

— Привет, бабули, — поздоровался я, перебивая поднявшийся гомон. — Я тоже рад вас видеть, леди. Вижу маразм крепчает, покоряя новые высоты. Почему килограмм сплетен?

Бабки загомонили ещё громче, злобно посматривая на меня.

— Ирод!

— Бандит!

— Сталина на тебя нет!

— Козел!

— Набухаются и хамят приличным женщинам, гопота подзаборная!

Обошел разошедшихся старушек и открыл подъездную дверь. И тогда в спину резко влетело отчаянное, с истеричным надрывом:

— Чувырло пушистое, ондатра тоскливая, обморок бухенвальдский, свинюка нешкрябанная!

От неожиданности я споткнулся, и ухватился ладонью за дверную ручку, чтобы сохранить равновесие. Развернулся, борясь с душившими спазмами. Бабки увидели мое искажившееся лицо и озадаченно замолчали.

Я шагнул к старушкам и сдавленно проскрипел:

— Стыдно так выражаться, леди. Кто это крикнул?

Бабули молчали как партизаны. Пауза затягивалась. Наконец Ефимовна виновато отвела взгляд, и призналась:

— Ну я сказала. А шо такое? Мой внучок завсегда так с одноклассниками ругается. Такие выражения по телефону выдает, я запоминать не успеваю.

Я ответил, подрагивающим от еле сдерживаемых эмоций голосом:

— Мадам, выражаю вам своё порицание. Недостойно настоящей леди преклонного возраста оперировать такими ужасными выражениями. Свинюка нешкрябанная, чувырло пушистое и особенно ондатра тоскливая — это перебор. Об обмороке бухенвальдском даже не говорю. Меня ещё никто так ужасно не оскорблял.

Ефимовна смущенно потупилась и буркнула:

— Извини, переборщила.

Я стиснул зубы, с трудом сделал каменное лицо и кивнул:

— Хорошо, извинения приняты.

В гробовой тишине отвернулся от стайки озадаченных старушек. Открыл дверь, взлетел на лестничную клетку и заржал так, что гулкое эхо громом разнеслось по бетонному коридору. Во дворе кто-то испуганно пискнул, что-то с грохотом упало.

На втором этаже захлопали двери квартир. На лестничную площадку выглянул ошарашенный сосед. За ним виднелась любопытная мордочка девчушки лет четырнадцати.

— Мишка, это ты? А мы думали, звезда какой-то творится. Ты чего?

— Ничего, — прохрипел я, вытирая выступившие слезы подушечками пальцев. — Это же надо такое придумать обморок бухенвальдский, ондатра тоскливая, чувырло пушистое...

И закатился в новом приступе громового смеха.

Успокоившись, поднялся на свой этаж. Подошел к знакомой двери с обивкой из коричневого дерматина, вставил ключ в замочную скважину, открыл, решительно шагнул вперед и сразу уткнулся лицом в семейники, уныло повисшие на бельевой веревке.

«Это Витькины, что ли? Здравствуй жопа, новый год. Вот я и дома», — мрачно подумал,

отстраняя рукой влажную ткань и с отвращением рассматривая серые трусы в черную полоску. — «Нет отсюда, надо сваливать побыстрее, в отдельную квартиру. Нюхать белье меня не прельщает. Скажу Ашоту чтобы шевелился побыстрее с поиском подходящих апартаментов».

Я присел на стоящую рядом табуретку и начал снимать кроссовки. Дверь напротив, по другую сторону развешенного белья, скрипнув открылась. На пороге появилась моя матушка. В глазах женщины засветилась неподдельная радость.

— Мишенька, сынок, вернулся.

Она кинулась, ко мне, расталкивая руками простыни, штаны и футболки. Порывисто обняла и приникла к груди. В горле запершило.

— Здравствуй, мама, — прохрипел я, прижимая к себе чужую, но ставшую такой родной женщину.

В прошлой жизни никогда сентиментальностью не страдал. Подлецом не был, но всегда руководствовался холодным расчетом, рациональностью, держал многих людей на дистанции за исключением самых близких. И этот подход себя оправдывал. А сейчас...

Умом понимаю, она мне чужая. Все равно, как вижу матушку, так на душе светлее становится. И ком к горлу подкатывает после долгой разлуки. Сейчас она, роднее всех родных. Друзья друзьями, но моя чужая «мама» за всю мою новую жизнь, стала ближе всех.

— Как вы тут жили без меня? — спросил я, отстраняя матушку.

— Нормально, — лицо матери озарилось улыбкой. — Танька с Петровной как всегда по утрам переругиваются, спорят, никак кухню и ванную поделить не могут. Витьку, ты так запугал, что он тихо как мышка себя ведет. Стараются к себе в комнатку прошмыгнуть и там сидит. Только изредка на кухне появляется и то всё озирается. Боится, что ты неожиданно придешь. Всё-таки сынок зря ты так с ним.

— Мужчина, мама, всегда должен быть мужчиной, — назидательно произнес я. — Кто же виноват, что Витя труслив как заяц? Это его проблема, не моя.

— Не хочу вмешиваться в твои дела, но ты бы перестал бы с Ленкой крутить. Не хорошо это, не по-божески, она всё-таки замужняя женщина, — вздохнула родительница.

— Мы скоро переедим, и эта проблема сама собой снимется, — пообещал я.

— Куда? — напряглась матушка.

— Квартиру ищу съемную, — сообщил я. — А через полгодика-годик и кооперативную куплю для нас.

— Откуда у тебя деньги? — в глазах мамы зажглась тревога. — Опять с друзьями своими спутался? Ты же мне обещал.

— Не, с прошлым покончено, — отмахнулся я. — Даже Игнат на меня дулся, что общаться с ним перестал. Пришлось разруливать. У меня официальная работа. Числюсь грузчиком, занимаюсь торговлей. Никакого хулиганства и грабежей. Я, стараюсь, как Остап Ибрагимович Бендер, чтить уголовный кодекс и по минимуму пересекаться с нашей родной милицией.

«Фуxxx, и ведь не соврал ведь ни в чем», — мысленно выдохнул я. — «Умолчал, но в целом всё так и есть».

— В торговле так много платят? — недоверчиво поинтересовалась женщина.

— Мне хватает, — дипломатично ответил я, и сразу перевел разговор на другую тему. — А остальные соседи где? Почему не вижу комитета по торжественной встрече?

— Танька с мужем в отпуска ушли. Сейчас на дачу к себе укатили, им по шесть соток

заводоуправление выделило рядом, вот они там и копошатся, дачу строят, огород копают. Петровна к сыну в Воронеж уехала. Никого кроме меня нет.

— Ну и хорошо. Меньше народу, больше кислороду. Меня никто не искал?

— Ты знаешь, звонил один. Представился Владимиром Ивановичем из чебуречной. Сказал, что поймешь. Говорил, ты обещал созвониться с ним, но до сих пор не сделал этого. Просил срочно связаться, когда появишься.

«Гуменюк. Вот скотина. И как телефон узнал? Я же ему не давал ничего. Обещал же, что сам ему позвоню, даже телефон соседки взял. Хотя это для опера не проблема. Я же на его земле нахожусь и не однократно судимый. Описание у него моё есть. Тагуировки на пальцах тоже видел. Вычислить меня — раз плюнуть. Значит, нужно все мои бабки срочно в другие места перекинуть. Так, на всякий случай. Хрен, его знает, что этому упырю в голову придёт. А вообще, надо было ему давно позвонить. Совсем замотался со своими делами. Похоже, с Андрюшкой он решил и жаждет получить заслуженный гонорар за проделанную работу. Время терять не буду, перекушу, отдохну чуток и пойду на улицу звонить сотруднику невидимой службы».

Через сорок минут порядком отдохнувший и наевшийся домашнего маминого борща, я бодро спустился по ступенькам. Вышел из дома и весело мурлыкая под нос «если кто-то кое-где у нас порой, честно жить не хочет. Значит с ними нам вести незримый бой. Так назначено судьбой для нас с тобой», дошел до кабинки ближайшего телефона у продуктового магазина, и набрал номер капитана.

— Да, слушаю вас, — со скукой протянул низкий женский голос.

— Марина Аркадьевна, здравствуйте. Ваш телефон дал Владимир Иванович Гуменюк. Он должен был вас предупредить.

— Предупредил, — голос женщины построжел. — Сейчас его позову.

Через пять минут в трубку рывкнули.

— Алло, Гуменюк слушает.

— Добрый день, это ваш знакомый из чебуречной беспокоит.

— О, явился, не запылится, — в голосе капитана явно слышалось ехидство. — Где же ты пропадал так долго, знакомый из чебуречной? Я уже сам тебя искать начал.

— Извините, замотался совсем, — признался я. — Дело решилось?

— На все сто процентов, — хохотнул Гуменюк. — Тебе понравится. Все красиво прошло. Готовь пузырь дополнительно.

— Приготовлю, — пообещал я. — Ради такого не жалко. Когда встретимся?

— Давай завтра вечером в семь. В той же чебуречной. Она как раз закрываться будет, если договоришься, чтобы на полчаса задержались, и нам место предоставили как в прошлый раз, совсем хорошо будет.

— Попробую, думаю, проблем не будет. Если и возникнут, поговорим в другом месте. Кабаков в Москве хватает, а такси я оплачу.

— Итак, — Гуменюк расслабленно откинулся на стул. — Все прошло как по маслу. Сначала собрал полную информацию на гражданина Филонова. Идеальный объект для работы. Вспыльчивый, с высоким самомнением, любитель распускать руки. Живет в отдельной квартире. Предки, как на пенсию вышли, ему жилплощадь оставили, а сами в деревню перебрались. У них там дача и бабкин дом рядом, большое поместье получается. Недалеко речка, природа — благодать. Впрочем, это к делу не относится. Сначала думал спровоцировать его на рукоприкладство по отношению к работнику милиции в штатском, потом передумал. Сделал всё проще и одновременно интереснее. Привлек одного наркомана. Гоша — человек пропащий, уже пару лет на игле и остальной дурью не брезгует. Одной ногой на том свете уже. Ему месяца два-три жизни осталось. Хочет помереть на свободе, и за дозу родную мать продаст. Живет в соседнем доме, ненавидит Филонова всей душой. Боксер неоднократно издевался над наркошей. То ногой пнёт лежачего, то дозу отберет и ползать на коленях заставит. Я этого несчастного подогрел немного.

— Откуда дурь взял? — поинтересовался я. — Барыгу какого-то ограбил?

— Перестань, — отмахнулся опер. — У меня в кабинете как раз большой пакет валяется, как вещдок. Пара граммов туда, пара сюда, никто ничего не заметит. В крайнем случае, всегда можно на усушку или утруску списать. Наркоша очень доволен был, тем более, я пообещал, что остаток жизни на воле проведет, если сам фигни не натворит. И он с большим удовольствием написал на Андрюшку заявление под мою диктовку. Мол, эта сволочь ему дурь поставляет, а ещё является маньяком-извращенцем, любит совращать и трахать малолеток, в общем полный набор.

Заявление я на время положил себе в папочку, и пошел пообщаться с одной малолетней шалавой. Нинка с соседнего района, но несколько раз со мной пересекалась. На вид чистый ангелочек. Милое личико, девочка, как с картинки. Восьмой класс закончила, пятнадцать недавно исполнилось. Но шалава и стерва ещё та. Её полрайона поимели. От одноклассников и пэтэушников, до местных гопников и блатарей. Всем давала с удовольствием и расстановкой. Я ей денежек немного подбросил, помощь в разных ситуациях пообещал, она и согласилась поучаствовать в комбинации.

Нашего клиента из машины Нинке показал, когда он после тренировки выходил. Инструкции детальные дал. Утомлять тебя подробностями не буду. Взял с собой участкового и пошел с ним к Андрюшке, проверять заявление. Нинка уже там была, и знала, что делать. Ровно в половину третьего, когда мы к квартире подошли, заорала как резаная. Участковый за ручку двери схватился, а дверь открыта. Вломились в хату, там девка голая, белье порвано, плачет, а это чудо с членом наперевес, подушкой прикрывается. Состав преступления налицо. Андрюшка орёт, что всё по взаимному согласию, никого не насиловал. Сама попросила одежду порвать, мол, это её возбуждает, и вообще не знал, что она школьница, с такими сисяндрами выглядит как совершеннолетняя. А Нинка, естественно, кричит, наоборот, обманом завлек домой, накинулся как бешеный, угрозами заставил раздеться, белье изорвал.

Я парочку своих ханыг под рукой держал. Они рядом с домом прогуливались, вот и стали понятыми. В ящике тумбочке в прихожей обнаружили пакетик с коричневым концентратом, предположительно, опиум-сырцом и пару патронов к «макару».

— Школьница подкинула? — усмехнулся я.

— Зачем тебе это? Много будешь знать, плохо будешь спать, — осклабился капитан.

— Перестань, мы в одной лодке, мне сказать можешь. Хотя и так понятно.

— Она самая, — признался опер. — Когда жаждущий девичьего тела клиент прошел в комнату, «чтобы подготовить обстановку», Нинка задержалась в прихожей, снимая туфельки. Быстро достала из сумки гостинец, сунула в ящик, аккуратно открыла замок. Действовала, строго по моим инструкциям, чтобы не оставлять следов. Перед операцией я ей все мозги на эту тему выел.

— А если бы не получилось задержаться в холле?

— Все продумано. Тогда бы убежала «на секундочку» в туалет.

— А потом что?

— А потом, — горделиво подбоченился Гуменюк. — Наша несовершеннолетняя жертва заяву об изнасиловании написала. Фактура налицо. У этого уroda спина и лицо расцарапаны, одежда порвана, следы изнасилования и полового акта имеются. Я участкового и девку попросил подождать на кухне, а этому кадру красочно обрисовал перспективы, отдыха в СИЗО и на зоне. Рассказал во всех деталях, как его радушно примут заключенные узнав об инкриминируемых статьях УК. Особенно, об изнасиловании несовершеннолетней и половых извращениях. Этот боксер только с виду крутой. Когда понял, что его ожидает, чуть не разрыдался. Умолял, чтобы не давали делу ход. Я пошел ему навстречу. Заявление о желании сотрудничать с органами правопорядка он собственноручно написал и подписал. Потом, по моей настоятельной просьбе много интересного рассказал. Сдал одного кореша, тоже боксера, но бывшего, который выпивших вырубает и карманы обчищает, назвал квартирку, где краденое принимают, ещё пару мелких фарцовщиков сдал. Я, пока он не очухался, заставил всё в письменном виде изложить и подписать свои доносы. Теперь это чудо никуда не рыхнет, гарантированно. Компромата на него выше крыши. Будет делать то, что я скажу. В общем, раскрутил клиента на полную катушку.

— Чтобы ко мне больше не лез, сказал? — поинтересовался я.

— Через пару дней встретился с Андрюшкой. Дал ему переварить инфу в спокойной обстановке, и осознать, что прыгнуть не получится. Посмотрел на состояние клиента. Он полностью морально раздавлен. Принес очередную инфу в клювике. Борется с преступностью на невидимом фронте, помогает мне повышать раскрываемость, агент два нуля, — хохотнул капитан. — Вот тогда и сказал, чтобы тебя десятой дорогой обходил, иначе обзаведется дырявой ложкой и поедет валить лес в Магадане. Все документы у меня пока полежат. Регистрировать их не буду. Но боксеру четко дал понять, любой шаг в сторону, гарантированная поездка в СИЗО со сливом стукача вора. Андрюша проникся до самой печенки. Думаю, он тебя больше никогда не потревожит.

— Будем надеяться, — вздохнул я. — Я вижу, ты с папочкой пришел. Заявы и прочие документы там?

— А как же, — довольно подтвердил капитан. — Сам понимаю, что слова надо подтверждать. Всё тут лежит. Показывать?

— Конечно, — кивнул я.

Гуменюк торжественно открыл папку и вручил мне несколько листов.

Я пробежался глазами по документам. Заявление потерпевшей об изнасиловании и извращенных действиях фигуранта с несовершеннолетней. Протоколы допроса потерпевшей и изъятия вещественных доказательств (патронов и наркотиков) с подписями понятых.

Признание подозреваемого вообще феерично. Куча слезливых соплей, размазанных по бумаге.

«Раскаиваюсь, осознал всю тяжесть своих противоправных действий, готов искупить самоотверженной работой на благо страны». Только «Прошу понять и простить» не хватает.

Интересно, как капитан этого добился? Видимо, боксер совсем морально раздавлен был.

Что там дальше? Письменное согласие Андрюшки сотрудничать с правоохранительными органами. То, что надо. Рапорт опера на имя начальника РОВД с приложенным к нему заявлением наркомана. Рапорт участкового о проверке заявления, попытке изнасилования и обыске в жилье. А вот самое интересное, доносы боксера на своих дружков и знакомых. Ничего не скажешь, отличную работу проделал капитан.

— Есть несколько вопросов, — заявил я, возвращая бумаги. — Ты слишком много людей подключил к операции. Не боишься, что протечет?

— Не должно, — категорично заявил опер. — Все, кроме Нинки неоднократно проверены в разных делах. Понятые ещё мне и постукивают. Ничего такого, они к криминальному миру косвенное отношение имеют, в основном мелких нарушителей сдают, но раскрытия боятся. А малолетней шалаве, как и участковому, я денег дал, помощь свою пообещал и тоже на сотрудничество раскрутил. Она много чего интересного о местной шпане и уголовниках рассказала. Участковый тоже свой человек. Провел со мной операцию по вербовке стукача, получил два пузыря «Столичной» и доволен как слон. Так что, никто ничего говорить не будет. Не в их интересах.

— Дай бог, — с сомнением согласился я. — Боюсь, если эти документы ввести в систему к тебе сразу много вопросов возникнет. Например, почему этого Андрюшку после заявления брала не группа захвата из оперов, а вы с участковым? Это неправильно. И вообще, не соблюдены процедурные действия. Ты должен был доложить начальнику, зарегистрировать бумаги, он — сформировать группу захвата для задержания. А тут самодеятельность какая-то.

— Ты смотри, разбираешься, — в глазах капитана мелькнуло уважение. — На самом деле, все легко объясняется. Во-первых, заявление от наркомана, само по себе, сомнительно. Я должен был проверить его подлинность. Вдруг мы невиновного человека будем прессовать? Нельзя же так. Вот и решил, перед регистрацией заявления подключить участкового и провести оперативные действия. Пока побеседовать с подозреваемым, неформально. Чтобы составить личное впечатление о фигуранте. При этом о содержании заявления не рассказывать, а найти другой предлог для разговора. И заодно, заставить правонарушителя нервничать, суетиться и делать ошибки. Только мы пришли, сразу на совершение преступления удачно попали. Ну а дальше тебе уже рассказал.

— Не знаю, — я с сомнением покачал головой. — Как-то всё чересчур складно получается. В жизни так не бывает. И понятых быстро нашли, и изнасилование очень вовремя произошло, в тот момент, когда вы туда пришли. Твой же начальник будет сомневаться. А матерые опера точно решат, что всё шито белыми нитками. Да и вообще вещдоки нужно в течение суток в журнале зарегистрировать. А ты этого не сделал.

— Перестань, — отмахнулся капитан. — Мы же не собирались давать делу ход. Все эти бумаги нам нужны, чтобы успокоить Андрюшку. Вот мы его и успокоили. Я участковому сказал, что заява подлинная, но мне стукач нужен, а не подсудимый. Важнее получить оперативную информацию о преступниках — поставщиках и покупателях наркотиков и

иметь постоянного осведомителя в их среде. При необходимости, и начальству повторю. Поэтому документы попридержу, и никто ничего мне не сделает. Официально, у нас такие методы работы, сам понимаешь, публично не озвучиваются, но негласно одобряются. Ничего плохого не будет в любом случае. Мы прикрыты со всех сторон. Начальству важнее палки рубить, показатели раскрываемости на высоком уровне поддерживать. Опера, сами такие же. Если не будут агентов вербовать, и прикрывать, ни хрена не узнают, что на земле творится. Это только в кино, преступления раскрываются гениальными сыщиками, владеющими дедуктивным методом. В реальности восемьдесят процентов убийств, грабежей, краж, разбоев выявляются с помощью стукачей.

— Андрюшка по заявлениям совершил тяжкие преступления, — усомнился я. — Обычно опера покрывают мелочевщиков каких-то, а за серьезные правонарушения схлопотать можно.

— Эту ситуацию можно повернуть и другим боком, — пояснил капитан. — Заявление наркомана сомнительно само по себе. Показания малолетней шалавы, которую полрайона поимело, тоже. На наркоте отпечатков пальцев нет. Любой хороший адвокат на суде обвинение с дерьмом смешает. Поэтому лучше завербовать агента, чем шить дело. Так начальству объясню, если понадобится. И оно мои действия полностью одобрит. Можешь не сомневаться. Но это так, вариант для подстраховки, на всякий случай, если дело всплывет. Мы же давать ход бумагам не будем, правильно? Ты поставил задачу, сделать так, чтобы гражданин Филонов обходил тебя десятой дорогой? Задача выполнена.

— Ладно, — согласился я. — Ты опер, тебе виднее. Но есть ещё один нюанс. Мне нужны копии некоторых документов. Согласие Филонова на сотрудничество и его доносы на друзей.

— Это ещё зачем? — нахмурился опер. — Не дам я тебе ничего. Если бумаги всплывут, ко мне вопросы возникнут.

— Мне оригиналы не нужны, — терпеливо начал объяснять я. — Документы просто сфотографирую. Пленка у меня полежит. Так, на всякий случай.

— Нет, — решительно мотнул головой капитан. — И не проси. Я не могу так рисковать.

— В чем риск? Мало ли кто их мог заснять? Он же свои пасквили на имя начальника РУВД писал. Если захочешь, можем даже инициалы понятых бумагой прикрыть. Мне главное иметь доказательство, что Андрюша стукач.

— А потом, когда его прирежут, меня к ответственности привлекут? — прищурился опер. — Не пойдёт. И не проси.

— Сто пятьдесят рублей сверху, плюс компенсация расходов, — решительно заявил я. — И мое слово, что никому ничего показывать не буду. По крайней мере до того момента, когда Андрей совсем страх потеряет и решит снова докопаться до меня. Бумаги — моя страховка. К тебе никаких вопросов не возникнет. Документы не зарегистрированы. Ты нигде не фигурируешь. И потом, мало ли кто и с какой целью мог их сфотографировать? Тебе никто ничего предъявить не сможет.

— Ладно, — вздохнул опер. — Двести сверху, плюс полтинник на расходы и я согласен.

— Вот и отлично, — повеселел я.

Приподнялся, вытащил из кармана джинсов тонкую пачку сторублевок. Сотню аванса дал раньше, значит с меня ещё шестьсот пятьдесят. Отсчитал шесть купюр. Полез в другой карман и добавил ещё два четвертака. Положил на стол деньги и подвинул их к оживившемуся оперу.

— Держи.

Гуменюк лихорадочно пересчитал купюры, и засунул их во внутренний карман пиджака.

— С тобой приятно иметь дело, — ухмыльнулся он, — Фоткать когда будешь?

— Прямо сейчас, — улыбнулся я и поманил пальцем скучавшего за стойкой небритого восточного мужика в несвежем белом халате. — Серго, принеси «Зенит» из подсобки, пожалуйста.

— Харашо, — расплылся в улыбке небритый, — сейчас принесу.

— Ты что, ещё фотоаппарат сюда притащил? — с подозрением глянул опер.

— Ага, — кивнул я.

— Предусмотрительный. Надеюсь, не украл?

— В коммиссионке купил. Могу даже квитанцию показать. Двести рублей с лишним выложил. Аппарат бомба — «Зенит-12», экспортный вариант.

— А чего в подсобку спрятал? — ухмыльнулся опер.

— Чтобы тебя лишний раз не пугать, — пояснил я. — Опера всегда настороже, работа такая. Мало ли чего тебе в голову могло прийти, при виде фотоаппарата. Ещё решишь, что я сдуру тебя запечатлеть решил. Поэтому и попросил Серго подержать у себя.

— Логично, — признал опер, взял жирный золотистый чебурек с тарелки, макнул уголок в пиалку с томатным соусом. С аппетитом захрустел поджаренной корочкой. По подбородку капитана потек мясной сок.

— Ммм, вкусно девают, — прочавкал он, дожевывая остатки чебурека. Подхватил кончиками пальцев салфетку в стаканчике и неторопливо вытер блестящий от жира рот.

— Знаю, — улыбнулся я. — Давид и Серго отлично чебуреки готовят. Можно сказать, душу вкладывают. Я и сам у них периодически заказываю и домой забираю.

Улыбающийся Давид принес фотоаппарат, положил его на стул рядом и тихо испарился.

— Ну что, приступим, освещение хорошее, снимок должен получиться, — я щелкнул кнопкой, откинул футляр, вытащил из кучи нужный документ, и прицелился в него объективом. Щелкнул кнопкой пуска, «Зенит» согласно клацнул. Приблизил фотоаппарат и сделал повторный снимок.

— Отлично, первый готов. Теперь доносы запечатлею, и можем разбежаться...

* * *

Матушка встретила меня в прихожей.

— Евочка звонила, — радостно сообщила она. — Сказала, что дома будет, просила набрать её.

— И всё? — уточнил я. — Больше никто не звонил?

— Ой, совсем забыла, — всплеснула руками родительница. — Ещё парень какой-то. Сергеем представился. Просил передать, что с Германом договорись, ждут тебя в Ленинграде.

Мама замолчала. Нахмурилась, подумав о чем-то своем. Глянула с тревогой на меня.

— Вижу, ты спросить что-то хочешь, — заметил я. — Не держи в себе, спрашивай. Смогу, отвечу.

— Сынок, — неуверенно начала родительница, запнулась, собираясь с духом, и решительно продолжила. — Ты точно к старому не вернулся? Я боюсь за тебя. Какие-то новые друзья, непонятные дела, мне страшно, что опять в тюрьму попадешь.

— Не должен, мам, — уверенно ответил я. — Во всяком случае, с пьянками, хулиганством, гоп-стопами точно покончено. Ты же знаешь, я новую жизнь после больницы начал. Встречаюсь с хорошей девушкой, работаю. От тюрьмы до сумы в нашей стране, конечно, никто не застрахован. Жизнь может повернуться по-всякому. Но я делаю всё возможное, чтобы этого не произошло.

— Дай бог, — вздохнула матушка, — Ева девушка неплохая, хотя язвительная и с характером. Всегда такой была с малых лет. Но, во всяком случае, лучше твоих прежних подружек, особенно этой алкоголички и прощмандовки Верки, глаза бы мои её не видели.

— Вот видишь, — улыбнулся я. — Значит, все правильно делаю. С Игнатом, кстати, общаться перестал. Встретились, поговорили, я ему пояснил, что завязал и начинаю новую жизнь.

— И как он это воспринял? — встревожилась матушка. — Игнат — парень горячий. Сначала делает, потом думает. Через это всю жизнь и страдает.

— Нормально воспринял. Я же всё грамотно сделал. Сначала его расслабил, пивом угостил, начал общаться. Потом пару рублей дал для поддержки. Объяснил, что после ранения, решил изменить жизнь. В общем, у него никаких претензий не осталось.

— Дай бог, — повторила родительница. — Ладно, снимай обувь, и руки мой. А я пока блинчики с творогом разогрею.

— Не надо, — отказался я. — Только недавно хорошо перекусил в чебуречной. Сейчас Еве позвоню, и пойду с нею повидаюсь.

— Ну смотри, делай как знаешь.

Матушка ушла в свою комнату, а я прошел к себе, подхватил маленький синий блокнотик, купленный по случаю в газетном киоске. Раскрыл, нашел взглядом квадратик с буквой «Е» и направился к телефону, находившемуся на тумбочке в прихожей...

— Алло, я вас слушаю, — улыбнулся, услышав знакомый звонкий голос златовласки. На душе стало спокойно, уютно и тепло. Влюбляюсь, что ли? Рановато, для прожженного циника, прожившего в прошлой жизни чуть больше полувека, считавшего себя знатоком женщин, и гордившегося холодным и расчетливым мышлением. Может просто гормоны в молодом теле шалют? Впрочем, об этом, как говорила главная героиня культового романа «Унесенные ветром», «я подумаю завтра», а пока просто рад слышать свою девушку.

— Привет, — тепло поздоровался я.

— Привет, — откликнулась Ева. — Ты куда пропал? Сказал, дня на четыре уедешь, максимум, на пять, а уже полторы недели прошло. Мне же скучно. Даже в кино не с кем пойти. Сижу, как дура, тебя жду.

— Нет мне прощения мадемуазель, — картинно начал я. — Гореть моей душе черствой в геенне огненной за это страшное преступление. Готов искупить свою вину кровью. Или может обойдемся шампанским в хорошем ресторане? Второй вариант мне как-то ближе. Поверьте, прекрасная леди, моя кровь и я вам ещё пригодятся.

— Ой, да ну тебя, — надулась девушка. — Ты всё прикалываешься.

— Нисколько, — возразил я. — Абсолютно серьезно. Куда хочешь поехать? В «Прагу», «Арагви», «Арбат»? Или есть другие предложения? Готов выполнить любое пожелание своей принцессы.

— Не надо в ресторан, — отказалась девушка. — Заходи ко мне. Родители уехали в санаторий на две недели. Сейчас лежат в Гурзуфе и нежатся у моря на летнем солнышке, а я здесь тебя жду. Ко мне подружка пришла, из кружка танцев. Кассету принесла с американским фильмом. «Бриолин» называется. Говорит — кино бомба.

— О, любви небось, — скептически поинтересовался я. — Будет там Траволта телом дергать, непристойные танцы изображать, а мы смотреть на это непотребство?

Я сделал секундную паузу и повысил голос, добавив надрывного драматизма:

— Как вы можете? Простые советские девушки, будущие матери, юные строительницы коммунизма, потекают своим низменным инстинктам и морально разлагаются под тлетворным влиянием Запада. Боюсь представить, что будет дальше. Сегодня ты смотришь «Бриолин», а завтра начнешь посреди улицы бешено дрыгать ногами, задрав юбку под заводное «диско»? Какой ужас!

— Мишка, хорош прикалываться, — начала Ева и резко замолчала. До неё дошло.

— Я тебя уже бояться начинаю, — пробормотала она. — Где ты смог фильм посмотреть? Его же у нас не показывают. Видеомагнитофон — редкость, в Москве фильм смотрели человек сто-двести максимум. Не каждый из них его фамилию вспомнит, а ты сразу назвал.

— Так не бояться, а гордиться надо, — усмехнулся я. — Видишь, какой я у тебя образованный и многознающий. Другого такого днем с огнём не найдешь.

— Ладно, — девушка благоразумно решила не вступать в полемику. — Так ты идёшь?

— Конечно, — ответил я. — Как я могу отказать такой красотке? Конечно. Даже не иду, а лечу к тебе на крыльях любви. Вот только присутствие подруги меня смущает. Зачем нам третья лишняя?

— А она с тобой хочет познакомиться. Интересно ей очень увидеть моего парня, — саркастично хмыкнула Ева.

В трубке раздался возмущенный девичий писк, перешедший в лихорадочное перешептывание.

— Ценю твою откровенность, — хмыкнул я, с интересом ожидая продолжения.

— Не беспокойся, она недолго будет. Немного посидит с нами и уйдёт. У неё свои дела имеются, — категорично заявила златовласка.

— Фильм мы, — Ева сделала многозначительную паузу, — посмотрим сами.

— Это замечательно, — с чувством воскликнул я. — Всегда мечтал посмотреть этот замечательный фильм именно с тобой. А диван у тебя мягкий? Нам удобно будет на нём... сидеть?

— Придешь, я тебе продемонстрирую, — зловеще пообещала подруга.

— Уже лечу к тебе, любимая. Жди меня и я приду.

Перед встречей с Евой быстро принял душ, благо в общей ванной, никого не было. Вызвал такси и приступил к выбору одежды. После первого свидания с Евой, я в полной мере оценил стильность вещей под маркой «Ральф Лорен», и договорился с фарцовщиками: как только появляются футболки, поло, рубашки и другая одежда этой марки, пусть сразу связываются со мною. И в случае покупки, с меня четвертак премии за право купить первым.

Одежда, созданная знаменитым американским модельером из Бронкса, давно стала повседневным образцом стиля для многих известных американских и европейских бизнесменов, политиков и кинозвезд. И мне она нравилась. Идеальное сочетание классики с нотками «кантри» и спортивного стиля. Неброская простота, подчеркивающая аристократичность успешных и состоявшихся людей.

И сейчас сразу же выбрал из собранной коллекции летнюю рубашку «Ральф Лорен» в тонкую синюю полоску. Натянул белоснежные брюки. Взял примостившуюся на полочке шкафа склянку «Versace L'Homme», купленную у тех же фарцовщиков. Триста пятьдесят рублей отдал за небольшой флакончик туалетной воды, но аромат того стоил. Побрызгал на виски. В коридоре обул легкие светло-коричневые итальянские лоферы из мягкой плетёной кожи. Глянул в зеркало и остался доволен увиденным.

Только статусных часов на запястье не хватало, но, увы, слишком вызывающе они будут смотреться в Союзе восемьдесят шестого. Даже советские золотые «Луч» и «Спутник» на стильном кожаном ремешке привлекут ненужное внимание и завистливые взгляды.

Одежда тоже вызовет интерес окружающих, но я ничего не мог поделать со своей слабостью, привык хорошо одеваться. И особого риска привлечь ненужное внимание, нет. Разгуливать по улицам города не буду. Быстро проеду на такси, куплю цветы, возьму в своем «бывшем» магазине шампанское и конфеты, благо, знаю к кому обратиться, и прикачу к подъезду Евы. Да и восемьдесят шестой год на дворе, не тридцать седьмой. Хорошая одежда из соцстран и их капиталистических соседей, хоть и не встречается повсеместно, но всё используется частью золотой молодежи и модников постарше. Тем более в столице, где хватает сынков и дочек высокопоставленных чиновников, партийных деятелей, руководителей торговли, фарцовщиков, представителей неформалов: панков, металлистов, хиппарей и прочих любителей «западной культуры». К джинсам, импортным футболкам, рубашкам и другим зарубежным шмоткам москвичи привыкли. Прохожие уже подозрительно не косятся на модников, с видом туземцев, в первый раз увидевших одежду белых европейцев.

Пару раз кинут косые взгляды, этим и дело ограничится. Вот наколки на пальцах гораздо хуже и привлекают нездоровое внимание. Патруль ППС, опера или другие правоохранители могут привязаться, если часами находиться в людных местах. Мне это не грозит. Ездить буду на такси, а в магазин зайду со стороны складов. Риск встречи с ментами минимален.

Я поставил перед собой глобальные цели, но отказываться от маленьких радостей и ограничивать себя в простых житейских удовольствиях не собираюсь. Особенно, когда кооперативное движение запустится в полную силу. Для меня комфорт, возможность путешествовать и жить в своё удовольствие превратились в необходимые потребности. Слишком много я был лишен в прошлой молодости, а возможность подняться на высокий

уровень достатка появилась после многих лет напряженной пахоты, когда мне пошел пятый десяток.

Сейчас мне хочется выглядеть хорошо на свиданиях с любимой девушкой. Я осознаю, что сначала вызвал интерес Евы своей необычностью. Слишком яркий контраст получился между мною прошлым и настоящим. Как между гориллообразным уголовником и хлипким ботаником-интеллигентом.

Параноя не успокаивается. Продолжает настойчиво грызть. Вовпит, что одежду можно было подобрать попроще и не выделяться среди общей серой толпы восьмидесятых. Но я идти у неё на поводу не намерен. Тем более, что одеваюсь так, редко, только когда иду на свидание. В остальное время хожу намного скромнее, в джинсах и неброских, но дорогих зарубежных вещах, без кричащих лейблов.

Когда от наколок на пальцах избавлюсь, вообще отлично будет. Можно большой бизнес здесь и на Западе делать, с привлечением высоких чиновников, а в будущем и политиков. К сожалению, с этим придется подождать. Сейчас время такое, без терок с уголовниками никак.

Впрочем, и в восемьдесят шестом, среди воров хватает любителей цацек и модных шмоток, особенно этим отличаются «лаврушники». И их никто не хватает. Кавказцы раскатывают на машинах, сидят в ресторанах, сводя к минимуму возможность встречи с работниками милиции при исполнении...

Через полчаса я уже подъезжал к рынку на желтой волге-такси. Георгий по-прежнему торговал цветами в своем киоске. Увидев меня, усатый грузин в огромной кепке расплылся в широкой улыбке. Быстро выбрал мне семь роскошных алых роз, минуты три заботливо упаковывал их в хрустящую прозрачную пленку, делая пышный бант из красной ленты. Взял с меня пятнадцать рублей, отмахнулся от дополнительной пятерки и пригласил приезжать почаще.

В универмаге всё прошло ещё быстрее. Попросил таксиста припарковаться во дворе рядом и подождать. Пятерка в качестве залога и оставленные цветы убедили его, что я никуда не сбегу. Нырнул в черный вход, где бывшие коллеги уже грузили в зеленый ИЖ-фургон коробки с чехословацкой обувью. Отвел в сторону бригадира, пояснил проблему, вручил ему две десятки и довольный гешефтом Сергей Владимирович убежал в магазин, крикнув подчиненным, чтобы заканчивали без него.

Через пятнадцать минут, я с коробкой конфет «Красный октябрь», бутылкой «Советского шампанского» и букетом цветов подъехал к подъезду подруги. Дополнительно отдал радостному водителю трешку и бодро взбежал по ступенькам подъезда вверх. На пятом этаже увидел знакомую дверь, обитую черным бордовым кожаном. Позвонил и дождался, пока она откроется.

Златовласка отступила, освобождая проход, и замерла в пространстве коридора. Я шагнул вперед, прикрыл дверь, и невольно залюбовался подругой. Волна слепящего солнечного света, идущего из комнаты, эффектно подсвечивала точеную фигурку девушки в бирюзовой футболке.

— Привет, проходи, — улыбнулась Ева.

Привет, — я подхватил засмушавшуюся девчонку за талию, подтянул к себе, нежно поцеловал в губы, и торжественно вручил розы: — Это тебе.

— Спасибо, — прошептала она. — И отпусти меня, пожалуйста, неудобно же, мы не одни.

— Хорошо, — выдохнул я, отстраняя подругу. — Кстати, это тоже тебе.

Коробка «Красного Октября» перекечевала в руки Евы.

— Ого, знаю эти конфеты, вкусные. И дорогие, — девушка лукаво стрельнула синими глазищами. — Ты не разоришься?

— Не дороже денег, — отмахнулся я. — Не разорюсь, конечно. Если взрослый мужчина не может обеспечить девушку, хотя бы цветами, конфетами и другими приятными мелочами, значит он не мужик. Или недостаточно взрослый.

— Ева, чего твой кавалер в прихожей застрял? — раздался звонкий голос из глубины комнаты.

За спиной подруги появилась улыбающаяся брюнетка в белом сарафане. Девушка была чуть повыше Евы, симпатичной, с милыми ямочками на пухлых щечках и внушительным бюстом-троечкой.

— Вы Миша? Ева много о вас рассказывала, — проворковала она, с любопытством осматривая меня.

— Аз есмь Михаил. — скромно подтвердил я. — А вас как звать?

Брюнетка задержалась взглядом на наколках пальцев, сжимающих бутылку шампанского, и приветливое выражение лица моментально сменилось строгим и неприязненным.

«О, боже, опять двадцать пять», — мысленно простонал я, дав себе клятву как можно быстрее, убрать татуировки.

— Тамара, — процедила она.

— Очень приятно, — вздохнул я.

— Не могу сказать то же самое, — голосом брюнетки можно было заморозить «Шампанское» в моей руке.

— Тома, перестань! — моя подруга всё увидела и поняла. — Миша — нормальный. Сейчас работает в универсаме, а с прошлым покончено.

— Ева, можно тебя на минуточку? Пусть твой Миша, — моё имя брюнетка произнесла с нескрываемым сарказмом, — посидит в гостиной или на кухне, а мы пока пообщаемся.

Тамара сделала паузу, смерила меня холодным взглядом и добавила:

— Надеюсь, пока мы будем разговаривать, у тебя ничего не пропадёт.

— Тома, как ты можешь? — возмутилась подруга. — Я же сказала, перестань, иначе поспоримся.

— Можешь быть уверена. Всё будет на месте. Если, конечно, ты ничего не украдешь, — в тон ей парировал я.

Тамара презрительно глянула, даже открыла рот, чтобы ответить, но потом передумала, облила меня молчаливым презрением и повернулась к подруге:

— Мы идём?

— Идём, — злобно рявкнула Ева.

— Миш, действительно, посиди в гостиной или на кухне, — попросила она. — Можешь даже чай попить. Заварка свежая, в чайнике кипяток, сахарница — рядом, заварные пирожные — в корзиночке. Мы быстро.

— Хорошо, — согласился я. — Посижу.

Ева решительно прошла в спальню, находившуюся напротив гостиной. Тома двинулась следом, на пороге остановилась на секунду, многозначительно посмотрела на меня и прикрыла дверь. А я скинул туфли и прошёл на кухню. Поставил шампанское на стол,

подхватил кружку со шкафа, прополоскал её и налил исходящий паром кипятком, добавил заварки и пару ложек сахара. Глотнул и зажмурился от удовольствия, ощущая, как внутри растекается волна приятного тепла. Чай был хороший. Явно не грузинский и индийский, продающийся у нас в магазинах, а что-то более качественное и дорогое.

Сидел, похлебывая ароматный горячий напиток. Медленно тянулись минуты. Наконец чуть скрипнула дверь, глухо застучали по паркету девичьи шажки.

Первой на кухню влетела Ева, резко опустилась на табурет напротив. Тамара тихо примостилась у входа. Подруга была спокойной и внешне безмятежной, брюнетка цветом лица напоминала спелый помидор, и отводила взгляд, не желая встречаться глазами.

— Поговорили? — поинтересовался я.

— Да, — отрубилa девушка. — Всё хорошо.

— Вот и отлично, — примирительно улыбнулся девушкам. — Ева, ты зря так накинулась на подругу. Она просто беспокоится за тебя. И да, со стороны я, действительно, выгляжу подозрительно.

— Да что ты говоришь? — в голосе Тома явственно слышались язвительные нотки. — Неужели?

— Тома, можно вас так называть? — спросил я.

— Называй, хоть горшком, только в печь не клади, — бросила она.

— В свое время мне пришлось убедительно доказать Еве, что о человеке нельзя судить по внешнему виду. Это неправильно. И под рубищем нищего иногда скрывается душа поэта и острый ум философа. И бывшие уголовники могут стать самыми непримиримыми борцами с преступностью и отличными сыщиками.

— Например? — сарказм просто сочился из брюнетки.

— Эжен-Франсуа Видок, один из лучших французских сыщиков конца восемнадцатого-начала девятнадцатого столетия, — спокойно парировал я. — Был авантюристом, убийцей, вором, налетчиком, а стал главой одной из первых французских спецслужб — «Сюртэ», бригады по борьбе с особо опасными преступниками. Поймал многих головорезов, убийц и аферистов, стал выдающимся сыщиком со связями в криминальном мире.

— Сам придумал? — недоверчиво фыркнула она.

— Это можно легко проверить. Подходим к любому преподавателю юридического ВУЗа, изучающему историю преступности, и задаем ему вопрос о Видоке. Если оказывается, что я не соврал, ты принесешь мне свои извинения за недоверчивость. Договорились?

— Ещё чего, — скривилась брюнетка, — прочитал пару фактов из журналов и корчишь из себя интеллектуала? Чем-нибудь ещё удивить можешь? И потом, мы на ты вроде не переходили...

— Мы с тобой почти одного возраста, поэтому обращаться друг к другу на «ты», вполне естественно, — парировал я. — А удивить могу. Ты, на девушку, работающую на заводе не похожа. Спесь, так и прёт. Значит, исходя из твоего возраста, студентка, правильно?

— Ну и что? Да, студентка. Это что-то меняет?

— Мы можем поговорить с тобой, например, об экзотических танцах. Но ты же опять скажешь, что я мог заранее подготовиться, прочитать пару материалов в журнале, чтобы произвести впечатление на Еву, зная, что она ими занимается. Давай сделаем проще. Сыграем с тобой в интересную игру. На кого учишься?

— Тамара — будущий учитель истории. После окончания педагогического должна преподавать в школе. Хочет остаться в аспирантуре педа, — влезла Ева, опередив подружку.

— Отлично, — ухмыльнулся я. — На каком периоде истории специализируешься?

— На новейшем, — в глазах брюнетки зажегся интерес.

«Сейчас я тебя сделаю», — сохранить невозмутимое лицо мне удалось с большим трудом. В прошлой жизни, история была моим любимым предметом. Я углубленно изучал её ещё со школы. Особенно двадцатый век. А в последнюю пару десятков лет, уделял изучению мировых политических и экономических процессов всё свое свободное время. Это даже стало своеобразным хобби для меня. Да и блеснуть своими знаниями исторических событий и личностей в кругу коммерсантов и чиновников всегда полезно.

— Замечательно. Давай так. Ты выбираешь любой период мировой истории девятнадцатого-двадцатого века, и мы его обсуждаем. Уверен, что смогу удивить тебя неизвестными фактами, о которых ты ничего не знаешь. Задаю тебе вопросы, а ты попробуй ответить. Если не сможешь, отвечу я. За каждое отсутствие ответа, мне насчитывается балл. Если ты правильно ответишь, тебе.

— А, давай, — азартно махнула рукой брюнетка. — Я согласна.

— Тогда назови любой период истории, который будем обсуждать.

— Великая Депрессия, — злорадно ухмыльнулась будущая учительница.

«Вот ты и попалась, голубушка», — я чуть не расхохотался ей в лицо. Торжество настолько явно светилось в моих глазах, что брюнетка напряглась.

— Какой известный гангстер открыл бесплатную столовую для нуждающихся во время Великой Депрессии и накормил тысячи американцев?

— Не знаю, — в глазах девушки возникла растерянность.

— Аль Капоне, — с торжеством ответил я. — Он сделал это, чтобы подправить свой негативный имидж в глазах общественности.

— Я об этом знать не должна, — возмущенно заявила Тамара. — Нам такое не рассказывали. И вообще к общему курсу истории данный факт отношения не имеет. Если, конечно, это правда.

— Зато знаю я. Хотя к преподаванию отношения не имею. Один — ноль в мою пользу?

— Ладно, — недовольно согласилась брюнетка. — Давай следующий вопрос.

— Что послужило настоящей причиной Великой Депрессии? Ответить можешь?

— Легко, — оживилась будущая учительница. — Это вообще вопрос для школьников. Конечно же, биржевой крах, 24 октября 1929-го года. Он был обусловлен финансовыми спекуляциями и раздутым «мыльным пузырем» на фондовой бирже, когда акции многих предприятий, особенно гигантов-монополистов непрерывно росли, при спаде деловой активности. Это спровоцировало отрыв фондового рынка от существующей реальности. И закончилось всё тем, что мыльный пузырь надутых цен лопнул, вызвав катастрофические последствия.

— Частично верно, — признал я. — Но настоящий обвал рынка и погружение в Великую депрессию вызвало не это.

— А что? — в глазах Тамары зажегся интерес.

— Есть такой известный американский экономист Милтон Фридман. В семьдесят шестом он получил Нобелевскую премию. В своё время Фридман был советником президента Рейгана, сейчас работает с Маргарет Тэтчер. Очень авторитетный ученый, член Американского философского общества и президент Американской экономической ассоциации. Один из главных основоположников Чикагской школы, воспитавшей целую плеяду известных экономистов с мировым именем. Можешь спросить о нем преподавателей

по экономической теории. Они наверняка знают этого господина.

— И? — подбодрила меня восклицанием брюнетка.

— Милтон Фримен четко обозначил, в чем причина Великой Депрессии. Биржевой крах подстегнул её, но не являлся основным фактором кризиса. Все дело было в другом.

Я сделал эффектную паузу.

— В чём же? Говори, не томи, — нетерпеливо попросила Тамара. Карие глаза брюнетки искрились любопытством.

— Главной причиной Великой Депрессии он назвал банковский кризис, возникший из-за неисполнения ФРС США своих обязанностей. Проще говоря, денежная масса в Америке уменьшилась, банки продолжали выдавать кредиты и при этом практически игнорировали покупку облигаций государственного займа. Это и вызвало дисбаланс. В результате деньги, выдаваемые в кредит, как и обязательства банкиров перед вкладчиками перестали обеспечиваться реальными депозитами. Из-за этого обанкротились треть американских банков. А дальше разрушительные процессы пошли по нарастающей.

— Два — ноль в твою пользу, — вздохнула Тома и тут же вскинулась. — Но я все равно, всё проверю. И не дай бог ты мне соврал. Страшно отомщу.

— Проверяй, — отмахнулся я. — Играем дальше?

— Давай тему сменим, — предложила будущая учительница — Поговорим о правлении...

Она на секунду запнулась и победно выпалила. — Александра Третьего, например.

— А давай, — я ехидно скопировал интонации Тамары, и с выражением продекламировал:

— «Как солнце вешнее, сияя
В лучах, недаром ты взошёл
Во дни живительного мая
На прародительский престол»...

Мы засиделись на кухне добрый час. С правления Александра Третьего, перешли к Первой Мировой Войне, восстанию 1905-го года. На счете девять-ноль брюнетка предложила оставить историю, и поговорить о книгах, поэтах и классической музыке. Я с удовольствием согласился.

После бурной дискуссии о поэзии Серебряного века, произведениях Баха и Моцарта, классической литературе, потрясенная Тамара изнеможенно откинулась к стенке, вытянув длинные ножки.

— Сдаюсь, — выдохнула она. — Признаю своё поражение. Твой Михаил уникален. У него действительно энциклопедические знания в истории, музыке, литературе и многом другом. И плюс к этому свежий нетривиальный взгляд на исторические события и поэзию. Это невероятно, но я в нем ошибалась.

— Вот видишь, — Ева горделиво подбоченилась, улыбнувшись мне. — А я тебе говорила.

— Девчонки, раз мы всё выяснили, посмотрим «Бриолин»? — предложил я. — Там Траволта такие танцевальные па выдает, закачаешься. Песни классные и дух бунтарских пятидесятых чувствуется.

— Нет, ребята, — Тамара подняла запястье, озабоченно глянула на крохотные серебряные часики. — Это без меня. Я «Бриолин» уже видела несколько раз, специально его Еве принесла. Да и время поджимает, нужно в магазин смотаться, еды закупить к приезду родителей.

Она обнялась с подружкой, по-приятельски махнула мне рукой, беззвучно прошептав: «извини».

Я чуть улыбнулся уголками губ и кивнул, подтверждая перемирие.

Когда подруга ушла, Ева одним мягким кошачьим движением, уселась на моих коленях. Синие глаза подруги сияли.

— Ты здорово её уделал, — девушка светилась от радости. — Я уже думала, разругаюсь с Томкой вдрызг.

— На том стоим, — ухмыльнулся я. — Можешь гордиться, парень у тебя многое знает, ещё больше умеет, а для своей девушки достанет хоть луну с неба.

— Не задавайся, — меня шутливо щелкнули по носу.

— Не буду, — пообещал я.

Ева наклонилась ко мне, обвив шею руками. Лицо златовласки оказалось совсем рядом. Ротик приоткрылся, розовый язычок облизал пухлые алые губки. Я жадно впился поцелуем в рот девушки, притиснув жалобно пискнувшую подружку к себе...

* * *

Авиабилет в Ленинград я приобрел на следующий день после того, как отзвонился ребятам, а потом и пару раз Тенгизу из ближайшего почтамта. Подтвердил договоренности, вору назвал конечный пункт назначения, уточнил и обсудил с ним все нюансы и детали операции.

Благодаря связям Ашота мне не пришлось искать подходящий авиарейс в Ленинград, стоять в очередях и обращаться к перекупщикам. Билет я получил «с доставкой на дом», выложив за него смешные четырнадцать рублей. Ашот хотел лететь со мной, но я оставил его на хозяйстве, поручив заниматься выходом на производителей лицензионных кроссовок «адидас».

Два часа полета, и в аэропорту меня встретили Сергей, Денис и, конечно же, Герман, пригнавший ради такого случая свою заводскую машину «Москвич 412», с немногословным и основательным шофером Михайловичем — кряжистым, серьезным дядькой лет сорока пяти.

Через полчаса мы уже сидели в гостинной квартиры капитана, расположившись на татами в большой комнате. От чая и легкого перекуса все отказались, я предложил сразу перейти к делу, чтобы не тратить время, и немец согласился.

— Прежде чем мы начнём, хочу уточнить несколько моментов, — предупредил он.

— Слушаю, — отозвался я.

— Первый. Ребята сказали, что всего двести сорок коробок с сигаретами. В каждой коробке пятьдесят блоков. В одном блоке — десять пачек. Всё верно?

— Абсолютно, — кивнул я. — Так и есть.

— С каждой пачки сигарет рубль ваш. Всего в партии сто двадцать тысяч пачек. Значит, тебе и парням я должен отдать сто двадцать тысяч рублей. Всё что сверху, мне и моим

ребятам, так?

— Да.

— Размер короба сорок шесть на пятьдесят семь и на двадцать четыре сэмэ?

— Именно.

— Вес чуть больше шестнадцати килограмм?

— Где-то шестнадцать триста, если совсем точно. Я этот момент дополнительно прояснил в разговоре с представителем поставщика.

— Мы вместе встречаем партию на станции. Погрузка, транспортировка с охраной, хранение и реализация на мне? Вы присутствуете в качестве наблюдателей. В крайнем случае, можете помочь с погрузкой, так?

— Правильно, — подтвердил я. — С самого начала так и задумано, если ты согласишься.

— Мое предложение насчёт Сортировочной на Октябрьской ЖЭДэ принимается?

— Да, вагон привезут туда и перевезут в тот тупичок, который ты указал.

— Прекрасно, — Герман сразу повеселел, потом нахмурился и уточнил:

— Надеюсь, ты не открытым текстом об этом по телефону говорил с отправителем?

— Нет, — успокоил я. — Мы перед операцией разработали особый код. Просто позвонил на определенный номер, и рассказал о своем младшем брате, спортсмене, который с группой боксеров там бегают и тренируется на безлюдном тупичке, ближе к Обухово. А потом в таком же зашифрованном виде получил подтверждение, что вариант принимается.

— Годится, — улыбнулся Герман и дружески хлопнул меня по плечу. — Я вижу, ты тоже всё продумал.

— Естественно, — довольно подтвердил я. — Фирма веников не вяжет. Ещё вопросы есть?

— Пока нет, — задумчиво протянул капитан. — Может быть, потом появятся.

— Так что, работаем? — уточнил я и протянул руку. — Ребята мне сказали, что ты в принципе согласен.

— Работаем, — кивнул немец и пожал руку. — Ничего особенно сложного не вижу.

— Тогда можешь мне в общих чертах рассказать, как ты видишь эту операцию, поэтапно? — попросил я. — Можно без конкретики и адресов. Хочу оценить, насколько она будет продумана и подготовлена.

— Запросто, — улыбнулся капитан. — Сейчас карту принесу.

— Карту? — я изумленно вскинул брови.

— Да, — невозмутимо подтвердил немец. — Мы с ребятами уже туда ездили пару раз. Провели рекогносцировку, составили подробный план местности. Посидите пока, я сейчас.

Через минуту Герман вернулся с карандашом и сложенным рулоном бумаги. Присел рядом со мной и расстелил лист на журнальном столике.

— Смотри, — карандаш командира уткнулся в разветвление путей. — Вот это сама сортировочная.

— Здесь, — карандаш переместился ниже, — ближе к Обухово, возник естественный тупичок. Строили путь, а потом чего-то забросили. Рядом местность достаточно безлюдная, по одну сторону пустырь со свалкой, по другую — лес, что облегчает нам задачу. Как я понимаю, вагон пригонят туда в обусловленное время, где-то через недельку?

— Правильно понимаешь, — подтвердил я. — Точное время и все другие подробности скажут Сергею и Денису при загрузке вагона в Кишиневе. Скорее всего, будет как ты и

хотел, поздним вечером или глубокой ночью.

Отлично, — улыбнулся командир. — С моей стороны будет работать группа в двенадцать человек. Трех с армейскими биноклями я посажу по сторонам, как дозорных. Первый будет контролировать выезд со стороны сортировочной в паре километров от нас, у депо. Второй, сядет в заброшенном вагончике, рядом со свалкой на пустыре. Со стороны леса к нам ведет одна широкая тропинка и рядом проходит дорога. Третий устроится на дереве, где-то вот здесь, чтобы контролировать дорогу и подход к нам.

— Они смогут что-то в темноте разглядеть? — иронично поинтересовался я.

— Запросто, — ответил капитан. — Со стороны сортировки достаточно светло, там горят фонари, депо освещается и большинство других мест. На пересечении дороги с лесом, на трассе тоже есть освещение. Самая темная позиция рядом с пустырем, но там, у человека будет импортный мощный бинокль с ночными призмами.

— Где ты такую технику находишь? — удивился я.

— Места знать надо, — буркнул капитан.

— Всё это отлично, а как они предупредят нас, если заметят что-то подозрительное?

— Очень просто, по рациям, — победно улыбнулся немец.

— Рациям? — поразился я. — У тебя ещё и рации имеются? А их ты где достал? Да ещё такие, что работают на таком расстоянии?

— Где достал, там уже нет, — ухмыльнулся немец. Я терпеливо ждал ответа. Выдержав небольшую паузу, Герман довольно пояснил:

— У нас товарищ, тоже из афганцев, работает инженером в одном из НИИ, занимающихся вопросами радиосвязи. Название говорить не буду, объект режимный. И кстати, в Афгане вопросами РЭБ занимался. В наших делах, активно не участвует. Но мне отказать не смог. Сделал по моей просьбе несколько примитивных раций. Якобы для походов на охоту и рыбалку и под строжайшее обещание не светить их где попало и, особенно не доставать при посторонних людях. Рации работают на прием-передачу на расстоянии трех кмэ, для нас достаточно. Даже волну какую-то подобрал непопулярную, чтобы снизить вероятность случайного прослушивания.

Я свою рацию буду держать включенной постоянно, а парням для связи со мною, достаточно нажать на кнопку, тогда она автоматически включится на прием-передачу. Если возникнет нештатная ситуация, мы будем предупреждены. При необходимости парни смогут задержать неожиданных гостей. Предварительные инструкции на этот счёт у них имеются.

— А посмотреть на рации можно? — поинтересовался я. — Интересно глянуть на произведение вашего Самоделкина.

— Позже, — отмахнулся немец. — Я в доме подобное не держу. Они в надежном месте.

— Мы с Денисом их видели и даже тестировали, — добавил Сергей. — Хорошая аппаратура для самопала. Не знаю, насколько надежна, но пока работает нормально, проверяли.

— Ладно, потом покажете, — я задумчиво почесал кончик носа и повернулся к Герману. — Сколько машин будет задействовано в операции?

— Шесть, — отрапортовал немец. — Пять легковых. Старая «волга», «москвич», две «жульки» и «запорожец». На них приедем мы с вами. Все принадлежат ребятам, вечером поменяем номера в гараже, на всякий случай. Шестая — грузовик с завода. Шофер тоже раньше работал у меня в охране. Свой человек.

— Оружие у твоих людей будет?

— Будет. Пару-тройку стволов с собой захватим, из холодняка тоже кое-что возьмем. Думаю, больше не понадобится.

— Хорошо, приехали мы, встретил нас человек из ЖД, отвел к вагону. Что дальше?

— А дальше, трое занимают наблюдательные пункты, семеро выгружают коробки, переносят в машину, я считаю количество коробок, могу выборочно проверить одну, чтобы вопросов не возникало. Все остальные рассредоточатся вокруг для охраны. При острой необходимости могут присоединиться к рабочему процессу. Загружаем коробки в грузовик. Собираемся, машины в темпе разъезжаются. Одна уходит вперед, чтобы предупредить, в случае поста ГАИ или ещё какой-нибудь проблемы. Мы сопровождаем грузовик, едем сзади до самой территории завода. Машина заезжает вовнутрь, там её уже будут ждать мои ребята-охранники. Грузовик разгружается на отдаленном складе, забитом всяким хламом. Ключ от него у моих людей, так что никто туда без них не сунется. А наши ребята знают, куда поместить коробки, чтобы их не нашли. Туда пару погрузчиков подгонят, так что справимся быстро. Ну а дальше, я сигареты раскидаю, есть связи, с руками оторвут. Особенно классную подделку под американские. Главное, чтобы табак был хороший. Знающие люди могут допереть, что им фуфло подсунули. Тогда большие проблемы будут.

— Табак отличный, — заверил я. — Специально этот момент уточнял. Знатоки говорят, не отличить от оригинала. Сколько тебе времени понадобится для реализации всей партии?

Капитан задумался.

— Месяц где-то, — ответил он. — Но я, скорее всего вам бабки отдам быстрее. Как начну получать лавэ, большую часть сразу буду передавать тебе, Сереге или Денису. Идёт?

— Вообще-то мне всё нравится, — я задумчиво потер пальцами подбородок. — Одно смущает. Слишком много людей в деле. А ещё папаша Мюллер говорил: знают двое, знает и свинья. А здесь не двое и даже не трое, а целая толпа в курсе получается. Информация может утечь налево.

— Я каждого из парней лично знаю. Все проверены в разных делах, — возразил Герман. — Даже охрана на заводе, частично из бывших афганцев. Крысы, стукачи и подонки у меня не приживаются, только надежные люди. Конечно, я не господь Бог, могу ошибиться, но пока проблем не было.

— Будем надеяться, что ты прав, — вздохнул я. — В общих деталях мне твой план нравится. Работаем.

— Вон, парни уже едут, — Герман указал взглядом, на подъезжающие автомобили. Впереди, поднимая столб пыли, двигалась горбатая «волга», за ней бодро скакал по ухабам, с хрустом подминая камешки грунта, желтый «москвич». За ними из трассы, ведущей к депо, свернула синяя «шестерка».

Автомобили остановились у лесной опушки, выстроившись возле нашей «пятерки» в линию.

— А где грузовик? — ворчливо поинтересовался Вадим Иванович. — Мне говорили, грузовик будет.

Маленький мужичок с пивным пузом, «дежурный по парку формирования», выполняя договоренность между начальниками ЖД, встречал нас возле въезда на сортировку, недалеко от депо.

— Будет, будет, — успокаивающе вскинул ладонь я. — Никуда он не денется. Уже полчаса назад выехал. С минуту на минуту должен прибыть в сопровождении наших ребят на «запорожце».

— На горбатом? — скривился железнодорожник и пренебрежительно сплюнул. — Тю, а чего ж так? Шо, на нормальную машину бабок не хватило?

— Не тем интересуешься, Иваныч, — отстранив меня плечом, к железнодорожнику придвинулся Герман. — Хотят и ездят на «горбатом». Твоё какое дело? Сейчас вагон вскроем, коробки глянем, если всё нормально, получишь свою двадцатку и иди, дрыхни до конца дежурства. Но советую запомнить две вещи. Первая, слишком любопытные живут интересно, но недолго. Вторая, любители болтать лишнего, тоже.

— Э, ты чего? — опешивший мужик попятился от пронзительного ледяного взгляда Леопардыча. — Я что, не понимаю? Всё я понимаю. Слова никому не скажу, зуб даю.

Железнодорожник поскользнулся, и упал на задницу, смешно дрыгнув руками. В лучах заходящего солнца на безымянном пальце тускло блеснул массивный перстень-печатка. Слетевшая с лысой головы фуражка шлепнулась точно в середину грязной лужи.

— Зубом не отделаешься, — ласково сообщил Герман, и так дружелюбно улыбнулся, что бедняга, пискнув что-то неразборчивое, резко отпрянул назад. Такое впечатление, что научился прыгать на заднице, используя исключительно ягодичные мышцы.

— Зачем мужика кошмаришь? — тихонько попенял я немцу. — Ещё обосрётся со страху, будем работать, вдыхая аромат его фекалий. А это, знаешь ли, не духи «шанель номер пять».

— Не обосрётся, — усмехнулся Леопардыч, наблюдая за хмурым железнодорожником, вылавливающим из лужи и оттряхивающим фуражку. — Таких сразу надо ставить на место. Иначе борзеть начинают. Потом приходится вразумлять уже не словами. И вообще, страх, лучшая гарантия, что этот дятел о наших делах трепать не будет. Если обделается, отправлю стирать портки, всего-то делов. А вообще, ничего я ему такого не сказал, даже не оскорбил, просто напомнил, чтобы не трепался с посторонними и не вякал не по делу.

— Ну смотри, — с сомнением протянул я. — Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Пашка едет вместе с Саней, — крикнул, высунувшись из «москвича», крепкий парняга лет 25-ти в голубой десантной тельняшке.

На дорогу поворачивал юркий зеленый «ЗАЗ». За ним, громыхая железом, преодолевал

грунтовку тентованный КАМАЗ.

— Вижу, — кивнул Герман. — Леха, как только они подъедут, посади к себе Иваныча и двигайте следом.

— Понял, — степенно кивнул десантник.

— В машину, — скомандовал капитан.

Когда мы расселись, я спросил:

— Что это за паренек в тельняшке?

— Мой заместитель, тоже афганец, — моментально ответил Герман. — Бывший сержант в прошлом. Сто третья витебская дивизия ВДВ. Участвовал в рейде на Шигал, в составе девятой ПДР. Подавил огневую точку духов и вынес на плечах раненного лейтенанта. Железный парень. Можешь спросить у ребят о нем. Они Лешку хорошо знают.

— Наш человек, — поддержал бывшего командира Сергей. — Леха сам погибнет, а товарища выручит. Подтверждаю. И остальные ребята такие же. Мы со многими ещё там за речкой познакомились.

Денис кивнул, подтверждая слова товарища.

Бывший опер повернул замок зажигания. Машина ожила, затряслась и двинулась за КАМАЗОМ. Огромный кузов навис перед нами, загораживая пространство.

— Крупная машина, — заметил я. — Может и десять тонн спокойно взять.

— Другой не нашлось, извини, — развел руками Герман. — Да и здесь, всё по уму сделали. Пашка водитель официально выехал по моей инициативе. Все бумаги получил, путевой лист и другие документы. Я специально к директору ходил, с просьбой выделить машину, чтобы оборудование получить для секции самбо — борцовский ковер, манекены и ещё кучу всякой мелочи. Плюс ещё кое-какие железки для завода он забирал из другого места. Всё сделано так, чтобы ни у кого вопросы не возникли, чего заводская машина по городу катается. Сейчас все эти железки и спортивный инвентарь к краю оттащим, они так и расположены, чтобы можно было легко перетащить. Коробки загрузим, прикроем их брезентом, а затем борцовскими матами и железками. Серьезной проверки мы не выдержим, но думаю, никто лезть вовнутрь, смотреть и ворочать трубы, моторы и агрегаты не будет. А нас с вами шестнадцать человек. Если столбом стоять не будете, всё быстро сделаем.

— Не будем, — пообещал я.

«КАМАЗ» впереди неожиданно повернул и остановился на поляне, открывая нашим взорам, стоящий на рельсах вагон. В десятке метров от него, приткнулась к дереву черная «волга», с ухмыляющимся Абреком, облокотившимся на капот. Герман напрягся.

— Я же тебе говорил, представитель заказчика подъедет. Партию проверять будем при нём, чтобы не было никаких вопросов.

— Ты не говорил, что он будет на душмана похож, — буркнул командир, продолжая сверлить подозрительным взглядом безмятежно улыбающегося кавказца.

— Нам какая разница на кого он похож, — терпеливо начал объяснять я. — Абрек к духам никакого отношения не имеет. Наш советский даг, работает вообще на абхазца. Герман, перестань фигней страдать.

— Ладно, — проворчал командир, подхватил черный прямоугольник рации, лежащий рядом, щелкнул замком, рывком отворил дверь, выпрыгнул из машины. Развернулся, наклонился к нам и тихо сказал:

— Пойду, присмотрю за этим Абреком, чтобы ребята не дай бог чего не накосячили.

Вылитый же душман с черной бородищей.

— Давай, — согласился я.

Дверь с грохотом захлопнулась. Командир выпрямился и шагнул вперед, к черной «волге».

Афганцы уже выбрались из машин и стояли полукругом в метрах пяти от кавказца, кидая на него хмурые взгляды. Абрек тоже почувствовал нарастающее напряжение, и улыбка на его лице сменилась на злобный оскал.

Затем кавказец увидел Германа, и напрягся ещё больше. Ладонь Абрека медленно потянулась к поясу, где за джинсовой рубашкой на выпуск, наверняка, находился ствол. Леопардыч невозмутимо глянул на дагестанца, приветственно махнул рукой и крикнул:

— Ассалам алейкум, уважаемый.

Даг расслабился, рука перестала тянуться к оружию.

— Алейкум ассалам, — вежливо улыбнувшись, ответил Абрек.

— Это человек поставщика, — громко сказал Леопардыч. — Дагестанец. Все успокоились, отошли от него подальше и приготовились заняться делом.

Парни молча отступили от кавказца.

Я вылез из машины. Сергей и Денис последовали за мной. Абрек увидел нас, и улыбка на лице кавказца расцвела ещё шире. Он окончательно успокоился. Я подошел к нему, протянул руку. Даг ответил на рукопожатие и показательно обнялся со мной. Воспользовавшись моментом, я тихо шепнул на ухо кавказцу:

— Извини, ребята в Афгане воевали. А ты очень на душмана похож. Я главному сказал, что человек из Кавказа приедет, а он остальных в подробности не посвятил.

— Ничего страшного, дорогой, — так же тихо ответил Абрек. — Всё нормально. Главное, чтобы Тенгиз довольным остался.

— Останется, — пообещал я. — Если с товаром порядок, бабки через недельки три завезу. Пацаны надежные, проверенные, всё будет хорошо.

— Как скажешь, дорогой, — согласился дагестанец. — После проверки груза, он — твой. Тебе и отвечать.

Кавказец повернулся поприветствовать подошедших Сергея и Дениса, а я глянул на железнодорожную насыпь с вагоном.

Вокруг него уже деловито суетился Вадим Иванович, оживленно переговариваясь с Германом, Лехой и ещё одним чернявым парнем в синей футболке.

Остальные афганцы стояли у машин, ожидая указаний. Двое ребят достали сигареты и курили, периодически выпуская в наступающие сумерки струи сизого дыма. Ещё трое-четверо тихо переговаривались, остальные молчали.

— Чего стали? — прикрикнул капитан на парней. — Открывайте вагон. Леха, срывай пломбы и посмотри любой ящик на выбор. Саня, Дима, Семен берите бинокли, рации, занимайте позиции. Леха с Тихим и Васей охраняют. Паша разворачивай грузовик, и после Лехиной отмашки, подъезжай вплотную к вагону задом. Все остальные готовятся к перегрузке товара в КАМАЗ. Иваныч, подожди пока коробку не проверят и свободен. Поехали.

— Эээ, дорогой, я тоже в вагон залезу, гляну на товар, чтобы не было претензий, — подал голос Абрек.

— Хорошо, — согласился командир. — Залазь.

Чернявый открыл дверцу «запорожца» и раздал подошедшим парням рации. Один,

невысокий крепыш в черной футболке двинулся по направлению к депо, второй, худой хлопец в серой рубаше — на пустырь рядом, третий — русский блондин среднего роста, пошел вглубь леса, по направлению к трассе.

Тем временем заместитель уже сорвал пломбы. Железнодорожник по-хозяйски отстранил парня, засунул заранее приготовленный большой ключ в круглый навесной замок и повернул. Замок щелкнул и открылся. Иванович торопливо снял его со створок, дернул рычаг запорного механизма, и скомандовал:

— Открывайте.

— Делайте что он сказал, — подтвердил приказ Герман.

Десантник с помощниками развели створки. В образовавшийся проем запрыгнул Леха. К нему подскочил Абрек. Леха, секунду поколебавшись, протянул руку. Бандит с готовностью схватился за ладонь. Десантник и кавказец скрылись за перегородкой. Минуты три мы ждали, слушая шорох шагов и невнятное бурчание, раздававшееся из вагона. Затем в проеме появился торжествующий Леха, размахивая блоком «Мальборо».

— Всё нормально, — заявил он, — сигареты на месте. Вскрыл первую попавшуюся коробку. Ряды посчитал, количество прикинул на глазок. Вроде сходится.

— Отлично, — улыбнулся Герман. — Работаем. Паша разворачивай машину. Иваныч можешь быть свободен.

— А бабки? — напомнил жадный железнодорожник.

— А, да, сейчас, — командир достал ворох купюр из кармана, выудил и расправил две смятые десятки и сунул в протянутую пятерню дежурного.

— У вас есть два часа, максимум. Не больше, — предупредил железнодорожник.

— Нам хватит, — отмахнулся немец. — Иди к себе Иваныч, не мельтеши тут.

Дежурный кивнул и торопливо зашагал в сторону депо.

Эээ, подождите, — раздался голос за спиной Лехи и ребят, начавших ворочать коробки.

Десантник посторонился, пропуская кавказца. Абрек спрыгнул наружу, и быстрым шагом подошел к нам.

— Товар на месте, я тут большэ нэ нужен, — заявил он. — Поеду.

— Без проблем, дорогой, — согласился я. — Езжай, конечно.

Кавказец обнялся со мной, потом с Сергеем и Денисом, глянул на Германа и замер, не зная, что делать. Немец уловил заминку, и первый протянул бандиту ладонь:

— Всего доброго.

— И тэбэ нэ хворать, дорогой, — осклабился кавказец, отвечая на рукопожатие.

Пока мы беседовали, КАМАЗ развернулся и подъехал к насыпи, как можно ближе, к открытым створкам. Несколько человек залезло в вагон и машину. Леха, раздав указания, выпрыгнул наружу и с двумя парнями рассредоточился вокруг машины, бдительно поглядывая по сторонам.

«Волга» двинулась, аккуратно объехала нас. Абрек высунулся из окна, прощально махнул рукой. Машина быстро преодолела насыпь, выехала на дорогу и спустя десяток секунд скрылась за зданием депо.

— Чего-то он слишком быстро убежал, — глубокомысленно заметил Герман, провожая взглядом удалившийся автомобиль. — Парни вам не кажется это подозрительным?

— А чего ему тут делать? — ответил я. — У таких как Абрек чутье звериное. Сразу почувствовал, что ребята, да и ты, уже кровь лили, и, если что, могут его прибить и без всяких сантиментов прикопать рядом. Ему стало неуютно, вот и смотался как можно

быстрее, стараясь не потерять лица. Представь себе волка в окружении матерых волкодавов. Вот и тут такая же ситуация.

— Мне тоже не понравилось, что Абрек свалил отсюда в темпе вальса, — заявил Сергей. — Навевает на нехорошие мысли.

— Парни, не грузитесь, — вмешался Денис. — Нас шестнадцать человек. Несколько со стволами. Трое контролируют периметр. Чтобы сделать что-то нехорошее, сюда надо, как минимум, три десятка человек нагнать с оружием. Если начнётся подозрительная движуха, нас заранее предупредят.

— Согласен, — я обвел товарищей взглядом и автоматически поправил ребристую рукоять «макарова» за поясом. — К проблемам мы подготовлены. Чтобы взять такую кучу народа, нужен военный спецназ. Обычные менты не справятся. О ворах и уголовниках уже не говорю. Денис правильно заметил, наблюдатели маякнут о любой подозрительной ситуации. Давайте перестанем маяться дурью, думать и гадать об Абреке, а займемся делом. Герман, наша помощь в разгрузке нужна, или на шухере постоять?

Немец глянул поверх меня. Я тоже повернулся. Разгрузка вагона шла полным ходом. Коробки «Мальборо» мелькали одна за другой. Трое подносили и ставили их у открытых створок вагона, один у борта машины перегружал, двое расставляли. Парни работали как отлаженный конвейер, перемещая сигареты непрерывным потоком. При таких темпах, мысленно отметил я, они за час весь груз переместят.

— Пожалуй, не стоит, — Леопардыч тоже пришел к подобному выводу. — Мы сами справимся. Вы лучше тут постоит с ребятами Лехи, на всякий случай.

— Как скажешь, — пожал плечами я. — Ты разработал операцию, ты и командуешь. Неожиданно захрипела рация.

— Первый, я третий. Как слышно? Прием.

Герман нахмурился и поднес черный прямоугольник с резиновой антенной к губам:

— Третий, я первый. Слышно хорошо. Что случилось? Прием.

— К вам какой-то тип из депо вышел и сюда направляется. По виду, ханыга. Может грузчик, или ещё кто из местных работяг.

— Понял, — кратко ответил Леопандыч, — встретим, конец связи.

Командир опустил рацию:

— Только этого ещё не хватало, — с досадой бросил он.

— А я его уже вижу, — заметил Сергей. — От станции идёт, на дорогу свернул.

— В сером вечернем полумраке просматривалась одинокая фигурка, неторопливо бредущая в нашу сторону к лесной опушке.

— Всем оставаться на местах, я всё улажу, — скомандовал Леопардыч.

— Вместе пойдем, — предложил я.

Герман недовольно глянул, но от комментариев воздержался.

— Я тоже с вами, — добавил Сергей. — Знаю, как с такими общаться.

Мы двинулись навстречу мужику. Его фигура заметно увеличилась. Полы расстегнутой на пузе бежевой рубашки в клетку разошлись, открывая тугое пузцо, воинственно торчащее вперед. Мужик лет сорока пяти, потасканное испитое лицо, кепочка сдвинута на лысеющую макушку. Выглядит как типичный работяга, регулярно «закладывающий за воротник».

Мы встретили его на самой опушке, загородив телами вагон.

— Здорово, люди добрые, — добродушно пробормотал абориген, сняв кепку и задумчиво покаярбав натруженной пятерней с черными ногтями лысину.

— И тебе, привет, коли не шутишь, — в тон ему ответил Герман. — Что здесь потерял?

— А вы что здесь делаете? Вагон разгружаете? — работяга попытался просунуть рожу в щель между нами, чтобы рассмотреть, что происходит за спинами.

— Повторяю вопрос, — голос Леопардыча заметно похолодел, взгляд стал оценивающим, как у снайпера, разглядывающего жертву сквозь оптический прицел. — Мужик, чего тебе здесь надо?

Мы с Сергеем сделали шаг вперед, беря работягу «в клещи».

— Эй, — алкоголик испуганно отшатнулся, отмахиваясь руками. — Вы чего, ребята? Я бригадир грузчиков. Мы с хлопцами вагоны разгружаем здесь за бабки. Услышал, что сюда один загнали, вот и пошел посмотреть, что к чему. Может помощь какая нужна? Мы всегда копейку заработать не против. Десять-пятнадцать рубликов каждому кинете, и мы вам весь товар перекидаем в момент.

— Не нужна нам никакая помощь, болезный, — ласково сказал я. — Сами справимся. Шел бы ты туда, откуда пришел.

— Может всё-таки передумаете? — намного успокоившийся мужик пытался что-то разглядеть за нашими спинами, сделав шаг в сторону. — А что это за коробки такие, с надписями иностранными?

— Не твоё дело, — процедил Герман, делая шаг к бригадиру и загораживая спиной вагон. — Знаешь пословицу? Любопытной Варваре нос оторвали. Береги свой нос, Федя пока целый.

Мы подхватили алкаша под руки.

— Я не Федя, — растерянно пробормотал работяга. — Семен Аркадьевич, я.

— Тем более, — с нажимом сказал Герман, надвигаясь на испуганно съездившегося бригадира. — Придется тебе с нами посидеть, а потом и покататься, чтобы не было чего.

— Да вы что? — пролепетал работяга. — Меня ребята на станции ждут.

— Это неправильный вариант командир, — вмешался Сергей. — Давай сделаем проще.

— Как?

— Очень просто, — бывший опер повернулся к работяге. — Семен ты с нами минут десять побудь, а наш человек сейчас быстро к дежурному прокатится, уточнит, кто ты по жизни. Если, действительно, бригадир, мы тебе пятерку за беспокойство кинем. На пузырь как раз хватит. Идёт, Семен Аркадьевич?

— Идёт, — обреченно кивнул мужик. — Подожду, чего уж там. Только руки отпустите.

— Хорошо. Ты только не дергайся никуда, ладно?

— Куда же я от вас таких резких дернусь? — невесело усмехнулся мужик. — Вы молодые, а у меня ноги больные. Догоните быстро.

— Денис, отпуская, — попросил Сергей, уловив еле заметный кивок Германа.

Афганец выпустил руку работяги, но предусмотрительно остался рядом.

— Воха, — крикнул немец.

— Слушаю, командир, — рядом с Германом возник мгновенно возник усатый жилистый брюнет с серьезным взглядом, вместе с Лехой, охранявший процесс погрузки-разгрузки от посторонних.

— Железнодорожника запомнил?

— Конечно.

— Бери «москвич» и дуй в депо. Там он и должен сидеть. Опишешь ему этого типа, — Леопардыч указал глазами на работягу. — Спроси, есть у них такой Семен Аркадьевич,

бригадир грузчиков. Скажи, шатался здесь, высматривал, услуги предлагал. Послушаешь, что дежурный скажет. Как только он подтвердит его личность, или, наоборот, опровергнет, мухой несешься сюда и докладываешь результат. Все понял?

— Так точно, — ухмыльнулся брюнет.

— Исполни, — коротко приказал Герман.

Брюнет быстрым пружинистым шагом направился к «москвичу». Через тридцать секунд взревел мотор, и автомобиль двинулся по грунтовке, к выезду на дорогу, ведущую в депо.

— А ты, мил человек, посиди пока с ребятами на бревнышке, — Герман указал глазами на поваленное бревно метрах в пяти от нас.

— Отчего не посидеть, раз надо, — вздохнул бригадир. — Посижу, конечно.

В сопровождении Дениса и Сергея Семен Аркадьевич поплелся к бревну и уселся нервно комкая в ладонях кепку. Парни устроились по бокам от него, чуть отодвинувшись, чтобы не получилось достать неожиданным ударом и сразу поймать мужика при попытке к бегству.

Афганцы продолжали бодро перекидывать коробки в машину. Мелькали коробки, руки, слышался смех и прибаутки парней. Ребята работали слаженно, не останавливаясь ни на минуту. Леха, по просьбе Германа, вооружившись ручкой и блокнотом из машины, считал коробки. Двое парней рядом с ним бдительно следили за окружающей обстановкой.

Через пятнадцать минут на дороге показался знакомый «москвич». Свернул на грунтовку, и давя хрустящий под колесами мелкий щебень, поехал к нам. Спустя пару минут машина остановилась на поляне. Дверь, клацнув, открылась, Воха вихрем выпрыгнул из машины и понесся к командиру.

— Дежурный подтвердил, — доложил он. — Есть такой. Его бригада здесь работает, вагоны разгружает за наличку. Человек десять-пятнадцать постоянно дежурят, днем и ночью работают. Студенты, которым стипендии не хватает, бичи разные, даже доцент есть, на кооперативную квартиру копит. Имеется пара агрессивных, особенно когда выпьют, но большинство народа абсолютно безобидно, работяги настоящие. Семен Аркадьевич у них бригадир, всё верно. Иваныч сказал, безвредный вроде. Действительно по станции шныряет, ищет, где заработать, способен украсть по мелочи что-то, но с крупняком не связывается. Так что, можете его отпускать.

— Серега, дай ему пятерку, как и обещал, потом разберемся, — попросил я.

Опер протянул деньги, облегченно вздохнувшему мужику.

— Держи.

— Ну вот, всё выяснилось, а ты боялся, — Денис, с другой стороны, так дружески хлопнул бригадира по плечу, что Аркадьевича перекосило.

— Всё, уматывай отсюда, — обратился к грузчику Герман. — И чтобы духу твоего и твоих алкашей здесь не было, пока мы не уедем. Понял?

— Понял, — вздохнул мужик.

— Раз понял, иди отсюда, не задерживайся.

Семен Аркадьевич встал, сжимая в кулаке пятерку и, испуганно поглядывая в нашу сторону, быстро засеменял в сторону депо.

— Так, с одной проблемой разобрались, — вздохнул Герман. — Леха, что там у нас? Сколько осталось?

— Ещё девяносто три коробки, — бодро отрапортовал заместитель, стоящий рядом с машиной.

— За полчаса уложите?

— Минут сорок нужно ещё.

— Работайте.

— Хорошая у вас команда, — похвалил я. — Всё слаженно делаете, без лишней суеты и трепя.

— Парни армию прошли, за речкой побывали, — пояснил Герман. — Дисциплина в них кровью вбивалась. В Афгане раздолбаи быстро погибали и других подставляли. Там жизнь отучала херней маяться.

— Герман и на гражданке пацанам не дает расслабиться, — улыбнулся Денис. — Каждую операцию планирует до малейшей детали. Промахи и ошибки наказываются, и деньгами, и дополнительными нагрузками. С особо «отличившимися», командир спарринги проводит. В полный контакт. После этого желающих нарушать дисциплину и страдать раздолбайством не находится.

— Ого, — я с интересом глянул на невозмутимого Леопардыча. — Суровый у вас командир.

— А ты думал, — ухмыльнулся Денис. — Не подарок, однозначно. Зато никогда не предаст, не подставит и всегда поможет.

— Чего ты из меня монстра делаешь? — недовольно буркнул немец. — Спарринги я всего два раза устраивал. Но там без них никак нельзя было. Сильно парни накосячили.

— Зла не затаили? — любопытно спросил я.

— Нет, — кратко ответил капитан. — Сами извиняться потом приходили, когда оклемались. С понятиями ребята. И вообще таких парней, как наши, только суровой дисциплиной можно удержать. Иначе никак. Стоит поблажку дать, всё развалится. Начнут бухать, драться в кабаках, на дисциплину забывают. Завалить кого-то в пьяной разборке могут. Афган — дело такое, убивать наши ребята научились, а вот к мирной жизни привыкают долго и трудно. За брошенный в их сторону матюк или косой взгляд некоторые искалечить могут. Государство ими почти не занимается, приходится мне. Если бы мы с барыгами не сотрудничали, для наших ветеранов и инвалидов деньги не зарабатывали, половина бы уже за решеткой сидела или погибла бы. А сейчас делом занимаются, смысл жизни появился, и боевое братство в мирной жизни не распалось. Все друг друга знают, ещё за речкой воевали и тут за товарища готовы жизнь отдать. Слишком пафосно звучит?

— Да нет, — пожал я плечами, — нормально.

— Так и есть, — убежденно сказал Герман. — Многих моих пацанов, осознание, что они нужны команде и помогают своим, от разного дерьма удерживает.

— Это, да, — согласился Сергей. — Люди у нас разные. Кто-то смог пережить и вернуться к нормальной жизни. Кто-то ещё кричит по ночам, способен сорваться и натворить дел из-за пустячного, на первый взгляд, повода. Не у всех психика справилась и могла адаптироваться. Но у всех в душе Афган остался незаживающей раной. И пока мы существуем, она будет болеть. А лица убитых, тела разорванных минами и гранатами пацанов, разбитая техника и горящие кишлаки — стоять перед глазами.

Помолчали пару минут, отдавая дань погибшим за речкой.

Денис вздохнул:

— А я, наверно, после Афгана жить как обычный человек никогда не смогу. Ходить каждый день на работу, получать зарплату, дети, семья, не мое это. Скучно так, что зубы сводит. Я кайф получаю, от чувства опасности, риска, боя, да такого, в котором пули рядом

свишут, и каждый миг может стать последним. После того, как выжил, победил, вообще эйфория захлестывает. Никакой наркотик не сравнится.

Глаза Дениса лихорадочно блестели в полумраке.

Я усмехнулся и с выражением продекламировал:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто среди волненья
Их обретать и ведать мог.

— Здорово, — встрепенулся афганец. — Как точно сказано. Именно это я чувствую. Кто написал?

— Пушкин. «Пир во время чумы», — просветил я.

— Вернемся в Москву, обязательно заскочу в библиотеку, найду этот стих, — пообещал Денис.

В руке командира захрипела рация, прервав разговор.

— Первый, я второй. Как слышно? Прием.

— Второй, я первый. Слушаю тебя.

— Подъехало четыре машины. Вышло человек восемнадцать. У одного под пиджаком заметил приклад обреза. Второй охотничью двустволку из машины достал. Ещё парочка с дубинами. Другие тоже могут быть вооружены. Двигаются через лес. Минут через десять-двенадцать выйдут к вам. Жду инструкций. Как понял, первый?

— Понял тебя, второй, — Герман подобрался, посуровел, в глазах зажегся знакомый холодный огонек.

— Леха, сколько коробок загрузили? — крикнул он.

— Двести шестнадцать, ещё двадцать четыре осталось, — доложил заместитель.

— Отлично, ускоряйтесь, через пять, максимум, семь минут погрузка должна быть завершена, маскируйте груз, и пусть машина уезжает — распорядился немец. — Оставь Гришина считать и контролировать процесс, остальные ребята пусть с грузом помогут. Ты и Воха ко мне, со стволами. Парочку взрывпакетов в «шестерке» возьмите, они в сумочке под сиденьем водителя лежат. Там и «стечкин» с запасной обоймой находится. Леха у тебя ствол при себе есть, отдашь «стечкин» Вохе.

— Хорошо, — кивнул зам.

— Держи, — Леха передал блокнот с ручкой невысокому, юркому парню с живыми глазами. — Досчитаешь и проследишь, чтобы все выполнили приказ командира и убрались

отсюда подалее. И вагон не забудьте закрыть. В наше отсутствие общее руководство на тебе.

— Понял. Всё сделаю, — пообещал Гришин.

Герман поднес рацию к лицу.

— Первый на связи. Третий и четвертый наблюдение сворачиваем, быстро сюда. Второй — продолжаешь контроль обстановки. Когда мы начнём разбираться с гостями, присоединяешься. Как поняли? Прием.

— Третий понял. Выдвигаюсь к вам.

— Четвертый понял. Иду.

— Герман, только без трупов и особого шума, — попросил я. — Нам лишние проблемы не нужны. Главное, уйти, сохранить и реализовать груз. Разбираться потом будем. Тут же, линейный отдел ментовки неподалеку. Если что, сразу сюда прискачут.

— Менты тяжелы на подъем. А те, кто, в линейном на сортировке сидят, уже с утра водкой глаза заливают, я пробивал. Дисциплина ни к черту. Пока услышат, разберутся, откуда шум, мы уже далеко будем. И потом, — лицо немца стало задумчивым, — почему эти бойцы так решительно на разборку идут с обрезам и двустволками? Ментов не боятся? Очень интересно.

— Всё-таки прошу не устраивать здесь Бородинскую битву с массовым побоищем. Нам это в любом случае не нужно, — напомнил я.

— Обещать не могу, но постараюсь, — заверил Герман. — Этих чертей мы сейчас как следует шуганем. В девяносто случаях из ста они просто разбегутся. В десяти, попробуют дать отпор. И тогда придётся действовать жестче. Извини, нет времени продолжать разговор.

— Парни, — повернулся немец к афганцам. — Как только с грузом разбираетесь по машинам. Паша уезжает на завод. Леня, едешь с ним.

Плотный седой мужик лет тридцати пяти, только что перекинувший ящик в грузовик, выпрямился, оттер пот на лбу, оставляя пыльные разводы, и кивнул.

— Миха, ты с Денисом и Серым не пустые?

— Со стволами, — ответил я.

— Отлично. Тогда сопровождаете Пашу и Леню. Едете сзади на некотором удалении. Остальные, как заканчивают с грузом, прыгают в машины, выезжают из сортировки и с обратной стороны подкатывают к лесу, в место, где находятся машины противника. Паркуетесь в метрах ста пятидесяти от них, чтобы не видели, дальше действуете по ситуации. Если пацаны заряжены стволами по самые гланды, уходите. Если нет, бьете в тыл, и помогаете нам паковать уродов. Думаю, к тому времени мы с ними уже разберемся.

Пока Герман говорил, появились дозорные. Первым выбежал невысокий крепыш, контролировавший направление сортировки. Потом из кустов, огораживающих лесную поляну от пустыря, неожиданно возник худой паренек в серой рубашке.

— Все, парни, выдвигаемся, — Леопардыч глянул на часы. — Уже почти пять минут треплемся. Холодняк захватили?

— Обижаетесь, командир, — крепыш засунул руку за спину и продемонстрировал армейский тесак.

«Похоже, сзади был в ножнах», — отметил я.

— Конечно, — ухмыльнулся худой, вытащив из кармана рукоять телескопической дубинки.

— Отлично, тогда бинокли оставьте в «москвиче», там дверцы открыты и идём, устраиваем засаду. Берем в клещи, а дальше, я с Лешей и Вохой работаю с клиентами, вы на подстраховке. Сначала по легкому, а потом, если не поймут, по жесткому варианту.

— Не бойсь, командир, мы всё помним, — заверил зам.

— Тогда пошли. А вы сворачивайтесь быстрее.

Парни избавились от биноклей, сложив их на переднем сиденье «москвича» и сгруппировались около Германа, Лехи и Вохи.

— Двигаем, — скомандовал капитан.

Пять силуэтов, один за другим быстро растворились в лесной чаще.

— Герман просил помочь загрузить коробки, — напомнил Сергей.

— Идем, — кивнул я.

У вагона нас затормозили.

— Серый, Дэн не лезьте, — замахал руками Гришин. — Только мешать будете. Шесть ящиков осталось. Мы сами справимся. Лучше в машину идите. Пашка через минуты три начнёт отъезжать.

— Как скажешь, Вася, — пожал плечами опер.

Когда мы усаживались в «пятерку» со стороны леса приглушенно бахнуло. Затем ещё раз. Внутри у меня похолодело. «Началось».

— Взрывпакетами жажнули, — со знанием дела заявил Денис. — Сейчас командир им жару даст.

Подтверждая его слова, до нас донеслось эхо истошного крика. Грохнул пушечный выстрел, потом ещё раз. Затем хлопнул гулкий винтовочный. С деревьев, испуганно заверещав, вспорхнули птицы. Бахнул ещё один пушечный выстрел. Похоже со стечкина. Теперь до нас доносились крики уже нескольких человек.

— Всё, — голос Гришина заставил нас отвлечься от звуков боя. — Пашка отъезжай, пацаны по машинам, быстро!

Лязгнул поднимаемый борт грузовика. Из-под тентованного кузова на землю прыгнули двое афганцев. Парни, рассыпавшись по поляне, быстро рассаживались в автомобили.

Хлопнула дверь «КАМАЗа» и рядом с водителем уселся Лёня.

Грузовик фыркнул, выплюнув из глушителя клуб грязного черного дыма. Медленно двинулся к грунтовке. Под мощными колесами затрещали сухие ветки.

— Давай за ним, Серый, — Дениса потряхивало от возбуждения, глаза лихорадочно блестели.

— Еду уже, — недовольно пробурчал опер, трогая машину. — Не суетись.

— Парни, держимся сзади в пределах видимости, как Герман просил, — напомнил я.

— Я так и собирался делать, — буркнул опер. — Миша, у меня уши есть, я тоже всё прекрасно слышал.

КАМАЗ, тяжело покачиваясь, выехал из широкой тропы на асфальтированную дорогу, поворачивая направо. Затем двинулся по трассе, медленно набирая скорость. Мы держались сзади так, чтобы не упускать из виду кузов грузовика. Через пару минут одноэтажные хозяйственные постройки депо сменились зеленым ковром деревьев и кустов. Дорога была почти пустая, и грузовик продолжал ускоряться.

— Похоже, ушли, — облегченно выдохнул опер, сжимая руль.

— Ни фига, — крикнул Денис, указывая ладонью. — Смотри!

Откуда-то сбоку, из проселочной дороги, вынырнул юркий темный «жигуленок» и

красиво подрезал КАМАЗ, рванул вперед, и развернулся, перегородив дорогу. Негодующе взвыл клаксон, противно заскрипели тормоза, громко взвизгнули шины, оставляя на трассе жирные черные следы. Кузов трянуло, грузовик чуть не занесло, но машина сумела удержать равновесие, прижаться к обочине и чудом не врезаться в «жигуль», остановившись совсем рядом.

— Что ты делаешь, идиот! — взвыл Денис. — Таранить нужно было к чертовой матери! Поздно. КАМАЗ уже стоял в паре метров от «жигуленка».

Из легковушки выпрыгнули четыре фигуры и на всех парах понеслись к грузовику.

Сергей нажал на газ, и «пятерка», взыв мотором, ускорила.

— Стволы достаем, — процедил я, вытаскивая «макар» и передергивая затвор.

— Я торможу, и берем этих уродов, не миндальничаем, — добавил опер. — Если у них стволы, валим сразу, если холодняк, командуем лечь. Отказываются, простреливаем ноги.

— Без проблем, — хищно ухмыльнулся Денис. Тускло блестевший в полумраке «ГТ» уже находился в его ладони с патроном в стволе.

Кузов КАМАЗА промчался перед нами за секунду. Возле кабины слышалась ругань и звуки драки. «Пятерка» объехала темную «копейку» и сразу затормозила у обочины. Резко клацнули двери, и мы рванулись назад к грузовику, выставив перед собой стволы.

Леня орудовал деревянной дубиной с неистовством берсерка, рычал забористыми матюками, отбиваясь от парочки нападающих, вооруженных арматуриной и туристическим топориком. Седой ежик волос потемнел от крови, красные ручейки бежали вниз, стекая на правую бровь и висок. Ещё двое, полный и худой, прижали к двери отмахивающегося монтировкой водителя и пытались попасть в него палками, наскакивая по очереди с разных сторон.

— Ложись, суки, — заорал опер, но увлеченные сражением бандиты его не слышали.

Хлопнул выстрел. Отморозок с арматуриной обернулся, и сразу пропустил удар в голову дубиной и рухнул навзничь подрубленным деревом, выронив звякнувшую об асфальт железку. Второй, оценив ситуацию, бросил нож и улегся сам, прикрыв руками голову.

Двое, напавшие на водилу, тоже решили не искушать судьбу, последовав примеру подельников. Выбросили палки и плюхнулись на асфальт, кидая на нас опасливые взгляды.

Сволочи, — выкрикнул Паша, подскочил к лежащим, и от души зарядил ногой по ребрам пузатому бандиту. Тот взвыл, и свернулся калачиком, прижав руки к больному месту.

— Пашка, идиот, ты почему не снес это старое корыто? — прорычал Денис. — Совсем что ли, с ума сошел? А ты, Леня, какого хрена допустил, чтобы он затормозил?

— Так я ему и кричал, «рви вперед», — пробурчал седой. — А он мне «казенное имущество, директор убьет». Он наше руководство больше, чем бандитов боится.

— Отсюда нужно сваливать как можно скорее, — опер окинул озабоченным видом трассу. — Не дай бог, милиция пожалует. Только этого нам ещё до полного счастья не хватало.

— А с этими что делать? — поинтересовался Денис — Завалить и сбросить в канаву?

Бандиты испуганно замерли, раскорячившись на асфальте. Даже дышать перестали, ловя ушами каждый звук.

Опер на секунду задумался.

— А ничего. Одного взять с собой для разговора по душам. Остальных вырубить и на обочину выбросить. А из машины пару проводов выдернуть, на всякий случай.

— Так и поступим, — решил я.

— Тогда давайте начинать, — Лёня, прижал ладонь ко лбу, глянул на кровавые разводы и забористо выругался.

— Что, в голову прилетело? — сочувственно поинтересовался я. — Как себя чувствуешь?

— Нормально, — процедил седой. — Вскользь зацепило.

Он подошел к лежащему бойцу, махавшему арматуриной, и оценивающе глянул. Тот лежал неподвижно, раскинув руки. Возле головы отморозка уже накапал маленький ручеек крови.

— В расчёте, — тяжело обронил седой. Положил дубинку на плечо, приблизился ко второму, раскинувшемуся в позе морской звезды в паре метров от своего тесака, ногой отшвырнул нож подальше, в кусты. Нехорошо прищурился и веско заметил:

— Чем раньше начнём, тем быстрее закончим.

— Давайте, — согласился я. — Вы вообще можете уже отъезжать. Только двигайтесь медленно, и больше не останавливайтесь до самого завода, если что. Мы вас догоним.

— Добро, — согласился Лёня, — но прежде...

Он рубанул ножицей в кроссовке, снизу вверх по голове любителя тесаков. Брызнули карминовые капли. Бандит хрипло булькнул и расплылся по асфальту раздавленным тараканом, пятная запыленную поверхность густой темной кровью.

— Вот теперь квиты, — с удовлетворением заявил седой, и пошел к грузовику, по пути прихватив за локоть и подтолкнув к грузовику водителя.

— Ты же его убить мог, — выдохнул я.

— Ничего ему не будет, оклемается, — бросил Лёня, повернувшись. — Таких можно вместо лошадей в телеги запрягать...

Когда бандиты были вырублены, толстый отморозок связан, помещен в багажник «пятерки» с кляпом во рту и заботливо укрыт брезентом, Сергей устроился за рулем, Денис занял место рядом.

Я остановился, открыв дверцу, и оглядел место разборки, прикидывая, ничего ли мы не забыли. Вдалеке показались огни приближающейся машины.

— Миша, не спи, прыгай в тачку, ехать надо, — крикнул Сергей. — Нам ещё грузовик до завода сопровождать.

— Гуд, — сказал я, открыл дверь... и заметил, как неожиданно ускорилась подъезжающая «победа», рванув к нашей «пятерке».

— Мозг осознал надвигающуюся катастрофу за долю секунды. Меня прошибло холодным потом.

— Атас, — закричал я, рыбкой прыгая в кусты на обочине.

Но было уже поздно. «Победа» боком, на полной скорости, столкнула нашу «пятерку» с трассы. Скрежет сминаемого железа, машина с парнями крутнулась юлой, вылетела на обочину и полетела вниз по склону, сминая кусты и небольшие деревья.

«Серега, Денис, млять, да что же это такое?! Только бы пацаны остались живы», — мелькнуло в голове.

Раздавшийся скрежет заставил меня встревожено глянуть вниз. «Пятерка» с вмятиной на боку, стояла неподвижно, врубившись правой фарой в дерево. Капот чуть смялся, но вроде почти уцелел.

Я откатился в сторону, и встал на ноги под прикрытием дерева. Саднила поцарапанная лодыжка. Сделал шаг и почувствовал ноющую боль в ноге. Терпеть можно, скорее всего,

сильный ушиб.

— О, смотрите, прыгун оказывается, здесь за деревом спрятался. Сюда иди, быстро, — скомандовал насмешливый голос.

Я обернулся. Сзади меня на обочине стоял крепкий мужик в бордовой клетчатой рубашке, небрежно помахивая железной дубинкой. Через секунду к нему присоединились ещё трое пассажиров «Победы»: первый — лысый, широкоплечий с наглым взглядом, крутящий в пальцах финку, второй — сутулый и худой со сбитыми костяшками и стальным кастетом на правой ударной руке. Третий — черноволосый, курчавый с насмешливыми холодными глазами держал под мышкой деревянные палочки нунчаков, соединенных черным капроновым шнуром.

— Я кому сказал, сюда иди быстро, шевели булками, ну, — вызверился тип в клетчатой рубашке.

— Да пошел ты, — сплюнул я. Ладонь опустилась на пояс и вместо ребристой рукояти «макарыча», нащупала пустоту. Пистолета не было! Я похолодел.

«При прыжке выпал. Вот это сюрприз, млять. Должен быть где-то недалеко, но времени искать нет».

— Так что, ты к нам поднимаешься, или помочь? — злобно ощерился мужик в красной рубашке.

Мозг лихорадочно просчитывал варианты. Если бы я был один, нырнул бы в зеленые заросли и растворился среди деревьев. Попробуйте, догоните ублюдки. Вся беда была в том, что просто удрать нельзя. Внизу в упавшей «пятерке» были Серега и Денис. Бросить их я не мог. Шансов победить четверых вооруженных холодняком отморозков не было. Значит, лучше всего, подчиниться, потянуть время и действовать по ситуации. А там, возможно, подмога подоспеет.

— Уже иду, — пообещал я, предусмотрительно сворачивая чуть в сторону, чтобы выйти немного в стороне. Бандиты насмешливо наблюдали за мною. Я выбрался на асфальт так, чтобы между ними и мной стояла «копейка».

Сейчас берешь наших пацанов, и бережно укладываешь их в «копейку», — прошипел крепыш в красной рубашке, — сделаешь всё нормально, убивать не будем, просто покалечим немного, чтобы борзым таким не был.

— Хорошо, — кивнул я. — Как скажете, куда их складывать, на заднее сиденье?

— Туда, — ухмыльнулся главарь. — Только ключи возьми, они в замке зажигания должны быть, багажник откроешь и брезент подстелишь, чтобы они кровью салон не заляпали.

— Ладно, — пожал я плечами. — Как скажешь, ты босс.

— Доцик и Сом, спускаетесь вниз, гляньте, что там с машиной. Если необходимо, добейте уродов. А мы с Чичей тут за пассажиром присмотрим.

— Надо бы обшмонать этого типа, — ухмыльнулся боксер. — Мало ли.

— Правильно, — согласился главарь. — Эй ты, подними футболку.

Я повиновался, отметив про себя, что шансы на выживание увеличиваются: с двоими справиться легче чем с четверыми.

— Повернись задом.

Повернулся.

— Выверни карманы джинсов наизнанку. Все содержимое на землю.

Пришлось подчиниться. Об асфальт звякнула связка ключей. С глухим стуком упал

бумажник.

— Отлично, теперь пять шагов назад.

Пришлось отступить.

Главарь подобрал связку ключей, заглянул в бумажник, набитый купюрами, и счастливо улыбнулся:

— Жирный карась в наши сети попался. Калечить не будем, с собою возьмем. Чую, баблишко у него водится, и с нами он охотно поделится, чтобы жизнь и здоровье сохранить. Правда, фраерок?

— Поделюсь, конечно, — кивнул я. — Отчего же не поделиться. Только не фраер я, свой. Два раза срок тянул по сто сорок шестой, и сто сорок четвертой. Ещё сто сорок пятую шили, но не доказали. За меня и моих пацанов с тебя спросить могут, без балды. Охота тебе рамсить? Лучше по краям разойдемся, каждый при своих останется, и я ничего предъявлять не буду. Добазарились?

— Нет, — мотнул головой главарь. — Нам на законы пофиг. Мы вообще «одни на льдине». Сами по себе. Можем тебя с твоими дружками прямо здесь прикопать, и никто ничего нам не предъявит.

— Моё дело предложить, — многозначительно протянул я.

— Предложил? А теперь иди ключ бери, и брезент доставай. Хотя подожди, я передумал. Чича возьми ключи, открой багажник и брезент постели на сиденье.

«Вот сука. Боится, чтобы в багажнике монтировки или ещё что-то в таком духе не завалилось. Опытный гад», — мысленно вздохнул я.

— Айн момент, — ухмыльнулся боксер и метнулся к машине.

— А ты пока тела к тачке тащи.

— Иду, — вздохнул я, и неторопливо двинулся к обочине, где под кустом лежали нокаутированные бандиты.

— А вы чего стали? — гаркнул главарь на своих помощников, — Сом, Доцик, вы не вкурили, что ли? Шевелитесь быстрее!

— Идем уже, не ори, уши вянут, — лениво ответил лысый. Вместе с курчавым они начали медленно спускаться по направлению к машине.

— Чего уши греешь? — обрушился на меня мужик в красной рубашке, — бегом тащи пацанов. Чича уже брезент расстелил.

Я проследил за его взглядом и увидел, что пока главарь переговаривался с Доциком и Сомом, худой со сбитыми костяшками метнулся к машине, расстелил брезент на заднем сиденье и открыл дверь.

Добрался до обочины, до дерева чуть ниже, куда мы стащили тела нокаутированных бандитов, взвалил на плечи самого легкого и понес вверх. Краем глаза увидел, Сома и Доцика, подходящих к поврежденному капоту «пятерки».

Натужно покряхтывая, подошел к распахнутой двери «копейки». Боксер посторонился, насмешливо улыбаясь. Я перехватил бессознательную тушку руками, чтобы аккуратно уложить на сиденье.

«Сейчас я тебя урода, сильно удивлю».

Вопль, раздавшийся внизу, заставил всех на секунду замереть. Очень вовремя.

«Получи фашист гранату»!

Бесчувственное тело ядром катапульты, обрушилось на инстинктивно вскинувшего руки боксера и сшибло его как кеглю. Оказавшись на асфальте, Чича резко откинул тушку в

сторону, но это его не спасло. Влетевшая в челюсть нога, отправила голову отморозка в полет, завершившийся столкновением с боковой частью багажника. Я бил со всей дури, поэтому грохот, с которым башка бандита встретилась с автомобильным железом, на секунду заглушил возню и вопли внизу.

— Ах ты, сука, — главарь рванулся ко мне, замахнувшись дубинкой. Выстрел, потом ещё один, раздавшийся внизу, заставил его затормозить и опасно оглянуться. Я воспользовался этим мгновением в полной мере. Скакнул навстречу, предплечьем левой заблокировал запястье замахнувшейся руки и пробил правый крюк в подбородок, вложив в движение всю энергию разворачивающегося тела.

Глухой звук удара прозвучал в ушах победной музыкой. Голова главаря мотнулась, глаза закатились, и он рухнул лицом вперед прямо в пыльный асфальт.

Я перепрыгнул нокаутированного бандита, и рванул со всех ног к обочине. Открывшаяся картина, заставила меня облегченно выдохнуть, а сердце радостно застучать.

Оба моих товарища были изрядно потрепаны, но живы, контролировали ситуацию и похоже, не получили серьезных повреждений.

Сергей водил дулом «ТТ», держа под прицелом распростертых на земле бандитов. Периодически он стирал ладонью кровавый ручеек, сочившийся из рассеченной брови. Денис в порванной рубахе бежал вверх, поднимая парабеллум. Спешил мне на помощь, ловко перепрыгивая ямы и небольшие холмы.

Свет фар приближающихся машин заставил меня развернуться. Знакомые «волга» и «запорожец», затормозили, не доезжая до меня нескольких метров. Захлопали дверцы. Из машин выскочили Герман, Воха, Леха и ещё несколько афганцев. В руке у немца блеснул воронением «стечкин».

— Все живы-здоровы? — отрывисто бросил Леопардыч.

«Переживает за ребят. Настоящий командир», — машинально отметил я.

— Не молчи! Отвечай, — рявкнул немец, приближаясь.

— Все нормально, — криво усмехнулся я. — Отбились. Серый и Денис в порядке. Можешь сам глянуть.

Я указал вниз.

Командир глянул, мгновенно оценил обстановку и успокоился. Приветственно махнул рукой, улыбнувшись и остановившемуся Денису.

— Где грузовик? — спросил он тоном пониже.

— Вперед поехал. Теперь нигде не останутся, до самого завода. Мы за ним выдвинуться должны были, но нас эти отморозки задержали. Что у вас?

— Всё нормально у нас, — усмехнулся Герман. — Главного и двоих самых активных с собой прихватили. Будем беседовать с ними по душам. Остальным популярно объяснили их неправоту. Убить не убили, но троим руки сломали, двоим — ноги. А кое-кто будет пару недель кровью ссать. Идиоты. Хотели нас взять охотничьим ружьем, обрезом, древним наганом и холодняком. Мы им жару задали. Сначала взрывпакетами встретили, потом пришлось пару раз выстрелить. Всех носом в землю положили, блиц-допрос провели, главаря и его подручных выявили.

— Кто навел? — выдохнул я самый важный вопрос.

Герман сделал паузу. Я с тревогой ждал ответа.

— Блиц-допрос в полевых условиях ограничен по времени, — наконец соизволил ответить он. — Поэтому мы на другом сосредоточились. Состав, оружие, количество, места

дислокации. Но и о наводчике кое-что проскользнуло. Пока говорить ничего не буду, могут врать. Мы их на базу отвезем, там Леха предметно пообщается с каждым, сравнит показания, и я тебе всё расскажу. А потом и до наводчика дело дойдет.

Два года спустя. Нью-Йорк. США. Аэропорт Кеннеди. Август 1989-го года

— Миха, я поверить не могу, — потрясенно пробормотал Олег, отрываясь от иллюминатора. — Мы в Америке. Такое ощущение, что я сплю.

Внизу под крылом самолета проплывали башни бизнес-центров, жилые многоэтажки, высоченные сооружения отелей. Нью-Йорк с высоты птичьего напинал гигантский каменный муравейник. Длинные квадратные небоскребы деловых центров с плоскими крышами чередовались со зданиями в готическом стиле, ошестинившимися стрелами куполов, причудливо изгибающимися высотками, и похожими на длинные башни-гусеницы жилыми многоэтажками. Казалось, высотные дома и сооружения занимали каждый квадратный метр города, оставляя жителям узкие ленты переходов, между грозно нависшими над мостовыми гигантскими сооружениями из стекла и бетона.

— Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, — усмехнулся я. — Я же тебе говорил, что так и будет. Мы — официальные миллионеры, владельцы крупных кооперативов, а в будущем и заводов, газет, пароходов. Мне нужно верить. Правда, Анна?

— Правда, Михаил Дмитриевич, — невозмутимо ответила секретарь. — Я всегда вам верю, и другим рекомендую.

— Прямо доверчивая Красная Шапочка, — ухмыльнулся немного погрузневший Саня. Лицо товарища округлилось, приобрело холеность и надменность, свойственную богатым и уверенным в себе людям.

— А если Миша тебя обманет? — продолжил он. — Например, коварно напоит, поимеет и бросит? А потом даже с работы уволит, чтобы глаза не мозолила. И будешь ты, как старуха в сказке Пушкина, сидеть и рыдать у разбитого корыта.

— Ваши фантазии, можете оставить при себе Александр Анатольевич. Во-первых, Михаил Дмитриевич на такое не способен. Он ценит меня, прежде всего, как отличного сотрудника, — холодно парировала секретарь. — Во-вторых, я закончила МГИМО с красным дипломом. В совершенстве владею английским и немецким. Отлично знаю делопроизводство, нестандартно мыслю и умею работать, в чем Михаил Дмитриевич многократно убедился. Так что, даже если допустить, что ваши выдумки станут реальностью, у разбитого корыта, как вы говорите, не останусь. И рыдать тем более, не буду. Всегда найду себе хорошую работу с большой зарплатой и возможностью карьерного роста.

— Подтверждаю, — улыбнулся я. — Анна — умница, отличный специалист и просто красotka. Я без неё как без рук.

Девушка гордо встряхнула головой, поправила упавшую на глаза каштановую прядку и откинулась на кресло. В темно-бордовом брючном костюме, она выглядела просто неотразимо. Длинные ноги, талия, которую можно обхватить ладонями, тонкие кукольные черты лица, вишнёвая помада, искусно подкрашенные выразительные голубые глаза, сверкающие холодными бриллиантами. Холеные изящные ладошки с таким же вишневым лаком на длинных ноготках. На тонком правом запястье сияли соединенные между собой узорчатые сердечки браслета ручной работы. На правом блестели миниатюрные часы «Картье». Браслет был из желтого золота, сделанный одним из лучших московских

ювелиров. Часы — из белого, куплены в Париже, куда наша секретарь летала с Каринэ по рабочим делам.

Умная, уверенная в себе, держащая дистанцию с простыми смертными бизнес-вумен с отличным вкусом и индивидуально подобранным стилем. В прошлой жизни насмотрелся на таких женщин, ворочающих миллионами, без малейших рефлексий уничтожающих конкурентов, мешающих карьере.

— От скромности, твоя Анна точно не умрёт, — дружески пихнул меня локтем десантник.

— Скромность Олег Владимирович, сейчас не котируется, — заметила Анна. — Наступили новые времена. Себя надо ценить и уметь рекламировать. Иначе всю жизнь будешь жить в убогой хрущобе с мужем-алкоголиком, ходить в одном мамином платье, стоптанных стареньких туфельках, считать последние копейки до зарплаты. Я так не хочу. Не для того, горбатилась над учебниками в МГИМО, изучала языки, экономику, право и делопроизводство.

— Что, съел? — ухмыльнулся я. — Наша Анна знает, чего хочет от жизни.

Десантник только иронически хмыкнул и снова уставился в иллюминатор.

Городская застройка сменилась малоэтажными зданиями, утопающими в зелени, окруженной небольшими водоемами.

— К Куинсу подлетаем, — отметил я. — Скоро посадка.

— Какому Куинсу? Мы в Нью-Йорке сесть должны, — удивился Саня.

Я улыбнулся:

— Куинс — это и есть Нью-Йорк. Район на юго-востоке города, где и расположен аэропорт Кеннеди. Кстати, Анна, как я понял, отель забронирован, а в аэропорту нас будет встречать машина?

— Конечно, — сразу же откликнулась секретарь. — Мы с Каринэ Ованесовной все подготовили. Для вас Михаил Дмитриевич забронирован «люкс» в отеле «Плаза» и отдельный двухместный «полулюкс» для Олега Владимировича и Александра Анатольевича.

— А ты где будешь жить? — поинтересовался Саня.

— В стандартном номере, Александр Анатольевич, — ответила секретарь. — Другого мне по статусу не положено. Разрешите продолжить?

— Разрешаю, — барственно махнул ладонью Саша. — Продолжай.

— Возле аэропорта нас будет ждать лимузин. Всё оплачено. Деньги переведены с нашего валютного счета. Отелю и прокатному бюро высланы факсы-подтверждения с платежками.

— И сколько нам всё это счастье обошлось? — саркастически хмыкнул десантник.

— Я сняла три номера. Михаил Дмитриевич будет жить в номере «люкс» — тысяча пятьсот долларов в сутки, — проинформировала секретарь. — Ваш — «полулюкс» на двоих за тысячу. Мой, стандартный — за семьсот. Аренда лимузина — триста долларов с простоем. Итого, учитывая, что номера сняты на четверо суток: тринадцать тысяч сто долларов.

— Сколько, сколько? — Саня выпучил глаза — Вы чего, там совсем обезумели? Такие деньжищи транжирить?!

Десантник тоже выглядел ошарашенным. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, глянул на меня и мудро промолчал.

— Успокойтесь, — ухмыльнулся я. — Я в курсе расходов и полностью их одобрил. Мы

прилетели в финансовую столицу мира, чтобы заработать миллиарды. Без сотрудничества с местными представителями деловой элиты, это невозможно. Чтобы вести переговоры с акулами Уолл-стрита, адвокатами и другими представителями мира бизнеса, мы должны выглядеть респектабельно, показать, что у нас есть деньги, и все наши проекты не являются плодами фантазий голодранцев. Пусть думают всё что угодно, считают нас сумасшедшими русскими простаками, транжирящими деньги, которых можно легко облапошить, это нам только на руку. Теперь что касается расходов. Олежка, сколько мы заработали с начала года?

— Не помню точно, — пробормотал сконфуженный десантник. — Несколько миллионов? Я не считал. Ты же знаешь, я больше безопасностью и кадрами занимаюсь.

— Несколько миллионов, — передразнил я. — Не считал он. Докладываю. У нас первый оптовый кооператив «Ника» по продаже модной западной одежды. Сеть филиалов в Украине, Грузии, Прибалтике. Плюс несколько кооперативных магазинов в центре Москвы, открытых на родственников. Производство «варёнки» под Москвой. На запад мы, благодаря сотрудничеству с БРАЗ, продаем алюминий, официально, мусор, отходы производства. Пару раз через границу перегнали редкоземельные металлы. И это только малая часть нашей деятельности. На подходе регистрация своего банка «Елизаровский». Наш кооператив «ОСМА-авто» уже три месяца продает автомобили ВАЗ и подержанные иномарки. Приходится отстегивать директору ВАЗа и начальнику УПДК, но это уже мелочи. Машины разрывают, очередь на них стоит на пару месяцев вперед. Кооператив «НКТ-сервис», торгующий компьютерами и программным обеспечением, завален заказами от заводов. Как минимум, до конца года можно новые не искать. От некоторых заказов приходится даже отказываться. Только официально, с начала года мы получили рублевую прибыль девятнадцать миллионов двести сорок три тысячи рублей. Это то, что было проведено по бухгалтерии. На последнем совещании об этом подробно рассказывали. Но тебя почему-то там не было.

— Я с Сергеем мотался в Ленинград к Герману. Посмотреть, как работает наш совместный проект «Бастион охрана», — буркнул Олег. — Мы же хотим в Москве такой же охранный кооператив открыть. Я же тебе докладывал.

— Знаю, — вздохнул я. — Ладно, к этому вопросу мы ещё вернёмся позже. Так вот кроме «белых» восемнадцати миллионов, черным налом, который нигде не отражен, мы заработали тридцать семь миллионов. За исключением процента в нашу кассу эти деньги будут разделены между учредителями, после нашего приезда из Америки. Плюс на валютный счёт от наших зарубежных партнеров только за последний квартал поступило сто тридцать семь тысяч зеленых, после вычета налогов и комиссии. Напоминаю, что в Швейцарии на моё имя в «Кредит Свисс» открыт номерной счёт, на который в прошлом месяце пришел очередной транш — триста шестьдесят четыре тысячи долларов. Это неофициальная маржа от сделок с алюминием и редкоземельными металлами. После поездки в Америку, мы, как договорились, летим в Швейцарию. Благодаря нашему куратору, дорогому во всех смыслах, Филиппу Денисовичу, чтоб наше бабло у него в глотке застряло, проблем с визами, как вы знаете, не возникло. Прибываем в Цюрих и открываем тебе и Сане отдельные счета, я перечисляю вам ваши доли. А это, на минуточку, по пятьсот двенадцать тысяч баксов на брата. И ты ещё будешь делать мне нервы из-за копеек, которые мы потратили на отель и машину?

— Молчу, молчу, — десантник картинно прикрыл рот рукой. — Был не прав, исправлюсь, виноват.

— А Ашоту когда перечислишь? — поинтересовался Саня.

— Наш коммерческий директор подсуетился заранее, — улыбнулся я. — И пока вы мотались по стране, контролируя работу кооперативов и выполняя мои поручения, он два месяца назад вместе с Каринэ смотался в Швейцарию и открыл счет в том же банке, что и я. Так что свои денежки он давно получил...

Самолет мягко приземлился и покатился по взлетной полосе. Пассажиры зашевелились, доставая сумки, дипломаты и саквояжи из верхних полок.

— Берем сумки и на выход, — скомандовал я, когда очередь потянулась к выходу.

Эффектная молоденькая стюардесса в голубой форме, провожающая пассажиров, обворожительно улыбнулась нам, сверкнув белоснежными зубками, и промурлыкала:

— Спасибо, что выбрали компанию «Американ Эйрлайнс». Мы будем рады снова увидеть вас на борту нашего лайнера.

— И вам спасибо, — любезно ответил я. — Мы, в свою очередь, с удовольствием воспользуемся вашими услугами ещё раз.

— Что она сказала? — поинтересовался Саня, не знавший английского.

— Поблагодарила за выбор авиакомпании. Сказала, что с удовольствием встретит нас на борту снова, — перевела Анна. — А вообще, Александр Анатольевич, стыдно человеку вашего уровня не владеть английским.

— Прилетим, начну учить, — буркнул покрасневший Саня.

Таможенник за стеклом, встретил нас хмурой физиономией. Но придирается не стал. Поочередно побеседовал с каждым из нас. Начал с меня. Сличил фотографию на паспорте с оригиналом, задал несколько шаблонных вопросов: с какой целью приехали в Америку, имеются ли в наличии наркотики и другие запрещенные вещества, сколько намереваетесь здесь пробыть. Получил ответы, шлепнул печать в паспорт, и разрешил пройти. После такой же процедуры пропустил остальных. В большом зале аэропорта нас уже ждали. Полный латиноамериканец в черном костюме и фуражке, держал в руке большой плакат с надписью «Michael Elizarov», нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. К нему мы и отправились.

Латинос представился Диего Сантосом, водителем арендованного лимузина. Он старался изобразить искреннюю улыбку, но она смотрелась настолько фальшиво, что я еле сдержался, чтобы не попросить, перестать корчить идиотскую рожу.

Сумки наши мы Диего нести не доверили, несмотря на его настойчивые просьбы. Немного надувшийся водитель отвел нас к своему лимузину. И если я, привычный к машинам «лакшери» класса, отреагировал спокойно, то Саня и Олег не удержались.

— Вот это да, — восхищенно пробормотал Саша, ощупывая взглядом огромный, сияющий белоснежным лаком, «линкольн-таун-кар». — Это не машина, а поезд какой-то.

— На таких миллионеры ездят? — спросил у меня Олег. Глаза товарища возбужденно блестели, рот растягивался в непроизвольной улыбке.

— Ага, — флегматично ответил я. — Такие как мы.

Водитель презрительно скривился, увидев эмоции товарищей, но заметил мой взгляд и сразу принял невозмутимый вид.

Саня и Олег плюхнулись на мягкие кожаные сиденья, рассматривая обстановку, а когда машина двинулась, сразу намертво прилипли к окнам. Парни провожали восторженными взглядами светящиеся витрины магазинов, радовались как дети, увидев огромные плакаты «Кока-Колы». Они с живым интересом рассматривали потоки необычных машин и толпы пешеходов. Здесь был настоящий Вавилон. В людской массе прохожих мелькали черные,

метисы, латиносы, азиаты, арабы, иногда попадались даже экзотические индусы и индейцы с каменными лицами. И вся эта публика, одетая в строгие деловые костюмы, яркие футболки, разноцветные джинсы, мини-юбки, вечерние платья, длинные до пят национальные одеяния, спешила по своим делам.

В отличие от моих товарищей, Анна оставалась полностью невозмутимой. Девушка откинулась на спинку сиденья, и расслабилась, прикрыв глаза.

— Анна, неужели тебе не интересно? — любопытствовал я.

— Нет, Михаил Дмитриевич, — ответила секретарь.

— Почему?

— Михаил Дмитриевич, вы, наверно, забыли, что я из семьи дипломатов, и неоднократно была за границей. В первый раз, действительно, смотришь, не отрываясь, восторженно открыв рот. А потом это банально надоедает и вызывает скуку. Я бы с большим удовольствием понежилась сейчас на белом песочке у океана вдали от больших городов.

— Как знать, может, и махнем в Майами на пару дней, — усмехнулся я. — Дела сперва сделаем, а потом и к океану прокатимся.

Машина тем временем, неторопливо притормозила, подъезжая к центральному входу в отель.

— Ого, — восхищенно присвистнул я. Величественное белое здание устремлялась острыми шпилями пентхаусов ввысь, и тонуло в синеве безоблачного неба.

— Я в вашем распоряжении до девяти вечера. До истечения времени аренды буду ждать на стоянке у отеля, — напомнил водитель.

— Договорились, — кивнула секретарь. — Возможно, через час нам понадобятся ваши услуги.

К машине, тем временем подскочил бой в униформе и буквально выдрал у недовольной Анны саквояж, а у нас пару объемистых сумок, сложил их в тележку, и горделиво выгнув спину, покатил её за нами. Холл поразил меня царской роскошью. Царство сверкающего хрусталя, сияющего мрамора, позолоты и бархатных портьер. Дизайнер, сотворивший это чудо, явно был поклонником европейских монархов эпохи Возрождения, возводивших дворцы и создававших интерьеры в помпезных стилях рококо и барокко.

Пока я рассматривал холл, Анна быстро рассчиталась с боем, сунув ему десятку баксов, перекинулась несколькими словами со смазливym пареньком на ресепшене, и озабоченно нахмурившись, позвала меня.

— Михаил Дмитриевич, можно вас на пару минут?

— Какие-то проблемы? — поинтересовался я.

— Никаких. Бронь действительна. Номера подготовлены для вселения. Но есть одна странность.

— Какая?

— Исаяя, — девушка кивнула на администратора, — просит вас пройти в переговорную комнату. Там вас ждут.

— Кто? Я пока ни с кем о встрече не договаривался, — удивился я.

— Это очень важно, мистер Елизаров, — влез в разговор администратор. Русского он не знал, но по моей озадаченной физиономии догадался о сути разговора.

— Вам обязательно нужно пройти в комнату для переговоров. Я вас провожу.

— Хм, зачем? — я нахмурился. Происходящее мне всё больше не нравилось.

— Так надо, — продолжал стоять на своем администратор. — Это, повторяю, очень

важно для вас.

— Ладно, — пожал плечами я. Ну не убьют же меня там, в самом деле. К тому же было жутко интересно, кому я вдруг понадобился в Нью-Йорке.

— Но пройду я не один. Со мной будет секретарь и компаньон. Договорились?

— Просили, чтобы зашли только вы, — парень выглядел совсем несчастным и нервничающим. — Очень просили.

— А мне безразлично, кто и о чем вас просил, — хладнокровно заявил я. — Мне на это наплевать. Или я иду с компаньоном и секретаршей, или вообще не иду. Что вы выбираете?

— Минутку, — пробормотал администратор, снял трубку телефона, несколько раз стукнул пальцами по клавишам, дождался пока на том конце провода снимут трубку, и начал докладывать:

— Мистер Брайен, это Исая Тревверс. Мистер Елизаров прибыл. Один идти в комнату для переговоров не хочет. Только с компаньоном и секретаршей. Проводить?

Выслушал ответ, отвернувшись от нас и прикрыв микрофон рукой.

— Хорошо, я провожу.

Положил трубку на рычаг, крикнул:

— Сандра.

Девушка, стоящая на другом конце ресепшена, обернулась:

— Чего тебе?

— Побудь пока здесь одна. Мне нужно проводить гостей в переговорную комнату.

— Хорошо, — кивнула девчонка. — Только недолго.

— Олег, пойдешь с нами, — скомандовал я. — А ты Саня, пока посиди в холле...

Переговорная комната оказалась в конце длинного небольшого коридорчика. Администратор распахнул дверь и посторонился.

— Проходите.

Я сделал шаг вперед, заметил мелькнувший в глазах парня страх и насторожился. Но сделать ничего не успел. Дверь технического помещения сзади, резко распахнулась, отбросив Олега в сторону. Испуганный вскрик Анны резко оборвался. По плитке частой дробью застучали каблуки.

Я стал разворачиваться, получил профессиональный удар по почке и согнулся от боли. Крепкая рука схватила за шиворот и шваркнула меня об стенку. В затылок уткнулся холодный ствол пистолета.

— Не двигаться! ФБР.

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

Больше книг на сайте - Knigoed.net

На Валиховском переулке в Одессе располагался морг. Отправить в Валиховский переулок — обещание убить.

Айо — да (армянск).

Винт — жаргонное название наркотика, приготовленного в домашних условиях. Состав из нескольких наркосодержащих препаратов. Впрыскивается в вену посредством инъекции.

Гоп-стоп — грабеж.

Баланду травит — врёт.

Катать — играть в карты.

Коцаные стирь — меченые карты.

Кипиш — шумная разборка.

Катя (жаргон) — сторублевка.

Одни на льдине, челюскинцы (феня) — уголовники, не принадлежащие ни к одной из группировок.

Толкать фуфло, гнать (феня) — врать.

Понятия — свод негласных правил и законов среди уголовников.

Скрысятничать — обмануть, обворовать, кинуть своего.

Կներեկ хари — прости, отец (армянск.).

Жира излишки довлеют над нами — пародия на «Варшавянку» неизвестного автора.

Тикин — уважительное обращение к женщине (армянск.).

Предвижу, что у читателей может возникнуть когнитивный диссонанс при описании дома Тенгиза, и эмоциональное возражение: «при Союзе цеховики/воры/бандиты так не жили и позволить себе подобные дома не могли».

Рекомендую, почитать, какой при СССР (правление Мжанавадзе и Шеварднадзе) была Грузия, которую называли единственной «капиталистической республикой» в социалистическом СССР.

Читателям, интересующимся уровнем жизни и возможностями грузинских цеховиков-миллионеров, советую поискать информацию об Отари Лазишвили, владельце трех (!!!) крупных подпольных фабрик, бывшим в то время, наверное, самым богатым человеком Советского Союза. И остальной Кавказ (от местности и города зависело) не особенно сильно отставал от Грузии.

Растрата с криком (феня) — разбой.

Бочина (феня) — крупная ошибка.